

Союз краеведов России. Псковское региональное отделение
Администрация Островского района
МБУК «Островская Центральная районная библиотека»

ДВЕНАДЦАТЫЕ (XII) ПСКОВСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том I

*Материалы региональной научно-практической конференции
г. Остров, 7–9 октября 2022 года*

Псков · 2023

УДК 908
ББК 28.89
Д42

Редактор-составитель — Т.В. Вересова
Соредактор (8 статей) — Е.С. Клевцова

Д42

Двенадцатые (XII) Псковские региональные краеведческие чтения. Материалы региональной научно-практической конференции, состоявшейся в г. Острове Псковской области 7–9 октября 2022 г. Том I. — Псков, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-0062-4867-0 (Том I)

ISBN 978-5-0062-4871-7 (серия)

Сборник составлен на основе докладов, прочитанных на секциях «Имя в истории края, России» и «Краеведческое движение в современной России». Чтения посвящены 250-летию образования Островского уезда и культурно-историческому и природному наследию Псковской земли, путям и проблемам его сохранения. В сборнике представлены статьи, в которых содержится малоизвестная или новая информация, в большей степени из столичных и региональных архивов.

УДК 908
ББК 28.89

ISBN 978-5-0062-4867-0

ISBN 978-5-0062-4871-7

© Союз краеведов России.
Псковское региональное отделение, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Версова Т.В.,
председатель Псковского регионального
отделения Союза краеведов России

ЧТЕНИЯ В ЦИФРАХ И ЭМОЦИЯХ...

Прошедшие в Острове региональные Краеведческие чтения мы, как уже повелось, восприняли как праздник — и мне долгое время приходили восхищённые письма с воспоминаниями о нём, потому я — в первую очередь, по праву и справедливости, — хочу здесь («Что написано пером — не вырубишь топором!») поблагодарить ещё раз тех, кто организовал этот праздник. Краеведов, естественно, собрала я, а вот принимали нас островичи, и я переадресовываю нашу благодарность — безграничную, искреннюю — им: **Юлии Анатольевне КОЛПИНСКОЙ**, первому заместителю Главы Островского района (**Дмитрий Михайлович БЫСТРОВ**, Глава района, находился в командировке); **Ларисе Владимировне ИВАНОВОЙ**, заместителю Главы района по социальным вопросам; **Маргарите Руслановне ХАЖМУРАТОВОЙ**, председателю Комитета по культуре; **Татьяне Петровне АНДРЕЕВОЙ**, директору Островской Центральной районной библиотеки; **Надежде Юрьевне НИКИФОРОВОЙ**, директору Центра культуры «Юбилейный»; **Петру Михайловичу ГРИНЧУКУ**, директору Военно-Исторического музея-заповедника, и **Наталье Васильевне СУББОТА**, его заместителю, а также **Людмиле Ивановне ИЛЬИЧЁВОЙ**, председателю региональной общественной организации «Общество истории и культуры Островского уезда» и члену ПРО СКР, и **Алле Алексеевне ВАСИЛЬЕВОЙ**, прекрасному фото-летописцу города Острова и нашей конференции (библиотекаря ЦРБ). Постоянные участники наших Чтений отметили особо красочное оформление (баннеры) и «фирменные», с символикой Союза краеведов России и Острова, пакеты (и их содержимое) — это бескорыстная помощь **Валентины Александровны ЛЮБИЦКОЙ (Петербург)**. По традиции, я передаю сборники наших конференций в библиотеку Союза краеведов России, с 2019 года — в Центр краеведения, москвоведения и крымоведения (при Институте Наследия), который создал Владимир Фотиевич Козлов, 10 лет возглавлявший Союз краеведов России, куда и «переехала» библиотека СКР. Так вот, я выслала в НИИ Наследия 1-й том сборника наших XI Чтений (представляла его в Острове) и «фирменные реквизиты» XII Чтений — то, что подарила всем нам В.А. Лю-

бицкая. Тут же получила ответ Александры Геннадьевны Смирновой, заместителя В.Ф. Козлова по СКР и Центру краеведения: «... Сборник хороший и то, что обложка тонковата, — ничего. Он очень хорошо выглядит внешне, а содержание — как всегда, очень интересно. **И Вы нас потрясли блокнотом и пакетом — хоть это и сопроводительные вещи, но выглядят отлично, очень солидно и со вкусом. Вы как всегда — на высоте! Очень рады, что с Чтениями этого года всё у Вас сложилось...**».

Все три дня пролетели (именно так!) на одном дыхании, какое только возможно у единомышленников, связанных одной целью, а порой и судьбою, — искренне и душевно, оттого и незабываемо! Тон всей конференции был задан уже в первые минуты её открытия выступлением театрального коллектива «Маска» ЦК «Юбилейный» (руководитель **Татьяна Викторовна Гараничева**) — все номера удивительно гармонировали с тематикой конференции: Отечество и отчий край. Не остались в долгу и мы: на Пленарном заседании и на секциях уже в 1-й день работы конференции прозвучало 10 докладов по истории Островского уезда. Общий итог таков: из 50 докладов (учитываю лишь предоставленные к публикации) 28 было посвящено культурно-историческому наследию Островской земли — в большей степени новые данные, дотоле нигде не публиковавшиеся. А участников Чтений было почти 80, с учётом содокладчиков, «вольнслушателей» (членов нашего Краеведческого сообщества), приехавших из Печор, Порхова, Дедович, Пскова, и тех, кто представлял свои новые книги: они не оформили свои презентации в статьи (Дроздов П.И., Горбачёв Н.А., Цветков Н.А. и другие). На Пленарном заседании мы продолжили традицию Чтений — передавать эстафету следующей конференции: в этот раз её приняла Кристина Викторовна Кобызь, председатель Комитета по туризму и приграничному сотрудничеству Администрации Пскова, — значит, в 2023 году Чтения состоятся в Пскове.

Не изменили мы и другой традиции: принимать в свои ряды новых членов — на сей раз им стал Сергей Владимирович Бувакин, учитель истории Плюсской средней школы. На сегодняшний день в ПРО СКР нет представителей Дновского, Палкинского, Красногородского, Себежского и Усвятского районов, однако это не значит, что на конференциях не звучат доклады по их истории, — доказательством тому служат и нынешние Чтения.

Хочу ещё раз подчеркнуть: начиная с 2010 года, докладчиков я находила (часто они «находились» сами) на Всероссийских краеведческих чтениях или на «Встречах на Никольской» (Историко-ар-

хивный институт РГГУ), где руководство СКР каждую последнюю пятницу месяца проводило встречи исследователей истории своей малой родины. И с 2010 года уже на наших конференциях посланцы различных регионов страны и республик Прибалтики находят специалистов в изучении своего родного края — так мы восстанавливаем и обогащаем историческую память. Возвращаясь в Остров, напомним событие, которое тронуло меня, как говорится, «до глубины души». Организаторы чтений преподнесли нам очередной подарок: после экскурсии в один из отделов Военно-исторического музея (экскурсию провёл сам Пётр Михайлович Гринчук) для нас был дан ужин в ресторане, и не просто ужин: солистами группы «Островітiх» (руководитель **Гараничева Т.В.**) была подготовлена специальная программа — к микрофону вызывали и нас... Атмосфера вечера оказалась столь доверительно-близкой, что в перерыве кое-кто начал «брататься»: например, Любичка В.А., Ю.А. Колпинская и Л.В. Иванова вдруг определили, что их «корни» произрастали по соседству; совершенно неожиданно обнаружили даже общие события и имена — и радости не было предела, словно встретились родные люди, давно не видевшие друг друга! Времени для общения нам не хватило — дискуссии продолжились в гостинице, после них — прогулка по ночному городу, к светящимся цепным мостам XIX века, храму Николая Чудотворца XVI столетия... Гуляли по спящему Острову представители Петербурга, Москвы, Саратова, Челябинска, Пушкинских Гор, Печор, Пскова, Струг Красных...

На подъёме прошёл и 2-й день секционных заседаний, и экскурсия в Исторический отдел музея, что «на островке». Об итогах Чтений, которые мы подводили в Доме детского творчества, и экскурсиях в 3-й день я расскажу во втором томе сборника... Расставаться, хоть и на год, было тяжело...

ИМЯ В ИСТОРИИ КРАЯ, РОССИИ

Чернов Р.Г.,

Союз краеведов России

Псков, Россия

e-mail: kuschey2006@yandex.ru

СУДЕБНОЕ ДЕЛО ДЕНИСА ИВАНОВИЧА ФОНВИЗИНА: ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ФАКТЫ

Аннотация. В статье приведена историография изучения периода судебной тяжбы литератора Д.И. Фонвизина, впервые представлены авторские переводы с польского языка неизвестных ранее источников, обозначен и исправлен ряд ошибок предшествующих исследователей.

Ключевые слова: Себежский уезд, Дриссенский уезд, Нищанское войтовство, Лиснянское войтовство, имение, дворянская усадьба, Рыково, Изубрица, Денис Иванович Фонвизин, Фридрих Георг Медем, Иван Андреевич Банк.

Вопрос о судебном деле писателя Дениса Ивановича Фонвизина, несмотря на то, что к нему периодически обращались исследователи в разное время, по-прежнему остаётся белым пятном в биографии автора «Недоросля» и «Выбора гувернёра». Так, первый библиограф Д.И. Фонвизина — князь Пётр Андреевич Вяземский, — хоть и имел в своём распоряжении небольшую запись о судебном процессе и копию договора секретарей Никиты Ивановича Панина о границах полученных ими от своего начальника имений, не стал использовать ни тот, ни другой документ в своей биографической работе «Фон-Визин», ограничившись лишь самыми общими формулировками о тяжбе [9]. Некоторые подробности обозначил в своих «Записках...» друг, партнёр в торговых делах, а в дальнейшем и эконом Фонвизина — Герман Иоганн Клостерман [11]. Глубокое исследование вопроса в своём очерке «Судебное дело Дениса Фонвизина» провёл белорусский публицист Семён Владимирович Букчин. В нём исследователь, в первую очередь, опирался на «сенатское дело»¹, отражающее ход рассмотрения тяжбы

¹ Сенатское дело – РГИА, ф. 1347 «Третий (апелляционный) департамент Сената». Оп. 64, д. 166, имеет в описи заголовок «Действительного статскаго советника Дениса Ивановича Фонвизина с бароном Федором Антоновичем

на её конечном этапе. К сожалению, за неимением у автора других источников, он делает ряд умозаключений, которые расходятся с вновь обнаруженными в фондах ГАПО материалами, отражающими реальный ход судебного процесса в Себежском уездном суде. Помимо этого, ряд выводов оказался ошибочным ввиду недостаточной проработки правового и географического аспектов.

Первым этапом является получение Д.И. Фонвизиным владений, ставших впоследствии предметом тяжбы. Их изначальная история аналогична уже рассмотренной нами ранее² истории имения Аннинское Себежского уезда, поскольку, как и Аннинское, эти земли входили в состав Полоцкой экономии. В 1772 году при первом разделе Польши последний владелец Нищанского, Лиснянского и Клещинского войтовств Кшиштоф Немирович-Щит отказался присягать на верность императрице Екатерине II и его имения были конфискованы в пользу казны. В следующем году за труды в воспитании цесаревича Павла эти земли, в числе прочих наград, были пожалованы графу Н.И. Панину. Ещё через год, в 1774 году, он разделил упомянутые земли трёх войтовств между своими секретарями: Денисом Ивановичем Фонвизиным — *«в Нищанском войтовстве ... Залуцкий десяток содержащий в себе тысячу сто восемьдесят душ»*, *«... из Лиснянского войтовства, по силе сего нашего раздела, достаться и принадлежать имеют деревни Березавец, Добрепесо и Изубрица»* [7]; Петром Васильевичем Бакуниным (меньшим) — *«в том же Нищанском войтовстве на Окулинский десяток, содержащий в себе тысячу восемьдесят одну душу достаться имеют»*, *«из того же Лиснянского войтовства достаться имеют деревни Заезерье, Ордавец, Миллиони, Малашково, Залуچه, Лисно и Черновки»* [7]; и Яковом Яковлевичем Убри — *«в разсуждении уравниения числа душ, мне упомянутому из того равнаго раздела досталось все Кляшицкое войтовство девяност девять десят две души в себе заключаю-*

Медемом о контракте» и включает в себя: 1. Всепокорнейшее доношение Себежского уездного суда в Сенат от 1 февраля 1797 г.; 2. Рапорт Белорусского губернского правления от 29 августа 1798 г. в Сенат об исполнении указа № 2639 от 8 июля 1798 г. о наложении пени на Себежский уездный суд; 3. Резолюция Сената от 13 октября 1798 г. о правильности наложении пени на Себежский уездный суд.

² См. *Чернов Р.Г.* Бакунинский период в истории имения Аннинское Себежского уезда / Р.Г. Чернов // Девятое Псковские региональные краеведческие чтения. Том II. Материалы научно-практической конференции, пос. Бежаницы Псковской области 11–13 октября 2019 года; редактор-составитель Т.В. Вересова. Псков: Псковский государственный университет, 2019. С. 141–150.

щю, да весь Хоцимицкий десяток двести пятьдесят шесть души в себе имеющий, тако же от Лиснянского войтовства деревни Гнилцы, Полично и Круши двадцать душ» [7]. Данный раздел, а также более подробнейшее описание границ и договорённостей по совместным промыслам (в частности, рыбной ловле) отразились в фонде Вяземских в РГАЛИ и были любезно предоставлены в копии для изучения нашим другом и коллегой историком-архивистом Николаем Петровичем Меньшовым.

Теперь, обозначив деревни, принадлежавшие участникам раздела, мы можем внести понимание в ряд неточностей, допущенных С.В. Букчиным. Так он описывает содержание «сенатского дела», упоминающего Рыково и Лисно, а далее приводит данные о продаже Н.И. Паниным имени Нища Д.И. Фонвизину за десять тысяч рублей, ссылаясь на информацию карточки № 2140 из собрания Б.Л. Модзалевского в Пушкинском Доме и, на основании этих утверждений, делает ошибочный вывод о трёх принадлежавших Д.И. Фонвизину деревнях. Рыково действительно принадлежало писателю, что подтверждается планами генерального межевания, описями и экономическими примечаниями к ним. Лисно, как мы уже выяснили, было владением П.В. Бакунина (меньшого). Нищу же Н.И. Панин никак не мог продать Д.И. Фонвизину, поскольку сам его никогда не владел и не получал в награду. По данным генерального межевания, на 1785 год имение Нища принадлежало Игнатию Станиславовичу Есьману [6], которому оно досталось по завещательной записи его дяди Антония Папроцкого, написанной 16 декабря 1757 года в имении Соколище [5]. Более того, Есьманы владели Нищей и через много лет после смерти Д.И. Фонвизина. В фонде Себежской дворянской опеки в ГАПО отложилась «*Опись имению помещицы шамбелянши Фельтмановой Бояринова и фольварка Жаглова за долг Санкт-Петербургскому опекунному совету. Учинена 1829 года марта 25 дня*», в которой указано: «*Озера имеются иманно Нище и небольшие два: Олбит, Глыбочинок общаго владения помещиками Жебровской, Эсьмана и Нищанскою церквою*» [1].

Как получилось, что «Сенатское дело» упоминает Рыково и Лисно в качестве владений Д.И. Фонвизина? Всё дело в непреднамеренной «подмене понятий» судами. Мы уже отметили, что писателю принадлежали лишь часть Нищанского войтовства (исключая собственно Нищу) и часть Лиснянского войтовства (исключая Лисно), суд же явно подразумевал под Нищей и Лисно именно войтовства. О том, что такая практика действительно применялась в то время, свидетельствует и подпись управителя фонвизинских деревень Ивана Андреевича Банка³: «упра-

³ В польском написании — Jan Bank.

витель нищанский из Рыкова». В свою очередь, Сенат при рассмотрении дела формулировки Себежского уездного суда не менял, именно так в «Сенатском деле», наряду с Рыковым, появились Нища и Лисно.

Информация о покупке Д.И. Фонвизиным имения Нище у Н.И. Панина за 10000 рублей отразилась не только в картотеке Б.Л. Модзалевского, но и в Актовой книге Себежского уездного суда за 1789 год. Управитель И.А. Банк предоставлял тогда суду расписки от Д.И. Фонвизина в получении оброчных денег за 1780, 1781, 1782 годы и арендного платежа за 1784 год [3]. В последней из них сказано: *«крепость записана в Гражданской палате двадцать третьяго февраля тысяча седмсот семдесят девятого»*. Более того, уже упомянутый выше договор о разделе имений секретарями Н.И. Панина прямо указывает на их продажу: *«что даннея от его сиятельства состоящего в первом классе действительнаго тайнаго советника и всех российских орденов кавалера графа Панина маестности ему от Пресветлейшей Монархини всемилоостивейше пожалованные, а имянно Нищанское, Кляшицкое и Лиснянское войтовства с Хоцимицким десятком на основании о вечной продаже закона купленные, в Полоцкой провинции положение свое имеющие три тысячи восемьсот двадцать шесть душ в себе заключающие...»* [7]. Очевидно, что и здесь речь шла не об имении Нища, но о части Нищанского войтовства, хотя цена в 10000 рублей за данный надел довольно мала. Сопоставимое как в отношении территории, так и в количестве крестьянских душ имение Аннинское Модест Петрович Бакунин в 1796 году продал Эузебиушу Корсаку за 88000 рублей [4].

Приведённые факты оспаривают устоявшееся утверждение, что имения были получены секретарями Н.И. Панина совершенно безвозмездно. Как минимум, с них должны были быть уплачены крепостные пошлины. В этой связи странным выглядит комментарий биографа Д.И. Фонвизина князя П.А. Вяземского: *«По редкому бескорыстию, которое могло бы показаться несбыточным, из 9000 душ, пожалованных ему (графу Панину) в новоприобретённых областях, отдал он около 4000 душ трём секретарям своим...»* [9]. Это тем более странно, что П.А. Вяземский имел у себя копию договора о разделе имений, однако взял оттуда только число крестьян.

Отметив данные исторические неточности, мы можем перейти непосредственно к предпосылкам и описанию тяжбы.

7 марта 1782 г. писатель подал прошение об отставке. Д.И. Фонвизину был назначен годовой пенсион 3000 рублей из почтовых доходов [11]. Нетрудно подсчитать, что это 250 рублей в месяц, что для чиновника V класса очень мало. Ещё одной статьёй дохода был об-

рок с имений. В актовых записях, сохранившихся в фонде Себежского уездного суда, содержатся свидетельства Д.И. Фонвизина, данные управителю И.А. Банку и предоставленные им суду 26 июня 1789 года: *«тысяча семсот восемьдесят года мая тридцатого дня получил я наличных денег оброку восемьсот рублей»* и *«...оброк мой тысяча рублей сего февраля двадцать пятого дня тысяча семсот восемьдесят второго получил от управителя Ивана Банка»* [3], что также является незначительной суммой. Между тем, в 1784 году писатель запланировал заграничное путешествие, в том числе чтобы поправить здоровье своё и супруги. Недостаток средств, невозможность личного управления имениями и, как отмечал в своих «Записках...» экономом Д.И. Фонвизина Г.И. Клостерман, желание *«избавить меня от возможных проволочек и неприятностью по управлению деревнею»* [11], побудили литератора сдать имения в аренду.

1 июня 1784 года был заключён арендный контракт из 25 пунктов на двенадцатилетнее содержание Нищанского войтовста и Изубрицы с деревнями [2, л. 128]. Оценка Нищанского войтовства составила 4250 рублей *«ежегодно оплачиваться авансом дня двадцать четвертого июня должных»* [2, л. 25 об.]. Арендатором выступил дворянин Люцинского уезда барон Фридрих Георг Медем⁴. Со стороны Д.И. Фонвизина контракт подписывал И.А. Банк, опираясь на поручительство *«...по форме закона составленное в Санкт-Петербурге в Верхнем Надворном Суде второго департамента 1784 года мая 22 дня»* [2, л. 85–85 об.]. Однако управление деревнями арендатором продлилось недолго: летом-осенью 1784 года в имениях вспыхнул бунт, положивший начало длительной судебной тяжбе. Именно бунт явился центральной осью, вокруг которой стороны выстраивали взаимные обвинения.

Процесс был начат стороной Д.И. Фонвизина в Нижнем земском суде Себежского уезда. К сожалению, в одноимённом фонде ГАПО эти материалы не отложились, поэтому мы будем вынуждены обратиться к «Сенатскому делу». Всепокорнейшее доношение Себежского уездного суда в Сенат от 1 февраля 1797 г. указывает, что причиной дела послужили: *«выбирание непозволенных контрактом оброчных денег, да сверх контракта ж разными несносными работами, то ж немилосердными побоями от которых двух умерло, а четыре человека бежало, равно ж чрез выпутошение недозволённых лесов и выбиранием из крестьян Фонвизину принадлежащаго денежнаго оброка»* [8]. По

⁴ В польском написании — Frydrych Jerzy baron de Medem. Отметим, что «Сенатское дело» называет Медема Фёдором Антоновичем, однако предпочтём не использовать подобную «русификацию» в пользу формы имени в актовых документах Себежского уездного суда.

предложению белорусского генерал-губернатора Петра Богдановича Пассека Полоцкое наместническое правление указом № 16834 от 20 ноября 1784 г. повелело *«себежскому нижнему земскому суду изследовав на месте решительно поступить на законном основании, деревни ж Фонвизина всемерно сохранять от всякого недозволенного контрактом разорения»* [8].

1 марта 1785 г. Себежский нижний земский суд признал Ф.Г. Медема виновным во взятии вместо оброчных денег ржи *«малой ценой»*; в поголовном выборе ржи сверх следуемой для казны меры *«по одному гарнцу с каждой души»*; в разорении не принадлежавшего арендатору крестьянского магазейна в Рыкове. На основании данных обвинений был вынесен приговор: *«1е упоминаемому барону де Медему за умерших двух крестьян от побоев у его находившимся за эконома шляхтичем Саковичем⁵ двесте, за причиненье увечья одной крестьянке пятнадцать и понесеннаго на прося убытка сто пятьдесят рублей, а всех триста шездесят пять рублей для Фонвизина заплатить. 2е крестьян убежавших от побоев четырех человек сыскать, да оных же излишними работами не отягощать и учинить по его ж Медема реверсальным пунктам к эконоиме без утеснительном крестьян распоряжение. 3е бранного в оброчных деньгах, также излишно по гарнцу поголовно рож в натуре крестьянам возвратит. 4е хлебной крестьянской магазейн в полном количестве сколько онаго находилось отсыпать, и ко оному не касаться. 5е чтоб же деревни фонвизинновы чрез двенадцати летнее содержание бароном де Медему по себе яко не имеющему в сем государстве вотчинничества своего, от таких помещиков, коих бы поместья соответствовали фонвизиновым имениям отданным от него барону де Медему в арендное содержание поручною записью»* [8].

Здесь следует отметить ещё одну неточность трактовки С.В. Букчина в том, что Ф.Г. Медем при подаче апелляции 26 марта 1785 г. якобы добился проведения дальнейшего процесса по польским законам. Действительно, получив материалы дела 2 апреля 1785 г., Себежский уездный суд, основываясь на указе от 8 мая 1773 г. *«коим указано: все судные гражданскаго рода дела в белорусии производить и решить по польским законам и на польском диалекте»*, журнальной резолюцией повелед *«сторонам иметь в своем суде разбор обрядом польских прав»* [8]. Однако и выигранный стороной Д.И. Фонвизина процесс в Себежском нижнем земском суде опирался на Статут 1588 года. Так, упомянутый

⁵ Вероятно, Сакович мог находиться в Изубрице. Не найдено иных упоминаний этой фамилии в Себежском уезде как в связи с делом Д.И. Фонвизина, так и вне его.

выше пункт 5 приговора Себежского нижнего земского суда отсылает нас к норме, описанной в §2 артикула 45 раздела 4 «О судах и судьях»⁶. С.В. Букчин посчитал этот пункт указанием на то, что Ф.Г. Медему должны были быть переданы в аренду другие имения, и он писал, что *«в последнем же пункте фактически ставился вопрос о лишении Медема прав на аренду»*. На самом деле, от барона требовалось предоставление поручительства помещика Себежского уезда (поместного), который отвечал бы за исполнение стороной арендатора обязательств перед судом собственным имуществом, материальный размер возмещения в случае неисполнения этих обязательств устанавливался стороной истца.

Несмотря на передачу дела в Себежский уездный суд 2 апреля 1785 г. [8], фактический его ход описан в Актовой книге за 1786 год.

9 февраля 1786 г. поручитель со стороны арендатора Андрей Юревич⁷ предоставил для записи в суде официальные свидетельства на подтверждение арендного права. Свидетельство на часть Нищанского войтовства было выдано 15 июня 1784 г. себежским земским капитаном Иосифом Лоссовским. Аналогичный документ на имение Изубрица дан 21 августа 1784 г. дриссенским земским капитаном Яном Гласко [2, лл. 25–28 об.]. В этот же день суд выпустил заочное постановление в пользу барона Медема. Это первый по дате акт, содержащий обвинения в адрес Д.И. Фонвизина и И.А. Банка. В частности, отмечалось, что обвиняемые причинили вред и убыток арендатору, нарушив условия контракта, а именно: не позволили вывозить взятый для строений и отопления лес; не предоставили работников на винокурни, что стало причиной неисполнения контрактов на поставку водки и возникновения неустойки 3600 рублей; несут ответственность за пропажу розданных ремесленникам задатков и материалов; выделили под посев жита и ярового меньше земель, чем было оговорено контрактом, а также запретили крестьянам убирать и малую засеянную часть так, что часть зерна осталась на поле и сгнила, а другая часть тайно была роздана на сторону; взбунтовавшееся крестьянство многократно приходило толпами на господский двор, самовольно уходило в леса [2, лл. 29–30]. В самом возникновении бунта сторона Ф.Г. Медема обвиняла непосредственно И.А. Банка: *«полностью с внушения обвиняемого Банка, поручителя, и ради истребования пустой и настойчивой претензии... они (крестьяне) истощая, уничтожая и опустошая и за это выговоры ни от кого не*

⁶ См. Статут Великого Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного. Перевод с польского. Ч. I с первого раздела по седьмой. – СПб: печатан при правительствующем сенате, 1811. – С. 349–350.

⁷ В польском написании — Andrzej Jurewicz.

имеют» [2, л. 30]. Крестьяне не засеяли жито ни в должном количестве, ни в пору *«приличествующую хозяйственным работам»*, часть была роздана, другая зазимовала не боронованной. Хозяйский магазин⁸, скопленный за девять лет крестьянами для собственных нужд, был употреблён по решению арендатора, а в отсутствие такового барону Медему пришлось обеспечивать крестьян собственным житом. Ранее арендатор контрактировал значительную часть скота для удобрения почв, но в дальнейшем был вынужден употребить его для списания собственных издержек, поскольку контрактом было запрещено строить хлева [2, л. 30 об.]. В итоге, Ф.Г. Медем был вынужден согласиться с неурожаем на пустых и не удобренных полях, нанять всё необходимое на молотёбу, обеспечить привоз дров на винокурню и иные нужды, за свои деньги нанять батраков. И.А. Банку вменялся также сбор с крестьян *«немилосердных»* податей *«якобы не для себя»* [2, л. 31], принуждение их к сбору средств для выплаты судебных штрафов, при этом запрет на плату арендатору положенного контрактом оброка и казённых податей.

По решению суда доверенность И.А. Банка была признана нелегитимной из-за наличия в ней исправления. Д.И. Фонвизин подвергался *«изгнанию временному»*, а И.А. Банк — *«временному и вечному, со свободным арестом сумм, товаров и самой его особы повсеместно»*, т.е. фактически отстранялись от участия в деле. Было признано недействительным описанное выше решение Себежского нижнего земского суда от 1 марта 1785 г., а на сумму ежегодного арендного платежа — 4250 рублей официально наложен арест [2, лл. 31–31 об.].

11 февраля 1786 г. Себежский уездный суд запротоколировал донесение А. Юревича Себежскому нижнему земскому суду от 15 июля 1785 г. [2, лл. 35–38 об.]. Данный документ во многом повторяет решение суда от 9 февраля 1786 г., но интересен деталями. А. Юревич по сути даёт ответ на недатированный указ Нижнего земского Себежского суда, присланный в Полоцк 3 июля 1785 г., предписывавший Ф.Г. Медему: *«чтобы за две недели сам лично с уполномоченными поручителями в суд приезжал и, в случае неисполнения, донесения куда надлежит для поступления согласно строгости закона и яко с непослушными грозящий»*. А. Юревич отмечает, что И.А. Банк, выступающий в качестве истца, заключил контракт без предъявления поручительства (оседлого) со стороны Медема, взял деньги, представил и утвердил контракт перед *«монаршими юрисдикциями»*. А. Юревич делает вывод, что И.А. Банк, как поверенный Д.И. Фонвизина, не может *«изыскивать новых прибавлений, противоречащих контракту»*, и что как *«без по-*

⁸ Здесь — склад зерна.

ручительства владение вельможного барона Медема начато, [так] без оного в часе контрактом описанном, окончиться повинно». Раскрывается, что при заключении контракта в пользу Д.И. Фонвизина сразу было выплачено 4250 рублей, затем Ф.Г. Медем «на разные хозяйские нужды, припасы, котлы, крестьян, засева потратил 10000 рублей». Платёж за 1785 год 4250 рублей ассигнациями был помещён с сопроводительным аттестатом в Себежском уездном суде до окончания расследования. Ф.Г. Медем понёс 18500 рублей судебных расходов, не взял и не получил с имений никакого дохода, кроме чинша⁹ в тысячу с лишним рублей. А. Юревич доказывал, что барон Медем не виноват в том, что суд не установил сумму поруки, которую ему требовалось бы предоставить, потому справедливо, что он не должен искать оседлого поручителя, а равно и что поручитель не сможет дать поруку без указанной решением суда суммы. В конечном счёте, А. Юревич резюмирует: «неисполнение приказа в предоставлении поручительства принимать за нарушение законов нельзя, когда идёт спор о нарушении контракта, а в оном описанного поручительства нет». Ещё одной важной деталью, указанной поверенным барона Медема, является то, что «оправдания поверенного Банка и подданства, что оным тяжело и повинности на них возложенные нести их не могут, несправедливы», он обвиняет Д.И. Фонвизина в том, что Ф.Г. Медем «в том повинным быть не может, что ясновельможный Фон Визен тяжкие обязанности возложил контрактом на подданство и барщину сверх давно заведённой увеличил». Это особенно любопытно в свете устоявшегося стереотипа о человеколюбии и потакании писателя интересам крестьян. Заканчивает своё донесение А. Юревич, сообщая суду: «чтобы соблюсти справедливость Закона и совершившихся указов, взбунтовавшееся подданство разбив, чинить послушание приказав, условия контракта оным объявив во всём ему удовлетворение чинить приказал, виновных покарал, поверенного Банка за причинение злости бунта подданных изгнал и во всем согласно Закона и Справедливости поступил».

26 марта 1786 года Себежский уездный суд выдал заочное постановление в пользу стороны Ф.Г. Медема [2, лл. 81–84], дублировавшее во многом постановление от 9 февраля 1786 г. Повторно была признана нелегитимной доверенность И.А. Банка от 22 мая 1784 г., поскольку «она более раньше по времени относительно дела создана, а потому вельможный Визен ничего не знал, что наступил процесс и назначать поверенного не мог», а, кроме того, присланный из второго департамента Полоцкого верхнего суда указ от 5 апреля 1785 г. предписывал

⁹ Чинш — оброк, либо ценное имущество.

«в качестве поверенных и адвокатов иметь обывателей государства Российского, присягнувших и имением владеющих, а также вновь приносящих присягу». И.А. Банк не присягал Екатерине II, был стольником города Вильно и не владел собственным поместьем в Себежском уезде. Кроме того, суд отмечал, что уже трижды предписывал стороне Д.И. Фонвизина исправить доверенность, а поскольку это не было сделано, за неповиновение решению суда сторона обрекалась «на провал в деле, также на изгнание¹⁰ временное и вечное».

25 июня 1786 г. суд выпустил объединённое следственное заочное постановление сразу по четырём отдельным акторам (искам) [2, лл. 125–140 об.].

Первый из них был подан Ф.Г. Медемом в адрес персонально И.А. Банка. Помимо уже известных нам деталей, ему вменялся сбор с крестьян «давних денежных остатков, овса и сена для некоторых судебных особ», говоря современным языком — взятки. Здесь же утверждалось, что И.А. Банк был приятелем И. Лоссовского, того самого урядника, который заверял контракт и вынес положительное для стороны Д.И. Фонвизина судебное решение от 1 марта 1785 г. Земский капитан И. Лоссовский, якобы потакая своему приятелю, пренебрёг служебными полномочиями, не уведомив в срок рапортом Полоцкое наместническое правление о бунте в имении Рыково и не сделал этого в дальнейшем, так что наместническое правление не верило в наличие бунта.

Второй касался претензии Ф.Г. Медема к Д.И. Фонвизину и И.А. Банку. Арендатор добивался признания к необходимости уплаты в его пользу сумм, указанных в судебной верификации; официального признания дальнейшего права аренды; наказания руководителей крестьянского бунта; предоставления суду хозяйских магазиновых реестров; освобождения от оплаты 4250 рублей.

Третий взаимный иск — ответ стороны Д.И. Фонвизина и И.А. Банка. Арендатор обвинялся в присвоении чинша, оставшегося в имениях в сумме 1633 рубля, согласно контракта гарантированного к изъятию в любое время; в том, что «в самый рабочий час» по своей воле забрал людей и 15 коней, отправил с подводами до Друи¹¹, Индрицы¹², Краславки¹³

¹⁰ Польск. banicja — отстранение от участия в судебном процессе.

¹¹ Друя — с 2009 года агрогородок; ранее — посёлок городского типа в Браславском районе Витебской области (до 1917 года заштатный владельческий городок в Дисненском уезде). Расположен на границе с современной Латвией на левом берегу Западной Двины у впадения в неё реки Друйки.

¹² Индрица — ныне небольшое селение в Латгалии в Калниешской волости Краславского края на юго-востоке Латвии (около 20 км восточнее Краславы).

¹³ Краславка — также Креславка, Креславль, Краслава. Одно из древнейших

и пустоши Липишек¹⁴ на 7 дней, содержа без последующей награды. Сторона писателя по-своему интерпретировала уничтожение крестьянского магазина: *«не только магазинное зерно забрал [но и] в качестве оброка коров, зерно, согласно цены и воли своей»*. Помимо этого, арендатор отнял у крестьян много земель и что они имеют в земле большой недостаток. Всеми указанными беззакониями Ф.Г. Медем *«иных подданных до смерти довёл, иных до длительной болезни и калечества даже, и женщинам стался к выкидышам причиной, таким образом, таковым страшным поступком различных много крестьян к побегу призвал»*. Также барон Медем поголовно забирал зерно сверх монаршего постановления и непрерывно принуждал крестьян к труду, не давая отдыха и в дни святых торжеств. Сумму арендного платежа 4250 рублей Ф.Г. Медем не только не исчислил Д.И. Фонвизину, не только пометил в суде, но и добился получения её в собственное пользование. Исходя из этих положений, сторона Д.И. Фонвизина настаивала на исполнении решения Себежского нижнего земского суда от 1 марта 1785 г., на предоставлении арендатором поручительства оседлого, оплате неустойки за разрыв контракта в размере 124521 рубля и возмещения судебных издержек, как минимум, 1500 рублей.

Четвёртый акт — претензия барона Медема к И. Лоссовскому. Последний, как было сказано выше, имевший дружбу с И.А. Банком, как оказалось, часто бывал у него в гостях, а также вместе они ездили по деревням и собирали деньги — это якобы и послужило поводом для крестьянского бунта. И. Лоссовский не только не доложил о бунте, но и создал много убытков доверенным лицам Ф.Г. Медема. По собственной инициативе он осмелился *«поднести»*, т.е. оспорить заключённый двенадцатилетний арендный контракт, а потом значительно отсрочил законное постановление суда, пренебрегая законом в интересах И.А. Банка. В результате барон Медем понёс убытки на сумму более 20000 рублей.

По итогу обвинений суд предпринял следующие решения: И.А. Банку предписывалось освободить занятые дома в Рыкове; по обвинению И.А. Банка в бунте суд заключил, что *«яко ещё из нижнего земского поветового суда нет предоставленного дела, потому виновен или нет Банк в бунте или непослушании подданных именей Ница и Лисна знать не можем»*; несмотря на протесты И.А. Банка, было признано судом поручительство, данное Ф.Г. Медему А. Юревичем, а за

поселений Витебской губернии, местечко Двинского уезда при устье реки Краславки.

¹⁴ Липишки — деревня и фольварк, Сенненский уезд, Лейпунская волость, в 48 верстах от Сенно.

фонвизинского управителя, как тоже не поместного, поручились Ян Толвинский, Ян Носковский и Бонифаций Носковский; в отношении И. Лоссовского суд заключил, что, несмотря на личное вручение позыва (повестки) в суд возным Иосифом Марковским, так и не явился в суд и не представил суду причины неявки, а также был осуждён за взятку, поэтому он отстранялся от дела, а Ф.Г. Медему присуждались 20000 рублей *«на вельможном господине пане Юзефе Лоссовском коллежском асессоре, себежского повета земском капитане и на любых [сего] господина [движимых и недвижимых] имениях, денежных суммах всюду находящихся, будущих в особенности на маетности Василевцизне, находящейся в себежском повете»*. Суд предписывал провести калькуляцию и верификацию в имении Рыково, было назначено следствие, сторонам предписывалось исчислить все взаимные расходы.

Последнее, представленное в актовое Себежского уездного суда книге за 1786 г., судебное постановление от 11 декабря 1786 г. [2, лл. 203–208 об.] так и не поставило точки, повторяя уже озвученные тезисы. Кроме того, оно упоминало о непредставлении стороной Фонвизина копий ряда документов. Материалы дела передавались в Полоцкий верхний земский суд.

Денис Иванович Фонвизин

Нам известно, что судебное дело пережило как самого Д.И. Фонвизина, так и его супругу, оказавшуюся в конце жизни на пороге крайней бедности. Мы знаем, что в конечном итоге всё закончилось не в пользу писателя. 22 июня 1797 г. многолетняя тяжба была разрешена полюбовным соглашением между Францем Петровичем Рысинским, которому ещё при жизни литератор успел продать свои имения, и поверенным барона Медема — Адамом Машевским. К этому времени из дела пропала часть об издевательствах над крестьянами, формулировка дела свелась к «*якобы нарушению контракта*». Точкой в деле стало признание Сенатом 13 октября 1798 г. пени, наложенной на Себежский нижний земский суд за задержку в решении дела.

Обнаруженные и приведённые в статье материалы определённо добавили деталей в понимание причин действий и бездействий обеих сторон, а также наметили новые векторы для дальнейшего исследования вопроса.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАПО, ф. 791, Оп. 3, Ед. хр. 5, Л. 19 об.
2. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 11, Лл. 25–31 об., 35–38 об., 81–84, 85–85 об., 125–140 об., 203–208 об.
3. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 15, Лл. 63 об., 64 об., 68 об., 72 об.
4. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 21, Лл. 50, 51.
5. ГАПО, ф. 850, Оп. 1, Ед. хр. 3, Лл. 329 об.–331.
6. РГАДА, ф. 1354, Оп. 42, Ч. I, л. 22.
7. РГАЛИ, ф. 195, Оп. 1, Ед. хр. 1154, Лл. 1–1 об., 3 об., 5.
8. РГИА, ф. 1347, Оп. 64, Ед. хр. 166, Л. 1–1 об.
9. *Кн. Вяземский П.А.* Фон-Визин., СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1848. – С. 248–249.
10. *Букчин С.В.* Судебное дело Дениса Фонвизина / С.В. Букчин // Народ издревле нам родной. Русские писатели и Белоруссия. Очерки. – Мн.: Лимариус, 2003. – С. 13, 21–30.
11. *Фонвизин.* Из неизданных Записок Клоостермана // Русский Архив, 1881, III(2), С. 293–299.

Васильев В.И.,
Псковское региональное отделение
Союза архитекторов России;
Псковское региональное отделение
Союза реставраторов России
Псков, Россия
e-mail: wiw61@mail.ru

ОСТРОВ. ГАЛЬЯРЫ. СУДЬБА...

Настоящий историко-архивный очерк рассказывает о двух людях — отце и сыне, — живших в середине XIX в., носивших фамилию Гальяр и связанных с городом Островом. Отец родился где-то за пределами России, но четверть века служил в Острове. Сын родился в Острове, но всю свою жизнь служил далеко за пределами Псковской губернии.

Ключевые слова: *Остров, Динабургское шоссе, Гальяр, Воронеж.*

Почему этот рассказ посвящён людям, чьи фамилии неизвестны, наверное, девятерым из каждых десяти островичей, которых мы опросили бы на улицах города? А те из них, кому она хотя бы отдалённо знакома, вряд ли с ходу ответят, с какой страницей в истории Острова она связана. Почему персонажем этого рассказа не стал В.В. Меркурьев (кстати, один из любимых моих актёров) или Клава Назарова, чьё имя носил наш пионерский отряд?

Ничуть не умаляя значение тех исследований, которые открывают нам новые эпизоды в биографиях широко известных людей, свою главную задачу вижу в том, чтобы рассказать о людях малоизвестных. О тех, «*чьи тела зарыты, чьи дела забыты, чья душа разлетелась как дым...*» [22]. А о том, насколько герои моих рассказов достойны стать персонажами очерков, пускай судят читатели. Я же не мог позволить себе упустить возможность рассказать нынешним жителям Острова о людях, чьи судьбы так тесно связаны с этим городом.

Но начать свой рассказ о Гальярах «*ab ovo*», следуя древнеримской поговорке, я не смогу, ибо первые страницы биографии будущего строителя Динабургского шоссе мне до сих пор неизвестны. Я пока даже не знаю его настоящего имени, полученного им при крещении: Жан? Жан-Пьер? Жан-Пьетро? Я даже не знаю, в какой стране родился персонаж моего рассказа. Носители фамилии Galliard (несомненно, имеющей французское происхождение) обитали не только во Франции, но и во франкоязычных кантонах Швейцарии, а также в Северной

Италии. Казалось бы, с учётом католического вероисповедания, которого семья Гальяров неизменно придерживалась (по крайней мере, до 1917 г.), швейцарскую версию происхождения следует считать наименее вероятной. Однако не будем зарекаться...

Поиски сведений о происхождении Ивана Петровича Гальяра осложнены значительными лакунами в архивных фондах. Самым ранним документом, в котором упомянут герой нашего повествования, — прошение на Высочайшее имя, продиктованное в конце февраля 1824 г. (датой его получения указано 24 февраля) и подписанное некоей Каролиной Гальяр [8, л. 14]. Текст этого прошения вполне зауряден по форме и стилю, однако пытливый взгляд исследователя отыщет в этом тексте любопытные детали. Обращу на них Ваше внимание, уважаемый Читатель:

Основной текст письма, как было принято в документах того времени, написан рукой канцелярского служащего (или просто человека, знакомого с правилами составления таких прошений). Но под аккуратно начертанным текстом стоит собственноручная подпись просительницы. Эта подпись, во-первых, не очень уверенная, что косвенно говорит об отсутствии навыка письменной речи. Во-вторых, имя просительницы написано, как *«Каролина»*. Данный факт, в свою очередь, свидетельствует о том, что просительница нетвёрдо знает правила написания собственного имени, — она не только иностранка (о чём сама указывает в прошении), но и редко (возможно, крайне редко) составляла и подписывала какие-либо документы.

Называя себя иностранкой, Каролина Гальяр не указывает своего гражданства или подданства. Скорее всего, это «неуказание» является не досадной оплошностью, а косвенным свидетельством того, что просительница в момент составления своего письма не находилась под юрисдикцией к.-л. иностранного государства. Весьма вероятно, что К. Гальяр была беженкой либо эмигранткой. Политическая обстановка в Европе начала XIX века была такова, что «поставщиком» большинства эмигрантов была республиканская (читай — наполеоновская) Франция, откуда бежали тысячи приверженцев монархического строя.

В своём прошении К. Гальяр упоминает *«сына Ивана 15 лет (с учётом даты составления письма, Иван родился в 1808 г. или в самом начале 1809 г.; сопоставление сведений разных лет из других, более поздних, документов позволяет сузить период вероятного рождения нашего героя: не ранее 02 января и не позднее 10 февраля 1824 г. — В.В.) обучавшагося разным наукам»*. В этой фразе не упомянуто учебное заведение, в котором Иван «обучался разным наукам», — следовательно,

это было домашнее обучение. Впрочем, уровень этой домашней «школы» был достаточно высок, что позволило Ивану успешно выдержать приёмные экзамены в училище.

В своём прошении К. Гальяр НЕ упоминает отца своего сына, но в то же время не указывает себя вдовой. А вот этот факт отнюдь не типичен для данной эпохи, когда отец семейства полностью отвечал за воспитание детей, неся всю материальную тяжесть этого воспитания (в той же мере, впрочем, отвечая и за материальное благополучие всей своей семьи). Государство же брало на себя эти затраты, если шла речь о сиротах — прежде всего, детях погибших военных. Гуманитарное милосердие в духе «давайте поможем всем беженцам», распространённое в наше время среди либеральных европейцев, тогда ещё не овладело умами российских чиновников.

Запомнив эти противоречивые особенности прошения Каролины Гальяр и не найдя в этом прошении ответы на основные вопросы о происхождении её сына, затаим в глубине души надежду на то, что когда-нибудь эти ответы будут найдены, и двинемся дальше. Документы, предъявленные при поступлении Гальяра в училище, не сохранились, и об отце Ивана Петровича нам ничего не известно. Возможно, родственником (дедом, старшим братом или дядей) нашему герою доводился Антон Гальяр, в 1807–15 гг. (как минимум) преподававший французский (!) язык в учебных заведениях Одессы: в низших классах Одесской гимназии [17, с. 457], в Одесской коммерческой гимназии [16, с. 464; 18, с. 464], в Одесском Благородном Институте [19, с. 508].

Из формулярных списков И.П. Гальяра нам достоверно известно, что 14 мая 1824 г. он был зачислен воспитанником в Военно-Строительное училище. Оно существовало тогда наряду с Институтом инженеров Путей сообщения [13, лл. 14–18] и, в отличие от последнего, готовило не военных инженеров (что понятно из названия института), а младших офицеров для военно-строительных отрядов — некоего прообраза советских стройбатов. При этом ни в коем случае не следует полагать, что Гальяр был принят в исключительном порядке, вследствие какого-либо ходатайства или протекции. Произошло ежегодное рутинное восполнение числа воспитанников училища вместо убитых выпускников, и по итогам рассмотрения документов, поданных кандидатами на зачисление, а также в соответствии с результатами вступительных экзаменов, Гальяр оказался в числе 14 счастливых. Кстати, в списке воспитанников, принятых в Училище в 1824 г. на вакантные места, Гальяр стоит лишь под № 11 [8, л. 38].

Заметим также, что факт зачисления Гальяра в Училище косвенно должен свидетельствовать о его дворянском происхождении, потому что для поступавших в императорские учебные заведения России вплоть до середины XIX в. существовал сословный ценз. Однако те свидетельства, которые позволили Гальяру оказаться в числе воспитанников Училища, всё-таки впоследствии были, судя по всему, признаны недостаточным доказательством его дворянского происхождения, и окончательно дворянство Ивана Петровича было узаконено только по присвоении ему офицерского чина.

Вернёмся к биографии нашего героя. После неполных трёх лет обучения, 11 февраля 1827 г., Иван Гальяр *«по экзамену в науках произведен прапорщиком»*, а спустя ещё три года, в течение которых молодой офицер служил в Строительном отделении VII (т.н. «Варшавского») Округа Путей сообщения [20, с. 817], 14.04.1830 он был *«переведен к работам по построению шоссе от С. Петербурга до Динабурга»* [4, лл. 24–31]. Начался долгий, продлившийся более двадцати лет, период, в течение которого военный строитель И.П. Гальяр был связан с Островской землёй.

Будет, конечно, несправедливым утверждение, что Динабургское шоссе (и даже та относительно небольшая его часть, что проходила через Островский уезд) было построено исключительно трудами Гальяра. Мы и не будем это утверждать, помня со школьной скамьи некрасовские строки *«Труд этот, Ваня, был страшно громаден Не по плечу одному...»* [24, с. 118]. Гальяр, начавший службу прапорщиком и занимая одну из низших должностей, постепенно продвигался по службе, своевременно получая очередные звания и награды — благо в Российской Империи этот конвейер был налажен безукоризненно чётко: достаточно было безупречно служить, избегая взысканий. Но ведь и в середине позапрошлого века не службой единой жил человек!

Нам неведомы причины, благодаря которым тесно сблизилась представители трёх семей, волею судеб оказавшихся в Острове в начале второй четверти XIX века. Легче всего предположить, что первоначальной причиной стало конфессиональное родство: Иван Гальяр, польский шляхтич [4, л. 1-об], Игнатий Трояновский и семья фон-дер-Белленов придерживались римско-католического вероисповедания. Ещё одним поводом для сближения Гальяра с Трояновскими могло быть и то, что в начале своей гражданской карьеры, сразу после увольнения в отставку из гусарского полка в 1809 г., вчерашний поручик, а теперь губернский секретарь Игнатий Станиславович Трояновский вплоть до 1812 г. служил «смотрителем 2 класса водяных сообщений»

в VI округе Путей Сообщения [5, л.4]. Ко времени появления Гальяра в Острове И.С. Трояновский уже давно служил в провиантском ведомстве, да и был он старше Ивана Петровича на четверть века. Но вот его старшие сыновья — Валериан (ок. 1809 г. р.) и Эдуард (ок. 1810 г.р.) — были ровесниками Гальяра, и в нешироком кругу уездных дворян молодые (в ту пору им было слегка за 20) люди стали приятелями.

Со временем семьи Трояновских, фон-дер-Белленов и бессемеинный Гальяр породнились: Екатерина Игнатъевна Трояновская стала женой И.П. Гальяра [4, л. 2], а её родной брат Валериан Игнатъевич стал крёстным отцом двоих её сыновей: первенца, Владимира-Игнатия (род. 13.11.1838) [4, л. 11] и младшего Сервилиуса (род. 19.01.1851). Восприемниками Катерины Гальяр, появившейся на свет 23.03.1847, стал артиллерии поручик Эдуард Игнатъевич Трояновский вместе со своей сестрой Эмилией [4, л. 13-об]. Что касается фон-дер-Белленов, то Александр Абрамович стал восприемником Дмитрия (род. 07.03.1840) и всё того же Сервилиуса, крёстной матерью которого стала Мария фон-дер-Беллен. Таким образом, потомки Дмитрия и Сервилиуса, если таковые обнаружатся среди ныне живущих, могут запросто зайти в гости к нынешнему президенту Австрийской Республики Александру Ван дер Беллену!..

Однако вернёмся снова к службе Ивана Петровича. 14.12.1843 он, будучи уже штабс-капитаном, впервые занял командную должность: *«назначен начальником 6-й дистанции 1-го Округа Путей Сообщения»* [4, лл. 24–31]. Здесь необходимо указать на две особенности работ по постройке Динабургского шоссе. Во-первых, идея строительства этой дороги, изначально называемой «Санкт-Петербург — Псков — Динабург — Ковно — владения Радзивиллов», родилась как результат осмысления уроков Отечественной войны 1812 года. Пришло понимание того, что Российская империя нуждается не только в сильной армии, но и в дорогах, по которым войска можно было бы в кратчайшие сроки перебросить из мест их постоянной дислокации к театру военных действий. В конце первой четверти XIX в. особое беспокойство вызывала удалённость от западных границ Империи наиболее боеспособных частей: гвардии, расквартированной в Санкт-Петербурге, и военных поселений, расположенных вблизи Новгорода. Поэтому было намечено строительство в первую очередь вышеупомянутого Динабургского шоссе, по которому гвардейские полки могли бы выдвинуться в сторону Царства Польского. Во вторую очередь предполагалось построить шоссе Новгород-Псков-Рига, которое и было проложено в 1840-е – 1850-е годы.

Пожалуй, впервые в России строили дорогу такого масштаба и такого значения — своего рода БАМ начала XIX в. Одного этого уже было бы достаточно, чтобы объяснить особое внимание, которое Николай I лично уделял строительству Динабургского шоссе. Но была ещё и вторая особенность, заставлявшая всех участников строительства быть в постоянном напряжении, подобно тому, как в наше время мы испытываем определённый дискомфорт, когда вынуждены работать «под прицелом» камер видеонаблюдения. Да, двести лет назад никаких видеокамер не было, но строящуюся дорогу то и дело лично инспектировал сам император, проезжая из Петербурга в Царство Польское или в белорусские губернии. При этом, чем более ответственную должность занимал офицер, тем в большей степени он чувствовал гнев или милость государя. Ощутил это на себе и Гальяр. Например, в сентябре 1845 г. *«за найденное Государем Императором Динабургское шоссе в отлично хорошем положении в проезде по оному»* Ивану Петровичу была объявлена благодарность — и не кем-нибудь, а самим «жестоким графом» П.А. Клейнмихелем, возглавлявшим тогда Главное управление Путей сообщения и публичных зданий [4, л. 28]. Через полгода, в июне 1846 г. *«при проезде Государем Императором по Ковенскому и Динабургскому шоссе за найденный путь в удовлетворительном состоянии»* Гальяру *«объявлено монаршее благоволение»* [4, л. 28]. Прошло ещё менее полутора лет, и вдруг 01.10.1847 *«за упущение в постройке Островского станционного дома»* Гальяр *«... арестован на Гаубтвахту на две недели»* [4, л. 29-об]...

Этот эпизод в судьбе Гальяра отнюдь не следует оценивать в духе невзыскательных романов о гусарских подвигах, когда герой то и дело попадает на гауптвахту вследствие очередной дуэли либо иного романтического приключения. Как уже было сказано выше, любое взыскание существенно тормозило карьеру российского чиновника или офицера. Так и Гальяр вследствие своего должностного «упущения» не был представлен к очередному знаку беспорочной службы. Возможно, именно эта заминка в карьере, случившаяся осенью 1847 г., сказалась через 30 лет, помешав Гальяру завершить карьеру в чине тайного советника.

Следует сказать, что во время своей службы в Острове Гальяр трудился не только на строительстве Динабургского шоссе, но и принимал самое непосредственное участие в работах по благоустройству города. Возможно, такая дополнительная нагрузка и не доставляла Ивану Петровичу ни славы, ни удовлетворения, но эполеты на его плечах предполагали беспрекословное подчинение начальству. А начальство тоже не смело перечить государю, ибо именно по его Высочайшей

воле в 1847 г. был учреждён «Комитет по устройству города Острова» (далее — Комитет), в состав которого, помимо уездного предводителя дворянства и островского городничего, был включён и Гальяр — по должности, как местный представитель Корпуса инженеров Путей Сообщения [2]. Но мы понимаем, конечно же, что не островский уездный предводитель дворянства В.Н. Беклешов, не островский городничий майор Саблуков и уж тем более не островский городской голова купец Ф.Я. Калашников [6], номинально возглавившие Высочайше утверждённый Комитет, выполняли в нём основную работу, а Гальяр — единственный в составе комитета инженер. С момента учреждения Комитета он был вынужден разрываться между своими прямыми должностными обязанностями по постройке шоссе и работами «по устройству города Острова». А ведь упомянутые «работы» включали в себя не только длительные заседания (в среднем — практически еженедельные, особенно в первые полгода [6]) Комитета, посвящённые рассмотрению рутинных вопросов, прошений, — и по каждому вопросу мнение Гальяра как инженера становилось определяющим. Ведь ни один другой член Комитета не мог доказательно (а не на основе субъективного впечатления и личных отношений с домовладельцами-земляками) определить степень ветхости обывательского дома и, соответственно, необходимость его «сломки» (сейчас мы сказали бы «сноса») и размер компенсации домовладельцу. А многочисленные прошения домовладельцев о согласовании фасадов новых домов и ремонтных починок существующих построек? Эти вопросы тоже сначала рассматривал Комитет, а уже потом перенаправлял их в губернскую Строительную и Дорожную комиссию для окончательного решения.

Помимо перечисленных «мелких» вопросов, решаемых Комитетом, Высочайшим повелением ему было поручено ещё два — гораздо более важных. Первый: выбор места для возведения больницы на 25 коек. Только человек, далёкий от проектирования и строительства, сочтёт эту задачу пустяковой. Не загружая голову Читателя техническими деталями, скажу только, что выбор места для постройки общественного здания сопряжён с решением целого ряда проблем, включая выяснение характера грунта на выбранной площадке. И тот факт, что подпись инженер-капитана Гальяра под актом выбора площадки стоит последней, никого не должен вводить в заблуждение: мнение Ивана Петровича в этом вопросе было решающим. К счастью для Гальяра, и без того загруженного сверх меры, ему не было вменено в обязанность составить собственно проект больницы. Это было поручено губернскому архитектору И.К. Шевцову [1, лл. 528, 528-об], и, признаюсь, в

задачу данного исследования не входило выяснение вопроса, была ли упомянутая больница построена в действительности.

Гораздо более трудоёмким для Гальяра было другое поручение: составить план города Острова. Формально речь не шла о новом генеральном плане. Высочайшим повелением было предписано «всего лишь» *«пересмотреть план г. Острова и представить о тех изменениях, какия к лучшему устройству этаго города сделать необходимо будет, как уничтожением существующих ветхих строений, так и спланированием улиц и площадей»* [2, л. 7]. Однако выполнение монаршей воли сразу встретило ряд препятствий, которые вряд ли предвидели в столице. Во-первых, выяснилось, что в самом Острове попросту нет плана города — ни подлинника, ни копии (!). Уже исходя из этого факта вдумчивый Читатель может сделать вывод о том, с какой точностью городские власти следили за тем, чтобы застройка Острова соответствовала Высочайше утверждённому плану. Не удивительно, что, когда городские власти получили, наконец, «тот самый» план и сравнили его с действительным положением, они были немало удивлены. Оказалось, что *«против сего плана, ныне произошло весьма много изменений в постройках ...города»* [2, л. 20]. Дальше — больше: «тот самый» план был *«составлен более уже чем 40 лет назад (по нашим сведениям, он был составлен гораздо раньше — в 1770-е гг. — В.В.) с большими неверностями»*. Оставим за скобками, отложив их на будущее, рассуждения о том, почему городские власти молчали об этих «неверностях» свыше 40 лет. Крайним в этой ситуации стал Высочайше учреждённый Комитет, оказавшийся *«в большом затруднении»*, поскольку был не способен *«исполнить это (Высочайшее повеление — В.В.) в скорейшем времени неимея своего кондуктора для занятия черчением»* [2, л. 20-об].

Здесь мы должны дать небольшой перевод с языка служебных документов XIX в. и пояснить нашим современникам, что кондуктором называют не только того, кто продаёт билеты пассажирам автобуса. В 1840-е гг. этим словом называли должность младших технических специалистов, в обязанности которых, помимо банального «подай-принеси-подержи-отмерь», входило выполнение чистовых чертежей, а также их копий (тяжко приходилось проектировщикам в доксероксную эпоху!). Высшее столичное начальство, выполняя Высочайшее повеление об учреждении Комитета, не осмелилось добавить в его состав ни одной должности сверх перечня, продиктованного государем. Петербург переложил проблемы на Псковскую губернскую Строительную и дорожную комиссию, которой был подотчётен учреждаемый Комитет. Но и в Пскове «лишних» техников не было. Те, что состояли

в штате, были заняты на разбросанных по всей губернии объектах, в т. ч. и в Острове. Помимо уже упомянутой работы Шевцова над проектом градской больницы, значительную часть работ вёл Л.В. Гриневский. Этот архитектор был *«производителем работ постройке тюремного замка и ему же поручено исполнение поделу о разчистке подземельных ходов в древней крепости. Ему же Гриневскому поручено вовремябытности его в г. Острове исполнять необходимыя законныя требования Островскаго Строительнаго Комитета»* [3, л. 4].

А представьте на минуту, многоуважаемый Читатель, если бы все эти работы тоже легли на плечи Гальяра?! Да они поначалу и легли, поскольку, во-первых, процитированный чуть ранее документ относится уже к 1850 г., а не к начальному периоду деятельности Комитета. Во-вторых, эти строки как раз являются фрагментом ответа Строительной и дорожной комиссии на просьбу инженер-капитана Гальяра *«освободить его от составления проектов по спланировке улиц г. Острова»*.

Вполне вероятно, что именно большой объём «внештатной» работы в Комитете стал причиной того самого *«упущения в постройке Островского станционного дома»*, повлёкшего дисциплинарное наказание Гальяра.

Ненадолго вернёмся к истории создания нового плана г. Острова. Проблема с поиском свободного техника решилась тогда довольно неожиданно: в помощь Гальяру в Остров командировали прапорщика Псковской арестантской роты Чумарикова, *«имеющего сведения почастии составления топографических планов»* [2, л. 31]. Но кто бы ни вычерчивал новый план, ведущая роль И.П. Гальяра в этой работе неоспорима.

Рубеж 1852 и 1853 гг. стал и рубежом в карьере Ивана Петровича, подведя черту под его двадцатидвухлетним периодом службы на Островской земле. 26 января 1853 г. Гальяр был переведён в окрестности Петербурга на должность начальника 1-й дистанции IV Отделения I Округа Путей Сообщения» [7, лл. 2-об, 3]. Трудно утверждать определённо, что стало причиной этого «горизонтального» (т. е. без повышения в должности) перемещения. Ведь в то время наиболее частым поводом перевода была необходимость повышения чиновника в чине и должности по достижении выслуги лет при отсутствии вакансии для повышения по прежнему месту службы. Вероятнее всего, в случае И.П. Гальяра сложился комплекс причин, и на две из них мы укажем. Во-первых, к исходу 1852 г. основные работы по строительству Динабургского шоссе в пределах Псковской губернии были завершены, в т.ч. по строительству станционных зданий. Во-вторых, Иван Петрович и Екатерина Игнатъевна наверняка хотели находиться поближе к сво-

ему старшему сыну Владимиру, который в мае 1851 г. был зачислен «в казеннокоштные кандидаты» [13] Института корпуса инженеров Путь сообщения. А летом 1852 г. и второй сын — Дмитрий — был направлен родителями по стопам своего старшего брата.

И вот здесь мы ненадолго прервём жизнеописание Ивана Петровича Гальяра, покинувшего Остров и Псковскую губернию, и обратим наше внимание на Дмитрия, в городе Острове родившегося и тем самым навсегда с ним связанного. Как уже было сказано, родился он 7 марта 1840 г., но из-за отсутствия в то время в Острове костёла (а может быть, по какой-то другой причине) окрестили Дмитрия лишь 29 апреля того же 1840 г. Несмотря на то, что летом 1852 г. Дмитрию было лишь 12 лет от роду, он был направлен в качестве кандидата на зачисление в Строительное училище, которое существовало в Санкт-Петербурге, где уже обучался его старший брат Владимир.

Этот поворот в судьбе Дмитрия Гальяра требует сделать некоторые пояснения, поскольку не все особенности той давней эпохи могут быть известны Вам, уважаемый Читатель. Начнём с того, что не все мои современники чётко различают Институт корпуса инженеров путей сообщения, готовивший офицеров (лучшие выпускники сразу производились в поручики, большинство прочих — в подпоручики, лишь наименее успешные выпускались прапорщиками), и Строительное училище, изначально существовавшее как бы при упомянутом Институте, но являвшееся совершенно самостоятельным учебным заведением. Задачей Училища была подготовка младших офицеров (выпускникам присваивали звание прапорщика). Если в Институт могли быть приняты только дворяне, то для зачисления в Училище это требование было не таким жёстким — допускались исключения. В обоих учебных заведениях почти все воспитанники находились на казённом обеспечении, что было чрезвычайно привлекательным обстоятельством для малообеспеченных («недостаточных», как выражались в ту эпоху) родителей. Следует заметить, что в результате преобразований, произошедших в 1830-е – 1840-е гг., Строительное училище, оставаясь подведомственным Главному Управлению Путь сообщения и Публичных Зданий (ГУПСиПЗ), стало готовить младших техников общегражданского профиля, которых после выпуска назначали на должности «архитекторских помощников».

Ещё одним важным обстоятельством было то, что каждая губерния могла направлять в Училище двух кандидатов, обучаемых за счёт средств дворянского общества данной губернии. Это должно было способствовать постепенному наполнению губерний образованными

техниками-строителями, которых в начале XIX в. катастрофически не хватало. Жителям XXI в. удивительно узнать и поверить, что кандидатов на обучение зачастую находили с трудом, поскольку престиж архитектурской должности среди губернского дворянства был крайне низок. По этой причине, когда в губернию приходило из Училища известие, что губернский воспитанник заканчивает обучение и пора ему на смену готовить новых кандидатов, дворянское сообщество буквально «по сусекам скребло» в поисках желающих. К тому же далеко не все кандидаты, посланные губерниями в Петербург, удовлетворяли уставным требованиям, хотя эти требования были всем известны заранее, и успешно проходили приёмные испытания. Например, нередки были случаи, когда возраст присланного кандидата был менее допустимых 13 или старше допустимых 17 лет (кстати, именно слишком юный возраст Дмитрия Гальяра поначалу препятствовал его зачислению). Были также случаи отчисления воспитанников после года-полутора, проведённых в Училище, по причине выраженной неспособности к наукам. Именно поэтому, например, досрочно вернулись домой Фердинанд Трояновский (юный дядя Дмитрия Гальяра, отчисленный в январе 1844 г. с третьего курса как *«невьдержавший Экзамена и к успешному продолжению курса учения надежды не подающий»*) [14, л. 18] и Лев Янко (сын бывшего псковского губернского архитектора Ивана Янко, также отчисленный с третьего курса в декабре 1834 г. *«за неоказанные им успехи в науках к дальнейшему образованию в сем Училище и по неимению дара способностей к изучению Инженерного искусства»*) [15, л. 12]. Есть основания полагать, что и Владимир Гальяр по какой-то неизвестной нам причине не закончил обучения в Институте путей сообщения, потому что в списках выпускников института его нет.

Таким образом, Дмитрий Гальяр был направлен в Училище от Псковской губернии, а потом обучался на деньги псковского дворянства, хотя семья Гальяров уже обосновалась в Петербурге. Тем не менее Дмитрий Иванович, завершив обучение в 1860 г. в числе наиболее успешных учеников (он был выпущен с присвоением ему чина X класса, а не XII, как менее успешные выпускники), вернулся в Псков, чтобы отдать свой долг службой в Псковской Строительной и дорожной комиссии. Впрочем, псковский период его службы продлился чуть менее года: с 15.06.1860 по 16.05.1861, когда Дмитрий Иванович был переведён в Петербург, на должность помощника начальника 1го Стола Искусственного Отделения Правления I Округа Путей Сообщения.

Дальнейшая карьера островского уроженца проходила вне Псковской земли, поэтому в данной работе нет необходимости пере-

сказывать её в деталях. Заметим только, что Д.И. Гальяр дважды возвращался в Строительное училище: с 17.09.1866 по 18.09.1868 он служил там преподавателем [10, лл. 18–22], а весной 1871 г. [11, л. 6] Дмитрий Иванович представил и защитил там проект *«на соискание звания инженер-архитектора»* [11, л. 1]. Подобный проект необходимо было выполнять всем выпускникам Строительного училища, если они не желали довольствоваться должностью архитекторского помощника. Решением Конференции Строительного училища Гальяру было поручено *«составить проект многораскосного под железную дорогу моста. ...Проект должен быть сопровожден детальными чертежами, подробными: пояснительною и расчетною записками, описанием производства работ и приблизительною сметой»* [11, л. 4].

Железнодорожная тематика не случайно возникла в дипломном проекте Гальяра, который настолько увлёкся перспективами железнодорожного строительства, что решил променять спокойно-размеренную службу в столичном Техническо-строительном комитете и в Строительном училище на *«занятия, настроющийся ныне Курско-Харьковско-Азовской Железной Дороге»* [10, л. 1]. Заметим, что Гальяр в это время уже трудился на строительстве Воронежско-Ростовской железной дороги [10, л. 7].

Упомянув про Воронеж, нельзя не сказать, что именно в этот год в середине 1860-х гг. переехали родители Д.И. Гальяра вместе с младшими детьми. Причиной переезда стало назначение Ивана Петровича 11.12.1865 начальником работ по строительству Воронежского шоссе (на участке от Лапотникова до Воронежа). Наконец-то, после 12 лет бюрократической работы, старший Гальяр снова оказался в гуще реального строительства, как и в то памятное двадцатилетие на Островской земле. И производство его в чины сразу значительно ускорилось. Если за предшествующие 20 лет он «вырос» всего лишь от капитана до подполковника (при обычном для того времени производстве в следующий чин каждые 4–5 лет), то теперь вышестоящее начальство, словно спохватившись, стало воздавать ему щедрой рукой:

11.12.1865 — статский советник (назначение его начальником строительства Воронежского шоссе совпало с реформой, в результате которой военные чины были преобразованы в штатские), что фактически соответствовало армейскому бригадному генералу;

20.04.1869 — орден Св. Станислава 2-й степени с Императорской короной;

22.09.1869 — орден Св. Владимира 4-й степени (за 35 лет беспорочной службы), очень высоко ценимый в Российской империи;

28.04.1872 — орден Св. Анны 2-й степени (та самая «Анна на шее»!);

31.03.1874 — орден Св. Владимира 3-й степени;

03.02.1877 — действительный статский советник, что соответствовало армейскому генерал-майору.

Чин IV (генеральского!) класса в табели о рангах — мог ли мечтать об этом безвестный юноша, сын иностранки Каролины Гальяр?

Но не всё так радужно складывалось в жизни семьи Гальяров, и неприятности принёс их младший сын, которого при крещении нарекли Сервилиусом, а в православной России всё чаще и чаще называли Сергеем. А поскольку родился он 19.01.1851 всё в том же достославном граде Острове, то мы имеем полное право посвятить ему в нашем рассказе несколько строк. Да и яркие обстоятельства его жизни этому способствуют.

Всё дело в том, что И.П. Гальяр направил Сервилиуса-Сергея по стопам его старших братьев и по своим собственным: «по строительной части». 26.02.1868 г. 17-летний юноша подал прошение о зачислении в Строительное училище «на казенное содержание» [12, л. 2]. Возможно, по причине не вполне успешного прохождения приёмных экзаменов Сергей не попал в число счастливчиков, принятых на обучение за казённый счёт, и 30 сентября того же года С.И. Гальяр уже просит определить его в Строительное училище «в число своекоштных экстернов» [12, л. 3]. Это прошение было удовлетворено, и Сергей стал студентом. Однако...

Это только нам кажется, что все генералы — богатые (по крайней мере, вполне обеспеченные) люди. Но в конце ноября 1870 в Училище поступает прошение «Инженера Статского Советника Ивана Петрова Гальяра», в котором тот пишет следующее: «Третий год воспитываю на свой счет сына своего... Сергея Гальяра; — состоя на службе при ограниченном содержании и при многочисленном семействе, я нахожусь в крайности далее воспитывать его на свой счет» [12, л. 8].

Испытание бедностью (пусть и относительной) не было последним для семьи Гальяров. Конец января ошеломляет их страшным известием «о нечаянном ранении себя в грудь Сервилиуса Гальяра, воспитанника 1го специального класса Строительного Училища, из заряженного револьвера помощника инспектора классов Куредова, в квартире которого он жил» [10, л. 8]. Случай странный, объяснения пострадавшего — запутанны, письменные свидетельства явно направлены на затушёвывание этого неприятнейшего происшествия, грозящего столь же неприятными последствиями для всех причастных лиц.

Судя по справке директора Училища, «...28...Января [1871 г. — В.В.] в $\frac{3}{4}$ 12⁰⁰ часа дня воспитанник Училища Сервилиус Гальяр в квартире Помощника Инспектора классов, где он жил, осматривая заряженный револьвер, выстрелил из него по нечаянности в левый бок между 8 и 9 ребрами. Рана опасная, но большой в памяти и находится под постоянным надзором врача Училища» [12, л. 12].

Что же могло заставить 20-летнего человека «нечаянно» выстрелить себе «в левый бок между 8 и 9 ребрами»? Только ли бедность родителей, вследствие которой он с большой вероятностью должен был покинуть Училище? Поведение раненого трудно не назвать экзальтированным: когда потрясённые известием родители приехали к нему (из Воронежа!) уже на третий день после происшествия, он «был очень взволнован, — и спустя некоторое время начал жаловаться на боль в груди у нижнего угла левой лопатки» [12, л. 26]. Летом того же 1871 года И.П. Гальяр доносит директору Строительного училища, что по рекомендации врача отправил сына «для поправления слабого здоровья на Юг, ...к Кавказским Минеральным Водам» [12, л. 37] (врач выявил у С. Гальяра малокровие и расстройство пищеварения [12, л. 38]). А в начале осени студент Гальяр и вовсе высказал желание перейти в число слушателей Технологического института! Отец, как ни любил младшего сына, был категорически против, но... «...В январе 1872 года, по просьбе моей, был уволен из... Строительного Училища, по причине болезни, не позволяющей мне заниматься графическими работами» [12, л. 49] — это собственноручные строки Сервилиуса-Сергея из более позднего заявления, причём не последнего! Потому что спустя полтора года, осенью 1873 г., С. Гальяр снова подал прошение о зачислении в Строительное училище, и был зачислен снова своекоштным экстерном в 1-й Специальный класс [12, л. 51].

Можно себе представить, сколько переживаний доставил своим родителям сын, чьё древнеримское имя в переводе с латыни означает «охраняющий»!..

Минул учебный год, и в июне 1874 г. С. Гальяр был «уволен на практические занятия в г. Херсонес» по личному приглашению архитектора М.Ю. Арнольда для участия в работах на строящемся там храме Св. Владимира. Работы в Крыму, да ещё и под руководством грамотного наставника (Максимилиан Юрьевич (Георгиевич) с 1872 года возглавлял кафедру истории архитектуры в Строительном училище и в Инженерной академии Санкт-Петербурга, а в 1873 году за научную деятельность был удостоен звания инженера-архитектора [21, с. 13]) вдохновила Сергея Ивановича, и — новый поворот: в декабре 1874 г. он

захотел поступить в Академию Художеств. Старший Гальяр снова был против, настаивая на завершении сыном учёбы в Училище, выпускники которого, в отличие от выпускников Академии, гарантированно получали должность на казённой службе и, следовательно, твёрдый доход. Письмо, полученное им из Училища, было расплывчатым и не развивало его сомнений. «...*Переходы сына Вашего из одного заведения в другое, — говорилось в этом письме, — по моему мнению следует объяснять или не расположением его к познанию математических предметов, или тем, что изучение их достается ему с большим трудом, что и подтверждается его посредственными познаниями в них (! — не тут ли кроется причина «случайного» выстрела между 8-м и 9-м рёбрами? — В.В.)*». И далее там же: «*Способность его к Композиции Архитектурных проектов*» позволяет думать, «*что если эта способность его будет развита прилежным рисованием в Академии Художеств, то из него выйдет весьма порядочный Художник по Архитектуре*».

Художник — это не то, что мечтал видеть в сыне старый военный строитель, и С.И. Гальяр, под угрозой остаться без материальной поддержки отца, продолжил учёбу в Училище. Но 08.02.1875 г. он всё же подал прошение об увольнении из Строительного училища «*по домашним обстоятельствам*».

В 1880-е гг. мы видим С.И. Гальяра... юристом, одним из частных нотариусов г. Воронежа, где снова собралась почти вся семья Гальяров. Дмитрий Иванович, с конца 1860-х по середину 1870-х гг. немало потрудившийся на строительстве железных дорог (в т.ч. «...с 1871 г. в командировке при Обществе Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороги» [10, л. 15]), 16.06.1876 подал прошение о назначении его «*на открывшуюся вакансию Губернского Инженера Строительного Отделения Воронежского Губернского Правления*» [10, л. 15], которое было удовлетворено. А Иван Петрович неожиданно для себя оказался на грани отставки, причиной чему стала, в т.ч., бурная деятельность...его сына Дмитрия! Всю свою жизнь Гальяр-старший строил шоссейные дороги, но Воронежское шоссе, строительству которого были отданы последние 11 лет его карьеры и которое уже близилось к завершению, вдруг оказалось почти не нужным из-за строительства железной дороги, которую строил его сын и которая «переманила» к себе весь коммерческий грузопоток! С 11.02.1877 г. Иван Петрович состоял при МПС сверх штата, «с откомандированием к заведыванию участком Воронежского шоссе» [9, лл. 1–6], а 24.09.1879-го, после 50 лет службы, был окончательно уволен от службы «с мундиром» (важная деталь для того времени, которая демонстрирует «почётную» отставку

в отличие от отставки добровольной либо за служебные упущения). Любопытно, что ещё за полтора года до этого, 05.02.1878 г., непосредственное столичное начальство предлагало высшему столичному начальству «*заведывающего Воронежским шоссе инж. Д. С. С. Гальяра, в виду его преклонных лет, уволить в отставку с производством в тайные советники*» [9, л. 8-об; подчёркнуто мною — *В.В.*]. Сам Иван Петрович о повышении не просил, в своём рапорте от 22.10.1878 г. попросив лишь об отставке с назначением пенсии по фактически присвоенному званию (т.е. действительного статского советника.) [9, лл. 23. 24]: «*Не имея никакого состояния, а только имею надежду, что прослужив в Министерстве более 50 лет безпорочной службы, при огромном семействе, на пенсию при отставке*» [9, л. 28]. По рассмотрении всех деталей данного дела, высшее начальство решило всё же в тайного советника Гальяра не производить, поскольку это противоречило бы установленному порядку: прошло менее трёх лет после предыдущего повышения в звании [9, л. 38-об].

Вся эта «пенсионная история» происходила уже после того, как в семье Гальяров случилась ещё одна трагедия: 27.09.1877 г. всего лишь на 38-м (!) году жизни скоропостижно скончался Дмитрий [10, л. 24], менее года (с 3 января) успевший прослужить воронежским губернским инженером...

Иван Петрович после своей отставки прожил чуть более года, скончавшись 18.05.1880 года. Там же, на Чугуновском кладбище Воронежа, спустя семь лет упокоилась и его супруга, Екатерина Игнатьевна. Здесь же похоронен и Сергей-Сервилиус, который 02.08.1891 всё-таки (со второй попытки) покончил с собой, приняв яд — на следующий день после объявления о банкротстве своей нотариальной конторы... [23].

Так закончилась история «островских» Гальяров — тех, чья жизнь была как-либо связана с Псковской землёй. Их потомки продолжали служить России. Внуки Дмитрия Гальяра, родившиеся уже в Петербурге, сражались и отдавали свои жизни в годы Ленинградской блокады.

Но про них пусть расскажут уже другие исследователи...

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАПО, ф. 31, оп. 1, д. 217.
2. ГАПО, ф. 31, оп. 1, д. 257.
3. ГАПО, ф. 31, оп. 1, д. 648.
4. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 200.
5. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 989.
6. ГАПО, ф. 169, оп. 1, д. 1.

7. РГИА, ф. 172, оп. 1, д. 358.
8. РГИА, ф. 204, оп. 1, д. 83.
9. РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 61.
10. РГИА, ф. 1293, оп. 76, д. 286.
11. РГИА, ф. 1293, оп. 76, д. 384.
12. ЦГИА, ф. 184, оп. 2, д. 148.
13. ЦГИА, ф. 381, оп. 13, д. 2208.
14. ЦГИА, ф. 530, оп. 1, д. 107.
15. ЦГИА, ф. 530, оп. 1, д. 143.
16. Адрес-календарь на 1807 г. С.-Пб., 1807.
17. Адрес-календарь на 1809 г. С.-Пб., 1809.
18. Адрес-календарь на 1813 г. С.-Пб., 1813.
19. Адрес-календарь на 1815 г. С.-Пб., 1815.
20. Адрес-календарь на 1829 г. С.-Пб., 1829.
21. *Барановский Г.В.* «Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров (Строительного Училища)». С.-Пб, 1892 г.
22. *Богушевская Ирина.* «Рио-Рита» / «Вновь ночи без сна». М., «Эксмо». 2013.
23. «Дон», газета. № 87 (от 4 августа) за 1891 г.
24. *Некрасов Н.А.* «Железная дорога» / Собрание сочинений в 8 томах. Том II. М., «Художественная литература». 1967.

Кондибор В.И.,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: neokwart@tut.by
Чернов Р.Г.,
Псков, Россия
e-mail: Kuschey2006@yandex.ru

КТИТОРСКАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА МЕДУНЕЦКИХ

«Забытый благотворитель» — именно так называлась статья Сергея Везовитова, научного сотрудника Себежского Краеведческого музея. Он писал, что дворяне Медунецкие — неутомимые создатели уездного облика Себежа. В историю края вписано множество фамилий истинных патриотов Малой Родины. На протяжении всей жизни они приносили пользу своей земле. Среди фамилий, занимавшихся созидательной деятельностью, следует отметить старинный дворянский род Медунецких, тесно связанный с историей и культурой нашего края [1].

Впервые в истории Себежа эта фамилия упоминается в Привилее польского короля Сигизмунда, данного 14 марта 1623 года, где говорится, что король польский, «имея в уважении воинских заслуг Гавриила Медунецкого, который состоял в чине порутчика под знаменем Ротмистра Самуила Паца, с потерию здоровья и состояния своего храбро оказывал. А прежде всего ранен был, в тяжелом плене у татар находился, из оного себя выкупил и в прошедшую компанию сражаясь под Хотиным с неприятелем в явную бросался опасность и желая в дальнейшем республики Польской услугам, пожаловать ему долю себежской земли в конкретном размере (тридцать уволок) за воинские заслуги Гавриилу Медунецкому, жены и детям и потомкам пока род его существовать будет во владение» [2].

Габриель Михайлович Медунецкий, который при короле Польском Сигизмунде III, был назначен капитаном Себежского замка и получил в Себежском уезде 30 влок земли с крепостными, как о том указано в подлинных Привилеях Короля Польского Сигизмунда III от 14 марта 1623 года и от 11 мая 1624 года, а потом — от короля Владислава IV в качестве дара он получил имения Цехомичи и Томсино Полоцкого воеводства Себежского уезда и одновременно с этим — пустоши Отрошково, Пономарево, Ботурлино, Старое село и Татаринки на 100 влок в Ветлинском уезде Смоленского воеводства; затем последовал привилей от 10 декабря 1641 года о пожаловании Габриелю Меду-

нецкому имень Цехомичи (Техомичи) и Томсино с крепостными, находящихся в Себежской волости. Польским королем Яном Казимиром 05.02.1644 подписан привилей о пожаловании Габриелю Медунецкому ста влок земли в Витебской и Смоленской волостях. В 1649 году привилеем короля Яна Казимира подтверждается дар короля Владислава IV на пустоши Отрошково, Ботурлино, Старое Село и Татаринки. Сынвья Габриеля, — Андрей, Константин, Казимир, Героним, Габриель и Ян, — унаследовали ленные именья Цехомичи, Томсино и Борисино, а также пустоши Веретенкино, Подобедово, Ильиново и Краково с двумя домами с огородами в Себежском замке, что подтверждается привилеем короля Яна Казимировича от 13 июня 1638 года. В 1660 году по Завещанию дети получили именья Техомичи (Цехомичи) и Томсино в Себежской волости Полоцкого воеводства [2].

Герб Медуницких

1 февраля 1687 года Габриель Габриельевич записал на имя своей жены Жабянки имения Вороновка в Виленском воеводстве и Цехомичи в Полоцком воеводстве. Героним Габриельевич в браке с женой Подбиенткой имел сыновей Юстина, Михала, Яна, Доменика, Иосифа и Ежи, скарбника Ошмянского, отца Казимира Медунецкого, заявление которого рассматривается на этом собрании. 29 сентября 1731 года он приобрёл в вечное пользование имение Яблонец. Иосиф Габриельевич в браке с женой Гласковной имел сына Габриеля Медунецкого, ловчего Полоцкой провинции, который был избран депутатом в Трибунал.

Один из сыновей Геронима Габриельевича (Ян, Иосиф, Юстин, Доминик, Ежи и Михал) — Ян Медунецкий, скарбник смоленский, по завещанию своему имение Зябки (Дриссенский уезд) разделил поровну между оставшимися братьями, тогда Михал Геронимович, мостовничий Ошмянского уезда, причитающуюся ему часть этого имения уступил своему брату Ежи, скарбнику Ошмянскому, который, кроме того, получил от брата своего Доминика Геронимовича другую часть имения Зябки и вместе с подаренным ещё деду Габриелю имением Томсино передал их по наследству единственному своему сыну Казимиру Еживичу, что подтверждается вечным продажным правом, полученным Ежи Геронимовичем 22 января 1742 г. от Михала Геронимовича на половину имения Зябки, а 29 июня 1741 г. — от Доминика Геронимовича на другую часть имения Зябки и имения Томсино, что в 1748–1749 годах признано Городским судом Ошмянского уезда; Казимир Еживич с 1791 года занимал пост уездного судьи, а с 1796 года был уездным предводителем дворянства.

17 февраля 1774 года был издан Декрет Земских Судов Полоцкой провинции о подтверждении родословной дворян. Витебское Дворянское Депутатское Собрание находит, что согласно первоначальному Декрету Полоцкого Провинциального земского суда 1774 года и решению Дворянского собрания Полоцкого Наместничества 1795 года фамилия Медунецких происходит из старинного шляхетского рода и занесена в шестую часть родословной Дворянской книги.

Протокол Дворянского Депутатского Собрания Полоцкого Наместничества от 18 ноября 1795 года. На основании представленных доказательств, Дом панов Медунецких признать в дворянском достоинстве с внесением в шестую часть Родословной книги. Протокол подписан Маршалком Себежским Иосифом Храповицким и Депутатами всех двенадцати уездов Витебской губернии: Сипайлло, Ян Рипинский, Пётр Рипинский, Вейпехоф, Гурко и другие [7, лл. 180–184].

Важным моментом в судьбе страны и рода стала первая четверть XIX века, когда в Россию вторглись войска Наполеона Бонапарта. Представители рода Медунецких участвовали в войне против французских войск. Один из них, поручик Иосиф Казимирович Медунецкий, находился на военной службе с 1808 года, участвовал во многих сражениях, в том числе и заграничных походах Русской армии, войну закончил под Парижем. За проявленную храбрость и боевые заслуги 18 марта 1814 года был награждён золотой саблей с надписью «За мужество» и медалью «Тысяча восемьсот двенадцатый». После увольнения с военной службы в 1816 году он был избран хорунжим Дриссенского уезда, позднее — подскарбием Дриссенского уезда. 1 февраля 1820 года был избран предводителем дворян Себежского уезда. Был женат на Маргарите Карловне фон Штраубинг, у них родился сын Казимир — Карл — Иосиф, который стал владельцем имения Макряды в Себежском уезде.

Иосиф Казимирович 2 февраля 1807 года выпущен из кадетского корпуса и назначен в Екатеринославский полк кирасиров в чине корнета, 19 декабря 1812 года награждён орденом Св. Анны третьего класса, 26 февраля 1814 года — орденом Св. Владимира IV степени, 18 марта 1814 года — золотой саблей с надписью «За мужество» и медалью «Тысяча восемьсот двенадцатый», а 13 апреля 1816 года уволился с военной службы и 26 декабря 1816 года избран хорунжим Дриссенского уезда, 20 февраля 1820 года избран подскарбием, 1 февраля 1829 года — предводителем дворян Себежского уезда, каковым успешно служит; 26 февраля 1814 года Иосифу Медунецкому были выданы: патент за подписью графа Витгенштейна на орден Св. Владимира и 31 мая 1818 года — диплом на орден Св. Анны.

Ян Казимирович в 1801 году был избран Депутатом дворянства Себежского уезда, в 1804 году — себежским подсудком, в 1829 году — подкоморием Полоцким; Антоний Янович (28 января 1777–?) — сын Яна Яновича. Женат «на девице Янине». 1801 года 29 июля за № 1733 выдано свидетельство заместителем Витебского Губернского Предводителя дворянства о том, что Антоний Янович Медунецкий, владелец наследственных имений Цехомичи и Яблонец с 341 душой крепостных, избирался: в 1795 году — ассессором суда; в 1797 году — заместителем судьи; в 1806 году — тысяцким начальником земской милиции; в 1808 году — судьёй; 1814 году — хорунжим; в 1817 году — Предводителем дворянства Себежского уезда.

11.10.1801 — купчая крепость от Антона Медунецкого себежскому маршалку Казимиру Медунецкому на имение Мокряды выданная. Антоний Янович продал (навечно) Казимиру Ежевичу фольварк

Макряды с крепостными, что утверждено Земским себежским судом 1801 года 11 октября. Формулярный список о службе бывшего Себежского поветового маршала Антона Ивановича от 1833 года: бывший Себежский поветовый маршал Антон Иванович имел имение родовое в Себежском уезде при фольварке Цехомичах и Яблонце. С 07.12.1795 в Себежском нижнем земском суде до 06.02.1796 избран заседателем. С 05.05.1797 по 02.06.1802 в Себежский поветовый земский суд избран дворянством в подсудки. 31.12.1806 избран в тысячные начальники Себежского уезда земского войска и продолжил по 01.06.1807 до оставления за реформую. С 07.01.1808 по 08.02.1811 в Себежский поветовый земский суд — судьёю. 21.01.1814 избран дворянством в Себежские поветовые хорунжие, продолжал по 15.01.1817 в исправление маршалковской должности. 15.01.1817 избран Себежским поветовым маршалком, продолжал сию должность по 17.01.1820. Женат, имеет сына Казимира, дочерей Иозефину и Анну [8].

Анна Антоновна — дочь Антония Ивановича Медунецкого родилась в 1814 году. Муж Анны — Константин Иванович Медунецкий (род. 27.08.1814). Родители мужа — Иван Казимирович Медунецкий и Юлиана Рыпинская. 1854 год — в имении Дубровка (Прихабской волости) проживают Константин, его жена Анна, сын Казимир, дочери Валерия и Терезия. В 1861 году в Дубровках был зарегистрирован винокуренный завод. 1865 год — во всём Себежском уезде было 34 мельницы. Из них водяных — 7, ветряных — 11, с использованием силы животных — 16. Две из них принадлежали Медунецким. Одна находилась в имении Томсино, действующая силой животных, мельница (1), камень (1). Количество вымалываемой муки в пудах — 9000. Мука приготавливается на винокуренные заводы и собственные надобности владельцев. Вторая — в Дубровках, состав: мельница (1), камень (1). Количество муки — 6030 пудов. В 1905 году дворянка римско-католического вероисповедания Анна Антоновна владеет имением Зябки с фольварками (Зябковская волость, Дриссенский уезд, Вит. губ.). Кроме этого, она владела поместьем Дубровка с фольварками Зимник и Поддубье в Прихабской волости Себежского уезда. Удобной земли (336 десятин), леса (647 дес.), неудобной (95 дес.) [2].

В XIX веке род Медунецких довольно часто встречается в исторических документах по истории Себежского края. После восстания 1863–1864 гг. многие Медунецкие потеряли свои имения. Дворяне признавались государственными преступниками и лишались по суду прав состояния, а имущество их было конфисковано в государственную казну. Среди таковых оказался Казимир Иосифович, дворянин

Себежского уезда Витебской губернии. Его мать имела имения в Себежском уезде «Томсино», «Борки», «Орловичи» и Тульской губернии Ефремовского уезда — Вытемна. После восстания 1863 г. фольварк Томсино Себежского уезда был конфискован [4].

К концу XIX — началу XX в. род Медунецких считался самым крупным дворянским родом Себежского уезда. Им принадлежал ряд крупных имений в уезде. Так, сыну Казимира Игнагию принадлежали имения Борки Прихабской волости, Клин Томсинской волости, Дубровка с фол. Зимник и Поддубье в Прихабской волости, Орловичи Глембочинской волости.

Центральной усадьбой рода Медунецких в конце XIX — начале XX в. становится Белькино — имение, которое до сих пор хранит уникальные фрагменты истории и культуры. По воспоминаниям современников, в усадьбе Белькино был одноэтажный деревянный дом на каменном фундаменте, два флигеля для дворовых людей, кухня, каменный погреб, амбар, мельница, скотный двор на 58 коров, бойня. Ледник, конюшня на 20 лошадей, гумно, сарай. Конечно же, многое на сегодня уже безвозвратно потеряно, но, тем не менее, до наших дней сохранились основные планировочные элементы усадьбы: центральная поляна с остатками фундамента господского дома, каменное здание хозяйственного назначения, искусственные террасы по склону холма с аллейнными посадками, копаный пруд с протокой, фрагменты аллеи, в которой сохранились лиственница, пихта, кедр и т.д. Украшает аллею 300-летний дуб [3].

К сожалению, большинство имений рода Медунецких на сегодняшний день утрачено. В конце мая 1885 года город Себеж был охвачен ужасным огнём, в котором сгорело более 600 строений. Город восстанавливался медленно и в течение долгого времени. Значительную роль в восстановлении города сыграл род Медунецких. В конце XIX — начале XX в. при финансовой помощи Медунецких в Себеже были возведены ключевые здания города. Одним из первых на центральной улице города (тогда ещё Красной, ныне ул. Пролетарская) возводится большое двухэтажное здание с чердачным помещением, в котором расположились аптека, театр, магазины. Это здание до сих пор используется, как спортивная школа и жилой дом. Кроме этого, в Себеже были построены два доходных дома, в которых часть помещений сдавалась под склады и жилые комнаты, а часть использовалась хозяевами как пункты сбора налогов и продажи сельхозпродукции. И эти здания долгие годы использовались как общежития, склады, Дом культуры и т.д. При строительстве зданий Медунецкие использовали

красный кирпич, изготовленный на собственных кирпичных заводах. Тем самым они изменяли облик уездного города и одновременно под-держивали местных производителей [1], [2].

КТИТОРСТВО. Что это такое? Помещики-католики строили церкви для собственных крепостных крестьян — значит, автоматически становились попечителями такого храма (даже если приход переходил в православие, с помещика не снимали ответственности за содержание такового, а зачастую требовали, чтобы он, католик, на свой счёт возводил новую православную церковь).

В Речи Посполитой шляхта обладала правами колляции на православные церкви в своих имениях. А уж в униатских приходах помещики — за удалённостью приходских римско-католических храмов — крестили детей, венчались, причащались, исповедовались. И оставались при этом римо-католиками. По крайней мере, до начала кампаний по «разбору прихожан» (1840-е–1880-е гг.), когда многие римо-католики были вынуждены стать православными именно потому, что их крестили в бывших униатских (а в то время уже православных) храмах.

Следует упомянуть об униатских храмах Себежской суррогации, или деканата (благочиния), связанных с ктиторовством Медунецких и находящихся в их имениях.

Село Томсино (Себежского р-на Псковской обл.). Униатская церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Деревянная церковь известна с 1719 г. Фундушное имение в 36 десятин было пожаловано 19 марта 1719 г. Гавриилом Медунецким. В приходе было почти 30 деревень, в т.ч. деревни Томсино, Рулино, Костючихи, Мятки, Боброво, Клин, Иваны, Кареты, Громады, Селявы, Ганчино, Поддубье, Замошье и другие [5, лл. 62–64 об.]. В другой части того же дела указано, что церковь построена ловчим Гавриилом Медунецким, но когда образован приход — неизвестно.

В период 1803–1805 гг. ктитором Томсинской греко-католической (униатской) церкви Покрова Пресвятой Богородицы назван надворный советник Казимир Медунецкий, бывший маршалок Себежского уезда [9, л. 358 об], [10, л. 244], [11, лл. 59–60], [12, л. 230].

В 1818 г. деревянная церковь была перестроена Иосифом Медунецким, в 1822 г. также говорится о ктиторовстве уездного маршалка Иосифа Медунецкого [5, лл. 62–64 об.]. В 1838 г. церковь была передана православному духовенству.

Белькино. Униатская церковь св. Михаила Архангела (св. Илии). Деревянная, упоминается в 1770-х гг., была передана православному духовенству в 1838 г. (в донесении на имя обер-прокурора Св. Сино-

да указано, что часть прихожан после присоединения к православию склонялась к переходу в римо-католичество) [12, л. 254].

Белькинский греко-католический приход. Приходская церковь Св. Михаила Архистратига, деревянная. Согласно визитной описи 1803–1804 гг. ктиторм является подсудок Себежского повета Антоний Медуницкий [9, л. 361 об].

По визитной описи 1805–1806 гг. ктиторм является г-н Медуницкий, бывший маршал уезда, Фундушевая земля в размере 36 десятин пожалована Медуницкими [10, л. 241], [11, лл. 63–64]. В приходе было более 20 деревень, в том числе Храловщина, Селищи, Боровики, Островно, Хохлово, Цырино, Свидерщина, Подобедова, Сабки, Дубязино, Земцево, Заболотинки и другие [5, лл. 65 об.–67 об.].

Каменистая и песчаная земля имения Табор, граничила с землёй Себежской плебании и именьями местных помещиков: предводителя дворянства Медунецкого, Рыка, Кавецкого, Жинко, Маковских... Именно принадлежал также небольшой лес и озеро в 2,5 верстах от города (1828 г.) [6, л. 10].

Селявы. Приходская церковь упоминается в 1703 г., затем приход вновь был православным (до 1725 г., когда в унию перешёл настоятель, священник Иоанн Таволович), церковь передана православному духовенству в 1804 г.

Село Техомичи (Цехомичи, совр. с. Тихомичи). Возможно, часовня находилась в деревне Гусево. Деревянная часовня упоминается в период с 1800 по 1822 гг.

Село Залосемье (Себежского р-на Псковской обл.). Униатская церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Деревянная, упоминается в 1770-х — 1820-х и в 1822 гг., передана православному духовенству в 1838 г.

Село Глыбочицы (Себежского р-на Псковской обл.). Часовня фундушевого имения себежского греко-католического прихода. Фундушевое имение себежской Успенской церкви, пожаловано 09.02.1633 г. королём Владиславом IV униатскому священнику Иосифу Григоровичу, служившему в себежском замке. В 1793 г. местные прихожане готовились построить каменную часовню.

Наши предки оставили нам огромное наследие, но мы не используем его в полной мере. Старинные постройки, которые являются свидетелями Нашей Истории, сегодня могут быть местами туристических маршрутов. Усадьбы можно использовать для развития экотуризма. Ярчайший пример каменного строительства (использование камня-валуна) исчезает на глазах. В ближайшие годы мы можем потерять то, что может приносить пользу и дополнительные средства. Настало время развития нашей Малой Родины [1]!

ИСТОЧНИКИ:

1. *Медунецкий В.М., Петренко А. С.* Себежский край и история рода Медунецких // Себежский краеведческий музей: история и научно-исследовательская работа. Материалы, посвящённые 80-летию Себежского Краеведческого музея. – Себеж, 2007. С. 52.
2. «Медунецкая история: от войта до певца». (Сборник), Минск, 2016.
3. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы Псковской губернии / Автор-составитель Н.Г. Розов. – Псков, 2008. – С. 338.
4. РГИА, 381-11-12820.
5. РГИА, 797-6-23122.
6. РГИА, 826-12-2720.
7. НИАБ, 2512-1-12.
8. РГИА, 1349-3-1411.
9. РГИА, 823-3-1277.
10. РГИА, 823-3-1279.
11. РГИА, 823-3-1290.
12. РГИА, 823-3-1296.

Остров, руины крепости. Из фонда фотоотдела Института истории материальной культуры РАН

Иванова О.В.,
Полонская модельная библиотека
Порхов, Россия
e-mail: samoypraw.ivanova@gmail.com

ДОРОГОЙ МИЛОСЕРДИЯ
(К 160-летию открытия М.М. Дондуковой-Корсаковой
первой сельской Общины сестёр милосердия)

*Мне легко живётся, потому что
не решаюсь людей определять,
а люблю их и молюсь за них.*

М.М. Дондукова-Корсакова

«Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите»
— слова, повторяемые княжной Марией Михайловной Дондуковой-
Корсаковой постоянно как напутствие, как девиз её жизни.

Три глагола — радуйтесь, молитесь, благодарите — как одно
слово на одном дыхании. И это дыхание, включающее в себя всю
сокровенную премудрость не только прошлого, настоящего, но и бу-
дущего. Всю её жизнь можно разделить на три главы: Радость. Мо-
литва. Благодарность.

Мария Михайловна Дондукова-Корсакова.
Фото из свободных источников

Мария родилась в достаточно известной и имеющей вес в обществе семье. Она — шестой ребенок. В семье уже есть четыре брата и сестра. Отец девочки М.А. Корсаков — камергер Высочайшего двора, вскоре займёт место вице-президента Академии наук, мать — М.Н. Дондукова-Корсакова, передавшая мужу княжеский титул. Маша росла в атмосфере любви и добродетели, с детства детям прививались ценности любви к ближнему и помощи страждущим. Отец матери Никита Иванович был высокообразованным, состоятельным человеком, коллекционером, меценатом и благотворителем. Он души не чаял в своей внучке, она была полностью его копией, доверчивой, доброй, все понимающей и готовой всем прийти на помощь. Мать с детства брала дочь в сиротские приюты, школы для бедных, больницы, которые были учреждены её отцом. Девочка с детства проявляла участие к людям, нуждающимся в помощи и поддержке. Её любили родители, сестра и братья, знакомые семьи.

Впервые Маша почувствовала боли в спине, когда ей минуло шестнадцать лет, спустя некоторое время определился нервический тик в правом виске и ревматизм в ногах. Семья тяжело переживала болезнь Марии. Были приглашены лучшие врачи — по предположению доктора Персона, источником этих недугов была простуда от купания в озере и падения с верховой лошади.

Как бы то ни было, время радости осталось позади, на долгих 5 лет княжна будет практически прикована к постели, испытает ужасные физические и моральные страдания. Наступает время молитвы, а за здоровье княжны молятся все её родные и знакомые. На протяжении всего этого времени родные предпримут разные методы лечения: отвезут сначала в Гейдельберг, затем в Париж, Ричмонд, Шлангенбанд. Временами ей будет становиться легче, но мучительные боли будут преследовать постоянно. В сентябре 1848 года семья вернётся в Санкт-Петербург, где доктор Н.И. Пирогов проведёт исследования позвоночной кости и сделает прижигание позвоночника, но это не помогло княжне: она потеряла возможность сидеть, теперь она могла только лежать.

Надежды таяли с каждым днём, и казалось, что к прежней жизни Мария не вернётся, что ей придётся смириться со своей болью и теперешним положением.

Все это время княжна молила Господа о поддержке родных, их здоровье, просила дать им силы видеть их дочь в удручающем болезненно состоянии. Ни разу не просила о себе, о своём выздоровлении — о том, чтобы ей дали силы бороться с недугом, дали силы духовные и физические, помогли не пасть духом и бороться. Лишь после общения со своим духовником (именно он просил её молить Господа за своё выздоровление) Мария стала просить Казанскую Божию Матерь о своём выздоровлении.

Чудеса или стечение обстоятельств — каждый решит для себя сам, но в начале 1849 года, исповедавшись и причастившись, княжна стала чувствовать себя лучше, выздоровление шло настолько стремительно, что родные боялись в него поверить. Тем не менее, прошло не так много времени, и княжна стала самостоятельно обслуживать себя, передвигаться по дому, ходить в церковь, а со временем и выезжать в свет, вести светскую жизнь. Кажется, могло наступить время радости и для самой княжны, и для её родителей, но через год случился болевой приступ, чуть не унесший жизнь княжны. Время молитв вернулось в дом Дондуковых-Корсаковых. И опять провидение встало на сторону девушки: свыше ей была уготована совершенно другая дорога — дорога милосердия. Именно после этого Мария принимает решение жить исключительно для Бога, посвятить себя помощи ближним, делу милосердия.

Милосердие — имя твоё... Это когда ты жалеешь всех и каждого, помогаешь, не требуешь ничего взамен. Или это образ жизни? Когда твоя жизнь превращается в служение людям, ты постоянно помогаешь им, их боль становится твоей болью.

Многие её современники станут считать княжну Мэри странной, немного не в себе, будут осуждать за то, что раздаст всё состояние на благотворительность, себе оставив лишь годовую ренту; что проживёт жизнь, не имея своего дома; а некоторые будут считать праведницей, святой, ангелом, сошедшим с небес для помощи и просветления души заблудшей.

Так кто же она — Мария Михайловна Дондукова-Корсакова, княжна Мэри?

Идёт Крымская война, гибнут сотни тысяч русских солдат, на фронте не хватает сестёр милосердия, медикаментов. В это же время Мария организует военный полевой госпиталь. Очень много говорит об этом, детально изучает все тонкости нового дела. Севастопольский госпиталь княжна организует на средства своего горячо любимого дедушки, Никиты Ивановича; семья поддерживает её и помогает. И вот кибитки оснащены всем необходимым, подобран медперсонал из добровольцев, но разрешения на отъезд нет. В Петербурге ей отказывают. Она же без устали рвётся то в один кабинет, то в другой, объясняя всю необходимость отъезда на передовую; просит поддержки и помощи брата, находящегося на Кавказе. Всеми правдами и неправдами, отрывками из Евангелия, примерами из жизни она убеждает сановников в необходимости дать разрешение на отъезд госпиталя. Остановить княжну не может никто — принятое решение должно быть исполнено: она должна быть там, где нужна её помощь. Добившись аудиенции царя Николая I в 1854 году, она получает разрешение и отправляется с госпиталем в Кишинёв. «Молодец, — писал ей брат Александр, — Военное командование на Дунае в восторге от твоего лазарета на 200 коек. Правительство очень недовольно тем, что ты туда двинулась, но теперь ничего сделать не может. Государь очень доволен» [2].

Уже к осени в Севастополь приезжает Николай Пирогов, великий хирург, некогда лечивший Марию, привезший с собой обученных сестёр милосердия. Дело Марии приобретает совершенно другой оборот: её услышали, это нужно всем, а не ей одной. Л.Н.Толстой в «Севастопольских рассказах» так описывает сестёр милосердия: «Войдя в первую комнату, обставленную койками, на которых лежали раненые, и пропитанную этим тяжёлым, отвратительно-ужасным госпитальным запахом, они встретили двух сестёр милосердия, выходящих им на-

встречу. Одна женщина, лет пятидесяти, с чёрными глазами и строгим выражением лица, несла бинты и корпию и отдавала приказания молодому мальчику, фельдшеру, который шёл за ней; другая, весьма хорошенькая девушка, лет двадцати, с бледным и нежным белокурым личиком, как-то особенно мило-беспомощно смотревшим из-под белого чепчика, обкладываявшего ей лицо, шла, руки в карманах передника, потупившись, подле старшей и, казалось, боялась отставать от неё» [18].

Вернувшись в Петербург, Мария стала посещать Калинкинскую больницу. Эта больница вселяла ужас у каждого, кто находился рядом с ней. В больнице лечили от венерических заболеваний. Запущенные случаи сифилиса, с изменением физического состояния пациента: проваливался нос, вытекали глаза — такие случаи нередки в таких больницах. Княжна приходила в эту больницу как помощница. Делала перевязки, мыла полы, убирала за больными; её не смущало, что пациентами этой больницы были нищенки и проститутки. Добрых слов в свой адрес княжна не слышала, а лишь молила о смягчении участи её подопечных.

Владимир Стасов, вспоминая о своей сестре Надежде Васильевне Стасовой, пишет: «В числе членов «Общества дешевых квартир» ... сестра милосердия Мария Ивановна Алексеева... рассказывала... про молодую княжну Марию Михайловну Дондукову-Корсакову, любимую фрейлину Императрицы Марии Александровны, которая недавно, вследствие личных душевных несчастий, оставила и двор, и свет, и все знакомства и, не предупредив ни единым словом ни отца, ни мать, никого из родных и близких, в один прекрасный день вдруг переселилась в глухой, маленький переулочек, Дерптский по имени, в соседстве с Калинкинской больницей, и посвятила себя, с неустранимой решимостью, с поразительным и несокрушимым великодушием, делу служения несчастным женщинам, с испорченной жизнью и натурой...» [17].

Сама же Надежда Васильевна вспоминает первую встречу с Марией Михайловной так: «Я пошла в гостиную, и вижу чужую личность: высокого роста, прелестную собой, в сером платье и белом чепчике. Конечно, я сейчас догадалась — кто это. Она же, своим очаровательным голосом, которым она побеждала всех, прежде в свете, и потом в больнице, так что часто больные говорили: «Какой у вас голос, нельзя не послушаться вас» — этим голосом она мне сказала: «Я не хотела к вам приезжать, но была подле, по делу, и пришла, знаете — пришла прямо спросить: не согласитесь — ли вы завтра мне помочь на дежурстве у меня на квартире?» Я сказала, что с удовольствием... Благодаря этому знакомству, я хорошо узнала весь ужас жизни и участи падших женщин...» [там же].

О её замечательном голосе вспоминает О. Аптекман: «Я слышал ее много проповедующей среди сестер общины. Когда она говорит — в аудитории молитвенная тишина, словно присутствующие оторвались от земли и унеслись куда-то высоко, далеко от мира сего...» [1].

А.П. Философова говорила о ней: «Я доказывала ей, что конституция зависит от очень глубоких причин, и если можно бороться с этим злом, то только коллективными усилиями... Как-то раз, после спора на эту тему, Мария Михайловна рассказала мне случай.

«Я переезжала — говорит она — Неву, на ялике. Рядом со мной села баба с мальчиком. Долго приглядывалась она ко мне, наконец говорит:

— Ты княжна Мария Михайловна?

— Я.

Тогда она низко поклонилась мне и говорит: «Помнишь, как ты каждый день в Калинкинскую приезжала, к товарке моей Кате. Ты ей все Евангелие читала, а она тебя ругала. И я тебя ругала, издевалась... Потом вспомнила, одумалась. Господь помог. Замуж вышла. Человек хороший, а малец-то сын мой. Ну, благослови ты его».

— Видите, дорогая, — прибавила Мария Михайловна, обращаясь ко мне, — никогда не знаешь, на какую почву упадет зерно. И разве не надо оставлять всего стада, чтобы спасти одну погибшую овцу?» Что возразить на такие рассказы? А сколько она мне их рассказывала! Если даже Мария Михайловна ошибалась, преувеличивала значение таких единичных случаев, то сама-то она являла пример истинной подвижницы и самим бытием своим заставляла верить в человека» [17]. В это же время княжна посещает и приюты кающихся Магдалин (сеть воспитательно-исправительных учреждений монастырского типа для так называемых «падших женщин», существовавшая с конца XVIII века и до конца XX века), и там она организует чтения религиозно-нравственной литературы, приглашает священника беседовать с женщинами, пытается организовать обучение шитью и вышиванию. Княжна пытается донести до каждой своё понимание и любовь, сочувствие, а наградой для себя считает пробуждение у них христианской веры.

Мечтой Марии Михайловны было создание сельской Общины сестёр милосердия, которая взяла бы на себя заботу о бедных крестьянах, которые безграмотны, нищи; дети голодны, в сёлах и деревнях процветают бабки-травницы, знахарки и повитухи. Бедственное положение крестьян и их семей вызывало у княжны чувство горечи и сочувствия, ей хотелось помочь каждому из них, особенно она беспокоилась за детей. У неё уже был опыт создания сельских школ в Гдовском и Порховском уездах — считалось, что это самые грамотные уезды, так как грамоте

обучались не только дети, но и взрослые. Княжна платила родителям за то, чтобы они отпускали своих детей в школу; убеждала, чтобы по воскресеньям приходили сами. Но этот её опыт не был поддержан властью, так как в тот период поддерживались ведомственные школы, а не частные, тем более что княжна внедряла новые методы обучения, что также не приветствовалось властными ведомствами. Задумав создать общину, княжна думала лишь об одном: насколько станет легче жить крестьянам. Сёстры окажут медицинскую помощь, будут ухаживать за больными, выдавать бесплатно лекарства; обучать крестьян и их детей грамоте; когда родители заняты на полевых работах, присматривать за малолетними детьми — этот опыт можно назвать первым по созданию детских садов. Княжна предусмотрела и места для престарелых вдов, оставшихся без попечения родственников, которые могли жить в общине.

Буриги (ныне деревня Старые Буриги) — старинное село, впервые упоминается в XVI веке, принадлежит Дондуковым-Корсаковым, находится при просёлочной дороге, расположено на правом берегу реки Полонки, в нём имеется кожевенный и винокуренный заводы. Именно здесь в 1862 году была открыта первая сельская Община сестёр милосердия. Создавая Общину, Мария Михайловна получила благословление императрицы Марии Александровны, которая любила её как родную. Императрица пожертвовала 3 тысячи рублей на её организацию и взяла под своё покровительство. Почётный гражданин Петербурга Буторин, узнав о благом деле княжны, жертвует 5 тысяч рублей серебром. Сама же княжна вложила всё своё состояние в её организацию — 40 тысяч рублей серебром. Большую помощь она получает от семьи: отец поддержал её идею и предложил обеспечить постройку и хозяйственное обзаведение Общины. Общину назвали в честь Марии Магдалины — по совету архиерея Псковской епархии Платона.

Двухэтажный дом был построен на выделенной отцом земле. В нём и расположилась Община, библиотека, больница, аптека, школа. Подробное описание общины приведено корреспондентом газеты «Голос», посетившим её через несколько месяцев после открытия. По его свидетельству, первые сёстры милосердия, появившиеся в Буригах, приступили к своим занятиям 20 сентября 1862 года. Вот так описывает вновь построенный дом Общины корреспондент газеты «Голос» В.С. Семенский: «Община заняла просторный, только что отстроенный для нее дом, с 11 комнатами и двумя коридорами. Здесь были отведены помещения для приема больных, аптека, классные комнаты, библиотека. На дворе строилась больница на 8 кроватей, а пока до 12 тяжело больных обоего пола помещалось по-соседству с сестрами. Из подсобных

построек имелись конюшня, коровник, амбар, ледник, баня. Вокруг дома — сад и огород с лекарственными растениями. В этом же доме проживал врач общины — Павел Адольфович Фин, получавший мизерное жалование в 200 рублей в год. Кроме того, здесь же находилась прислуга: дворник, прачка, кухарка, два работника. Своего священника в общине не было, но сестры уже налаживали связи с местным приходом, расположив к себе церковного старосту с. Буриги из крестьян» [14]. «М.М. Дондукова-Корсакова, помещица Порховского уезда Псковской губернии, превратила свое поместье Буриги в центр благотворительности, в селе была открыта школа для сельских учительниц и школа для сельских детей, где дети находились на полном обеспечении княжны. Община сестер милосердия святой Марии Магдалины, состоящая под высочайшим покровительством Государыни Императрицы (Е.И.В.), существует в Буригах с 1861 года. На средства общины содержатся богадельня для 4 престарелых женщин, больница на 15 кроватей и школа. Капитал общины в 1894 году равнялся 414424 руб. 12 коп.» [15].

Фотографии дома Общины не сохранилось, но, когда я разговаривала с жительницей деревни Павловой В.Б., она показала рисунок своего сына Кибирёва Толи. Нарисовал он дом Общины в 1972 году, когда ещё посещал Буригскую начальную школу — сам дом уже был приспособлен под библиотеку и сельский клуб с кинозалом, здесь же находилось и правление колхоза.

Рисунок дома общины. Кибирёв А.
(из личного архива Павловой В.Б.)

Сёстры милосердия Общины

За крышей Общины виднеется церковь Святой Троицы, построенная прадедом Марии Михайловны. Липовая аллея сохранилась частично и по сей день. Идя по ней, невольно думаешь о тех, кто более ста лет спешил в церковь на службу; про сестёр милосердия, которые шли по ней к своей Общине или спешили к больным в близлежащие сёла... И о Марии Михайловне, которая часто гуляла по ней с деревенскими детьми, рассказывая им библейские истории.

Сёстры ходили по ближайшим деревням и предлагали свои услуги и помощь. Школа при Общине работала ежедневно — обучались в ней не только дети, но и взрослые.

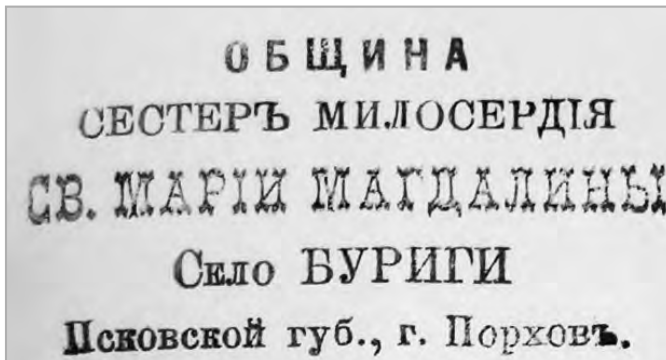
Жизнь села и ближайших деревень круто изменилась. Жители могли в любое время обратиться в Общину и просить помощи — отказа в ней не было. Этот центр культуры, понимания, общения отогрел не одно крестьянское сердце. Крестьяне очень уважительно относились к сёстрам и их работе: лекарства действительно помогали больным, — вся жизнь Общины была пропитана духовностью и верой, что было близко и жителям деревень.

Район действий Общины не ограничивался только одним селом Буриги. Её расположение на стыке четырёх соседствующих волостей Псковской губернии было удобным для обращения за медицинской помощью жителям из разных сёл и деревень. Кроме того, как вспоминал священник одного из сельских приходов, «каждый день, исключая разве времени своей болезни, княжна посещала устроенную в селе больницу, просиживала с больными по несколько часов, сама ходила за ними, обмывала, перевязывала их раны, либо беседовала и читала им о жизни Спасителя. В случаях же невозможности быть в больнице поручала ученикам и ученицам читать больным».

Мария Михайловна работает не покладая рук, из дома ей часто присылают вкусные блюда или лакомства, но ей стыдно есть что-нибудь такое, чего нет у других, и всё принесенное она отдаёт больным. О себе она никогда не думает. **Всё своё имущество отдаёт общине, а всё, что получает от родных, до последней копейки идёт на бедных.** Впоследствии она писала в своём дневнике: «Сестры милосердия должны всегда ставить заботу о детях, больных и страждущих выше своих собственных желаний, удобств или выгод» [6]. Управлять общиной княжна не хотела и поручила ведение всех дел комитету, состоящему из начальницы, местного священника, врача и старших сестёр. Начальницу избирали каждые три года из числа старших сестёр. Вот напутствие Марии Михайловны для старшей сестры: «По немощи человеческой приходится переживать болезни и неприятности, кото-

рые раздражают нервы, возбуждают впечатлительность. Хорошо в таком случае старшей сестре временно прекращать свои занятия и отношения с другими сёстрами, пока чтением слова Божия и уединённой молитвой не испросит она у Господа Его Духа и общения с Иисусом Христом, для исполнения Его воли. Молитва к Господу об очищении сердца скоро будет услышана, и тогда сёстры, обращаясь к старшей сестре, будут через неё руководимы Небесным Учителем». Сёстры должны были быть образованными и в помощницы брать себе девушек из крестьян, чтобы тоже учились сестринскому делу. Две сестры были приглашены из Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия. Опытная Варвара Ивановна Щедрина, прослужившая в легендарной Общине с начала её создания в Крымскую войну, была избрана старшей. Поимённо известны остальные сёстры Общины, служившие в ней зимой 1863 г.: Александра Николаевна Семеникова — сестра-аптекарьша, Дарья Корниловна Артамонова занималась обучением детей; Н.Н. Семичева — в её обязанности входило ухаживать за больными, принимать роды; Александра Петровна Бочарова занималась хозяйственными вопросами. Из личного архива Павловой В.Б. — фотографии сестёр милосердия Буринской общины. Из воспоминаний Ситенковой Матрёны, бабушки Павловой В.Б.: «Сестры очень любили чаёвничать на улице. Много говорили. И деревенских детей угощали сахаром и фрукты вяленые давали. Мы, дети, любили ходить к ним».

Устав Общины был утверждён Императрицей в 1863 г. Община получает официальное название «Община сельских сестёр милосердия под названием "Марии Магдалины"», при ней открывалось 4 отделения: сестёр милосердия, амбулатория, школа и пансион.

Оттиск печати Общины

Общину Императрица берёт под своё покровительство, о чём говорит обращение секретаря Императрицы П.А. Морица к министру внутренних дел П.А. Валуеву: «С целью попечения о бедных и больных и обучения крестьян грамоте княжна М.М. Дондукова-Корсакова просит Ея Величество принять Общину под свое покровительство»[10]. Ходагайство было рассмотрено и удовлетворено — с этого момента Мария Александровна стала отчислять на поддержку Общины ежегодно 1000 рублей в год.

Община сельских сестёр милосердия села Буриги существовала несколько десятилетий. Известно, что в 1912 г. она утверждала новый устав. Во время Первой мировой войны Община не остаётся в стороне от событий в России. На заседании Общины принимается решение командировать двух сестёр милосердия, санитаря и кухарку для сопровождения раненых в поезде-лазарете [3]. В это же время при Общине был открыт временный комитет попечительства об охране материнства и младенчества. Целью его было оказание помощи семьям фронтовиков, имеющих малолетних детей. Комитет брал на себя ответственность за определение детей-сирот в семьи, устраивал дневные ясли, бесплатно оказывал медицинскую и продовольственную помощь [4].

Печать Буригского временного комитета всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества под августейшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны

Подробных сведений о ней после 1917 года я не нашла — известно, что дом Общины был национализирован и отдан под коммуны для переселённых с хуторов людей приблизительно в 1923–24 годах, потому можно предположить, что Община и просуществовала до этого времени. Свидетельств того, что такие сельские общины существовали в других уездах, не обнаружено, — возможно, она была единственной. Мы можем только предположить, что распространения такие общины не получили. Интересны воспоминания О. Аптекмана о пребывании в Общине в 1875–1876 годах. Приглашение посетить Общину и пожить в ней он получил от врача М.М. Симановича, где тот в то время заведовал больницей. «Сельцо Буриги, где находится Община сестер св. Марии-Магдалины, — место моего временного обиталища, — крошечное, в два лишь «порядка» (улицы), селение. Все — на лицо, все — на ладони... Я попал в совершенно необычайную для меня обстановку. Больница находилась при общине. В общине господствовал монашеский, крайне ригорический режим. Акафисты утром и вечером. Сестры не только ухаживали за больными, под руководством врача, но должны были вынести на своих плечах всю тяжесть разнообразных работ по большому хозяйству общины. Сестры, старшие и младшие рекрутировались исключительно из крестьянской среды. Там были сестры не только из Псковской, но и из других губерний. Основательницей этой общины была княжна М.М. Дондукова-Корсакова. Сильная, красочная индивидуальность... С Дондуковой-Корсаковой я впервые познакомился зимой 1875 года. Это была уже пожилая женщина монашеского облика. Высокая, с крупными чертами лица, орлиным носом и серыми, пронзительными, властными глазами. От всей ее фигуры веяло мощью, несокрушимой волей, гордою властью, хотя она и старалась все это прикрыть смирением... Княжна встретила меня не только приветливо, как это обычно у светских людей, а и ласково, почти нежно. Что-то блеснуло в ее глазах, когда, пронизав меня своим острым взглядом, проронила:

— Я много слышала о вас...

На меня Мария Михайловна произвела сильное впечатление. Искренний, чистый, несокрушимо верующий человек. О ней можно было сказать, что «знает одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Эта власть — ее вера. «Верую, исключительно одной верой спасется человек» — учила М.М. Пафос ее веры так мощен, что и слово ее становится проникновенным, восторженным» [1].

На протяжении всего времени пребывания Аптекмана как врача Общины он очень часто встречался с Марией Михайловной. Они мно-

го спорили, обсуждали, не соглашались друг с другом, жизнь в Общине перевернула взгляды Аптекмана: уезжая, он был уже совершенно другим человеком.

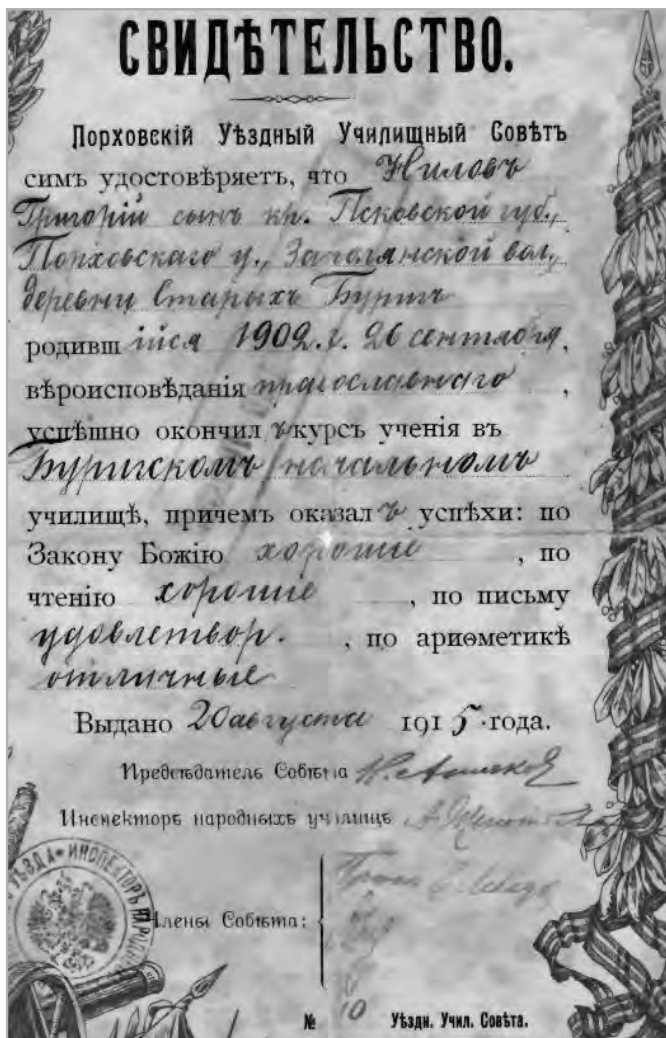
«— Не по той дороге идете, О.В.! Вы социалист... Не осуждать вас хочу я... Мы не имеем права кого-нибудь судить... У нас только один судья: Он над нами, тут, там, везде... Я только свое мнение высказываю. Христианин вы! С вашей головой, с вашим сердцем — вам бы миссионером быть... Это — ваш путь... подлинный!...».

Разговаривая с местным населением об Общине, хочется отметить, что говорили все с теплотой. Конечно, они сами не помнят, но передавали рассказ со слов своих родных. Клавдия Петровна Ефремова, 97 лет, вспоминает: «Как общину, я её не застала, а вот в года 1925–1927 там была коммуна, а что это? Сёстры все уехали, я их не помню, не стало их, мать так рассказывала. Здание аптеки отдали под медпункт, а где больница была, клуб стал, а лазарет, где лечили от сифилиса, что у кладбища, отдали под жильё. Конюшню колхоз забрал. Семей 15 собрали из разных хуторов да и заселили в этот огромный дом, где община была, не то что по комнате дали, а так кто за завесой жил, кто за шкафом. Детей всех оставляли с дежурной, остальные в поле работать. Уже никто не мог сказать, что дитё не с кем оставить. Там же и кухарка, которая на всех готовила обед и ужин. Вся утварь общая и коровы и у кого лошаденка была, все в коммуны забрали. Так и жили, долго так жили коммуной. Уже после войны, когда второй этаж сгорел, его не стали строить, только крышу навели и сделали там клуб, библиотеку, кино привозили показывали, колхозное правление туда переехало, сельсовет. Потом уже в 1980 он сгорел».

Петрова Мария Петровна, 95 лет, вспоминала: «После коммуны, а она почти до войны там была, там клуб и кинотеатр был, кино показывали, библиотека большая, потом правление колхоза было. Здание красивое, обшитое, его даже немец не сжёг, только 2-й этаж пострадал. А как было покрашено в голубой цвет, так и было, никто его не перекрашивал, а что это за краска такая была, не знаю. Окна высокие были и очень красивый вход с крыльцом высоким и дверью большой. На аллею и церковь Святой Троицы окна выходили, и на конюшню с дорогой, а на реку окон не было, но может я не помню. А сгорело здание в 1980 году, подожгли. Очень люди горевали, но потушить не смогли, да и строить, потом никто не стал».

Павлова Валентина Борисовна, 80 лет: «Для нас, детей, этот дом всегда был чем-то загадочным, много историй рассказывали: про добрую барыню и про то, что у неё жених убит был. Потом, когда дочь

стала изучать историю рода Дондуковых-Корсаковых и общины, узнали, что и барыня добрая, и погибших много у нас здесь похоронено. Моя бабушка Матрёна Петровна рассказывала, что вместе с братом в школу туда ходили.

Свидетельство

Свидетельство даже у нас на брата есть. Очень она любила ходить помогать на кухне, и потом по жизни была знатной кулинаркой, опыт сестер милосердия пригодился. В коммуне с детьми сидела, кухаркой была. Её двоюродная сестра Ольга Григорьевна всегда ходила на могилу Марии Михайловны, «барыней» ее звала, показывала, где камень ее надгробный лежал. В 2000 году пришла к дочери и просила запомнить где «барыня похоронена», «Я на ее могилу еще девочкой со своей бабушкой ходила, очень она ее почитала, как родную, много она добра делала, знала ее и любила. Запомните место, святой там человек упокоен». Возраст у нее был большой 95 лет, но указала правильно, есть такая легенда в деревне, ландыши росли на ее могилке, много как снег лежали, так вот там и есть ее могила. Ландыши всегда росли у стены церкви и никогда не пропадали. Когда церковь обрушилась, она и могилку засыпала, и ландыши, потом волонтеры и краеведы, мы жители все расчищали чтобы камень памятный поставить. Камень надгробный жители знали, синий гранит, его так и зацементировали и табличку Администрация волости сделала, там-то уже трудно было прочитать «Помяни ее во царствии своем». Сейчас вот уже и церковь Святой Троицы восстановили, а ландыши только через 8 лет пробились, всего несколько цветков, но это для нас как знак, с нами она, здесь...».

Вот так изменилось конкретно взятое место под осуществлением мечты Марии Михайловны о лучшем будущем для крестьян и их детей. Она смогла изменить место, где жили люди, научить их любить ближнего, состраданию, заботе. Эта женщина могла заразить своей идеей и повести за собой, добиваться цели, несмотря ни на что. Воспоминания княжну и её добрые деяния, нельзя не сказать о том, какую лепту она внесла в освобождение политических заключённых. Одна из первых получила разрешение посещать «государеву семью», «остров смерти». Поселившись рядом с тюрьмой, чтобы не тратить время на дорогу, практически ежедневно приходила к заключённым. Беседовала, читала Евангелие, просто слушала этих оторванных от жизни людей... Особенно она сошлась с В. Фигнер, Н. Морозовым, М. Фроленко. Морозов поражается её терпимости, ведь многие не принимали «странную» старушку, смеялись над ней, но каждый её приход ждали, потому что, беседуя с ней, чувствовали, как становится легче на душе. Её вера была настолько велика, что многим она казалась безумием: на откровенные слова возмущения, брань она приходила с новыми словами веры и любви; она смогла смягчить даже самые чёрствые сердца, многие просили её принести Евангелие. Её приход в тюрьму строго контролировался, общение с узниками было в одиночных камерах, но за дверью всегда стоял «слушатель», который передавал начальнику

тюрьмы весь разговор, — княжну это расстраивало. Из донесения Яковлева, коменданта тюрьмы: «...Княжна сказала мне, что ей очень совестно передо мной и помощником моим, что мы хотя и затворяем дверь камеры, но все-таки присутствуем и слышим ее разговор, что нам это трудно и что это некоторым образом стесняет и ее, и высказывала просьбу предоставить ей разговор без возможности слышать таковой; на это мною было заявлено, что это долг нашей службы...» [8]. Комендант был против посещения княжной тюрьмы, он неохотно открывал двери своего «тайника», и ещё с большим рвением писал рапорты во все инстанции о запрещении княжне посещать сидельцев: «...позволю себе высказать мой взгляд на неблагоприятный результат, могущий последовать от продолжения разрешения княжне посещать заключенных» [там же]. Яковлев не хотел посещения сидельцев княжной: на его взгляд, они были образованы, изучали философию и для них учение о вере известно, и они уже сделали свой выбор в жизни, а посещения княжны для них не более чем развлечение. Но, несмотря на все препятствия со стороны коменданта и его помощника, княжна пробила брешь в стенах тюрьмы. Именно она обратилась к Государю о сокращении, пересмотре дел политических заключённых, ведь многие из них сидели более 20 лет, что превышало срок по закону. Княжна добивается того, что на территории Шлиссельбургской крепости в 1904 году начинают строить церковь; просит устроить лазарет и больницу при тюрьме, ходатайствует о создании санаториев при монастырях для отпущенных из тюрьмы с чахоткой и другими хроническими тяжкими болезнями. Нечего и говорить, каким уважением и авторитетом пользовалась Мария Михайловна у заключённых. Почти каждый из заключенных старался, насколько возможно, выразить своё внимание и благодарность неутомимой заступнице своей за её желание внести в их жизнь какую-либо отраду. От своих трудов они присылали ей кто деревянную шкатулку, кто — костяной крест, Фроленко однажды вечером прислал ей 3 вишни с дерева, которое он растил 20 лет.

Четыре последних года Марию Михайловну снедал страшный недуг — рак груди. Почувствовав, что силы ослабевают, она удвоила свою энергию, как бы опасаясь, что не успеет сделать всё задуманное. Желание помогать ближнему, идти туда, где ждут её помощи, было в ней так велико, что, испытывая сильные физические боли и болезненные приступы, она всегда принимала просителей, пришедших к ней на встречу, зарождая в чужой душе просветление и отраду. До последних дней жизни, изнемогая от боли, диктовала она письма с просьбами об устройстве судьбы разных бедных. В последние минуты жизни она молила не за себя, а за Л.Н. Толстого. Жена Льва Николаевича Софья Андреевна

так охарактеризовала Марию Михайловну в 1892 году: «Я много слышала о её добродетели и духовном совершенстве. И действительно, она произвела на меня сильное впечатление. К сожалению, я не помню наших разговоров. Помню то, что она меня духовно приласкала, радуясь, что я не отошла от Церкви, как мой муж, и говорила, что молится об его обращении к Церкви. Сама она была точно не от мира сего, и главная задача её жизни была в том, чтобы облегчать всякие страдания людей, что, собственно, одно только важно и нужно в нашей краткой жизни».

А.П. Философова в своей речи, посвящённой Дондуковой-Корсаковой, на первом съезде по борьбе с торгом женщинами и его причинами, проходившим в Петербурге в 1910 году, говорила: «Перед смертью она высказала желание, чтобы её отпевали в Литовском замке, где она так часто бывала. Все, кто был на отпевании, никогда его не забудут, — настолько оно было трогательно. Заключение, по собственной инициативе, купили себе копеечные свечи и стояли наверху, на хорах, как бы опоясывая церковь, живыми теплощими огоньками.

На отпевании пел дивный хор митрополичьих певчих. Но как глубоко трогательно было слышать, как заключенные стройно пропели молитву Господню.

Это было все, что могли дать покойной те отверженные, которых так любила Мария Михайловна, и я убеждена, что отошедшая от нас подвижница приняла этот дар в сердце свое, как самый драгоценный из всех даров» [19].

Похоронили княжну Марию Михайловну в церковной ограде церкви Святой Троицы села Буриги — именно там, где была создана Община, в которую она вложила всю душу, всю любовь, всю веру в помощь ближнему.

Но это не конец истории. Многие исследователи жизни княжны сожалеют о том, что место её захоронения утрачено. Много лет это место находилось под развалинами церкви Святой Троицы в деревне Старые Буриги. От построек Общины ничего не сохранилось, кроме развалин конюшни. Церковь Святой Троицы ещё десятилетие назад имела вот такой вид. Именно у этой стены и находится могила основательницы Буригской общины.

Восстановлению не подлежит — вердикт, который ей был вынесен временем. Именно тогда одной из местных жительниц пришла идея расчистить место развалин церкви и построить маленькую часовню в память о Марии Михайловне и её великих предках, которые жили в деревне. А самое главное — не дать умереть её настоящей деревне — деревне её предков; деревне, где она и её дети живут и по сей день. Её

преследовало чувство, что не всё сделано для сохранения памяти этой великой женщины. Начались работы по расчистке территории.

Развалины церкви Святой Троицы. 2012 год

Освящение креста на могиле М.М. Дондуковой-Корсаковой

9 октября 2012 года был освящён крест на могиле Дондуковой-Корсаковой в Старых Буригах. Члены Петербургского общества «Сёстры милосердия», которое чтит заветы порховской княжны, привезли медный крест для её могилы. Впервые отслужена панихида благочинным Порховского, Дновского и Дедовичского округа отцом Сергием.

А через два года был залит фундамент под новую церковь: решено строить церковь, а не часовню. Жители желают здоровья и долгих лет жизни благотворительнице Зое Ширмановой, на чьи средства построена церковь. Её стараниями и усердием в церкви проходят богослужения, на которых она бывает всегда.

1 октября 2016 года митрополит Евсейев совершил чин освящения крестов и куполов строящегося храма, купола изготовлены в Никандровой пустыни. 26 сентября 2018 года преосвященнейший Фома, епископ Гдовский, викарий Псковской митрополии, освятил вновь построенный храм в дер. Старые Буриги.

Церковь Святой Троицы, 2020 г. Фото Ивановой О.В.

Церковь Святой Троицы, 1956 г. Фото из архива Павловой В.Б.

Вот так желание жителей возродить историю, не дать умереть своей деревне, чтить память живших здесь когда-то людей привело к строительству церкви. «Крест мы поставили, и Мария стала нам помогать; вернули память о ней и её делах, ведь она видела, что желание есть, а средств совсем немного собрали, — вот и послала нам Зою Васильевну», — говорят местные жители.

«... Сюда бы туристов возить. И надо-то всего — довести до ума грунтовую дорогу и облагородить некрополи, бульжную мостовую и фундаменты больничных корпусов... Словом, всё, что связано с Марией Дондуковой-Корсаковой, которую при жизни в народе считали святой» [9].

«... княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова — первая русская женщина-благотворительница. Благодаря ей начали создаваться библиотеки в тюрьмах, полевые госпитали, которые сыграли заметную роль в Крымской кампании. У себя же в деревне она организовала Общину имени святой Марии Магдалины, где работала простой сестрой милосердия... Пример её подвижнической деятельности даже для нашего времени уникален» [13].

Что же такое милосердие? Для меня это — иди и помоги тому, кто в тебе нуждается, нуждается в твоей помощи. Ведь помочь можно не только делом, но и словом.

Митрополит Филарет сказал: «Милосердие есть пристань для нуждающихся, а пристань принимает всех потерпевших кораблекрушение и спасает от опасности, злые они или добрые. Милосердие происходит от любви».

ИСТОЧНИКИ:

1. *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. – Ростов на Дону. 1907. – С. 60–69.
2. *Волков-Муромцев Н.В.* Юность. – М., 1997, с. 67.
3. ГАПО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 21, л. 7.
4. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3152, лл. 1–34.
5. *Дондукова-Корсакова М.М.* Сестрам милосердия // Отдых христианина. 1909. № 10. С. 50–56. См. Приложение 1.
6. *Жевахов Н.Д.* Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова. – СПб., 1909.
7. Закон счастья: Мария Михайловна Дондукова-Корсакова // Наука и религия. – № 3. – 2004. – С. 11–13.
8. *Колосов Е.Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург: по официальным данным. Предисловие Н.А. Морозова. – М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930.
9. *Константинов О., Глутова Н.,* Старорусский тракт: Буриги — от святой Марии до камня желаний и могил с турками // Курьер. – 08.11.15.
10. *Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н.* Участие петербургской элиты в поддержке Общины Св. Марии Магдалины в селе Буриги. К 190-летию со дня рождения Марии Дондуковой-Корсаковой (1827–1909) // Краеведческие чтения. Материалы 15 научно-практической конференции. Псков, 2019, с. 42–43.
11. *Корнева Н.М.* «За несчастных...» (К 175-летию со дня рождения княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой) // История Петербурга, № 5 (9), 2002, с. 9–14.
12. Курс на турок и Буриги // Курьер. Псков // 29.05.2018. – № 22.
13. *Некрасов С.* Псковская Атлантида. Николай Розов о земле, которую мы потеряли // Аргументы и факты «АиФ Псков» – № 42, 19.10.11.
14. Община сестёр Милосердия св. Марии Магдалины в селе Буриги. Газета «Голос», №№ 160, 161.

15. Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций (сост. и автор вступ. ст. *Н.Ф. Левин*). Псков, 2005, с. 327.
16. РГИА, Ф. 834.Оп. 4. Д. 1224. Донесение протоирея Казанского собора об исцелении княжны Марии Дондуковой-Корсаковой от иконы Казанской Божией Матери.
17. *Стасов В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. – СПб: Типография М. Меркушева, Невский пр. 8, 1899.
18. *Толстой Л.Н.* Рассказы. Л.: Худлит., 1983. – С. 229.
19. Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, проходившего в С-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. Т. 1. – С-Петербург, 1911.
20. Устав Общины сельских сестер милосердия под названием «Марии Магдалины» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XL, отд. 1, с. 379–381.

Остров. Церковь Николы на городище. Из свободных источников

Петровская О.Н.,
Союз журналистов Москвы
Москва, Россия
e-mail: miloshevich.olga@mail.ru

**КНЯЗЬ ПЁТР ВИТГЕНШТЕЙН, ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ:
«ЧЕСТИ СВОЕЙ НИКОМУ НЕ ОТДАМ»**

Пётр Христианович Витгенштейн (1768–1842) нас интересует и как герой войны 1812 года, и как владелец обширных имений в Невельском районе. Биография этого рода характерна для преданных России военных того времени. Его отец — Христиан Людвиг Казимир Витгенштейн-Берлебург (1725–1797) — представитель древнего германского рода из округа Витгенштейн. Взятый в плен в 1761 г. во время войны с Пруссией, при Елизавете стал генерал-лейтенантом на русской службе, принял православие [5, 63].

Родился будущий светлейший князь Пётр Христианович 25 декабря 1768 г. в Нежине Полтавской губернии. Мать, Амалия Луиза, рано умерла, отец женился на вдове графа А.А. Бестужева, урождённой Долгоруковой. Сын воспитывался у родственника — генерала-фельдмаршала Н. Салтыкова [9, 332]. В 13 лет Петра зачислили сержантом в Гвардейский Семёновский полк, в 30 он стал командиром гусарского полка. Участник войн с Польшей 1794–1795 гг., Франции 1805–1807 гг. Под начальством храброго И.И. Михельсона воевал в Молдавии [2, 212]. Михельсон одним из первых получил имения в Невельском уезде Витебской губернии.

В Отечественную войну 1812 года Пётр Христианович командовал 1-м Отдельным пехотным корпусом 1-й Западной армии Баркляе-де-Толли. В той же Западной воевали генералы Тучковы, Багговут, Остерман-Толстой, Дохтуров. Корпус находился в арьергарде, в непосредственном соприкосновении с наступающим противником, и состоял из двух пехотных дивизий, двух драгунских гусарских полков, трёх артиллерийских бригад, трёх казачьих полков и насчитывал около 25 тысяч человек.

16 июня первый арьергардный бой с корпусом маршала Удино Отдельный корпус принял недалеко от границы, у города Вилькомира, очистив его. Отличившиеся, среди которых были шеф Гродненского гусарского полка генерал-майор Кульнев; дежурный штаб-офицер, полковник, а впоследствии генерал-квартирмейстер, барон И.И. Дибич; штабс-капитан Бистром, — стали первыми кавалерами в Отече-

ственную войну 1812 года. В числе командиров корпуса были также: партизан, полковник Непейцын; генерал-майор князь Репнин; подполковник, казачий атаман Платов; граф Сиверс.

29 июня войска 1-й Западной армии сосредоточились в лагере территорией 4 на 3 кв. км. в изгибе реки Двины, между г. Дриссой и дер. Шатрово. Вскоре это место, по решению Военного совета с участием Александра I, было оставлено. 4 июля Барклай приказал переправляться из Дриссы через Западную Двину к Витебску и Полоцку. На это потребовалось два дня. Государь отсюда отправился в Москву.

Учитывая превосходство Великой армии Франции, собравшей под свои пёстрые знамёна пол-Европы (наши уроки истории), русские, пока силы были раздроблены, отходили от границы в глубь страны, на восток. Движение наполеоновского войска шло в том же направлении. Начались стычки с французами у городов Придруйск, Браслава, Дисна [17, 129]. 8 июля произошла стычка по дороге из Полоцка в Невель. На транспорт напали вооружённые крестьяне, отбили часть войсковых тяжестей неприятеля, взяли в плен унтер-офицера, рядовых Польского уланского полка. 11 июля, как сообщал арьбергартный командир генерал П.Тучков, наши силы прибыли в Витебск. Наполеон, подойдя к городу после русской армии, решил задержаться здесь, но после боя 15 июля при р. Лучесе отменил своё намерение. Это было, по мнению русского штаба, его роковой ошибкой: французы уже испытывали дефицит продовольствия; кроме того, был потерян последний шанс разбить Барклая до соединения со 2-й армией Багратиона. «Наполеон направил корпус Макдональда к Петербургу по Курляндскому тракту, а Удино — по Псковскому» [1, 43]. 1-й Отдельный корпус был оставлен для охраны дороги на Петербург.

16 июля войско маршала Удино переправилось в г. Полоцке через Западную Двину и пошло на Себеж, на соединение с маршалом Макдональдом. Воспользовавшись разобщением Макдональда и Удино, Витгенштейн составил превосходный план: занять центральную позицию, вывести переправы французов на правый берег Двины и напасть всеми силами на ближайший к нему из корпусов. 17 июля русские выступили в Клястицы — местечко Витебской губернии, которое уже было занято неприятелем и находилось по дороге из Полоцка на Себеж и Псков у реки Нищи Макдональд и Удино могли соединиться в Себеже, отрезав Отдельный корпус от базы в Пскове.

На следующий день наша кавалерия встретила близ местечка Якубово, на берегу р. Нищи, с передовым французским отрядом. Завязался жаркий бой, который происходил с переменным успехом.

С обеих сторон вводились пехотные, егерские, артиллерийские подкрепления — дело прекратилось только к ночи. Удино отступил к Полоцку. Кульнев отбил почти весь обоз французов и 900 пленных [17, 132–139]. 19 июля неприятель был отброшен и отступил за г. Дриссу. Однако расположился он в выгодной позиции, за плотиной, между озёрами Клетно и Ланье. Русские преследовали неприятеля до реки Дриссы, взяв в плен несколько тысяч солдат. Это была яркая победа на фоне летнего отступления нашей армии, а для французов — первое громкое поражение. План Бонапарта совместными усилиями поставить корпус Витгенштейна между двух огней, чтобы отрезать русскую армию от Пскова и Петербурга, провалился. Наполеон отказался от похода на северо-запад страны.

В том же бою Пётр Христианович был ранен и награждён орденом Святого Георгия II степени. Кутузов назвал Клястицкую битву полной победой: «Хорошо! Едва ли бы кто сделал лучше!» [6, 293]. Однако радость выигранной битвы была омрачена гибелью шефа Гродненского гусарского полка Кульнева, который погиб в неравном бою, увлечшись преследованием главных сил противника.

Держа направление к Смоленску, русской армии пришлось уступить Витебск. В связи с занятием Витебска многие учреждения, даже гимназия, семинария, а также белое и чёрное духовенство, были эвакуированы в Невель [7, 350]. По сведениям штабного офицера Николая Дмитриевича Дурново, адъютанта князя Волконского, в городе располагался штаб Витгенштейна. Об этом упоминалось в дневнике Дурново, написанном, по традиции того времени, на французском языке [14, 55]. И до войны здесь, на приграничной территории, стояли воинские части. В частности, осенью 1811 и зимой 1812-го — запасные эскадроны из Изюма. «Корнет Энгель из эскадрона ротмистра Квитницкого Изюмского гусарского полка 4 ноября 1811 был командирован в Псковское комиссариатское депо для приема следуемых в полк вещей. С 19 декабря он находился в запасных эскадронах полка в Невеле» [3, 50]. Как писалось в невеличской прессе, здесь была создана народная дружина Данилы Отрошкевича. Предводитель невеличского дворянства, владелец Дорожкина Отто фон Дуве жертвовал много денег для города.

4, 6, 11 августа — стычки в Полоцком уезде Витебской губернии. Резерв Отдельного корпуса стоял на Невельской дороге. В своей реплике граф докладывал: «Запасного батальона Павловского гренадёрского полка капитан Крылов, будучи оставлен с 60-ю гренадёрами между Невельской дорогой и рекою Полотою, храбро удерживал неприятеля, напавшего на него в превосходных силах, доколе успел придти на под-

крепление его с батальоном майор Кишкин, и, соединясь с ним, спешествовал к поражению неприятеля» [17, 238–240]. Приводился характерный эпизод военных действий. По дорогам между городами ходил транспорт, который приходилось отбивать. Это было одно из стратегических направлений. Возвышенность, пересекающая дорогу из Петербурга в Невель, при селении Туричино разделяет бассейны рек Ловать и Западная Двина. Неприятель отступил, но ему удалось сжечь все мосты на Двине. Французы сообщали, что «Полоцк превратился в госпиталь».

В армию в августе-сентябре влилось 15 тысяч рекрутов и ополчение второго округа. Силы корпуса крепки: они уже составляли 40 тысяч человек и могли обрушиться на французов. «Когда к нему присоединилась Петербургская дружина, имел до 40 тыс.» [10, 63].

Русские воины действовали организованно, со словами «Господи, благослови!» разбивая неприятеля по частям. Псковская губерния помогала продовольствием и деньгами. Кроме того, Витгенштейн организовал несколько партизанских отрядов, действующих по берегам Двины, проникающих в тыл противника [6, 256]. После сдачи Москвы 7 октября войска Витгенштейна пошли на приступ Полоцка. К Удино присоединились войска Сен-Сира, итого под городом стояло 45 тысяч неприятельского войска. Наш 1-й корпус насчитывал всего 20 тысяч, но бой состоялся. Корпус Витгенштейна, генералы Дибич и Ридигер оставались в Полоцке, а также в районе р. Ушачи против корпуса маршала Сен-Сира и присоединившегося к нему Виктора до освобождения 7 октября, чтобы начать преследование вплоть до изгнания с территории России.

За взятие Полоцка Петру Христиановичу было Высочайше пожаловано звание генерала от кавалерии. Кутузов 22 октября предписал Петру Христиановичу: «После сего удачного сражения вижу я, что действия наши сообразны будут общему плану, мною утверждённому. Направляясь через Лепель на Борисов, ...Вам, сообразуясь с моими движениями, сближаться к Днепру» [6, 300]. Переправившись через Двину и тесня французов на юг, русские продвинулись к белорусскому Лепелю и заняли его. Наполеон приказывал Бертье собрать 10 дивизий, атаковать русских и отбросить их за Двину» (там же).

К началу ноября нанесено поражение неприятельским войскам Виктора и Удино (последний был назначен из-за ранения Сен-Сира), и заняты Борисов и Чашники. Витгенштейн, заняв выгодный рубеж, нависал над противником с севера и закрывал ему в этом направлении все пути к отступлению. 26 октября освобождён Витебск. Витгенштейн — 3 ноября — в Бешенковичах и Чашниках, на реке Улле [2, 286].

После отступления русских войск к Москве, когда Кутузов заявил, что одного Бородинского сражения недостаточно, что «скоро вся наша армия, то есть Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и ещё другие, станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет», стала ясна задача всей нашей обороны [6, 171]. Находясь в Тарутинском лагере, Кутузов продумал план преследования, окружения и разгрома противника. Войска Витгенштейна и Чичагова должны были выйти в тыл французам и встретить их на путях отхода [там же, 256–260]. Кутузов предусматривал наиболее сложную форму борьбы — стратегического окружения наполеоновской армии совместными силами русских войск. Он полагал, что главное поражение Наполеона должно быть между Днепром, Березиной и Двиной. «В ноябре 1812-го мы оказались за Борисовым и Минском, недалеко от Березины... Витгенштейн, одержав ряд побед, пошёл на Полоцк и оттуда непрерывно двигался на сближение с нашей армией... Чичагов с 15 тыс. чел. присоединился к нему... и оказался на противоположном берегу Березины, когда мы гнали французов на него, так что им было невозможно ускользнуть». С подходом к Березине войск Чичагова и Витгенштейна образовался «мешок», куда загоняли французскую армию [6, 303]. Но нерасторопность и ошибка Чичагова помешали осуществиться плану Кутузова, а Наполеону помогли навести мосты на Березине. Он ушёл, но переправить армию и обоз не успел. К Березине подошли войска Платова и Ермолова. Витгенштейну после упорного боя удалось взять в плен семитысячную дивизию Партуно [там же, 304]. Он атаковал и прикрывавшего переправу корпус Виктора, которому удалось отступить ночью с большими потерями. «Витгенштейн, согласовав свои действия с нашими, обрушил на французов все силы, — до 80 тыс. человек. Сиё не сделало ещё положение врага совершенно отчаянным» [18, 315–316].

Кутузов в донесении императору объяснил возможность уйти уцелевшей французской армии «незанятым постом при Зембине и пустым маршем армии Чичагова к Забашевичам, что подали неприятелю удобность перейти при Студёнке» [6, 305]. Войскам Витгенштейна и Платова было приказано продолжать преследование отступавших к Неману остатков наполеоновской армии и корпусов Макдональда, Шварценберга и Йорка [там же, с. 321]. «Наступление на Восточную Пруссию проходило тремя группами. На правом фланге, на Кёнигсберг и далее, вдоль побережья Балтийского моря, действовали войска Витгенштейна — наиболее сильная группировка (33 тыс. чел). На левом фланге — войска Чичагова (в их составе находился лёгкий («летучий»))

отряд М.С. Воронцова (3210 чел.), корпуса Воинова, Засса и Ланжерона» [6, с. 326]. Им ставилась задача отрезать пути отступления прусскому корпусу Макдональда (30 тыс. чел.), шедшему через Кенигсберг.

В апреле бои перешли за Эльбу, полки стали подтягиваться к Лейпцигу и Люцену. Успехи русских войск способствовали национально-освободительному движению в Пруссии, привлечению Австрии и Пруссии к коалиции с Россией. Кутузов обратился с воззванием к немецкому народу: «Жители Германии! Вся русская армия бьётся за ваше благополучие... Неужели вы будете действовать вопреки вашим интересам?» [6, 329]. Михаил Илларионович стремился все силы объединить вместе с Главной армией, но болезнь и смерть не позволили главнокомандующему самому довести русских до победы. 16 апреля он скончался в Бунцлау. После смерти князя Смоленского руководство армией перешло сначала к Витгенштейну, а потом к Барклаю-де-Толли.

«19 апреля 1813-го. Командование объединённой армией, русской и прусской, возложено было на генерала от кавалерии графа Витгенштейна, так как Кутузов заболел и отстал от армии. 20 апреля корпус выступил, направляясь на Лютцен, где уже с утра началось сражение» [18, 113]. Наши атаковали маршала Нея, но инициативу генерала сковывало присутствие на поле союзных монархов. Уже была создана коалиция России, Пруссии, Австрии и Швеции. В этой битве под Лютценом наша армия потеряла 20 тысяч воинов, а Наполеон занял Дрезден.

4–7 октября 1813 г. произошло знаменитое Лейпцигское сражение — «Битва народов», в котором участвовало полмиллиона солдат и офицеров. Русские, прусские, австрийские и шведские войска вышли в бой против французов, поляков, голландцев, бельгийцев, итальянцев. Закончился он поражением императора Франции с его «двунадесятой» армией. Во время боевых действий командование распространяло листовки среди противоборствующей армии. Они настолько актуальны, что хочется привести их: «Именно на Россию изливает сейчас Наполеон свою неистовую ненависть к человеческому роду... Он не подумал, что двум нациям, равно храбрым и могущественным, в сущности не о чём спорить, и они должны не истреблять, а взаимно уважать друг друга... и содействовать достижению всеобщего согласия для сохранения мира и покоя на земле» [там же, с. 326].

К сожалению, между странами нет ни мира, ни покоя и через 210 лет... Но необходимо знать и помнить, какую цену платила Россия за бесконечные войны на своих и чужих территориях, сколько русской крови было пролито за это, какими были наши герои. И каким урокам учит нас история войн.

Кутузов справедливо предполагал, что на первом этапе в Европе Россия будет воевать одна, что так называемые союзники существенной помощи оказывать не будут. Это было ясно ещё с суворовских походов при императоре Павле. Граф Ростопчин, губернатор Москвы, считая Россию первой державой в мире, не скрывал, что «союзники ищут только собственных выгод, а нас используют в качестве наёмной военной силы» [16, 90].

1818 год — Витгенштейна назначили командиром 2-й армии (Начальником Генерального штаба был П.Д. Киселёв. Адьютантом у графа был будущий декабрист Пестель). С 1825 года — генерал-фельдмаршал, кавалер орденов Св. Георгия, Св. А. Невского, Св. Апостола Андрея Первозванного. Победы Отдельного пехотного корпуса нашли широкое отражение в источниках. Широко известно стало и имя его командира. Журнал «Сын Отечества» издателя Н.И. Греча, дававший подробную хронику тех событий, с октября 1812 г. много внимания уделял действиям Витгенштейна, преградившего путь наполеоновским войскам на Санкт-Петербург [19, 20–21]. И Наполеон признавал, что «у русского императора есть сильнейшие помощники: Витгенштейн частенько маневрировал лучше, чем его противники» [4, 374]. «25 июля армия узнала о победе, одержанной 18–19 июля под Клястицами Витебской губернии корпусом графа Витгенштейна над маршалом Удино, который потерял 5 тыс. убитыми и 2 тыс. пленными. С нашей стороны имелось налицо до 25 тыс. чел., со стороны французов — 40 тыс.» [18, 44]. Об этом писал дореволюционный писатель и поэт К. Случевский (по его описанию, Клястицы находились в 25 верстах (40 км.) от Невеля) [20]. Но он мог ошибаться. Были Клястицы и в другом месте той же губернии, и совсем рядом. В 1839 году в селе Клястицы Дрисского уезда Витебской губернии в честь боя 18–19 июля 1812 г. был установлен памятник [15]. Пребывание в Невеле в своих воспоминаниях описал бывший ополченец, учитель Р. Зотов, упоминая Клястицы, расположенные в 70 км. У краеведа Н. Казюлина в «Биографическом словаре» Невеля значатся белорусские Клястицы, в 74-х км. от города.

В Пскове решили воздвигнуть памятник Петру Христиановичу перед Троицким собором, но он отказался. Зато принял от Псковского городского общества икону с изображением св. Всеволода с надписью «Защитнику Пскова». Девиз св. князя Гавриила Псковского (святого благоверного князя Всеволода) «Чести моей никому не отдам» — присоединили к гербу Витгенштейна с разрешения Александра I [10, 233]. Легендарный генерал Ермолов писал в своих «Записках»: «Я нашёл в графе свойства рыцаря, предприимчивого на всё полезное, и ни малей-

шей гордости» [8, 153–155]. О нём упоминал А.С. Пушкин в дневнике 1834 г.: «Уйдя в отставку, фельдмаршал удалился в местечко Каменка Подольской губернии, заложил там два парка с прудами, храм для православных, станцию купания, аптеку, училище, две новые переправы через Днепр, дом отдыха и дачи для больных на купальный и виноградный сезон» [19, 17]. Все эти новинки, предприятия и сам склеп семьи Витгенштейнов были сметены и разрушены ещё до войны 1941 года [1, 48]. А вот слова лицеиста пушкинского выпуска о восприятии победы молодыми умами того времени: «Под осень нас самих стали соби- рать в поход. Предполагалось перенести лицей на север, но победы Вит- генштейна скоро возвратили нас опять к нашим форменным шинелям. Граф охранял подступы к Петербургу, взял Полоцк и одержал победу под Лепелем» [19, 18]. Ему поднесли благодарность дворяне: новоржев- ские, псковские, порховские, великолукские, лифляндские, эстляндские, курляндские, Печёрский архимандрит и др. Когда после окончания во- йны великолучане решили установить памятник Петру Христиановичу, то граф дал согласие на установку мемориальной доски из чёрного мра- мора с именами всех генералов, убитых под Полоцком.

Что можно к этому добавить? Только если имена участников во- йны 1812 года — невелиских дворян Ивана Афанасьевича (1794–1828) и Семёна Афанасьевича (1793–1862) Виллинбаховых, владельцев по- местий Плоское и Козлово: начав с Бородинской, участвовали в Лейп- цигской «битве народов», дошли до Парижа. Оба были похоронены на погосте Плиссы Невельского уезда. Там церковь Святой Троицы цела, но могилы дворян, к сожалению, не сохранились.

100-летний юбилей в 1912 году в Невельском уезде праздновал- ся довольно широко. На это не жалели средств. Например, праздник в Усть-Дольской волости Невельского уезда прошёл по инициативе земского начальника Е.Е. Киповича [12]. Российский самодержец по- дарил кавалеру трёх орденов Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени в 1828 году владение невелискими деревнями Великое Село, Заситино, Залог, Осетки, Каменьки, фольварк Доминиково и имение Топоры [11, 82–83]. Семье принадлежали также владения в Глыбочно, Сыроквашино и других населённых пунктах. Известно, что при церкви в селе Топоры в середине XIX в. существовало частное учебное заве- дение. И попечительствовали, конечно, члены семьи Витгенштейнов. О семье известно не очень много. Жена Петра Христиановича — кня- гиня Антуанетта Станиславовна. У них были сыновья Николай и Егор, а также дочь Эмилия. Но наиболее известны были старший сын — рот- мистр Лейб-гвардии Кавалергардского полка, флигель-адъютант, граф

Лев (Людвиг) Петрович. Он находился в свите (квартирмейстерской части), в 1828 году уволен полковником. Лев Петрович был женат на княгине Трубецкой [13, 105]. И его сын, внук Петра Христиановича — Пётр Львович Витгенштейн (10.05.1831–8.08.1887), светлейший князь. Только в пределах Невельского уезда по состоянию на 1 января 1860 года Витгенштейнам третьего поколения принадлежало 2950 десятин земли. Почти тысяча, то есть треть, значилась за их крепостными крестьянами. Число дворов — 842, число душ — 2741. Это было самое многочисленное крепостное поместье Невельского уезда.

В возрасте 18 лет Пётр Львович поступил юнкером в полк наследника цесаревича. В 1852-м стал поручиком, через 4 года был назначен адъютантом при министре князе В.А. Долгоруком, продвинулся до флигель-адъютанта, далее — военный агент в Париже, генерал-майор свиты Его Величества (1861–1886), обладатель золотого палаша «за храбрость» после войны с Турцией. С 1879 года — генерал-лейтенант [11, 83–84]. В годы Первой мировой, когда ещё ничего не предвещало беспамьятства, на фронте храбро сражался 4-й гусарский Мариупольский генерал-фельдмаршала князя Витгенштейна полк. А надпись на одном из памятников Бородинского поля гласит: «Доблесть родителей — наследие детей. Всё тленно, всё преходяще, только доблесть никогда не исчезнет, она бессмертна».

ИСТОЧНИКИ:

1. *Балицкая М.Е.* Витгенштейн П.Х. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь. 1999. № 1.
2. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 1, СПб. 1847.
3. *Белоусов С.* Сражение под Лейпцигом. Рассказ очевидца // «Родина», № 11. 2013.
4. *Васькин А.А.* Москва 1812 года глазами русских и французов. – М.: «Спутник +», 2012.
5. *Дворянский календарь.* – СПб.: Дворянское собрание СПб. 1999.
6. *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. М.: «Наука». 1974.
7. «Жизнь Г. Добрынина, им самим писанная» // «Русская старина». 1871, октябрь. Ч. 1.
8. *Записки А.П. Ермолова.* 1798–1826 гг. М., 1991.
9. Из записок Марфы Степановны Сабининой. 1860 // Русский архив. 1902. Кн. 1.

10. Из письма Мизина 2 октября 1812 г. // Бумаги, относящиеся до войны 1812 г. М., 1897. Ч. 1.
11. *Казюлин Н.Д.* Невель. Биографический словарь. Великие Луки: типография. 2004.
12. *Максимовская Л.М.* К юбилею // Невельская жизнь. 2012. Август.
13. *Милорадович Г.В.* Список лиц Свиты Императорских Величеств с царствования Петра по 1886 г. Киев. – 1886.
14. *Ольховская О.* «И вечной памяти двенадцатого года» // Антология исследовательских работ конференции «Шаг в будущее». Невель. 2017.
15. *Педашенко С.* Памятники императору Александру I и событиям. М., 1912.
16. *Песков А.* Павел I. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия. 2017.
17. *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь — ежедневник Отечественной войны. СПб. 1913
18. *Пуцин П.С.* Дневник 1812–1814 годов. *Чичерин А.В.* Дневник 1812–1814 годов. С. 315–316. М.: Кучково поле; Беркут, 2012.
19. *Томашевский Б.В.* Пушкин. М.; Л.: Ан СССР. Т. 1.
20. «Невельский край»: история, люди, судьбы. К 180-летию юбилею Бородинской битвы // Невельский вестник. 15.02.1992.

Остров, развалины крепости

Аксельрод В.И.,
Юношеский университет;
Союз краеведов России, С.-Петербург
e-mail: Spb_kraeved@mail.ru

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА ДЕКАБРИСТА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА НАЗИМОВА

Михаил Александрович Назимов — один из самых значительных и радикальных деятелей Северного общества. Его судьба, с одной стороны, во многом повторяет судьбу большинства декабристов, а, с другой, имеет немало отличий. Он прожил долгую жизнь (85 лет) и пережил большинство участников декабристского движения. В силу разных обстоятельств, о которых будет сказано позже, он значительно раньше других декабристов был освобождён от «вечной ссылки в Сибирь» и уже в 1837 году переведён рядовым в действующую армию на Кавказе, где, проявив себя храбрым и инициативным воином, человеком безупречной нравственности, заслужил особое доброжелательное отношение командования и сослуживцев и быстро возвратил офицерское, а вместе с ним дворянское звание, которых был лишён по приговору Верховного уголовного суда. После увольнения в отставку и возвращения в Псков в 1846 году он ярко проявил себя на общественном поприще и в 1865 году был избран первым председателем Псковской губернской земской управы, а затем неоднократно переизбирался на этот пост, заслужив благодарную память псковичей. Эти страницы биографии М.А. Назимова достаточно изучены, мой же доклад посвящён его раннему, петербургскому периоду жизни и деятельности, который в общей сложности составляет 16 лет; петербургским адресам Назимова и его встречам со ссыльными петербуржцами в Сибири и на Кавказе.

Как известно, его детство прошло в селе Горончарово Старо-Уситовской губы Островского уезда (ныне Новоуситовской волости Палкинского района). Он родился 14 мая 1801 года в семье отставного секунд-майора, надворного советника, островского уездного предводителя Александра Борисовича Назимова и Марфы Степановны, урождённой Шишковой. Назимовы принадлежали к помещикам среднего достатка. В семье было две дочери и пятеро сыновей. Следует заметить, что после смерти мужа его вдова смогла дать образование всем детям. Основы образования Михаила были заложены в Псковской гимназии. В десять лет Михаил Назимов был определён в частный общеобразовательный институт протоиерея М.Б. Каменского в

Санкт-Петербурге. Воспитанники этого учебного заведения получали солидную подготовку в объёме лицейской программы. Заметим попутно, что Михаил Назимов обучался в этом институте в те же годы, что и юный Александр Пушкин в Царскосельском лицее. Важно отметить, что годы ученичества Михаила Назимова связаны патриотическим подъёмом в русском обществе после победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года и заграничными походами русской армии. Эти события непосредственно затронули и семью Михаила Назимова. Его старший брат погиб в декабре 1813 года при осаде Данцига (современный польский город Гданьск) — на тот период самой укреплённой крепости в Европе. Безусловно, личный пример брата и общие патриотические настроения, захватившие воспитанников Института Каменского, как и Царскосельского лицея, во многом предопределили дальнейший жизненный выбор Михаила Назимова.

Институт Каменского — первый петербургский адрес Назимова, располагался на Петроградской стороне, на бывшей Церковной, ныне улице Блохина, дом 29, близ Князь-Владимирского собора. Здание института было снесено в 1851 году, когда на его месте был возведён первый на этой улице доходный дом.

Герб дворянского рода
Назимовых

Михаил Александрович
Назимов. Неизвестный
художник. 1820-е годы

После окончания института Каменского, в марте 1816 года, Назимов начал военную службу юнкером в 23-й Конно-артиллерийской бригаде русской императорской гвардии, основанной при Павле I 27 апреля 1799 года, в день Равноапостольного императора Константина, ставшего бригадным праздником. Интересный факт: масти лошадей в бригаде отличались по батареям — 1-я имела рыжих, 2-я — вороных, 3-я и 5-я — караковых, 4-я и 6-я — гнедых. Назимов был зачислен во 2-ю батарею. Применительно к лёгкой артиллерии бригада имела 8-орудийный состав и сводилась по три в дивизионы, вооружённые однотипными орудиями. В этой бригаде Назимов прослужил один год и 22 марта 1817 года уже в чине прапорщика был переведён в лейб-гвардии Сапёрный батальон. Этот батальон был сформирован впервые в истории русской армии 8 января 1813 года по указу императора Александра I как инженерное подразделение, вскоре ставшее гвардейским. Отметим, что до его создания отсутствовали подразделения для выполнения задач инженерного обеспечения, что стало особенно ощутимо в годы Отечественной войны 1812 года. В июне 1817 года шефом батальона был назначен Великий князь, будущий император Николай Павлович. В 1818 году он стал генерал-инспектором по инженерной части. Николай I был знаком с Назимовым, что впоследствии в определённой мере облегчило его участь в ходе след-

Солдатские казармы лейб-гвардии Преображенского полка на Кирочной улице

ствия по делу декабристов. При создании инженерно-гвардейского батальона был утверждён киверный знак с изображением двуглавых гвардейских орлов, у основания которых располагались скрещённые топоры — символ инженерных войск. Размещался лейб-гвардии Сапёрный батальон в годы службы в нём Назимова в части зданий солдатских казарм лейб-гвардии Преображенского полка, построенных в классическом стиле по проекту архитектора Ф.И. Демерцова на Кирочной улице. 28 апреля 1819 года по указанию сверху батальон выделил ряд своих офицеров и нижних чинов во вновь сформированный лейб-гвардии Конно-Пионерский эскадрон, и 17 января 1820 года Назимов был переведён в этот эскадрон. За пять лет он дослужился в нём от подпоручика до штабс-капитана. Небольшая справка об истории этого эскадрона. Первоначальная идея создания подразделения конных пионеров, или, как их ещё называли, «ездящих пионеров», зародилась в Отечественную войну 1812 года в Смоленском ополчении, а официально этот эскадрон был учреждён в 1819 году и просуществовал до 1862 года. Целью его создания было содействие войскам вообще и кавалерийским с их артиллерией по преимуществу, на пути их движения, так как наличие плохих или испорченных дорог и мостов неоднократно задерживало продвижение армии. Распола-

Офицерские казармы лейб-гвардии Преображенского полка
на Кирочной улице

Михаил Михайлович
Нарышкин. Неизвестный
художник. 1820-е годы

гался Конно-пионерский эскадрон по соседству с Сапёрным батальоном, в офицерских казармах Преображенского полка, на той же Кирочной улице. В сентябре 1825 года, за три месяца до восстания декабристов, Назимов подал прошение об отставке по семейным обстоятельствам и отбыл в родительское имение. В годы службы в гвардии он познакомился с будущими декабристами, среди которых особенно близки ему были братья Иван и Михаил Пушкины, а также полковник М.М. Нарышкин, служивший до середины декабря 1822 года в лейб-гвардии Московском полку, а позже на короткое время переведённый в лейб-гвардии Измайловский полк. В члены Тайного Северного общества, вскоре после его

создания, Назимов был принят в 1823 году, как раз по рекомендации Нарышкина. За два года пребывания в этом обществе Назимов проявил себя как один из самых радикальных его членов. К нему можно отнести известные пушкинские строки, посвящённые встречам декабристов, из уничтоженной поэтом 10 главы романа «Евгений Онегин»: «Витийством резким знамениты /Сбирались члены сей семьи/ У беспокойного Никиты,/ У осторожного Ильи/ /Тут Лунин дерзко предлагал/ Свои решительные меры,/ Меланхолический Якушкин,/ Казалось, молча обнажап/Цареубийственный кинжал...».

По воспоминаниям членов Северного общества, «свои решительные меры» предлагал на заседаниях общества и Назимов, порывавшийся даже под влиянием К.Ф. Рылеева написать собственный проект конституции для России.

Хорошо известные отмеченные мемориальными досками петербургские адреса этих заседаний: набережные рек Фонтанки, 25 (здесь, в доме своей матери, жили братья Муравьевы, Александр и Никита, автор программного документа Северного общества «Конституция»); Мойки, 14 (Здесь, в доме родителей, проживал Иван Пущин), и Мойки, 72 (тут в доме Российско-Американской компании служебную квартиру с женой и шестилетней дочкой занимал К.Ф. Рылеев, один из директоров Северного общества); Английская набережная, 4 (здесь, в доме

своего тестя графа Лавала, тайные сходки декабристов проводил полковник генерального штаба князь С.П. Трубецкой, избранный диктатором восстания). Как мы уже отмечали, в день восстания Назимов не было в Петербурге, и это, в ходе следствия по делу декабристов, стало для него смягчающим обстоятельством. Арестован он был 27 декабря и доставлен в Зимний дворец, где его допрашивал лично Николай I в присутствии графа А.И. Левашова, которого император привлек к ведению следствия. Назимов был очень осторожен в своих показаниях и многое скрыл от них. Позже Николай I на прошение брата Назимова от 14 сентября 1832 года о переводе отбывавшего ссылку Михаила в действующую армию на Кавказе от 14 сентября 1832 написал такую резолюцию с отказом: «Он более виноват, чем другие, ибо мне лично во всем запырался, так что, будучи освобожден, ходил в караул во внутренний и был на оном 6 января 1826 года». Действительно, результатом выбранной Назимовым тактики на допросе и расположения к нему императора как военному инженеру, служившего под его началом и имевшего безупречную репутацию, стало освобождение его из-под стражи за неимением прямых улик, — более того, с караулом своих солдат охранял Николая I в Зимнем дворце, на что гневно указывал император в цитируемой ранее резолюции. Однако почти через месяц после допроса в Зимнем дворце, 24 января (5 февраля) 1826 года, Назимов был арестован повторно. Считается, что его сдал на допросе близкий товарищ, неоднократно упомянутый полковник М.М. Нарышкин. Однако ещё раньше измученный допросами Е.П. Оболенский представил список 62 членов тайного общества, но признания Нарышкина оказались ещё более опасными, так как он сообщил, что именно им Назимов был принят в общество. Тот простил ему его проступок, и они остались друзьями. И это не случайно, так как в Сибири их ещё больше сблизила общность судеб ссыльных.

Нарышкина, как и Назимова, не было в Петербурге в день восстания, так как незадолго до него он был переведён в Таругинский пехотный полк, стоявший в Москве. Арестован он был 8 января 1826 года и этапирован в Санкт-Петербург. Знаменательно, что их камеры в Петропавловской крепости находились рядом, в Невской куртине. Нарышкин по решению Верховного уголовного суда был осуждён по 4 разряду (более суровому, чем у Назимова) и приговорён к каторжным работам на 12 лет (позже срок был сокращён до 8 лет). Оба они в начале 1830-х годов переведены в город Курган Тобольской губернии. Здесь Назимов познакомился с женой Нарышкина Елизаветой Петровной, урождённой Коновницыной, последовавшей за мужем в Сибирь

много лет спустя. Назимов по просьбе Н.А. Некрасова, работавшего над поэмой «Русские женщины», написал для него свои воспоминания о Елизавете Петровне Нарышкиной. В Кургане, в нарышкинском доме, Назимов брал книги и посещал импровизированные концерты с музыкой, пением, чтением стихов. В конце 1830-х и Назимов, и Нарышкин были определены рядовыми в Кавказский корпус. После отставки, на пути с Кавказа в Псковскую губернию, Назимов навестил Нарышкина в его родовом имении Быстрецово, на реке Черёха, где тот находился под надзором полиции. Переписка между ними продолжалась в общей сложности тридцать лет, вплоть до смерти Нарышкина.

После ареста Назимов был доставлен на Главную гауптвахту, так называемый «Ордонансгауз», располагавшийся на Садовой улице, в доме № 3, построенном по проекту К.И. Росси. Сейчас в нём находится Главная военная комендатура Петербурга. Отсюда 7 (19) февраля 1826 года Назимов был переведён в Петропавловскую крепость, где её комендантом, генералом от инфантерии А.Я. Сукиным, по личной записке Николая I, был помещён в камеру № 17 Невской куртины. Следствие по делу декабристов проходило в Комендантском доме Петропавловской крепости. Всего к следствию было привлечено 579 человек. Руководил следствием лично Николай I. Верховный уголовный суд вынес приговор 120 обвиняемым по различным разрядам по тяжести преступления. Приговоры декабристам были объявлены судом 13 июля 1826 года. Назимов был приговорён по 7 разряду к ссылке в Сибирь на вечное поселение. Гражданская казнь декабристов состоялась в ночь с 12 на 13 июля 1826 года на Кронверке Петропавловской крепости. К моменту казни подвели войска, сводные батальоны и эскадроны от всех гвардейских полков, где раньше служили осуждённые, сводную батарею и военный оркестр. Казни были подвергнуты 97 человек (кроме 5 смертников, 15 осуждённых морских офицеров, двух находившихся в госпитале на излечении и приговорённых без лишения дворянства. Процедура казни лично расписана самим императором. Осуждённых выводили на эшафот по порядку, в зависимости от разрядов, к которым они были приговорены: различные сроки каторжных работ (2–6 разряды), ссылка в Сибирь (7–9 разряды), разжалование в солдаты (10 и 11 разряды). Над их головами надламывались шпаги, а снятые с них мундиры бросали в костёр. Эта процедура означала, что приговорённые к гражданской казни лишались дворянского звания, всех чинов и наград. Назимов был единственным из декабристов, кто видел смертную казнь своих пятерых товарищей. Окна его каземата находились напротив Кронверка, места исполнения приговора. Об этом трагическом событии напоминает 9-метровый розового гранита мемо-

риальный обелиск, установленный здесь в декабре 1975 года, к 150-летию со дня восстания декабристов. На обелиске помещён бронзовый медальон с символической композицией с профилями пяти казнённых декабристов и надписью «На этом месте 13/ 25 июля 1826 года были казнены декабристы П. Пестель, К. Рылеев, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин, П. Каховский» Напротив обелиска установлена композиция из переломленной шпаги и офицерских эполет, поверх которых лежит массивная цепь. Его авторы — архитекторы В.А. Петров, А.С. Леяков, скульпторы М.М. Игнатьев и А.М. Дема.

Местом ссылки Назимова был определён Витим, посёлок в Восточной Сибири. В предписании, отправленном органам полиции для надзора за ним по месту этапирования, сообщались такие приметы «государственного преступника»: «Рост 2 аршина, 9 вершков, лицо белое, круглое, глаза и брови черные, нос посредственный, прямой, волосы черные с проседью, борода и бакенбарды черные, говорит чисто». К месту назначения Назимов прибыл в начале 1827 года и находился здесь три года, затем наступило послабление и он с некоторыми другими ссылными, в том числе с М.М. Нарышкиным, 7 августа 1830 года был переведён в город Курган Тобольской губернии. Связь с Петербургом

Кронверкская куртина Петропавловской крепости, в казематах которой были заключены М.А. Назимов и М.М. Нарышкин

Назимов сохранял, через переписку с младшим братом Иваном, штабс-капитаном лейб-гвардии Сапёрного батальона. 28 августа 1832 года тот по просьбе Михаила обратился с ходатайством на имя императора, в котором испрашивал дозволение тому вступить рядовым в Кавказский корпус. Однако, как было уже отмечено, по известной причине Николай I отклонил это прошение. И только через пять лет, 21 июня 1837 года, по высочайшему повелению, объявленному военным министром, Назимов был определён рядовым в Кабардинский полк Кавказского корпуса. По пути на Кавказ он близко сошёлся с ещё одним ссыльным петербуржцем, поэтом-декабристом князем А.И. Одоевским, разжалованным в солдаты.* А уже на Кавказе, в конце 1840 года, Михаил Александрович свёл дружбу с его близким другом М.Ю. Лермонтовым, незадолго до отъезда того в отпуск в Петербург. Многие очевидцы, знавшие Лермонтова, отмечали, что Назимов был на Кавказе в числе самых близких ему людей. Он лучше других сумел рассказать Лермонтову о казни пяти декабристов

Михаил Юрьевич
Лермонтов. Портрет, созданный
после смерти поэта.
Неизвестный художник

Александр Иванович Одоевский.
Акварель Николая
Александровича Бестужева
(Петровский завод, 1833)

К сказанному следует добавить, что в ноябре 1853 года Назимов был освобождён от надзора полиции с дозволением приезда в Петербург по особому разрешению.

Через два года после встречи Назимова с А.И. Одоевским, 15 (27) августа 1839 года, тот сражён был не оружием, а местной лихорадкой в форте Лазаревский (ныне микрорайон Лазаревское в городе Сочи). М.Ю. Лермонтов посвятил своему другу стихотворение «Памяти Одоевского»/ Я знал его: мы странствовали с ним/ В горах востока, и тоску делили / Но он погиб далеко от друзей/ Мир сердцу твоему, мой милый Саша/ Покрыт землей чужих полей / Пусть тихо спит оно, как дружба наша/ В немом кладбище памяти моей/.

Михаил Александрович Назимов. Фотография А. Гейста, г. Псков. 1870-е годы

ИСТОЧНИКИ:

1. Восстание декабристов: Документы, т. 15: Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. Дело М.А. Назимова. – М.: Наука, 1979, с. 179–204, 319–320.
2. Назимов М. А. Письма, Статьи. Иркутск: Восточно-Сиб. кн. издательство, 1985.
3. Петербург декабристов / Сост. и коммент. А.Д. Марголис/ – СПб.: Контрфорс, 2000.
4. Принцева Г.А., Бастарева Л.И. Декабристы в Петербурге. – Л: Лениздат, 1975.
5. Пушкин А.С. Сочинения в одном томе. Редакция Б. Томашевского, вст. ст. В. Десницкого. – Л. 1936, с. 171–172.
6. Русский биографический словарь (Тома 1–25). А.А. Половцов. – Санкт-Петербург, тип. И.Н. Скороходова, 1896, т. 11.
7. Санкт-Петербург. Энциклопедия. – М. – СПб., 2004.
8. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 2: Деятельный век. Кн. 2. Г-И. – СПб., 2003, Кн. 4. М-О. СПб., 2005.
9. Электронные источники.
10. Никулин В.Н. Штрихи к биографии декабриста М.А. Назимова. Электронная библиотека истории. [Электронный ресурс]: URL:

<https://www.ru.m.wikipedia.org/wiki/Назимов> (дата обращения 10 августа 2022 года).

11. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.wikipedia.Org/rus/team/reple/naryshkih-mikhail> (дата обращения 10 августа 2022 года).
12. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.wikipedia.ru.m.org/wiki/Нарышкин> (дата обращения 10 августа 2020 года).
13. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.wikipedia.ru/mixail-a-i-odoevskogo> (дата обращения 11 августа 2022 года).
14. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.wikipedia.ru/poem/1839>. Памяти А.И. Одоевского (дата обращения 11 августа 2022 года).

Остров на р. Великой, 1900-е гг. Из свободных источников

Алексеева Л.А.,
Санкт-Петербургский Союз краеведов,
библиотека ГБНОУ «СПб ГДТЮ»
Фёдорова О.И.,
библиотека ГБНОУ «СПб ГДТЮ»
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: bibliotekaanichov@yandex.ru

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ (ПРЕБЫВАНИЕ В МИХАЙЛОВСКОМ)

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести, чистейший образец.*
А.С. Пушкин. Мадонна. 1830 г.

8 сентября по новому стилю (27 августа) 1812 года, на следующий день после Бородинской битвы, родилась Наталья Николаевна Гончарова. Она родилась в селе Кариан Тамбовской губернии, в поместье Загряжских. В конце августа Николай Афанасьевич Гончаров привёз семью к своим родственникам. В это время в его имении *Полотняный завод* расположился штаб русской армии во главе с М.И. Кутузовым.

В 1985 году в журнале «Роман-газета» была напечатана повесть Кузнецовой Агнии Александровны «Моя мадонна», где автор с большой любовью и теплотой рассказывает о судьбе Натальи Николаевны, жены Александра Сергеевича Пушкина.

В 2019 году в журнале «Путеводная звезда: школьное чтение» была издана повесть Кузнецовой А.А. «А душу твою люблю...».

«Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю я еще более твоего лица».

А.С. Пушкин — жене из Павловского [6, с. 36].

Сёстры Гончаровы получили прекрасное домашнее образование. С творчеством Александра Сергеевича Пушкина были хорошо знакомы, знали наизусть многие его стихи.

К 200-летию со дня рождения Натальи Николаевны издательство «Вече» в серии «Великие исторические персоны» выпустило книгу «Наталия Гончарова» Ларисы Андреевны Черкашиной. Издание, на мой взгляд, уникально. Автору удалось найти и поработать с ученическими тетрадями Натальи Гончаровой, которые хранятся в Российском

Государственном архиве древних актов (РГАДА), где — весь фонд семьи Гончаровых. Лариса Андреевна пишет: «Так долго о невесте поэта говорили лишь как о «малообразованной шестнадцатилетней девочке»! В одной из чудом уцелевших тетрадок Наталии Гончаровой есть и её сочинение о просодии — искусстве стихосложения, поражающее глубиной литературных познаний десятилетней девочки» [9, с. 38]. «Просодия» опубликована в данном издании. В родовом имении Гончаровых *Полотняный Завод* имелась богатейшая библиотека. Старинные фолианты из этой библиотеки в своё время читал А.С. Пушкин.

А душу твою люблю...

Л. Черкашина. Наталия Гончарова

Из ученических тетрадей Натальи Гончаровой: «Хотя учение трудно, однако плоды его сладки»; «Избегайте праздности, ибо она есть источник всех пороков»; «Человек питается плодами трудов своих» [9, с. 49].

В конце декабря 1828 года на Рождественском балу, который давал для своих учеников и учениц танцмейстер Йогель, впервые встретились Пушкин и Натали. Из воспоминаний Александры Араповой, старшей дочери Натальи Николаевны от второго брака: «Ей только минуло шестнадцать лет, когда они впервые встретились на балу в Москве. В белом

воздушном платье с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от неё глаз...» [1, с. 31].

Известные пушкинисты Ирина Михайловна Ободовская и Михаил Алексеевич Дементьев в книге «После смерти Пушкина», 2008 года издания, дают такую характеристику Н.Н. Гончаровой: «Но если бы Наталья Николаевна была только красивая женщина, она не привлекала бы так внимания всех мужчин, её не мог бы страстно и безгранично любить такой знаток женской души, как Пушкин. Это была женщина исключительного обаяния, доброжелательная, приветливая, готовая всё понять и всем помочь, и именно поэтому и дети и взрослые так любили её».

26–27 августа 1831 года, впервые с мужем, Натали отмечает свой День рождения в Царском селе, на даче Китаевой. Александр Сергеевич закончил «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». А вот своё 25-летие Наталья Николаевна встречает уже вдовой. Все свои силы, время, знания она отдаёт детям.

22 мая 1838 года Наталья Николаевна пишет в письме графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому: «Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой...».

Из книги «После смерти Пушкина» И. Ободовской и М. Дементьева: «Так сложилось, что при жизни Пушкина Наталье Николаевне ни разу не пришлось побывать в Михайловском. В 1832, 1833 и 1835 годах весной или в начале лета она рожала, роды всегда протекали тяжело, она долго болела, и ехать с маленьким ребёнком за 400 вёрст было, конечно, невозможно» [5, с. 49].

В январе 1841 года, наконец, решился вопрос о продаже Михайловского детям А.С. Пушкина. Указом Петербургской дворянской Опекы от 30 сентября 1840 года Наталья Николаевна могла управлять имением. До 1843 года, с её согласия, управляющим Михайловского был Антон Иванович Самойлов. Его имение находилось в 40 верстах от Михайловского. Самойлова порекомендовал Наталье Николаевне и Опеке знакомый Пушкина Владимир Петрович Пальчиков. Антон Иванович взял на себя обязательство несколько раз в год бывать в Михайловском.

В 2015 году была издана книга Вадима Петровича Старка, доктора филологических наук, в серии ЖЗЛ «Наталья Гончарова». Это третье, дополненное издание. В ней подробно изложена судьба жены Пушкина. Одна из глав посвящена пребыванию семьи Пушкиных в Михайловском.

Дом в Михайловском

Из книги В.П. Старка «Наталья Гончарова»: «Поскольку предметы обихода уже были предоставлены Наталье Николаевне, которая часть имущества раздала служителям, то теперь осталось передать фактически только библиотеку, хранившуюся по описи в двадцати четырёх ящиках, а также девять рукописных книг, материалы к «Истории Петра», экземпляры сочинений Пушкина, изданных посмертно, и книгу подписчиков на собрание его сочинений на 354 страницах.

В начале марта упакованная библиотека на шести санях была отправлена в Михайловское под наблюдением Никиты Козлова, бывшего дядьки и камердинера поэта» [8, с. 466].

Вдова усиленно хлопотала о разрешении на установку памятника на могиле мужа. Ей очень помогли друзья. В 1839 году Наталья Николаевна заказала известному петербургскому мастеру Александру Ивановичу Пермагорову памятник-надгробие. «Через какое-то время чертеж надгробия был предъявлен царю. Разглядывал вместе с Бенкендорфом. Памятник напоминал надгробия древних: суровые камни, гранитные ступени, цоколь для эпитафии, акротерий, урна с покрывалом... Над всем этим белый мраморный обелиск. Все скромно и даже сурово» [2, с. 135].

Она приезжала в мастерскую скульптура, осмотрела и одобрила памятник. В ноябре 1840 года работа была выполнена. Бывший михайловский управляющий М. Калашников доставил памятник в Святые Горы. Установка его была отложена до приезда Натальи Николаевны.

15 мая 1841 года большой обоз и экипажи с Натальей Николаевной и всей семьёй выехали в Михайловское, 19 мая они прибыли на место. В этот день старшей дочери Натальи Николаевны и Александра Сергеевича Марии исполнилось девять лет.

В своей книге Вадим Старк приводит отрывок из письма Натальи Николаевны своему брату Дмитрию. Она пишет: «Дом совершенно обветшал, сад великолепен, окрестности бесподобны — это приятно. Не хватает только лошадей, чтобы нам здесь окончательно понравилось — потому, пожалуйста, пришли нам их незамедлительно, а также и деньги» [8, с. 467].

В. Старк.
Наталья Гончарова

А. Кузнецова.
Моя мадонна

Первый раз на могилу мужа Наталья Николаевна пришла одна в сопровождении дядьки поэта Никиты Тимофеевича Козлова. Агния Александровна Кузнецова в книге «Моя мадонна» пишет: «Она стояла на коленях, обхватив руками обложенный дерном холмик с деревянным

крестом, сотрясалась в рыданиях. Плакал и Никита Тимофеевич, держа в руках помятый картуз» [4, с. 326]. На следующий день Наталья Николаевна посетила могилу мужа в Святогорском монастыре вместе с детьми и сестрой, Александрой Николаевной, в экипаже, который одолжила Прасковья Александровна Осипова — помещица села Тригорского Псковской губернии. Впервые они побывали на могиле Пушкина и увидели её в первоизданном виде со скромным деревянным крестом.

За установкой памятника Наталья Николаевна следила сама. Работа была тяжёлая и ответственная. Надо было подвести каменный фундамент. Установка памятника продолжалась до августа. Из книги В.П. Старка: «Надпись была выбита на гранитном основании, на котором возвышался беломраморный обелиск с помещёнными по углам лотосами — символами вечной жизни и с перекрещенными гаснущими факелами над аркой, усеянной звёздами; под ней помещена урна, полуприкрытая покрывалом, чтобы душа могла покинуть этот символический сосуд смерти и устремиться к небу» [8, с. 468].

Памятник на могиле А.С. Пушкина

«Все годы после смерти Пушкина сердце Натальи Николаевны рвалось в Михайловское. И вот самое главное было сделано — памятник поставлен. Но ей хотелось жить в Михайловском, бывать на могиле мужа, водить туда детей. Ей хотелось иметь собственное пристанище, не зависеть от брата и его жены... В Михайловском безраздельно царил Пушкин. Его душа, воплощённая в стихи, жила в доме, в аллеях парка, на Сороти, в Тригорском. Он был всюду. И Наталья Николаевна ежеминутно ощущала его присутствие. Это и увеличивало её горе и вселяло в неё какую-то непонятную силу», — пишет в своей книге А.А. Кузнецова [4, с. 331].

Очень остро постоянно перед Натальей Николаевной стоял финансовый вопрос. Сохранилось несколько её писем брату, где она описывает свои проблемы, приглашает брата, Дмитрия Николаевича, приехать в Михайловское, помочь ей советами. 23 мая отметили День рождения младшей дочери: Наташе исполнилось 5 лет. В конце июля по дороге на лечение за границу заезжал брат Натальи Николаевны Иван Николаевич с женой. Она была рада их неожиданному приезду, огорчилась, что погостили всего два дня. Из письма Натальи Николаевны Дмитрию: «А сейчас мы находимся в ожидании Фризенгофов, которые собираются провести недели две с нами. Они будут постоянно жить в Вене; к счастью для нас, наш уголок лежит на пути за границу. Это доставляет нам радость, но также и печаль расставания со всеми нашими друзьями» [8, с. 469]. В августе 1841 Густав Фризенгоф с женой Натальей Ивановной, её приёмной матерью графиней Софьей Ивановной де Место и полуторагодовалым сыном Григорием гостили в Михайловском. Наталья Ивановна прекрасно рисовала. Благодаря ей мы имеем рисунок, на котором изображены все четверо детей Александра Сергеевича Пушкина. В центре — девочки, а по бокам — мальчики. Они сидят за покрытым скатертью столом, на нём видны тарелки с яйцами и деревенским сыром, крынка со сметаной. Стол накрыт к завтраку на свежем воздухе. Прекрасен рисунок Натальи Николаевны со старшей дочерью Машей около молодой берёзки. Младший сын Григорий нарисован 15 августа сидящим верхом на ветке дерева.

В своей книге Вадим Старк пишет: «Именно они, дети Пушкина, запечатлённые на лоне воспетой им природы, — девятилетняя Мария, восьмилетний Александр, шестилетний Григорий и пятилетняя Наталья — являлись теперь хозяевами Михайловского, бывшего в своё время для их отца приютом «спокойствия, трудов и вдохновения» [8, с. 470]. Для них он и мечтал сохранить Михайловское, выкупив его у брата и сестры. Теперь его желание свершилось».

Наталья Ивановна нарисовала в альбом своей подруги всех обитателей Михайловского и их соседей. Альбом — подарок Петра Андреевича Вяземского. Александру Николаевну Наталья Ивановна изобразила сидящей в кресле. В июне сестре Натальи Николаевны исполнилось 30 лет. Она тоже писала письма брату Дмитрию Николаевичу о жизни в Михайловском, о проблемах семьи, напоминая адрес: «На всякий случай, это Михайловское в 50 верстах от Острова Псковской губернии. В конце концов, Натали говорит, что ваши люди должны знать где, потому что во время пребывания у нас ты посылаешь кого-то. Что касается денег и писем, вот адрес: Её высокородию Прасковье Александровне Осиповой. В Остров чрез с. Голубово в с. Тригорское. Для доставления Н.Н. Пушкиной. В Псковской губернии» [8, с. 474].

П.А. Осипова, деревенский друг А.С. Пушкина, стала прототипом старшей Лариной в романе «Евгений Онегин». Н.И. Фризенгоф изобразила её в профиль. Это единственное изображение Прасковьи Александровны, сохранившееся до нашего времени. Скорее всего, рисунок выполнен в Тригорском. Отсюда следует, что соседи из Михайловского в этот день были здесь с визитом.

Жители Тригорского сначала с предубеждением относились к Наталье Николаевне. Но, узнав её, они были очарованы и стали помогать Наталье Николаевне и её детям. Фризенгофы пробыли в Михайловском более трёх недель. Дети радовались, всем было весело, расстались с грустинкой.

Известие о гибели Михаила Юрьевича Лермонтова Наталья Николаевна Пушкина получила в Михайловском, очень расстроилась.

В Санкт-Петербурге М.Ю. Лермонтов сторонился Натальи Николаевны. Она переживала. Но вечером, у Карамзиных, накануне отъезда Лермонтова на Кавказ, они снова встретились. Александра Арапова, дочь Натальи Николаевны от второго брака, вспоминает: «...но, уступая какому-то необъяснимому побуждению, поэт к великому удивлению матери..., завладев освободившимся около неё местом, с первых слов завёл разговор, поразивший её своей необычностью. Он точно стремился заглянуть в тайник её души и, чтобы вызвать её доверие, сам начал посвящать её в мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его жизнь... Прощание их было самое задушевное, и много толков было потом у Карамзиных о непонятной перемене, происшедшей с Лермонтовым перед самым отъездом» [1, с. 71]. Эта встреча много значила для Натальи Николаевны.

Гостил в Михайловском и Сергей Львович Пушкин, доставляя своими придирками немало хлопот. Но это был отец Пушкина — все относились к нему с уважением.

В сентябре в Михайловское приезжал князь Пётр Андреевич Вяземский. Из его письма к Александру Ивановичу Тургеневу: «В конце сентября я ездил на поклонение к живой и мёртвому, в знакомое тебе Михайловское к Пушкиной. Прожил у неё неделю, бродил по следам Пушкина и Онегина» [8, с. 476]. Вяземский не мог забыть, как Наталья Николаевна собрала пушкинских крестьян и взяла с них клятву, что они будут свято хранить и оберегать усадьбу Михайловское. Уехал Пётр Андреевич 2 октября 1841 г., взяв с собой письмо Натальи Николаевны брату. Она писала: «Я нахожусь здесь в обветшалом доме, далеко от всякой помощи, с многочисленным семейством и буквально без гроша, чтобы существовать. Дошло до того, что сегодня у нас не было ни чаю, ни свечей, и нам не на что было их купить. Чтобы скрыть мою бедность перед князем Вяземским, который приехал погостить к нам на несколько дней, я была вынуждена идти просить милостыню у дверей моей соседки, г-жи Осиповой. Ей спасибо, она по крайней мере не отказала чайку и несколько свечей. Время идёт, уже наступил октябрь, а я не вижу ещё момента, когда смогу покинуть нашу лачугу» [8, с. 476]. Жизнь в Михайловском, где не было сносного приусадебного хозяйства и все приходилось покупать на стороне, доставляла Наталье Николаевне много беспокойства и хлопот. И задержалась семья до поздней осени в деревне по причине отсутствия денег на дорогу. Выручил Наталью Николаевну граф Г.А. Строганов. Он прислал деньги, необходимые на дорогу, и 23 октября Наталия Николаевна со всем семейством выехала из Михайловского в Петербург.

Семья Пушкина прожила в 1841 году в Михайловском около полугода. Наталья Николаевна привезла с собой доктора — дети часто болели. Доктор лечил и детей, и принимал больных со всей округи. Жители были очень благодарны.

Наталья Николаевна за лето много раз посещала вместе с детьми могилу мужа, желая сохранить священную память в их сердцах. В Петербург они вернулись 26 октября.

В декабре 1841 года в письме другу Пушкина, Павлу Воиновичу Нащокину, Наталья Николаевна писала: «Могилу мужа моего находится на тихом уединённом месте, местоположение однакож не так величаво, как рисовалось в моём воображении: сюда прилагаю рисунок, подаренный мне в тех краях. Вам одним решаюсь сим жертвовать... Князь Вяземский заходил ко мне...» [2, с. 138].

В мае 1842 года семья Пушкина приехала в Михайловское. В то лето туда приехали Сергей Львович и Лев Сергеевич. Брат А.С. Пушкина впервые посетил его могилу.

Лето 1842 года в Михайловском для Натальи Николаевны было очень беспокойным и проблемным. Она хотела прожить в нём до глубокой осени, но не получилось.

27 августа Наталья Николаевна исполнилось 30 лет. Но 18 августа 1842 года в Петербурге умерла Екатерина Ивановна Загряжская, любимая тётушка. Поехать на похороны Наталья Николаевна не успевала. 25 августа она пишет письмо к графу Александру Григорьевичу Строганову: «...Тётушка соединяла с любовью ко мне и хлопоты по моим делам, когда возникало какое-нибудь затруднение. Не буду распространяться о том, какое горе для меня кончина моей бедной Тётушки, вы легко поймёте мою скорбь. Мои отношения с ней вам хорошо известны. В ней я теряю одну из самых твёрдых моих опор. Её бдительная дружба постоянно следила за благосостоянием моей семьи, поэтому время, которое обычно смягчает всякое горе, меня может только заставить с каждым днем всё сильнее чувствовать потерю её великодушной поддержки» [8, с. 481]. У А.П. Араповой сохранилось десять писем Екатерины Ивановны к Наталье Николаевне в Михайловское летом 1842 года. Все они пронизаны любовью и нежностью к Наталье Николаевне и её детям. Последнее письмо было написано в конце июля — Екатерина Ивановна не дожила восемь дней до именин и дня рождения любимой племянницы.

В конце августа семья срочно выехала в Петербург. Неоднократно Наталью Николаевну навещал Пётр Александрович Плетнёв (1792–1865), поэт, критик, профессор, ректор Петербургского университета, доверенное лицо Пушкина в издательских делах, автор биографической статьи «Александр Сергеевич Пушкин», напечатанной в журнале «Современник» в 1838 году (об этом известно из его переписки с друзьями). 25 ноября 1842 года он пишет: «Чай пил у Пушкиной (жены поэта). Она очень мило передала мне свои идеи насчет воспитания детей. Ей хочется даже мальчиков, до университета, не отдавать в казенные заведения. Но они записаны в пажи — и у неё мало денег для исполнения этого плана» [8, с. 452–453].

В 2003 году в России была издана книга Пушкина-Меренберг Н.А. «Вера Петровна. Петербургский роман», из которого узнаём, что рукопись этого романа хранилась около 120 лет, пережила две мировые войны и пересекла два материка. В предисловии к роману графиней Клотильдой фон Меренберг, праправнучкой А.С. Пушкина и правнучкой Александра II, написано: «Рукопись этого романа — листы старой бумаги с готическим немецким текстом — мой отец, граф фон Меренберг, правнук А.С. Пушкина, получил в наследство от своей тетки. Чем

Петербургский роман

больше я вчитывалась в текст, тем больше узнавала в героине романа, Vere Петровне, автобиографические черты младшей дочери Пушкина Натальи, в её матери и хозяйке дома — Наталью Николаевну Пушкину, а в отчине — генерала Ланского. Я, дипломированный психиатр и психотерапевт, полагаю, что в этом романе моя прабабушка описала свою жизнь, переработав в нем историю своего первого брака. Очевидно, влечение к перу она унаследовала от своего отца, на которого была так похожа» [7, с. 5].

С юности Наталья Александровна блистала в свете, как и её мать. Она поражала современников своей необыкновенной привлекательностью — её называли «прекрасной дочерью прекрасной матери».

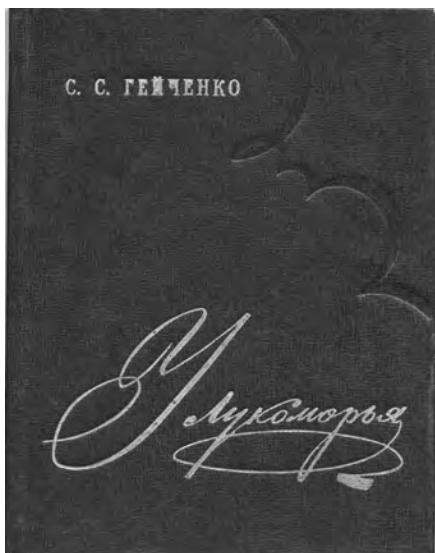
Наталья Александровна Пушкина

Роман дочери Пушкина перевёл с немецкого языка профессор Владимир Михайлович Фридкин. В послесловии он написал: «Пушкин любил своих детей и мечтал о внуках. В «Отрывках из писем...» он писал: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?». Пушкина мы читаем всю жизнь — с раннего детства до самой смерти. Все мы в неоплатном долгу перед ним. Меня утешает мысль, видимо, наивная, что, переведя с немецкого роман «Вера Петровна» (о качестве перевода не мне судить), я хоть в ничтожной доле этот долг оплатил» [7, с. 200].

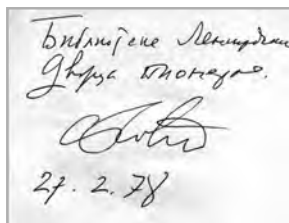
16 апреля 2018 года праправнучка великого поэта и правнучка императора Александра II, фрау Клотильда фон Ринтелен, урождённая графиня фон Меренберг, председатель Пушкинского общества в Германии, посетила Аничков дворец. Ей и членам Пушкинского общества интересно было побывать в стенах, которые помнят Александра Сергеевича Пушкина. Для участников экскурсии в библиотеке Александра III была организована книжно-иллюстративная выставка произведений А.С. Пушкина разных лет издания. Встреча прошла в тёплой, дружеской атмосфере.

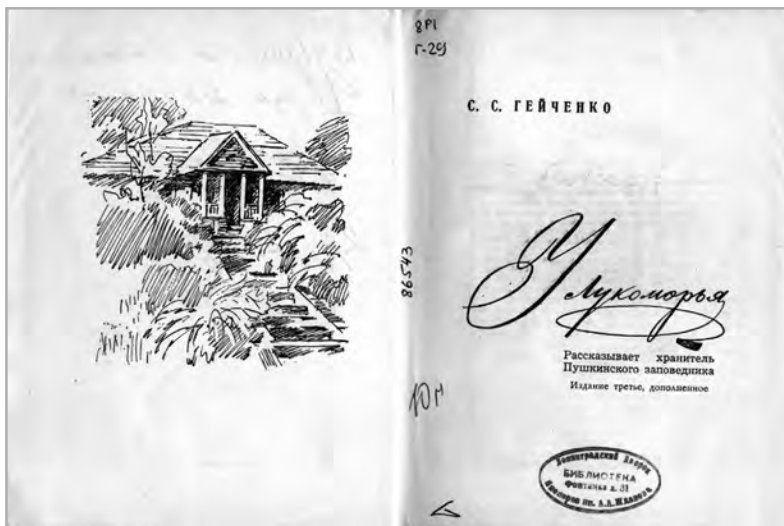
Праправнучка Пушкина

С. Гейченко. У Лукоморья

Автограф С. Гейченко

Титульный лист. У Лукоморья

В наше время открываются архивы, находятся новые документы, письма, воспоминания. В результате проведённых исследований пишутся и издаются новые книги о жизни и творчестве А.С. Пушкина и его близких.

За время работы над этой статьёй нами тоже было сделано открытие: в фонде библиотеки была обнаружена книга Семёна Степановича Гейченко «У Лукоморья» (1977 года издания, Лениздат) с автографом автора: «Библиотеке Ленинградского Дворца пионеров. 27.2.78».

ИСТОЧНИКИ:

1. *Аратова А.П.* Гончарова и Дантес: семейные тайны. – М.: Алгоритм, 2012. – 240 с.
2. *Гейченко С.С.* У Лукоморья. Л.: Лениздат, 1977. – 384 с.
3. *Кузнецова А.А.* А душу твою люблю...: повесть о Наталье Николаевне Пушкиной. Подлинные письма и факты. Предположения. Раздумья // Путеводная звезда. – 2019. № 4, – с. 1–79.
4. *Кузнецова А.А.* Моя мадонна: повести. – Калининград: Янтарный сказ, 1998. – 630 с.
5. *Ободовская И.М., Дементьев М.А.* После смерти Пушкина. – М.: Алгоритм, 2008. – 384 с.
6. *Пушкин А.С.* Письма к жене. – Л.: Наука, 1986. – с.
7. *Пушкина-Меренберг Н.А.* Вера Петровна. Петербургский роман. – М.: Захаров, 2004. – 208 с.
8. *Старк В.П.* Наталья Гончарова. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 535 с.
9. *Черкашина Л.А.* Наталия Гончарова. – М.: Вече, 2012. – 399 с.

ОСТАЛСЯ В ИСТОРИИ СТРАНЫ

Людей талантливых, ярких, отмеченных особым усердием в деятельности на пользу своей страны, на Псковской земле всегда было немало. К сожалению, об иных вообще ничего неизвестно, о других — кое-что и вскользь. Но есть имена, которые звучали достаточно внятно и даже громко при жизни, но потом редко вспоминались потомками. Зато свидетели их жизни и достойных трудов оставили о них воспоминания в архивных документах, мемуарах, в литературных источниках. Но ведь и эти материалы нередко становятся достоянием узкого круга лиц, непосредственно интересующихся эпохой, родом или личностью. А ведь следует делать известным, может быть, даже знаменитым (потомки и земляки должны их знать!), чтобы иметь право гордиться ими и своим краем, для начала — его прошлым. **Про них следует говорить**, как подсказывает Владимир Маяковский, *во весь голос*.

Как шаг в этом направлении можно принять передачу Псковского телевидения о Николае Матвеевиче Чихачёве, представителе древнего псковского дворянского рода, полном адмирале и морском министре Российской империи, участнике двух войн — Крымской (Восточной) 1853–1856 годов и Русско-турецкой 1877–1878 годов.

Частично об этих эпизодах биографии Николая Матвеевича упомянуто было. Сказано было и о том, что в течение 22 лет он возглавлял РОПиТ — Русское общество пароходства и торговли. А про то, что оно стало одним из самых успешных — именно благодаря ему! — торгово-транспортных предприятий не только в нарождающейся капиталистической России, но и в Европе, сказано не было. Идея, родившаяся в среде высшего чиновничества, была, безусловно, полезной и необходимой, особенно в период перехода флота — и торгового, и военного — от парусного к паровому.

Но она не сразу нашла своего исполнителя, первые шесть лет (1856–1862) Общество влачило жалкое существование. При Чихачёве цена акций РОПиТа возросла в 6 раз, до 1000 рублей. Общество строит пароходы, в Николаеве и Севастополе появились новые верфи вдобавок к Одессе, где размещался его штаб; получает заказы от военного ведомства, налаживает регулярные торговые связи между портами Чёрного моря. А постройка Суэцкого канала (1869 год) открыла дорогу и в Южную Азию.

Чихачёв Н.М. Фото 1895–1900 гг.

В то же время Николай Матвеевич настаивает на расширении сети железных дорог в России — морские порты надо связывать с производствами внутри; также о строительстве приличных грунтовых дорог от железнодорожных станций на 35 вёрст в глубь территории — надо и сельское хозяйство вовлекать в общегосударственный торговый оборот. Масштаб мысли главы РОПиТа в хозяйственной сфере явно показывает: перед нами крупный хозяйственный деятель, пекущийся об интересах государства в целом, как это он проявил ещё на заре своей флотской службы в Восточной Сибири (термина «Дальний Восток» ещё не было), по-хозяйски обследуя далёкие от псковских земель просторы Приамурья и Северного Приморья.

А для РОПиТа? Пароходы для своего движения требуют уголь. Россия для своих судов покупает его в Англии. Это дорого, это бесхозяйственность, и Чихачёв ищет выход — и находит! На земле Войска Донского обнаружены крупные запасы каменного угля, причём хорошего качества, — так это не так далеко! На купленном для РОПиТа

участке богатые запасы угля, и уже к 1869 году эти шахты приносили доход. А что значит Донбасс сейчас!?

Деятельность исторической личности легче воспринимается, когда представлена крупными долями. Николая Матвеевича я выбрал из соображения землячества: его усадьба Добрывичи относилась к Ашевскому стану Новоржевского уезда Псковской губернии и находилась в 15 верстах от Ашево, откуда его семье доставляли почту.

Заявку хочется принять и ждать продолжения. Тем досаднее, что в ходе рассказа авторы материала допустили сбой, указав, что генерал-адъютант — высшее воинское звание. К армии оно вообще не имеет отношения: это придворное звание и означает дежурного генерала в приёмной императора. Но, действительно, своих земляков псковичам стоит знать.

Предлагаю ещё одного представителя псковского дворянства — безусловно, крупного государственного деятеля Владимира Ивановича Назимова. Он родился 30 декабря 1802 года в небогатой семье владельца гдовской усадьбы Устье, которая теперь относится к Псковскому району. У родителей Ивана Владимировича и Марии Евфимьевны Путятиной было 15 детей, но до взрослого возраста дожили десять.

Располагая сотней крепостных душ и полутора тысячами десятин малоплодородной земли в Псковской и Тверской губерниях, семье невозможно было рассчитывать на большие доходы, и мужское потомство могло искать средства для жизни лишь на военной или гражданской службе, к чему их родители и готовили.

Получил хорошую домашнюю подготовку и Владимир, причисленный в 16 лет подпрапорщиком к Лейб-гвардии Преображенскому полку, который курировала царская семья. Так что не удивительно, что старательный молодой офицер мог быть замечен будущим императором, тогда ещё великим князем Николаем Павловичем. Уже вскоре после восхождения своего на престол император стал периодически ему помогать материально: 600 рублей ассигнациями, 900 рублей — «ввиду недостаточного состояния».

Ко времени вступления штабс-капитана Назимова в ряды войск, участвующих в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в его послужном списке было немало государевых поощрений (тогда это именовалось «благоволение»). Но и в боевых условиях Владимир Иванович показал себя не просто старательным служакой, а настоящим боевым офицером, смело командовавшим доверенными ему войсковыми подразделениями. Умело создавал и использовал инженерные сооружения, необходимые в условиях длительных осад, берёг вверенных ему солдат Преображенского полка.

Генерал-адъютант Назимов В.И.

Ближе к окончанию боевых действий Владимир Иванович всё же оказался в Коварнском госпитале, откуда и вернулся в родной полк уже в 1830 году. В следующем году он был произведён в капитаны, а затем в чине полковника назначен в линейный Литовский полк. Такая привилегия была предоставлена Лейб-гвардии: перевод сопровождался производством в следующий чин. Майорские чины в русской армии появятся позже, в 30-е годы XIX века.

Около трёх лет Назимов служил в Литовском полку, но затем был возвращён в родной Преображенский. А в 1835 году наступил новый этап в служебной деятельности Владимира Ивановича: распоряжением императора он был назначен в качестве наставника по военным вопросам к наследнику престола, великому князю Александру Николаевичу, которому пошёл восемнадцатый год. Собственно, сам императорский рескрипт был подписан 22 июля 1836 года, но к этому времени Владимир Иванович уже почти год жил во дворце, проходил «испытательный срок». Испытание он выдержал.

С самого начала общения между учеником и наставником установились очень доверительные и добрые отношения, когда наставник мог приходиться к наследнику утром, вести неслужебные разговоры, обсуждать важные государственные вопросы, в том числе такой острый и опасный для империи, как отмена крепостного права; делиться личными радостями и переживаниями. Такие отношения сохранились на десятилетия, до смерти Владимира Ивановича (1874), — важнейшие решения государственного уровня были темами их бесед.

В обязанности наставника входило, в частности, сопровождать наследника в поездках по стране. Самая продолжительная — почти полгода — состоялась в 1837 году, когда свита царевича доехала до Иркутска и по дороге побывала в Кургане — месте ссылки декабристов, которые здесь жили на вольном поселении. Разумеется, Александр Николаевич общался со ссыльными дворянами, причём подчёркивая своё уважительное к ним отношение. А наставник встретился со своим двоюродным братом Михаилом Александровичем, поддержал его морально и материально. Следствием визита можно считать перевод многих ссыльных дворян на Северный Кавказ в том же году. И, разумеется, рескрипт нового императора о возвращении бывшим узникам дворянского достоинства и имущества.

Но ученик рос, начал подыскивать себе кандидата в будущие супруги, и в 1842 году время наставничества для Назимова закончилось. На деле, помимо основной должности, ему нередко поручалось исполнение и других заданий двора и самого императора, с которыми Владимир Иванович успешно справлялся: проверка состояния запасных дивизий, работа штаба 6-го Пехотного корпуса, формирование пехотной бригады и командование ею — правда, весьма краткое время. Иной раз полковник проводил проверку службы генерала.

Самой неожиданной оказалась командировка в Тульскую губернию, где случился неурожай и ожидался всплеск крестьянского недовольства. По сути, это была полицейско-логистическая задача: не допустить бунтов, а с ними грабежей и погромов с кровавыми последствиями, а параллельно найти источники хлеба в соседних губерниях и обеспечить его доставку тулякам. Владимир Иванович нашёл таких помощников, которые помогли решить обе задачи, критический период был преодолен в сравнительно короткое время. Теперь ему предстояло быть «на подхвате», выполнять относительно краткосрочные поручения. Но некоторые оставляли длительные последствия...

Эти занятия «на подхвате» были самыми разнообразными, требующими знаний из разных областей. Так, в октябре 1841 года пол-

ковник Назимов командирится в Вильно, где местное начальство обнаружило серьёзную крамолу в деятельности группы офицеров из польской шляхты «Последователи Конарского». Этот представитель высшего польского дворянства, герцог, был противником России, в 1838 году за свою националистическую деятельность был казнён, но остались его сторонники, не проявлявшие заметной активности.

Тогдашний Виленский генерал-губернатор Миркович решил поднять свой рейтинг за счёт судьбы молодых польских офицеров, обвинив их в противоправительственной деятельности и арестовав часть офицеров Виленского гарнизона польской национальности. Это вызвало серьёзный протест польского и литовского населения, что в этом «осином гнезде» России было очень тревожно и для местных властей, и для столичных. Разобраться в этой правовой и политической коллизии, замешанной ещё и на национальном вопросе, и было поручено Владимиру Ивановичу Назимову. Расследование продолжалось более года и пришло к выводу, что никакой незаконной политической деятельностью офицеры не занимались.

Это было потрясением: комиссия, возглавляемая полковником, фактически обвинила генерал-губернатора во лжи, да ещё и перед государем. Миркович потребовал создать новую комиссию, чтобы опровергнуть выводы комиссии Назимова. А ведь в составе его комиссии были не только его сторонники, паковать можно было ждать и от «своих». Но Николай I знал, кого он послал на расследование и какова ситуация в этом губернаторстве. Вторая комиссия во главе с сенатором Кавелиным после пяти месяцев работы подтвердила выводы первой. Мирковичу пришлось расстаться со своей должностью, офицеры были освобождены из-под ареста. Реакция местной общественности была откровенно торжествующей, имя Назимова — очень популярным. Принципиальность в поиске истины, последовательность, уважение к личности — это надолго осталось в памяти и многонациональной интеллигенции края, и польского офицерства, доверие к русским во власти выросло. Подобные поручения доставались Владимиру Ивановичу и позже.

В 1842 году он получил статус при дворе, а с присвоением ему звания генерал-майора и придворного звания генерал-адъютанта (1848), хотя назначением второй раз в 6-й Пехотный корпус, но теперь начальником штаба, его пребывание при дворе носит эпизодический характер. Эту должность Назимов исполнял с 10 января 1843 до 1849 года, после чего получил совершенно неожиданное назначение. Неожиданное не только для него...

Ему пришлось возглавить Московский учебный округ в качестве попечителя. А это гимназии, университет, дела с изданием книг и журналов, а ещё и участие в сооружении храма Христа Спасителя в качестве хозяйственника. Но Назимов-то всё-таки генерал! К тому же незадолго до этого назначения произведённый в генерал-лейтенанты. От него ждали насаждения казарменных порядков в учебных заведениях, казёнщины. И действительно, самое первое выступление было жёстким и громким, стало известно оно и в Смоленской, и в Тверской губерниях, входящих в учебный округ. Но... Это было произнесено в 4-й Московской гимназии, в которую был превращён Николаем I за безобразную организацию и учебного, и воспитательного, и хозяйственного процессов бывший Московский Благородный дворянский пансион, уже наказанный.

Порядок Владимир Иванович наводил всегда, поэтому армейский опыт у него был. Но он не сводился к муштре и палочной дисциплине: он обеспечивал организованность и обеспеченный всем необходимым быт, как в армии. Характерный пример: в одной из смоленских гимназий директор очень не нравился местному попечителю графу Б., который допекал его клеветническими доносами. Инспекцию провёл в 1853 году сам попечитель округа и нашёл полнейший порядок что в финансовых, что в хозяйственных делах: даже маленькая больничка при гимназии была всем обеспечена. Что же до обучения и воспитания, тут оценка и вовсе замечательная: «У самих учеников весёлый и смелый взгляд, непринуждённость и находчивость в ответах». Таких людей хотел видеть в России генерал-лейтенант Владимир Иванович Назимов. Оклеветанный директор вернулся к своей должности, а граф Б. лишился прав попечителя гимназии.

Деятельность В.И. Назимова в этом качестве продолжалась до конца 1855 года. За это время попечитель нашёл общий язык и с московской профессурой, где стал своим человеком, и с учёными и издателями, которым помог наладить выпуск научного журнала «Вестник естественных наук», и ставший вскоре очень популярным журнал «Русский вестник», выпуск которого организовал сам попечитель. Московская общественность осталась благодарна ему и за журнал «Русская беседа». Сам же Назимов активно пополнял свои знания, используя такой резерв, как Московский Императорский университет. И блестяще закончил свою просветительскую деятельность в конце 1855 года, отметив вместе с московскими учёными 100-летие первого в России университета — Московского, где сам Степан Петрович Шевырёв, известный профессор, приветствовал Владимира Ивановича целой одой. Вот её начало:

Тебе сулил Всевышний с нами
Столетний праздник пировать
За то, что нашими сердцами
Умеешь мирно обладать.
За то, что чтить отцов преданья,
Науки любишь красоту
И ценишь высоту познания,
Но больше сердца чистоту.

Это была последняя должность, которую Назимов выполнял по поручению Николая I. На престол взошёл Александр Николаевич, Александр II, — значит, можно было ожидать возвращения к жизни задумок и решений, о которых разговоры велись за десятилетия до того. И от нового императора Владимир Иванович получает в 1856 г. крайне непростое назначение генерал-губернатором Виленского края, Северо-запада, куда включались собственно Виленская губерния, а также Ковенская и Гродненская. Это то самое «осиное гнездо», готовое на взрыв, особенно из-за соседней вечно бурлящей Польши. Но и был расчёт, что Назимова там помнят по сороковым годам, когда он восстановил справедливость по отношению к польским офицерам на русской службе. Правда, прошло почти полтора десятка лет, но расчёт оправдался: нового генерал-губернатора встретили тепло. В планах было две главнейших задачи: предотвращение возможных военных действий со стороны Польши, где подспудно вызревало новое восстание, которое из Парижа активно готовил когда-то, полвека назад, бывший член Негласного Совета при Александре I Адам Ежи Чарторыйский, причём обращался и к столичным верхам. А параллельно и подготовка отмены крепостного права в Российской империи.

Уже в 1857 году император из Москвы следовал поездом в Варшаву. По пути он вызвал к себе в Брест из Вильны Назимова. Двое суток шло обсуждение в узком кругу порядка действий при подготовке к избавлению крестьян от крепостной неволи. Постепенно определились те губернии, где этот процесс начнётся прежде других, и, понятно, что одной из них станет Виленская, другой — Санкт-Петербургская, где генерал-губернатором был П.Н. Игнатьев. Результатом бесед стало создание *Комитетов по крестьянскому делу* в указанных губерниях. Считалось, что здесь начать проще: рядом Прибалтика, где такая мера уже была проведена во втором десятилетии XIX века; сама система была ограничена, нового для крестьян было немного, к тому же собственно русское крестьянство было здесь сравнительно немногочисленным, как и местное русское дворянство.

И всё-таки начинать первым нехоженный маршрут всегда трудно. Уже скоро стало ясно, что местное население, несмотря на национальную пестроту, поддерживает инициативу властей. Процесс пошёл — не без затруднений, разумеется.

Но с Запада шли всё более тревожные вести: польские мятежники пытаются вмешиваться в дела Виленского губернаторства, предлагая то польские или литовские кредитные организации, то обучение на польском языке, то выпуск печатных изданий на национальных языках. Всё это — поиск своих сторонников и вербовка их, скрытная подготовка к вторжению. Потихоньку стала поднимать голову и внутренняя оппозиция, что побуждало и губернатора собирать и копить силы для отпора. Как и ожидалось, волнения начались в Вильно 10 августа 1861 года. Однако быстрые и жёсткие меры вооружёнными силами привели город в чувство, но пассивные формы протеста типа пения католических псалмов и песен ещё были слышны. Зато заволновались другие города: Ковно, Белосток, Брест, Бельск. Ввод воинских континентов в ряде мест заглушал движение, но становилось понятно, что масштаб восстания значителен: на территории губернаторства появились значительные по размерам вооружённые отряды бунтовщиков, среди которых командирами были и офицеры Русской армии. Владимир Иванович не торопился вводить в столкновение армейские отряды — по широте своей русской души хотел избежать кровопролития. Но пришлось идти и на это. Мало того что с началом противостояния было введено военное положение — с началом 1863 года в крае начались крупные военные столкновения. Зимой и в начале весны армия разгромила значительные отряды повстанцев с командирами во главе — Нарбутом, Кольшком, Сераковским, Вислоухом, Рогинским, Андрушкевичем, Лотковским, Любичем. Это было начало наступления войск округа.

Но тут генерал-губернатор узнаёт, что тайно от него был уволен от должности его самый надёжный друг и помощник, Гродненский губернатор и действительный статский советник Шпейер: значит, завёлся рядом завистник и интриган, каких полно в чиновничьей среде. Оценив обстановку, он пишет прошение об отставке, которая была принята. За 43 часа, включая 20 ночных, он сдаёт сменщику Н.М. Муравьёву (Вешателю) все дела, отклоняет все предполагаемые при проводах мероприятия и уезжает в Санкт-Петербург. Умел человек собраться!

Он увёз из Вильно подарок — икону трёх местных святых Евстафия, Антония и Иоанна и пространный адрес, где, в частности, говорилось: «Русское общество этого города, как и других местностей Литвы, помня и ценя ваши труды по управлению обширным краем и то

добро, которое вы постоянно стремились делать и делали для всех, состоявших под вашим управлением, горячо желало... свидетельствовать вам своё живейшее сочувствие, своё искреннее, глубокое уважение».

Это человек с широкой русской душой, богатейшими знаниями: он состоял и в членах Русского общества исторических древностей, и Московском обществе сельского хозяйства и др., умевший оказать ценную поддержку человеку с большой перспективой (например, самому Сергею Юльевичу Витте), прожил не столь уж долго, всего 71 год, но эти годы были наполнены службой России и народу, потому он и **остался в Отечественной истории.**

ИСТОЧНИКИ:

1. *Буренков В.А. ... И адмирал* // Санкт-Петербург, 2019, с. 160, тираж 25 экз. (книга основана на данных архивов – РГАДА, РГИА, РГА ВМФ, РГВИА, ГАПО – полный список источников см. на с. 154–157).
2. *Буренков В.А. Отдать себя...* Повествование о роде псковских дворян Назимовых // Санкт-Петербург, 2021, с. 174, тираж 25 экз. (полный список источников см. на с. 170–171, использованы архивы – ГАПО, РГИА, РГВИА, РГА ВМФ, РНБ, РГБ, ИРЛИ РАН).

Васильева П.И.,
Бежаницы, Псковская область, Россия
e-mail: Shikanowa1955@yandex.ru

ЧИХАЧЁВЫ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Статья знакомит с историей открытия двух школ в Новоржевском уезде (ныне Бежаницкий район).

Ключевые слова: *Чихачёвское училище, П.И. Чихачёв, Чихачёвская школа, Н.М. Чихачёв, Новоржевское земство.*

В связи с юбилеем Чихачёвской школы в 2021 г. у некоторых возникнет уместное недоумение: как может быть школе 150 лет, если посёлку, в котором она находится, менее 125 лет? Попытаемся разобраться в этом вопросе.

В XIX в. старинный разветвлённый род Чихачёвых (Чихачовых, Чехачёвых, Чахачёвых) владел многими землями в Новоржевском, Порховском уездах (ныне в Бежаницком, Новоржевском, Дедовичском, Порховском районах). Среди Чихачёвых были военные, государственные мужи, учёные-исследователи. Их именами названы улицы, хребты, заливы, острова, железнодорожные станции и школа. Одним из них был генерал-адъютант адмирал **Николай Матвеевич Чихачёв** (1830–1917 гг.), уроженец села Добрывичи Новоржевского уезда (ныне Бежаницкий район). Его именем назван мыс в Татарском проливе, остров в Японском море, остров в Корейском проливе. Кроме русских, он имел иностранные награды [7]. Активно помогал родному краю — Псковской губернии, в частности Новоржевскому земству, но вот школу в Марынях для крестьянских детей этот заслуживающий уважения и благодарной памяти человек не открывал. Это сделал его дальний родственник.

В осеннюю сессию Новоржевского земского собрания 1871 г. председатель Н. Н. Рокотов сделал заявление, что землевладелец Пётр Илларионович Чихачёв хочет открыть на своей родине, в погосте Марынях, школу и содержать её на собственные средства. Собрание постановило: благодарить Петра Илларионовича в одной из более распространённых газет в России за его просвещённую деятельность на пользу образования и, предложив ему звание Почётного Попечителя устраиваемой им школы, ходатайствовать о названии школы «Чихачёвскою». Саму же школу, по открытии её, принять под попечение Земства [15].

Итак, с одобрения Новоржевского земства, в 1871 г. в погосте Марыни Новинской волости было открыто училище для крестьянских детей. Открыл и содержал это училище **Пётр Илларионович Чихачёв** (1831–1874 гг), родовое имение которого находилось в непосредственной близости от погоста Марыни (на другом берегу речки Лешанки). В то время в д. Марыни было 20 домов, проживало 60 жителей мужского пола, 58 — женского. Деревня находилась в $\frac{3}{4}$ версты от церкви. Расстояние до уезда 45 вёрст. В погосте церковь православная и училище. Торжки: 3 и 20 января, 4 февраля и 14 декабря [19].

Пётр Илларионович Чихачёв родился 10 января 1831 г. в селе Красном Новоржевского уезда, крещён 15 января в Успенской церкви погоста Марын (Марыни). С 1867 г. Пётр Илларионович несколько лет был гласным Новоржевского уездного земства и являлся членом уездного Училищного совета от Земства [1, 10]. В чине коллежского асессора служил мировым судьёй 3 участка Новоржевского мирового округа [6], 1867–1869 гг. был председателем съезда мировых судей. В 1872 г. — почётный член губернского Статистического комитета и почётный попечитель училища, открытого им в погосте Марыни [11].

Немного о семье. Его отец Ларион (Илларион) Петрович Чихачёв — помещик Новоржевского уезда, мать — Софья Петровна, в девичестве Левенгаген. Дед, Пётр Яковлевич Чихачёв, был женат на Анне Яковлевне Княжниной. Кроме сына Иллариона, имели дочерей Анну и Александру. Александра Петровна вышла замуж за дальнего родственника, Михаила Николаевича Чихачёва (дядю будущего адмирала). Анна Петровна Чихачёва была первой женой Дмитрия Николаевича Философова. У них было 2 сына: Александр и Николай. В начале XIX в., кроме села Красного, семья владела деревнями Дупли, Сваробец, Черемша, Лашково, Бабарыкино, Загорно, Паново, Филипово, Пезово, Веснино, Тюпрово (Типрово), Желнино. Соседними деревнями владели Николай Дмитриевич Философов, Рокотовы, Креницыны, Елагины, Голубцовы. Из родственников соседями были Николай Матвеевич Чихачёв (дед адмирала), Николай Семёнович Чихачёв, Александр Лукинична Чихачёва.

В июле 1872 г. Пётр Илларионович Чихачёв подаёт в Новоржевскую уездную земскую управу заявление, в котором сообщает, что, поскольку не живёт в той местности (погосте Марыни), в которой учредил школу и попечителем которой назначен, то счёл необходимым

¹ В 3-й участок входили волости: Гривинская, Туровская, Бежаницкая, Законская и Новинская.

поручить наблюдение за школой подпоручику Николаю Викентьевичу Церешкевичу (проживающему в с. Ашево. — *П.В.*), чтобы тот мог на месте выполнять все его распоряжения. Далее Пётр Илларионович отмечает, что, посетив школу, остался очень доволен. Школа была снабжена всеми необходимыми учебными принадлежностями, для неё была приобретена земля. Порадовали успехи учеников, деятельность учителя. В связи с этим Чихачёв просил Земскую управу назначить и на будущее время Церешкевича распорядителем учреждённого им училища. Позднее Пётр Илларионович обращается непосредственно к Н.В. Церешкевичу с просьбой быть распорядителем открытой им школы и сообщить Новоржевской земской управе о том, что он назначает 300 руб. ежегодно на содержание школы в погосте Марынях и что после его смерти школа будет обеспечена капиталом, процент от которого будет составлять сумму не меньше отпускаемой в настоящее время [9]. Выражаю благодарность Беляевой Ирине (С-Петербург), активно занимающейся историей Новоржевского уезда, за предоставленный мне материал — копии заявлений П.И. Чихачёва.

В 1874 г. П.И. Чихачёв упоминается как почётный блюститель наблюдаемого училища, обеспечивающий полное его содержание [12]. После его смерти Марынская школа перешла в полное заведование Земства. Осенью на сессии Новоржевского земского собрания было решено увековечить имя П.И. Чихачёва отличным содержанием открытой им школы и ходатайствовать о наименовании этой школы «**Чихачёвскою**». Завещанный школе капитал, согласно воле завещателя, превратили в процентные бумаги, приобретя билеты С.-Петербургского кредитного общества [16]. Изучая материалы Новоржевской земской управы, видим, что в 1875 г. в уезде было 3 частных школы, среди которых «Чихачёвская» (Марынская). При обзоре отмечено, что Чихачёвская школа помещается в собственном доме, «стены которого уже стары и плохи и требуют капитальной переделки» [17]. Распорядитель школы Церешкевич просил дать в заём от 1000 до 1500 руб. на перестройку школы. Собрание это ходатайство отклонило из-за отсутствия точной сметы, желая вернуться к этому вопросу через год [18].

Из Памятной книжки узнаём, что в 1876 г. учителями Чихачёвского начального народного земского училища были: священник Черепнин и учитель Невдачин.

Кудеверская волость
uk.com/kudeverskaya.volost

№ 56
№ 17
№ 17

1872
1872

В Новоуринского Уездного Выхода
Копия 1^я

Исправ
Климентово Ассесора Копия Уезд.
Копия Уездного
Заявление.

Наименований в прошлых году Губернского
Исправления почитаемых почитаемых воль-
ноустроенной школы при погосте Ша-
тунский я старался по силе возможности шить
этой погосте; но, не имея в той местности,
и находясь неоднократно нарушить должнейше
и надлежащее наблюдение за школою такою
школою, которое, имея постоянное место-мужи
только недалеко от погоста Марьяны бываю в
постоянный исполнять ее чужими свои распоря-
жения. На этом случае я обратился к под-
поручнику Николаю Викентьевичу Черешкевичу,
который взял на себя эти заботы. Благочинный же расно-
дарский школа была оставлена вольно под-
лежащими учебными принадлежностями, для
чего была приобретена и поступила вольно
Черешкевичу скупившимся землей на 12-ть лет.
Копить на короткое время школу, я была
удачлива своим своим соизволением чуждыми
чуждыми, как и удовлетворительности чуждыми и вольно
исполнениям составлением школы. Это побуждено
я прошить Новоуринского Уездного о назначении
Черешкевича на должность вольно распоряждающимся
учебными и учебными. Если же будет школа
удачлива и Черешкевичу свои наилучший отно-

Заявление П.И. Чихачёва

В 1892 г. школа в Марынях сгорела, а в 1894 г. Новоржевское уездное земское собрание рассматривало вопрос о задержке в строительстве школы в Марынях **подрядчиком Чихачёвым**, что привело к непредвиденным расходам в размере 90 руб. на наём помещения для школы. Было решено: 1) с подрядчика Чихачёва не взыскивать 90 руб.; 2) оплатить счёт по устройству канав при школе на сумму 318 руб 50 коп. Учителю М. Семёнову была выражена благодарность за просмотр и наблюдение за постройкою Чихачёвской и Дубровской школ и принято решение о выдаче вознаграждения в размере 50 руб. Попечителем школы в это время был Т.А. Душилихинский [8, с. 16, 17, 33]. В 1897 г. уездным Земством были выделены деньги на устройство ограды вокруг школьного участка в Марынях. Деньги выделялись из полученного в 1892 г. пожарного вознаграждения за сгоревшие тогда школьные строения Чихачёвской школы [2].

Из Памятных книжек узнаём, что в 1905–1906 гг. в школе учествовал Семёнов А.С., крестьянин с. Грабово.

Через 42 года со дня открытия школы к названию «Чихачёвская» прибавилась цифра 1. Это случилось после того, как в уезде появилась ещё одна школа, именуемая Чихачёвской. Случилось это так.

Неурожайные годы и отсутствие рабочих мест привело к тому, что население уезда погрязло в долгах. В результате в 1895 г. Новоржевское земское собрание постановило ходатайствовать через Губернское собрание о немедленном открытии в Новоржевском уезде общественных работ на счёт казны, а именно: о проведении двух железнодорожных линий: первой — от Острова до Новоржева и по возможности далее по Новоржевскому уезду к Великим Лукам, и второй — от г. Луги на Порхов, Новоржевский уезд, В. Луки и далее. Просили у губернатора разрешения на явку в С.-Петербург в министерства депутации от Новоржевского земства для подкрепления ходатайства надлежащими данными. Возглавить депутацию предложено предводителю дворянства Л.Л. Львову, в состав входил гласный Д.А. Философов. Кроме этого, вопрос стоял о сумме, необходимой для дополнительных изысканий [8, с. 29–33].

Когда уже на Губернском земском собрании в 1897 г. гласный **Дмитрий Александрович Философов** (внук Д.Н. Философова и А.П. Чихачёвой и двоюродный племянник П.И. Чихачёва) доложил о том, что вопрос о проведении в ближайшее время железнодорожной линии Луга-Витебск зашёл в тупик, было решено выбрать депутацию от Псковского губернского земства, чтобы подать прошение на Высочайшее Имя с просьбой поторопиться с постройкой указанной дороги. В состав делегации вошёл гласный Д.А. Философов, а возглавить де-

СМОТРИТЕЛЬ ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ,

Ашевской, Алексѣй Христовичъ *Кусиновъ*.

ВОЛОСТНЫЕ СТАРШИНЫ.

1-го стана:

Горской волости, Михаилъ Васильевъ *Нолубъ*.
Законоской, — Гавриилъ *Осиновъ*.
Новинской, — Семень *Васильевъ*.
Грязневской, — Евдокимъ *Тимосевъ*.
Туровской, — Андрей *Павловъ*.
Бѣзьяницкой, — Прокофій *Алексеевъ*.
Апросьевской, — Гавриилъ *Никоновъ*.
Аполонской, — Яковъ *Павловъ*.

2-го стана:

Оршанской волости, Василій *Никитинъ*.
Посадитковской, — Леонъ *Кузьминъ*.
Барановской, — Семень *Васильевъ*.
Аксеновской, — Максимъ *Аникеевъ*.
Кудеверской, — Иванъ *Ивановъ*.
Духновской, — Дмитрій *Леоновъ*.
Жадрицкой, — Василій Ивановъ *Хмельевъ*.

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ ЗЕМСКІЯ УЧИЛИЩА.

- 1) Оршанское — закон. свящ. *Кустовъ*. Учат. *Голубевъ*.
- 2) Ашевское — закон. свящ. *Суворова*. Учат. *Куховскій*.
- 3) Маринское (Чахадеевское) — закон. свящ. *Черепнинъ*. Учат. *Исодачинъ*.
- 4) Плесское — закон. свящ. *Колмоковскій*. Учат. *Павловскій*.
- 5) Бѣзьяницкое — закон. свящ. *Алчиковъ*. Учат. Петръ и Иванъ *Шиваловы*.
- 6) Аксеновское — закон. свящ. *Знаменскій*. Учат. *Сорокинъ*.
- 7) Духновское — учат. *Ханевъ*.
- 8) Ладинское — закон. свящ. *Щукинъ*. Учат. *Ратьковский*.
- 9) Луговское — закон. свящ. *Великотный*. Учат. оный же.

путацию, для успеха дела, пригласили земляка, члена Государственного Совета генерал-адъютанта адмирала Николая Матвеевича Чихачёва, который «не раз приходил на помощь Псковскому земству своим влиятельным заступничеством» [13]. В итоге вопрос решён был положительно. Губернское собрание постановило выразить признательность Н.М. Чихачёву за его важное содействие в решении этого вопроса. Признательность выражала особая депутация, состоящая из председателя Губернской управы В.П. Горбунова и гласных С.М. Неклюдова и Д.А. Философова [14]. Поэтому ничего удивительного нет в том, что было решено увековечить память о прославленном земляке (адмирале Н.М. Чихачёве) и одной из станций присвоить его имя. Выбор пал на станцию, планируемую на границе Новоржевского и Порховского уездов, в микрорайоне деревень Котлищи, Груздово, Малые Разлоги. Земли вокруг станции никогда Чихачёвым не принадлежали, но это была ближайшая станция к родовому имени Николая Матвеевича, с Добрывичи. Станция «Чихачёва» была построена в 1900 г. Со временем вокруг станции образовался посёлок, получивший название Чихачёво. В 1913 г. в пос. Чихачёво была организована школа, получившая своё название от поселения, в котором располагалась, — **Чихачёвская**. Ей присвоили номер «2» [4].

В 1913 г. Чихачёвская-1 имела общежитие, в котором постоянно проживало 43 мальчика и 3 девочки. По числу постоянно проживающих занимала 2 место в уезде. Чихачёвская-2 общежития в 1913 г. не имела. В 1918 г. учителями Чихачёвской-1 были Е.В. Васильева и З.Д. Петрова; Чихачёвской-2 — В.В. Грабовский и А.К. Богданова [5]. Как видим, Чихачёвская школа № 2 не была преемником первой школы в том смысле, в каком стала Чихачёвская средняя школа для нескольких школ, закрытых в последнее двадцатилетие. Эти две школы существовали параллельно, находясь друг от друга в 17 верстах.

Шли годы, Марыни из поселения с волостным правлением превратились в глухую деревню. Этому способствовала в немалой степени Великая Отечественная война 1941–1945 гг. После войны в Марынях была начальная школа. Чихачёвской она уже не называлась.

Чихачёвской № 2 повезло больше. Посёлок Чихачёво, благодаря ж/д станции, в XX веке притягивал к себе население. Он даже дважды был районным центром. В результате Чихачёвская школа имеет возможность в следующем 2023 г. отметить свой 110-й юбилей.

² Ашево и Лозовицы это только полустанки.

Станция Чихачёво

Знакомясь с документами на сайте Бежаницкого Краеведческого музея (ИКЦ «Философовых»), я обратила внимание на подпись под свидетельством об окончании начального народного училища. Очень похоже, что фамилия инспектора народных училищ — Чихачёв. Стала «рыть». Оказалось, действительно инспектором народных училищ 2-го района Псковской губернии в конце XIX в. был **Арсений Яковлевич Чихачёв** (1855–19? гг.). Родился он в Великих Луках, в семье священника. После окончания в 1879 г. физико-математического факультета С.-Петербургского университета определён наставником математики Тотемской учительской семинарии (ныне г. Тотьма Вологодской области). В 1885 г., уже в чине коллежского ассесора, переведён учителем математики и физики в Псковскую учительскую семинарию. В 1895 г. в семинарии занятия по садоводству и огородничеству дополнены занятиями по пчеловодству. Устройство и ведение пасеки взял на себя Арсений Яковлевич. Пасека была в образцовом состоянии, за что он был награждён 100 руб. [3]. Последнее упоминание о нём как о инспекторе в Памятной книжке за 1901 г. В этом же году от Министерства народного образования А.Я. Чихачёв входил в состав великолукского отделения Епархиального училищного совета.

Совершенно неожиданно на карте Новоржевского уезда 1838 г. южнее Новоржева увидела деревню «Чихачёва». На карте 1937 г. в этом микрорайоне такой деревни уже нет.

Свидетельство

ИСТОЧНИКИ:

1. Булдакова В.В. Несколько слов о Княжниных // Краеведческая конференция, материалы. 12 июля 2013, п. Бежаницы. – Великие Луки, 2014. – С. 58.
2. Вестник Псковского губернского земства № 3 март 1897 г., С. 32.

3. Государственный архив Псковской области (ГАПО) Ф. 67, оп. 1, д. 89. О службе преподавателя Чихачёва.
4. ГАПО Ф.Р-201, оп. 1, д. 16. с. 33.
5. ГАПО Ф. 286, оп. 1, д. 62. С. 357, 358.
6. *Давыдов А.* Чихачёвы // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...» (Редактор-составитель Т.В. Вересова). – Москва, 2006, — с. 205–208.
7. *Дмитриева И.* Адмирал Чихачёв // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...» (Редактор-составитель Т.В. Вересова). – Москва, 2006, – с. 209–212.
8. Журнал Новоржевского уездного земского собрания 7–11 октября 1894. Приложение к № 2 за 1895 г. С. 16, 17, 33, 29–31.
9. Отчёты и доклады Новоржевской уездной управы за полный 1871 год и первую половину 1872 г. Литография Новоржевской управы.
10. Памятная книжка Псковской губернии за 1870 г. Вып. 1. Адрес-календарь, с. 75, 76.
11. Памятная книжка Псковской губернии на 1872 г., с. 7.
12. Памятная книжка Псковской губернии на 1874 г., с. 225, 226.
13. Псковское губернское земское собрание. Постановления 32 очередного Псковского губернского земского собрания в съезд 3–15 декабря 1896 года: Приложение к № 1 «Вестника Псковского Губ. Земства» 1897 г. Псков, 1897. С. 20.
14. Псковское губернское земское собрание. Постановления чрезвычайного Псковского губернского земского собрания 28-го января 1898 года: Приложение к № 3 «Вестника Псковского Губ. Земства» 1898 г. Псков 1898. С. 2
15. Российская национальная библиотека (РНБ, г. С.-Петербург). Журналы и постановления Новоржевского уездного земского собрания. 2 октября 1871 г. № 3, с. 6–7.
16. РНБ. Журналы и постановления Новоржевского уездного земского собрания очередной сессии 1874 г. от 30 сентября.
17. РНБ. Журналы и постановления Новоржевского уездного земского собрания очередной сессии 1875 г.: Доклад ревизионной комиссии. 3 октября 1875 г.
18. РНБ. Журналы и постановления Новоржевского уездного земского собрания очередной сессии 1875 г.: Журнал Новоржевского уездного земского собрания 3 октября 1875 г.
19. Список населённых мест по сведениям 1872–77 гг. XXXIV: Псковская губерния. – С.-Петербург, 1885. С. 139.

Козмина М.А.,
Пушкинский Заповедник,
посёлок Пушкинские Горы Псковской обл.
e-mail: kozzmina@mail.ru

Короткова Ж.А.,
Государственный Музей-заповедник,
гор. Псков, Россия
e-mail: lomakina632@rambler.ru

МЕЛКОПОМЕСТНЫЕ ДВОРЯНЕ КОРOTOVЫ-КОРOTOКОВЫ

Фамилия Коротовых, довольно редкая, фигурирует в архивных записях Псковской губернии с 1826 года, когда Фёдор Павлович Коротов (1800–1856?) венчался с Марией Вениаминовной, «дочерью Ганибаловой»¹. Мария была незаконнорожденной дочерью Вениамина Петровича (06.05.1780–23.12.1839), внука Абрама Петровича Ганнибала. Земли Михайловской губы Псковской провинции, принадлежавшие когда-то племяннице Петра I, царевне Екатерине Ивановне, были подарены Абраму Петровичу императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1742 г.² А 6 февраля 1746 года она Жалованной грамотой закрепила за ним «оную Михайловскую губу со всеми к ней принадлежностями для вечного и потомственного владения»³. Грамота, по видимому, закончила спор с прежними управителями, которые побуждали бывших дворцовых крестьян с оружием в руках сопротивляться новому владельцу, — по словам Абрама Петровича, «отбивая меня от спокойного владения»⁴. Заложив усадьбы Михайловское (Устье), Петровское, Воскресенское, Абрам Петрович занялся своими землями под Петербургом и дальнейшим обустройством этой территории занимались уже его потомки, породнившиеся с представителями русского общества. По словам сестры А.С. Пушкина, «В окрестностях его (Святогорского монастыря) разбросаны остатки обширных поместьев Абрама Петровича Ганнибала, которого потомки, мелкопоместные дворяне, скрываются теперь в неизвестности»⁵.

¹ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 27.

² Гордин А. Пушкинский заповедник. Изд. АН СССР, М.-Л., 1952, с. 10.

³ Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. Изд. Дом «Сад искусств», СПб., 2004, с. 250.

⁴ Новиков Н.С. Легенды и были Пушкиногорья (по архивным изысканиям). Михайловская пушкиниана. Вып. 44, с. Михайловское, 2007, с. 118.

⁵ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 томах. М.: Художественная литература, 1985, Т. 1, С. 39.

Фамилия Фёдора Павловича Коротова, в документах писалась по-разному, в том числе и «Кортов или Коротков»⁶. А его дети и внуки стали потомками Ганнибала, исследованием родословия которого занимались множество авторов: П.В. Анненков⁷, Д.Н. Анучин⁸, М.О. Вегнер⁹, Б.Л. Модзалевский¹⁰, В.В. Набоков¹¹, Л.А. Черейский¹², Дейч Г.М.¹³, Ф. Лурье¹⁴, Грановская Н.И.¹⁵, Фейнберг И.Л.¹⁶. Правда, они обращались к этой теме в основном через призму творчества А.С. Пушкина. Детальный генеалогический интерес прослеживался со стороны потомков: А.С. Ганнибал¹⁷ и Н.С. Белозерской¹⁸. Много сделал для этой темы Г. Леец¹⁹, Т. Ю. Мальцева²⁰, Н.К. Телетова²¹. А также авторы, связанные с музеефикацией усадеб бывших ганнибаловских земель: С.С. Гейченко²², Симакина Г.Ф.²³, Б.М. Козмин²⁴ и нынешний

⁶ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 1–2.

⁷ *Анненков П.В.* Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху 1799–1826. СПб., 1874.

⁸ *Анучин Д.Н.* А.С. Пушкин. Антропологический эскиз. М., 1899.

⁹ *Вегнер М.О.* Предки Пушкина. М.: Советский писатель, 1937.

¹⁰ *Модзалевский Б.Л.* Род Пушкина // Библиотека великих писателей: Пушкина в 6 томах. Под ред. С. А. Венгерова, Изд. «Брокгауз-Ефрон», 1907.

¹¹ *Набоков В.В.* Пушкин и Ганнибал (Легенды и мифы о Пушкине). СПб., 1995.

¹² *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., изд. Наука, 1989.

¹³ *Дейч Г.М.* Все ли мы знаем о Пушкине? М.: Советская Россия, 1989.

¹⁴ *Лурье Ф.* В поисках родины // ж. Нева № 1, 2012.

¹⁵ *Грановская Н.И.* Родственные связи А.С. Пушкина // Пушкин и его время. М., 1962.

¹⁶ *Фейнберг И.Л.* Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. Разыскания и материалы. М., 1983.

¹⁷ *Ганнибал А.С.* Ганнибалы. Новые данные для их биографии // Пушкин и его современники. Вып. 17–18, 19–20. СПб., 1913.

¹⁸ *Белозерская Н.С.* Один из предков Пушкина // Исторический сборник, 1899, № 5.

¹⁹ *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980.

²⁰ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. Под ред. проф. Г.Н. Дубинина. М., Русский путь, 1999.

²¹ *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С. Пушкина. СПб., 1993.

²² *Гейченко С.С.* В деревне, где Петра питомец. Там, где жил «арап Петра Великого». Из прошлого сельца Петровского // У Лукоморья, изд. 3 и 4. Л., 1977 и 1981.

²³ *Симакина Г.Ф.* П.А. Ганнибал — двоюродный дед А.С. Пушкина (неизвестные моменты биографии) // Михайловская Пушкиниана. Вып. 1, 1996, С. 43–48.

²⁴ *Козмин Б.М.* К вопросу об иконографии Арапа Петра Великого // сб. Михайловская Пушкиниана, вып. 1, М., 1996, С. 39–42.

хранитель музея-усадьбы «Петровское» — кандидат филологических наук Л.В. Козмина. В книге Л.В. Козминой приведена родословная Ганнибалов — Пушкиных — Ржевских, где представлены и Коротовы, дети Марии Вениаминовны (1802–1889)²⁵.

Биография отца Марии, Вениамина Петровича Ганнибала (1780–1839), до конца не выяснена. Многие семейные документы были утрачены, включая запись о его рождении, из-за т.н. «разъезда» отца, Петра Абрамовича (21.06. 1742–08.06.1826), с женой, казанской помещицей Ольгой Георгиевной фон Данненстерн (1759–1817)²⁶. Ганнибалы отличались своевольным характером, не исключением был и Пётр Абрамович. Жена его «терпеливо сносила некоторые поступки своего мужа, нарушающие долг супружеской верности... в чаяние через такой пример обращения его к лучшему сожитию»²⁷. Но в 1786 г. П.А. Ганнибал оставил семью и уехал в Псковскую губернию в своё имение Петровское. Жена вначале вернулась в поместья под Казанью, а затем жила в Петербурге с детьми, похоронена в 1817 г. на Смоленском кладбище, где на её памятнике выбито: «Нежной матери признательные дети»²⁸.

Раннее детство Вениамин провёл на мызе Елицы под Петербургом, доставшейся после смерти Абрама Петровича Ганнибала в 1781 г. его отцу Петру Абрамовичу²⁹. Перед расставанием с супругой отец отдал сына и старшую дочь учиться в пансион в С.-Петербурге³⁰. Если принять за дату рождения Вениамина 1780 год³¹ — значит, ему было всего лет шесть. В 1794–1800 гг. Вениамин числится эстандарт-юнкером, отвечающим за штандарт, знаменосцем лейб-гвардии Конного полка. Это промежуточное звание между унтер-офицером и обер-офицером, как правило, присуждалось проходящим курс наук в военных учебных заведениях. Кадеты изучали чистописание, грамматику, математику, историю, географию, артиллерию, фортификацию, верховую езду. Особое внимание уделялось языкам: немецкому, французскому,

²⁵ Козмина Л.В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. М., Советский писатель, 2003, (приложение 1).

²⁶ Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. Изд. Дом «Сад искусств», СПб., 2004, с. 200.

²⁷ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. Под ред. проф. Г.Н. Дубинина. М.: Русский путь, 1999, С. 21.

²⁸ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. Под ред. проф. Г.Н. Дубинина. М.: Русский путь, 1999, с. 24.

²⁹ Там же, с. 47.

³⁰ Там же, с. 21.

³¹ В музее «Суйда» сохраняется семейная реликвия — ложечка с этой датой, подаренная Вениамину «на зубок».

латинскому, а также риторике, рисованию, танцам, фехтованию и геральдике. После окончания учёбы Вениамин Петрович выбрал службу в Военной коллегии. Возможно, это было связано с обретением, пусть и не формальной, семьи: в 1802 г. у него родилась дочь Мария, от дворовой девицы Ирины Дмитриевой. С 1804 по 1816 гг. он служит в Петербурге, губернским секретарём в Военной коллегии, затем в правлении Государственного Земельного банка, а после — в престижной Провиантской конторе.

Вениамин вырос не карьеристом, а, скорее, творческим человеком: прекрасно музицировал, сам сочинял музыку, любил поэзию и общество. Его домашние вечера с нескрываемым удовольствием описывал Сергей Львович³², отец Пушкина, который сам слыл «душою общества»³³. Официально Вениамин так и не женился — возможно, из-за негативного семейного опыта родителей. Как писал А.С. Пушкин:

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже,
И днем и вечером одна...

«Евгений Онегин», IV гл., строфа XV

Возможно, из-за глубокой привязанности к незаконной жене и дочери: когда Вениамин Петрович стал владельцем с. Петровского Псковской губернии, они были в числе «7 душ», которых В.П. Ганнибал перевёл из Казани³⁴. После смерти матери Вениамин Петрович, по вопросам наследства, появляется в Псковской губернии у отца. В воспоминаниях Л.Н. Павлицева передан забавный рассказ П.А. Ганнибала о встрече с сыном, которого он не видел много лет и не узнал: «Вообразите мою радость, ко мне на днях заезжал...прекрасный молодой офицер...еще недавно женился в Казани...»³⁵. При всей анекдотичности этой сцены то, что Вениамин уверил отца, что он женат, говорит о его серьёзном отношении к своей гражданской жене и дочери.

³² Воспоминания об А.С. Пушкине Л. Павлицева / Семейные предания Пушкиных. Изд. «Пушкинского фонда» СПб., 2003, С. 216.

³³ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников в 2 томах. М., «Художественная литература», 1985, Т. 1, С. 35.

³⁴ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. Под ред. проф. Г.Н. Дубинина. М.: Русский путь, 1999, с. 48.

³⁵ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 томах. М.: Художественная литература, 1985, Т. 1, с. 39.

Видимо, после первой встречи с отцом у Вениамина возникает мысль о том, чтобы переехать в поместье Петровское³⁶. Выйдя в отставку штабс-капитаном, он уезжает из Санкт-Петербурга и в 1818 уже живёт в Псковской губернии³⁷. Поступает на гражданскую службу заседателем Псковской гражданской палаты в 1822 г.³⁸ И по её же постановлению, часть имения Петра Абрамовича, а именно с. Петровское с 125 душами, переходит к Вениамину³⁹. Но, владельцем с. Петровское он становится только после смерти отца в 1826 году. Вениамин Петрович живёт открытым домом, «отец семейства холостой» («Евгений Онегин», VI гл., строфа IV), яркий представитель «ганнибаловщины», как здесь называли общество этих многочисленных родственников, отличавшихся брутальным темпераментом. «Вся Ганнибаловщина с Семеном Исааковичем и Вениамином Петровичем во главе, хозяева Тригорского и прочие обитатели весёлой окрестности не заставили себя ждать. Семейное торжество в их присутствии началось молебном, затем последовал обед и танцы запросто, под звуки доморощенного оркестра дворовых Вениамина Петровича, фейерверк, ужин, опять танцы до рассвета»⁴⁰.

Ещё до смерти отца, в мае 1826 года, Вениамин Петрович осуществляет план по обеспечению будущего своей незаконнорожденной дочери. Для этого он выдает её замуж за поручика Фёдора Павловича Коротова — поспособствовал этому, возможно, супруг его старшей сестры Александры Ржепиковской, служивший в том же Новоингерманландском полку⁴¹, что и Коротов.

В «формулярном списке» Коротова написано, что он был из беспоместных «дворян Воронежской губернии»⁴² (фото 1). Это были служилые люди, обязанные защищать границы государства от вторжения врагов, и за свою службу получали вознаграждение в виде определённого жалования деньгами, или в виде поместий и земель. Сама фами-

³⁶ *Агальцова В.А.* Петровское. К вопросу реконструкции усадебного парка / Русская усадьба. Вып. 6 (22), Москва: «Жираф», 2000, с. 321.

³⁷ *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. Изд. Дом «Сад искусств», СПб., 2004, с. 267.

³⁸ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. Под ред. проф. Г.Н. Дубинина. М.: Русский путь, 1999, с. 48.

³⁹ *Козмина Л.В.* Петровское. Пушкин и Ганнибалы. М.: Советский писатель, 2003, с. 14.

⁴⁰ Воспоминания об А.С. Пушкине Л. Павлицева / Семейные предания Пушкиных. Изд. «Пушкинского фонда» СПб., 2003, с. 259.

⁴¹ *Пирожников А.И.* История 10-го Пехотного Новоингерманландского полка. Тула 1913, с. 133.

⁴² ГАПО Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 14, 15 (оборот).

Ф. 110, оп. 1, д. 435. л. 14 об.-15. Послужной список

лия «Коротов» могла быть производной от названия уездного города Воронежской губернии — Коротояк, построенного в середине XVII века для защиты от набегов крымских и ногайских татар⁴³. Казаки разделялись на поместных и беспоместных, среди которых были ещё так называемые «поместные недоросли», т.е., как правило, младшие сыновья. Найти дворян Коротовых в Воронежской губернии нам не удалось, возможно, из-за утрат архивов в годы Великой Отечественной войны⁴⁴. Зато там были дворяне **Коротковы**, к примеру: Матрёна Мироновна, вдова штаб-капитана Александра Васильевича, чьё личное дело 1829 г. о правах на дворянское достоинство хранится в Государственном архиве Воронежской области⁴⁵. Дворяне **Коротковы** есть во многих Российских губерниях: Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Новгородской, Тамбовской, Харьковской⁴⁶. А дворяне **Ко-**

⁴³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. «Терра-Терра» 1995, Т. 16, с. 326.

⁴⁴ ГАВО, фонд И29, оп. 2.

⁴⁵ ГАВО, фонд И29, оп. 132, дело 111, 35 л.

⁴⁶ Благодарим воронежского исследователя Марину Старикову за оказанную помощь в архивных поисках.

ротовы только в Псковской и это всё потомки Марии Вениаминовны Ганнибал и нашего Фёдора Павловича Коротова. Любопытно, что и в послужном списке он также записан с ошибкой: «Федор Павлов сын **Кортов**», причём первая буква «о» поставлена сверху⁴⁷. Пока можно сказать словами резолюции Псковского дворянского депутатского собрания по поводу рода Ганнибалов: «чтоб предки сего рода принадлежали к какому-либо особому классу...это покрыто неизвестностью»⁴⁸.

Родился Коротов в 1800 году; обучение, возможно, начал в Воронеж, где в 1805 году было открыто военное училище. Туда зачислялись дети от 7 до 9-летнего возраста, которые, пробыв там 7 лет, переводились в высшие 1 и 2 кадетские корпуса Санкт-Петербурга. Среднее военное образование можно было получить в Пажеском корпусе, учреждённом ещё Елизаветой Петровной в 1759 г., преобразованном Александром I в Дворянский полк, поставлявший кадры для гвардейского офицерства и генералитета. Там же училось много друзей и родственников Пушкина и Ганнибалов: Е.А. Боратынский, Павел Пестель и ещё 28 декабристов — в частности, Муравьёвы. Коротов был зачислен в 1817 г. в Дворянский полк, первоначально называвшийся Волонтерский корпус, находившийся при 2 кадетском корпусе Санкт-Петербурга. Он был создан по указу Александра I в марте 1807 года, для молодых дворян, с 16 лет и выше, желающих служить в армии⁴⁹. Полк был призван повысить образовательный ценз армейского состава, очень низкий в конце XVIII – начале XIX в. Хотя в «Манифесте о вольности дворянской» (1762 г.) официально закреплялась обязанность дворянства «Чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать»⁵⁰. Но среди армейских офицеров было немало выходцев из других сословий, часто не получивших даже начального образования. К примеру, в начале XIX века 80 % от всего офицерского состава Новоингерманландского полка знали только счёт и письмо (имеется в виду умение поставить подпись)⁵¹. Принимались в Дворянский полк молодые люди с университетским образованием — сразу в унтер-офице-

⁴⁷ ГАПО Ф. 110, о. 1, д. 436, л. 14.

⁴⁸ *Козмина Л.В.* Петровское: Поэт и Прадед. СПб., 2012, с. 71.

⁴⁹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона *Терра-Терра* 1890–1991, Т. 19, с. 203.

⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи в 55 томах. Т. 15. М., 1887, с. 110.

⁵¹ *Пирожников А.И.* История 10 Пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913, с. 16.

ры, а прошедшие обучение в гимназиях или пансионах — рядовыми. Ф.П. Коротов поступил рядовым в Дворянский полк 28 июля 1817 г., «для научения порядку военной службы»⁵². Надо сказать, обычно дворяне старались заранее записывать своих детей в армию, чтобы к этому возрасту они уже числились офицерами. Коротов становится унтер-офицером (промежуточный чин между рядовым и офицером) только в 1820-м, а прапорщиком — в 1821 г. 24 апреля, с определением в Новоингерманландский пехотный полк. В это время полк состоял из достаточно молодых людей, от 19 до 49 лет, по преимуществу малообразованных, бессемейных и не обеспеченных материально⁵³. Состав офицеров был таким: 70% из дворян, 10% обер-офицерских детей, остальные 20% производились из нижних чинов из разных сословий, не исключая крестьян⁵⁴. Полк имел свои постоянные квартиры в г. Острове и его окрестностях, где простоял зиму конца 1823 и начало 1824 года. Здесь же, на основании «Высочайшего повеления от 26 марта», часть полка перевели в состав поселенных войск, под управление начальника военных поселений графа Аракчеева⁵⁵. Что вызвало большое неудовольствие у солдат и офицеров и, возможно, сыграло свою роль в поисках офицерами этого полка вариантов возможного выхода в отставку. Летом 1825 года полк принял участие в маневрах с гвардейским корпусом и нёс караулы в Петербурге. За хорошую строевую подготовку ему было объявлено Высочайшее благоволение⁵⁶. Затем полк вернулся в Псковскую губернию и расположился в Гдове, а затем в Опочке, где Коротов мог появиться в обществе своих армейских друзей и познакомиться с Вениамином Петровичем. Возможно, это знакомство произошло за картами, до которых он был большой охотник, как, впрочем, многие в то время:

Кто ими в обществе себя не занимает,
Воспитан дурно тот и скучен всем бывает.

В.Л. Пушкин

⁵² ГАПО Ф. 110, о. 1, д. 436, Л. 15.

⁵³ *Пирожников А.И.* История 10 Пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913, с. 190.

⁵⁴ Там же, с. 191.

⁵⁵ Там же, с. 190.

⁵⁶ Там же, с. 191.

по повелению имъ въ 1821 г.
сему канцелярику вѣдѣющимъ
стѣмъ университетѣмъ со введе-
ніемъ во Р. часть дворянскаго
родословной книги, означен-
ной же рождению авторомъ
первымъ его Маріи въ 1841 году
сына Владиміра, сопряже-
лиемъ въ сему роду по
опредѣленію Моквскаго Дво-
рянскаго Депутатскаго
Собранія 12 Сентября 1850 г.
указомъ Высшаго Моквскаго
Губернскаго Канцелярія.
Въ сему повеленіи Двора
и руководствуясь въ с. 1. 1. 1. 1.
Об. Зак. Изд. 1842 г. Мравами
стѣмъ же Семамъ

Кроме того, Коротов был специалистом по судебному делу — в его послужном списке написано: «По российскому читать и писать умеет, обучался Закону Божьему, арифметике, военному письмоводству и судопроизводству...»⁵⁷. То, что Коротов был знаком с судебной системой, придавало ему вес в любом обществе. В воинском Уставе важным элементом было положение о полковых судах, в полку был аудитор, который отвечал за правильное ведение судебного процесса, а на ведение письменных дел полка отпускалось от 100 рублей в год и более⁵⁸. Решения по воинским преступлениям обычно выносили комендант крепости или, в военное время, полковник полка, два капитана, два поручика, два сержанта, два капрала, два или четыре рядовых и аудитор. Решения принимались большинством голосов — такой порядок учредил ещё Пётр I, но в царствование Екатерины II нижние чины из судий были исключены. Суды разбирали дела о казнокрадстве, мародёрстве, хотя грабежи неприятельского города и земель были обычным делом в то время⁵⁹. Однако жалобы от местных жителей принимались и рассматривались: была ли в этом необходимость военного времени или банальная кража. В 1825 г. из 47 офицеров Новоингерманландского полка был только один человек, обученный военному письмоводству⁶⁰, — фамилия его не указана, но, по-видимому, это был наш Ф.П. Коротов. Надо сказать, эта должность была довольно тяжела, ведь приходилось выносить приговоры и бывать на экзекуциях. Хотя смертная казнь, распространённая ранее в войсках, была заменена в 1753 г. лишением всех прав и ссылкой в Сибирь для офицеров, а для солдат — ссылкой на каторгу и наказанием палками и шпицрутенами. Их назначали за нерадивость на строевых учениях, за неаккуратность форменной одежды — 100 ударов, за пьянство — 300–500, воровство — 500, побег — 1500 ударов палками. Часто встречалась подмена юридического наказания фактическим, когда назначенные 6000 шпицрутенов приводили к смерти осуждённого. Не удивительно, что армейская привычка к жёсткому исполнению приказов оставалась у военных чинов и по выходе в отставку. Возможно, этим объясняется жестокость Петра Абрамовича: «Когда были сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях»⁶¹. Офицеров за пьянство и антиобщественное поведение ожидало наказание —

⁵⁷ ГАПО Ф. 110, о. 1, д. 436, Л. 14.

⁵⁸ *Пирожников А.И.* История 10 Пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913, с. 18.

⁵⁹ Там же, с. 26.

⁶⁰ Там же, с. 191.

⁶¹ *Вегнер М.О.* Предки Пушкина / Род и предки А.С. Пушкина. М., 1995, с. 211.

арест и гауптвахта, при более серьезной провинности, такой как растрата военного имущества — ссылка в арестантские роты, лишение дворянства, патентов, орденов, отставка, изгнание из армии. Были и наказания, касающиеся церковной дисциплины — покаяние, увещание, лишение христианского погребения.

Эти меры прочувствовали на себе и Ганнибалы: Абрам Петрович был сослан в Сибирь за дворцовые интриги против Меньшикова⁶², а дед Пушкина судим за двоежёнство⁶³. Пётр Абрамович также был осуждён за «растрату артиллерийских снарядов»⁶⁴ и не был наказан по всей строгости только благодаря заступничеству брата Ивана Абрамовича. Однако после этой истории Пётр был вынужден выйти в отставку всего в 41 год⁶⁵. Его брат Иосиф, а затем родители Пушкина судились с Петром Абрамовичем из-за наследства⁶⁶. И Сергей Львович по судебным вопросам просил помощи у своих родственников, в частности С.И. Ганнибала⁶⁷. Поэтому знаток судопроизводства Коротов должен был встречен в обществе с большим почтением. Несмотря на то, что особой карьеры он не сделал, как написано в его послужном списке, «Всемилоостливейших реестров и похвальных листов от своего начальства не получал»⁶⁸.

Но С.Л. Пушкин и его жена о знакомстве с зятем Вениамина Петровича никак не упоминали и сам факт свадьбы троюродной сестры не отмечен Пушкиным ни в переписке, ни в воспоминаниях, хотя в это время Александр Сергеевич живёт в Михайловском. Считается, что он был знаком с Марией⁶⁹, однако достоверных свидетельств об этом мы не знаем. Инициатором венчания считается отец невесты — Вениамин Петрович, который, очевидно, сам выбрал местом венчания не ц. Воскресения в своём приходе, а Пятницкую церковь Святогорского монастыря. Но более всего странно, что место венчания не запомнил и сам жених! Поскольку позже он в своём прошении о внесении его и детей в список опочечских дворян записал местом венчания — «Новоржевский

⁶² Там же, с. 124.

⁶³ Там же, с. 261.

⁶⁴ Там же, с. 214.

⁶⁵ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. Под ред. проф. Г.Н. Дубинина. М.: Русский путь, 1999, с. 21.

⁶⁶ *Агальцова В.А.* Петровское. К вопросу реконструкции усадебного парка / Русская усадьба. Вып. 6 (22), Москва: «Жирав», 2000, с.324.

⁶⁷ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой 1828–1835. СПб.: «Пушкинский фонд», 1993, с. 106.

⁶⁸ ГАПО, ф. 110, л. 435, л. 14 (оборот).

⁶⁹ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л-д: Наука, 1989, с. 94.

уезд Троицкая церковь погост Бардова», где они жили с семьёй после 1840 года. Но при проверке запись о венчании там не нашлась, а обнаружилась таковая под № 10 «в Пятницкой церкви, что при Святогорском монастыре»⁷⁰. Странно и то, что время для венчания было выбрано необычно: среда 24 мая, хотя обычно и не запрещена для церемонии, но в том году пришлось на пред празднество Вознесения Христова. А накануне двенадцатых и великих праздников обычно не венчали. Этим же можно объяснить факт небрежного оформления записи о венчании.

К примеру⁷¹, в числе свидетелей со стороны жениха обозначены «отставной капитан и кавалер Иосиф»⁷², без фамилии. Можно предположить, что это мог быть отец Наталии Иосифовны Имберг, жены Александра Павловича Неелова, троюродного брата Пушкина⁷³. Венчальной матерью указана «помещица Христина Семеновна Сумароцкая», в девичестве Неелова — племянница Петра Абрамовича. Она была дочерью Анны Абрамовны Ганнибал и Семёна Степановича Неелова, сослуживца Абрама Петровича Ганнибала⁷⁴. Христина была замужем за капитаном Василием Герасимовичем Сумородским⁷⁵. Со стороны невесты свидетелем указан венчальный отец, полковник Ингерманландского полка Александр⁷⁶, тоже без фамилии. Возможно, им был Александр Адамович Глаубич, женатый на дочери Якова Исааковича Ганнибала Евгении: как раз в апреле 1826 г. он был «по приказу уволен от службы за болезнею полковником и с мундиром»⁷⁷. И венчальная мать — Александра Ржепиковская, сестра Вениамина Петровича и тётя невесты⁷⁸. Ржепиковский, участник Войны 1812 года, русский офицер, принимал участие в битвах при Смоленске 1–4 августа в рядах армии Багратиона, в Бородинском сражении в составе Новоингерманландского полка, сводной гренадёрской дивизии под командованием генерал-майора Воронцова⁷⁹.

⁷⁰ ГАПО. Ф. 110, о. 1, д. 436, л. 27.

⁷¹ ГАПО. Ф. 110, о. 1, д. 436, л. 27.

⁷² ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 435, л. 35 (оборот).

⁷³ *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб.: «Сад искусств», 2004, с. 270.

⁷⁴ Там же, с. 141.

⁷⁵ Там же, с. 266.

⁷⁶ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 435, л. 35 (оборот).

⁷⁷ ГАПО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 215, л. 24.

⁷⁸ *Никифоров В.Г.* Земли родной минувшая судьба. История усадеб «Пушкинского уголка» и судьбы его обитателей // Михайловская Пушкиниана. Вып. 17, 2001, с. 234.

⁷⁹ *Пирожников А.И.* История 10 Пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913, с. 126.

мать: Новонерско-Майдского полков-
ника. почка Порукарь Федоръ Павловъ.
Королевъ двадцати даръ мать вхо-
санъ Опояскаго Помещика Семѣга
Петривскаго Веніамина Петрова
Ганнибалова въ дѣсертю дважидеи марта
Веніаминкова обимладцати мать
первиль въ коимъ мать Гракъ двад-
цати четвертаю мая. при селѣ Сан-
Дателіи Ганн: съ стороны елицид
вѣнцеливиль Опецъ Отставной Капи-
танъ и Кавалеръ Іосифъ и вѣнцеливиль
мать Помещика Кристина Вен-
цова Куроратка и съ стороны неважи
вѣнцеливиль Опецъ Поиродникъ
Александръ и мать вѣнцеливиль
Александри Рюсниковская. Гракъ
сей совершилъ ознаменованъ церква
Священникъ Федоръ Осодесіскъ, Дѣа-
къ Григорій Беримовъ, Дѣакъ
Николай Антоновъ и Помещикъ

ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 435. л. 35 об.

Венчал Марию и Фёдора Павловича Коротова священник Фёдор Федосеев⁸⁰, а пономарил Александр Раевский, сын священника Иллариона Евдокимова Раевского, знаменитого «попа Шкоды», приятеля А.С. Пушкина.

Когда совершалось венчание Марии Вениаминовны, Александр Сергеевич, по иронии судьбы, решает вопрос о своём будущем незаконнорождённом ребенке от крепостной девицы Ольги Калашниковой. Это мы знаем по переписке с П.А. Вяземским, которого он просит посодействовать: «Видел ли ты мою Эдду? Вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?» [13, 278]. В этих сплошных знаках вопроса — забота и скрытая взволнованность, переживания за неопределённость их положения перед судом общества и совести⁸¹. Пушкин даже задумывался о женитьбе, но признаётся, что не готов к этому: «Законная [...] род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит... Брак холостит душу» [13, 279]. В конце концов, он поступает так же, как в своё время Вениамин Петрович, оставивший жену и дочь в казанских имениях своей матери. А Пушкин отослал беременную Ольгу в поместья своего отца, как он напишет П.А. Вяземскому: «воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина» [ПСС 13, 279].

Интересующие нас документы, хранятся в ГАПО в фонде 110, опись 1, дело 435 и 436, на 56 листах. На первом листе написано: «О внесении в дворянскую родословную книгу дворян **Коротковых** с выдачею документов о дворянстве» Начало: 2 сентября 1848 г. — окончание 30 октября 1895 года. Оно появляется, когда пришло время определения детей в казённые учебные заведения, зачем и проверяли все метрические записи «капитана Федора Павловича Коротова с сыном Павлом и дочерьми»⁸². В прошении самого Коротова написано о внесении всех во вторую часть Дворянской степенной книги: «по состоянию за женой моей Марией дочерью Вельяминовой недвижимому имению Псковской губернии Новоржевском и Опочечком уездах»⁸³.

Наблюдением за службой дворян и их детей, составлением родословия, гербов и т.д., занималась созданная в 1722 г. в Петербурге Герольдмейстерская контора. С середины XVIII века на неё возложили дела по производству в чины и выдачу справок о дворянстве. Колле-

⁸⁰ *Новиков Н.С.* Летопись сельца Михайловского и окрестностей, которую вели местные священнослужители // *Духовный труженик*. А.С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999, с. 206.

⁸¹ *Щёголев П.Е.* Крепостная любовь Пушкина. Пушкинская библиотека. Любовный быт пушкинской поры. М., 1994, т. II, с. 120.

⁸² ГАПО Ф. 110, о. 1, д. 436, л. 32.

⁸³ ГАПО Ф. 110, о. 1, д. 435, л. 29.

гия составляла «Общий гербовник дворянских родов» и с 1826 г. занималась проверкой решений дворянских губернских собраний о внесении дворян в губернские родословные книги, выдачей дипломов и грамот на дворянское достоинство, документов на чины и назначения на службу⁸⁴. Вероятно, с этого времени стало труднее заниматься приписками и подтасовками документов.

При проверке данных Герольдией в брачных росписях были обнаружены многочисленные фактические несоответствия, о которых написано выше. Факт венчания обычно заносился во вторую часть метрической книги, которая называлась «О бракосочетавшихся». В графах указывались данные: номер брака по счёту в книге, дата события, полные имена, место жительства, возраст брачующихся, сословие, вероисповедание, который по счёту брак, а для невесты — имя отца и сословие. Запись была сделана, как мы писали, крайне небрежно: «Федор Павлович Коротов, Новоингерманландского пехотного полка поручик, **22 лет** венчан Опочецкого помещика Сельца Петровское Вениамина Петрова Ганнибалов с дочерью девицей Марьей Вениаминовой, 18 лет, первым законным браком, 24 мая»⁸⁵. Хотя, если венчание происходило в 1826 году, — значит, жениху было **26 лет!** Так же и невеста, которая была прихожанкой Воскресенской церкви Воронича⁸⁶, записана 18-летней, а ей было уже 24.

Во избежание подобных ошибок, обычно, если брачующиеся были из другого прихода или местности, они обязаны были предъявить документ о рождении (метрическую выписку) и справку о том, что посещают исповеди и причастие. Если он был военнослужащим, то должен был получить разрешение от командира на брак и привезти рекомендательное письмо к священнику. Разрешение командира прикладывалось к брачному сыску, на нём священник ставил свою подпись и резолюцию. В нашем случае, ничего подобного представлено не было, а сама запись была сделана под «честное слово», видимо, распорядителя торжества. Коротов записан был «поручиком», хотя из документов мы знаем, что в это время он числился подпоручиком. Впрочем, здесь ошибки нет: когда военный выходил в отставку, ему, по ходатайству начальства, могли присвоить следующий чин. А Коротов был «уволен от службы по домашним обстоятельствам 1826 года апрель»⁸⁷. Таким образом, мог стать поручиком, без занесения в послужной список.

⁸⁴ Российская Империя. «Энциклопедия Всемирной истории». В 8 томах, — М.: ОЛМА Медия Групп, 2009, с. 145.

⁸⁵ ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 27.

⁸⁶ ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 435, л. 29.

⁸⁷ ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 36, л. 11.

Во второй части метрической книги «О брачующихся» приводились также данные свидетелей, поручителей, факта венчания. Обычно это были родственники, близкие друзья с каждой стороны, два-три человека или более. Свидетели несли ответственность перед судом за дачу «ложных показаний» — бывало, что и наказывались, а достоверность сведений заранее проверялась. Но в нашем случае запись была сделана с чьих-то слов, о чём говорит то, что список свидетелей дан без указания фамилий и званий. Возможно, что многие свидетели и родственники присутствовали заочно.

После свадьбы Фёдор Павлович Коротов с семьёй живет в г. Острове, по месту дислокации полка, хотя числится в отставке. Возможно, уже в это время он поступает на гражданскую службу в Земский суд. В Острове у него рождается сын Павел 27 июня 1827 года, о чём свидетельствует метрическая запись за № 118 в Троицком соборе⁸⁸. Но крещён был младенец в Воронежской церкви Воскресения Христова «попом Шкодой»⁸⁹ 6 июля. В документах мы читаем, что, кроме Вениамина Петровича и его сестры Александры Ржепиковской, также в крёстные отцы Павла⁹⁰ был записан Алексей Васильевич Хорошилов, муж Констанции Исааковны Ганнибал, поручик Новоингерманландского полка, в котором служил и счастливый отец. А также помещица Александра Васильевна Христофоровская, соседка А.П. Ржепиковской. Как правило, крёстные отец и мать не могли состоять в близком родстве по крови ни между собой, ни с крестником. Мария считалась «воспитанницей» Ганнибала, поэтому мы видим здесь отход от этих условий.

В свидетельстве о рождении расписались Мягков Виктор Семёнович, штаб-ротмистр, сын Мягковой Екатерины Исааковны (урожденной Ганнибал), во втором браке Меландер. Его отец Мягков Семён Илларионович оставил ему небольшое имение в с. Вехно, недалеко от Святых Гор, где Виктор проживал с семьёй из 6 человек⁹¹. В 1844–1846 гг. он стал предводителем Новоржевского уездного дворянства и, видимо, многое сделал для получения Коротовыми документов о принадлежности их детей дворянскому званию⁹². Также свидетелями были новоржев-

⁸⁸ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 29.

⁸⁹ Священником Александром Илларионовичем Раевским, служившим в приходе, к которому относились Ганнибалы.

⁹⁰ ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 435, л. 29.

⁹¹ *Пахоменкова М.М.* Дворянство и город Новоржев Псковской губернии в истории России: XVI–XX вв. Новоржев – СПб, 2020, с. 390.

⁹² ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 32.

ские помещики Борис Алексеевич Лихарев⁹³ и Кондратов Александр Николаевич⁹⁴, поручик. Последний в 1839 г. проживал в с. Ладино с семьёй и женой Кондратовой Надеждой Яковлевной⁹⁵, дочерью Бороздина Якова Корниловича (1810–1870). С Бороздиными Пушкин дружил, у него в библиотеке имелась книга «Записки о нонешнем возмущении Польши» изд. Императорской Академии Наук (СПб, 1792 г.), из книг Михаила Бороздина⁹⁶. Упомянуты также Крыжановские: корнет Фёдор Петрович, Александр и Виктор Петрович — штаб-ротмистр, владелец с. Полозова прихода ц. погоста Бараново. По-видимому, они были дружны, что сыграло свою роль в дальнейшем. Подписался и капитан Путей сообщения А(о)фросимов Арсений Ефимович, предводитель Новоржевского дворянства⁹⁷, племянник Анны Андреевны Чихачёвой, жены Исаака Абрамовича Ганнибала (1757–1841). Известно, что Чихачёвы хорошо относились к менее состоятельным Ганнибалам и всячески помогали родственникам⁹⁸. Упомянут в документе и сын близких знакомых Пушкиных, — Пелагеи Николаевны и Николая Саввича Кренициных, — у которых неоднократно бывали родители Пушкина⁹⁹. Это отставной корнет Василий Николаевич Креницын, брат Александра Николаевича Креницина, губернского секретаря¹⁰⁰. Чьё «семейство в восторге от его (Пушкина) таланта, все знают его вещи наизусть, вплоть до четырехлетнего мальчугана»¹⁰¹. Возможно, что жена Креницына, графиня Аш, исполняла положенные на музыку самим Вениамином Петровичем Ганнибалом стихи Пушкина из поэмы «Цыгане». Свидетельствовал и новоржевский помещик Екимов Александр Иванович, отставной поручик¹⁰², и «уволенный от службы от кавалерии подполковник» Неелов Алек-

⁹³ Пахоменкова М.М. Дворянство и город Новоржев Псковской губернии в истории России: XVI–XX вв. Новоржев – СПб, 2020, с. 340.

⁹⁴ Там же, с. 288.

⁹⁵ Там же, с. 288.

⁹⁶ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (библиографическое описание). СПб., Типография Императорской Академии Наук, 1910, С. 42.

⁹⁷ Пахоменкова М.М. Дворянство и город Новоржев Псковской губернии... – с. 433.

⁹⁸ Новиков Н.С. Легенды и были Пушкиногорья. По архивным изысканиям / Михайловская Пушкиниана. Вып. 44, с. 184.

⁹⁹ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой 1828–1835. СПб.: Пушкинский фонд, 1993, с. 14.

¹⁰⁰ Пахоменкова М.М. Дворянство и город Новоржев... – с. 301.

¹⁰¹ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери... – с. 14.

¹⁰² Пахоменкова М.М. Дворянство и город Новоржев... – с. 413.

сандр Павлович (1795–1855)¹⁰³, сын племянника Петра Абрамовича Ганнибала — Павла Семёновича Неелова (1767–1825)¹⁰⁴. Его мать — Анна Абрамовна Ганнибал (1741–1788), а жена — Неелова Анна Николаевна (урождённая Байбакова; 1771–1826), владела с. Сафонтьево в приходе ц. Параскевы Пятницы, в котором в конце жизни проживал П.А. Ганнибал¹⁰⁵. Надежда Осиповна Пушкина писала 12 августа 1829 г.: «Позавчера у нас были с визитом два Семена, Ганнибал и Неелов, они провели у нас весь день, а на другой отправились в Петербург»¹⁰⁶. Часто именно обширные родственные связи решали судьбу и способствовали карьере, говоря словами А.С. Грибоедова «Ну как не порадеть родному человечку?». А московский поэт и дальний родственник Пушкина С.А. Неелов (1779–1852), по словам П.А. Вяземского, «положил эту мысль на стихи:

Чрез деда, брата или друга
Иной по службе даст прыжок,
Иного вытасит сестра или супруга...»¹⁰⁷.

С 1827 до 1833 года Ф.П. Коротов живёт с семьёй в Петровском. Один за другим появлялись дети: после Павла — Евпраксия 14 июля 1829 года, Надежда (1830), Мария (30 мая 1832). Заботясь о благополучии дочери, Вениамин Петрович 3 ноября 1833 г. составляет завещание, делая её распорядительницей доли в наследстве. Поскольку, будучи незаконнорожденной, она не имела по закону права на наследственную недвижимость, то после смерти Вениамина Петровича поместье переходило его сёстрам¹⁰⁸. Поэтому ещё при жизни он покупает дочери поместье в с. Герасимово Новоржевского уезда. А всё своё благоприобретённое движимое имущество: обстановку дома, книги, серебро, скот, инвентарь и прочее — завещает ей и внукам. Оговаривая то, что «наследники мои вступать в оное не токмо ни под какими предлогами не могут и права не имеют»¹⁰⁹. Под наследниками понимать надо его сестер — Александру Ржепиковскую и Христину Сумароцкую, по второму мужу Криштафович. Это завещание сейчас демонстрируется в экспозиции музея-усадьбы Петровское Пушкинского Заповедника: «А до времени совершен-

¹⁰³ Пахоменкова М.М. Дворянство и город Новоржев... – с. 413.

¹⁰⁴ Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб.: «Сад искусств», 2004, с. 140.

¹⁰⁵ Там же, с. 266.

¹⁰⁶ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных... – с. 45.

¹⁰⁷ Там же, с. 31.

¹⁰⁸ Агальцова В.А. Петровское. К вопросу реконструкции усадебного парка... – с. 321.

¹⁰⁹ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкины на Псковщине... – с. 55.

нолетия крестных детей моих Павла, Евпраксии, Надежды и Марии Федоровых Коротовых предоставляю полное право матери их, жене отставного поручика, Марии Вениаминовны Коротовой всем здесь завещанным мною движимым имением распоряжаться по благоусмотрению ее...»¹¹⁰. Интересно, что Вениамин Петрович именует свою дочь женой «отставного поручика», хотя Коротов подаёт прошение о зачислении его вновь в Новоингерманландский полк уже 13 августа 1833 года¹¹¹. Значит ли это, что тесть и зять практически не общались?

Возможно, под давлением семейных обстоятельств Коротов возвращается в полк «прежним поручиком чином... 23 октября 1833 года». В это время Новоингерманландский полк, значительно поредевший, вследствие жестоких боёв в Польше и холерной эпидемии, остро нуждался в кадрах. Бессрочно-отпускные призывались для пополнения некомплекта по штату, а все вновь сформированные батальоны получили знаки отличия и награды так же, как и воевавшие: «За Варшаву 25 и 26 августа 31 года»¹¹². В октябре, когда он прибыл к месту службы, полк вышел в Вильно, г. Ковно и в окрестности г. Лиды, на зимние квартиры. Служба шла своим чередом и вскоре, через четыре года, 6 декабря 1837 г., «за отличие» Ф.П. Коротов был произведён в штабс-капитаны, т.е. «не полные капитаны».

В декабре 1839 г. неожиданно умер Вениамин Петрович, а через год Мария вызывает мужа на раздел имущества. 24 февраля 1840 г. приказом № 18 по Корпусу, В.Ф. Коротов уволился «в отпуск по домашним обстоятельствам»¹¹³ на 28 дней. Уже 25 февраля, по вступлении в наследство, они вывезли причитающееся по завещанию имущество, которое сам Вениамин Петрович «по совести» оценил «государственными ассигнациями 10 тысяч рублей»¹¹⁴. И семейство Коротовых навсегда покинуло Петровское, уехав в имение Герасимово (Богородское), приобретённое для дочери Вениамином Петровичем. А сестры Вениамина Петровича Христина, по второму мужу Криштафович, и Александра Ржепиковская продают с. Петровское новым владельцам¹¹⁵. Однако родственные связи с Марией не прерывают: так,

¹¹⁰ Там же, с. 54.

¹¹¹ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 14, 15 (оборот).

¹¹² *Пирожников А.И.* История 10 Пехотного Новоингерманландского полка... – с. 249.

¹¹³ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 15.

¹¹⁴ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине... с. 55.

¹¹⁵ *Наталья Телетова.* Ганнибалы на Псковской земле // Псковская земля: история в лицах. «Обитель дальная трудов и чистых нег» (Редактор-со-

бездетная дочь Христины Александра Васильевна Криштафович своё наследство передала двоюродной сестре — Александре Фёдоровне Храповицкой, урожденной Коротовой¹¹⁶.

Фёдор Павлович на службу не вернулся, предоставив медицинское свидетельство о «приключившейся ему болезни»¹¹⁷. Надо сказать, что это было распространённой отговоркой для не желающих служить. Не было проблемы найти врача, который подтвердил бы некую «болезнь». Что давало право дворянину до официального возраста отставки в 55 лет, на свободу от службы. Коротов вышел в отставку 8 февраля 1841 г. — причем, по благоволению начальства, капитаном с мундиром, что соответствует IX чину¹¹⁸. Как написал Пушкин по схожему случаю, «отставленный за отличия с мундиром без штанов»¹¹⁹. По указу Петра I все обер-офицеры получали патенты на дворянство, которое по достижении определённого чина, в то время седьмого, могло быть передано по наследству. Для того, чтобы заслужить следующий чин, Коротов продолжил гражданскую службу, в чине титулярного советника. Будучи офицером, он мог дать жене и детям определённый статус, особенно при наличии земельных владений у супруги. Принадлежащее Коротовой Марии «имение Герасимово (Богородское тож)» находилось на границе Опочецкого и Новоржевского уездов¹²⁰. Там было «1500–1600 десятин земли с деревнями Голованово, Егошко и Кузьминка». В ГАПО хранится «Геометрический специальный план» владений «капитанши Марии Вельяминовой, жены Коротовой... План сей сочинен в 1849 г. Под усадьбой и господскими домами — 2 дес. 664 сажени. В сем сельце за вышеописанной владелицей дворовых людей не состоит»¹²¹. По-видимому, Мария выросла «барышней-крестьянкой» и справлялась с хозяйством самостоятельно и с помощью семьи и отпущенных на волю крестьян. А хозяйство было не маленькое, как сказано в описании плана: «В сельце Богородском три довольно больших деревянных дома на каменных фундаментах и шесть хозяйственных построек. Возле господского дома сад»¹²².

ставитель Т.В. Вересова). М., 2008, с. 52.

¹¹⁶ *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина... – с. 271.

¹¹⁷ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 15–15 оборот.

¹¹⁸ *Шепелев Л.Е.* Отменённые историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л-д: Наука, 1977, с. 32.

¹¹⁹ *А.С. Пушкин.* ПСС, т. 12, с. 166.

¹²⁰ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине... – с. 56.

¹²¹ ГАПО, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 859.

¹²² *Никифоров В.Г.* Земли родной минувшая судьба... – с. 232.

В декабре 1842 года поступило прошение Ф.П. Коротова, в котором он, капитан в отставке, просил записать жену Марию Вениаминовну, Новоржевскую помещицу, и детей во II книгу дворян Псковской губернии, куда вписывали военных¹²³. После всех проверок, в 1851 году 15 июля ему выдали бумагу МВД Новоржевского Уездного Предводителя дворянства за № 251 о вписании его и его новорожденного сына Владимира в третью часть родословной книги Псковского Дворянства¹²⁴. В третью часть обычно вписывали служилое и чиновническое дворянство — видимо, Ф.П. Коротов в это время занимал должность в Земском суде.

В «Указе Е.И.В. Правительствующего Сената Псковскому Дворянскому собранию» от 1856 года: «...доказательства дворянского рода Коротовых были рассматриваемы Герольдио... 12 июня 1844 года»¹²⁵. Резолюция звучит так: «Федор Павлов Коротов... по получению им в 1821 году чина прапорщика в дворянстве утвержден»¹²⁶. Но только ещё через несколько десятков лет дети и внуки Коротовых получили документы «О внесении в дворянскую родословную книгу дворян **Коротковых** с выдачею документов о дворянстве. Начало — 2 сентября 1848 г. — окончание 30 октября 1895 г.»¹²⁷.

Мария Вениаминовна оказалась хорошей женой и матерью: родила семерых детей, справлялась с пристрастием мужа к карточной игре, не позволив ему промотать всё имущество и пустить их по миру¹²⁸. Их дети: Павел (1827–1854), Евпраксия (1829–1890), Надежда 1830 г.р., Мария — 1832 г.р., Елена — 1842 г.р. (умершая во младенчестве), а также Александра (1844–1859?)¹²⁹ и Владимир (1847–1908). Из-за карточных долгов мужа Мария Вениаминовна была вынуждена продать с. Герасимово, как «Пушкин справедливо говорил однажды, страсть к игре есть самая сильная из страстей»¹³⁰. Из-за неё многие из Ганнибалов поставили своих потомков на грань нищеты, и «с удивительным мастерством и быстротой разделались с поместьями отца»¹³¹.

¹²³ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 435, л. 28 (оборот).

¹²⁴ ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 41.

¹²⁵ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 46.

¹²⁶ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 436, л. 46, оборот.

¹²⁷ ГАПО Ф. 110, о. 1, д. 436, л. 1.

¹²⁸ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине... — с. 56.

¹²⁹ Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина... — с. 271.

¹³⁰ Вульф А.Н. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским. Из «Дневника» // П. в воспоминаниях современников. В 2 томах. М.: Художественная литература, 1985, с. 455.

¹³¹ Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. СПб.: Дорн, 2007, с. 190.

№ 46

17. Марта 1852

46

У К А З Ъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИЯ ВСЕРОССИЙСКАГО,

изъ Правительствующаго Сената Московскому Дворян-
скому Депутатскому Собранию.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующий
Сенатъ слушалъ Давно осомнившимсяъ народу

Куратовыхъ Владимира Кудо-
рова Куратова, представивше-

11409

ное при рассмотреніи Псковскаго
Дворянскаго Депутатскаго

Собрания, отъ 30. Сентября
1851 года за № 242. Приказа.

Мнѣ бытъ весьма ясно видно, что
показательства дворянскаго
рода Куратовыхъ были разсма-
триваемы Вероловскою поре-
зиссіею ея 12. Июня 1844 года

Одваръ Павловъ Куратовъ
По Департаменту Герольди.

Виссимиеръ П. Сиринъ № 584.
Коллежскому Регистратору Сиринъ № 81.
Министру Регистратуры № 83.
По Департаменту Герольди № 83.

На остатки денег с продажи имения и раздачи долгов Мария купила хутор Заречье в Новоржевском уезде, на реке Алоле, который затем достался младшему сыну Владимиру Фёдоровичу (1847–1908). Значительная страница истории детей Владимира Фёдоровича Коротова и Марии Ивановны, урожденной Почепцовой (1845–1930), отражены в другом деле, хранящемся в ГАПО¹³². Это «Дело о выселении бывших помещиков, крупных землевладельцев и др. нетрудовых элементов. **Коротковых** Бориса, Валериана, Владимира, Георгия Владимировича и сестры Скворцовой Марии (Новоржевский уезд, Кудеверьская вол., имение «Заречье») 14.04.1925–08.11.1926». На листе 1–1 оборот написано: «В президиум Псковского Исполнительного комитета. Граждан **Коротовых** Бориса Владимировича, 52 лет, Валериана Владимировича, 38 лет и Георгия Владимировича, 35 лет, проживающих в данное время в г. Опочке Красноармейская улица, д. 37. Заявление». Их жалоба: «15 января 1925 года по распоряжению Новоржевского Уездного Земельного управления у нас, как у бывших помещиков была произведена опись бывшего в нашем пользовании движимого и недвижимого имущества, находящегося в сельце Заречье Кудеверской волости Новоржевского уезда, а затем последовало выселение нас из Новоржевского уезда с полным изъятием всего живого и мертвого с/х инвентаря в распоряжение Новоржевского УЗУ. Мы считаем действия Новоржевского УЗУ несоответствующими смыслу постановления ЦИК от 20 марта 1925 года...». В этом прошении Коротовы перечисляют причины, по которым они считают это неправомерным, ссылаясь на то, что они были «трудовиками» и крестьянствовали каждый на своём участке земли. По иронии судьбы, внуки Марии Вениаминовны, которая была дочерью дворовой девицы Ирины и Вениамина Ганнибала, получив дворянство в 1898 г., были вынуждены отказаться от него уже через 27 лет. Почему-то в этом прошении не указано имя ещё одного внука — Якова Владимировича, который был военным артиллеристом, поручиком, воевавшим в Первую мировую войну, а затем и в Красной Армии. В 1921 году отправлен был в отпуск и проживал в поместье Заречье. Видимо, не надеясь на благоприятный исход этой борьбы, он после первого же «изъятия» уехал в Питер.

Зато, в дополнение к этому заявлению, отдельно имеется прошение от 27 июня 1925 года от Георгия Владимировича Коротова о возвращении ему имущества. Поскольку он, бывший унтер-офицер царской армии, перешедший на сторону большевиков, числился с 1921 года уже красноармейцем 58 Стрелковой дивизии Штаба Киевского округа. Ви-

¹³² Ф.-Р.-203. Оп. 3. Д. 120.

димо, этот факт повлиял на первоначальное решение Новоржевского Уездного управления: всё изъятые вернуть семье. Но машину национализации было уже не остановить и после очередного разбирательства «Укомиссия» постановила их выселить. В документе резюмируется: «Коротовы бывшие дворяне, владели до революции имением Заречье площадью 500 десятин. Имение досталось по наследству...». Таким образом, решение было вынесено не в пользу «бывших»: «Укомиссия 25.08. сего года постановила: **Коротковых** и сестру их Скворцову Марию выселить с передачей с/х инвентаря УЗУ». И, как мы видим, присутствуют оба варианта звучания фамилии: **Коротовы и Коротковы**.

Мария Владимировна Скворцова, урождённая Коротова (1869–1952), была старшей в семье Владимира и Марии Коротовых. В документе упомянуты и её дети: Алексей, Александр, Антонина и Зинаида. Следующий документ Укомиссии был о «принятии ценностей», в перечне которого были зафиксированы следы «порчи национализированного имущества», часть которого, очевидно, семья забрала с собой. Так закончилась история дворян Коротовых на Псковщине, но не фамилии. **Вспоминает Жанна Короткова:**

О происхождении фамилии Коротковых.

Деревня Малое Раменье, в которой вырос и жил до самой смерти мой дед по отцовской линии, Павел Гаврилович Коротков, находится в 20 км от Пскова. Однако родился он в д. Полозово Новоржевского уезда, в 1896 году, погоста Бараново. Фамилию Коротков мой дед получил на призывном пункте в Пскове, в Первую мировую войну, «с легкой руки» офицера. По рассказу деда, на вопрос «Есть ли фамилия?», он застеснялся, объясняя, что у него фамилии нет, так как он сирота, жил у родственников по прозвищу «Коротыши» и фамилия его была «по отчеству» — Гаврилов. Но офицер, присмотревшись, сказал, что такому высокому, стройному парню, с хорошей осанкой, надо дать красивую фамилию и записал «Коротков».

Позже, во время службы в Кронштадте, мой дед встретится в Петрограде со своим родным старшим братом Василием Гавриловым (1894 г.р.), с которым не виделся несколько лет и который служил управляющим в гостинице «Метрополь», а после революции 1917 года — переводчиком в «Астории». Василий предложил, чтобы родные братья Гавриловы имели одну фамилию — Коротковы.

По стечению обстоятельств, там же в Кронштадте комиссаром флотилии во время восстания был некто Коротков (со слов моего брата, который «всегда это знал»). После подавления в 1921 году Кронштадт-

ского мятежа, весь гарнизон был построен на плацу, стали называть фамилии, назвали «Коротков», но с другим званием. Павел обратился к ротному: «Что мне делать?». «Стой и не шевелись!» — был ответ.

Павел Гаврилович
Коротков. Фото до 1919 г.

Василий Гаврилович
Коротков, брат деда. Фото 1915 г.

В 1922 году мой дед вернулся в деревню с фамилией Коротков и все дальние и ближние родственники стали Коротковыми. Но дед называл их самозванцами!

В ГАПО среди прочих хранится дело о «Включении в VI ч. Дворянскую родословную книгу Псковской губернии дворян Коротковых...». Было интересно узнать, о дворянах-однофамильцах. Я неожиданно увидела знакомое название деревни Полозово. В документе о рождении сына Павла в законном браке, Фёдор Павлович Коротков (Коротов), в числе 8 свидетелей указывает штаб-ротмистра Виктора Петровича Крижановского, который был владельцем той самой деревни Полозово, в которой родился и жил до четырёх лет мой дед Павел Гаврилович Коротков.

Пописки
№ 56

Коротковские

1

№ 10

о вписании во вторую часть Иорданской
родословной книги сына Иордана
Владимира Семеновича Короткова-
Владимира, с выдачею на имя
его свидетельства о Иорданском во-
стоинстве

Казано 19го Мая }
Решено 18 ^{сентября} ~~Июня~~ } 1895 года.

Полозово, имение Крыжановского

Теперь невозможно узнать достоверно — можно только предполагать, что офицер узнал от деда о его месте рождения и на призывном пункте дал деду фамилию не случайно, а знакомую ему фамилию Коротов-Коротков.

Бувакин С.В.,
Средняя общеобразовательная школа,
пос. Плюсса, Псковская область
e-mail: buvakin1992@mail.ru

**ФИЛИПП ОВСЯННИКОВ — ИЗВЕСТНЫЙ
УЧЁНЫЙ-ФИЗИОЛОГ**

На автомагистрали Псков — Санкт-Петербург находится деревня *Заполье*, где в прошлом располагалась дворянская усадьба. От старинной усадьбы до наших дней уцелела только усадебная Георгиевская церковь, выстроенная в 1845 году на месте древнего, XVI века, храма. Церковь деревянная, рубленая «в лапу» и обшитая досками. Стиль здания определяется, как романтизм середины XIX века. Рядом с церковью располагается часовня-склеп Филиппа Васильевича Овсянникова.

Часовня-склеп Филиппа Васильевича Овсянникова
(около 1906 года)

Деревня Заполье. Церковь Георгиевская. 1845 год

Филипп Овсянников был современником Ивана Сеченова и Сергея Боткина, плодотворно развивавших идеи нервизма в отечественной медицине. После выхода в свет труда Чарльза Дарвина, Филипп Овсянников стал с большим интересом изучать новое эволюционное учение в кругу передовых русских учёных на бэровских вечерах, где Карл Бэр говорил о теории Чарльза Дарвина. Интерес Филиппа Овсянникова к эволюционным идеям Дарвина сказался в дальнейших его работах в области эмбриологии, часть которых была выполнена совместно с Александром Ковалевским — основателем отечественной эволюционной эмбриологии. Филипп Овсянников был тесно связан с другими русскими учёными: И.М. Сеченовым, А.М. Бутлеровым, Д.И. Менделеевым, Н.М. Якубовичем. Современники характеризовали его как одного из самых передовых учёных 60-х годов XIX века.

Филипп Васильевич Овсянников родился 14 июня 1827 года в Санкт-Петербурге, в купеческой семье. Будущий учёный, один из основателей сравнительной нейростологии и нейрофизиологии в России, садовод-селекционер, академик Петербургской Академии наук с 1863 года, учился в Петропавловской школе, в 1848 году поступил в Дерптский университет по камеральному разряду, а в 1849 году перешёл на медицинский факультет, где с большим увлечением изучал ана-

томию и физиологию, курс которого и окончил в 1853 году со степенью доктора медицины.

В 1854 году он поступил младшим сверхкомплектным ординатором во Второй сухопутный госпиталь, а затем был прикомандирован к Главному придворному госпиталю. В 1856 году был направлен Министерством внутренних дел в Саратов и Астрахань для исследования рыболовства на Волге и на Каспийском море, для исследования рыбьего яда.

Осенью 1858 года поступил в Казанский университет ординарным профессором физиологии. По его инициативе вскоре в университете была устроена физиологическая лаборатория, которая создала благоприятные условия для внедрения эксперимента в практику биологических исследований, и это был революционный шаг молодого учёного, ибо ранее в университете давались лишь теоретические знания. В 1860 году, по поручению Казанского университета, ездил за границу для осмотра физиологических лабораторий. Со своим докладом он принимает участие в работе Кёнигсбергского собрания врачей и натуралистов.

Филипп Овсянников знакомится со многими крупными учёными и приходит к выводу, что на западе наука развивается более стремительно, потому что она находится в благоприятных условиях, и, как истинный патриот отечественной науки, он обратился к учёным России с призывом объединить все научные силы. Его мечта реализовалась лишь 7 лет спустя, когда в стране проходил I съезд русских естествоиспытателей.

Научные заслуги самого Филиппа Васильевича Овсянникова в Казанском университете были весьма значительны: в первую очередь, стоит отметить его совместную с Николаем Мартыновичем Якубовичем работу *«Микроскопическое исследование начала нервов в большом мозгу»*, поскольку это исследование получило всемирное признание, как одно из фундаментальных исследований по гистологическому строению нервной системы.

В 1862 году он избран адъюнктом Академии наук, в 1863 году — экстра ординарные академики, в 1864 году — в ординарные. В 1863 году Овсянников поступил ординарным профессором физиологии и анатомии в Санкт-Петербургский университет, позднее читал анатомию, гистологию и эмбриологию, а с 1886 года — исключительно эмбриологию.

По его инициативе были созданы физиологическая лаборатория при Петербургской Академии наук в 1864 году и физиологический кабинет в Петербургском университете в 1866 году. Овсянников — один из основателей отечественной гистологии. В 1871 году он открыл главный сосудодвигательный центр и определил его локали-

зацию. Имеет труды по нервной регуляции дыхания и циркуляции крови. Ряд его работ написан по токсикологии и паразитологии. Филипп Васильевич Овсянников был редактором «Вестника естествознания» в 1890–1893-х годах. Будучи прогрессивным учёным и патриотом, он активно выступал против административно-полицейских мер, проводимых царским правительством в университетах и в Академии наук. В лаборатории Овсянникова начинали научную деятельность Иван Павлов и другие известные учёные.

Овсянников Филипп Васильевич

Ф.В. Овсянников написал исследования по физиологии и морфологии нервной системы, выявлению её роли в регуляции функций организма, и открыл наличие сосудодвигательных центров в продолговатом мозге; совместно с С.И. Чирьевым установил антагонизм физиологии, влияний симпатических и парасимпатических нервов на деятельность органов и тканей.

Филипп Васильевич Овсянников неоднократно совершал поездки за границу, работая в лабораториях и на Неаполитанской зоологиче-

ской станции. Состоял членом многих учёных организаций, получил Малую золотую медаль от Императорского Вольного экономического объединения — за рыбоводство и разведение стерлядей; серебряную медаль — на выставке рыболовства и рыбоводства в Берлине (Германия), и медаль на выставке в Лондоне.

В 1889 году Филипп Васильевич Овсянников приобрёл в селе *Заполье* собственность, создал там плодовый сад и сельскохозяйственную опытную станцию. Он хотел на практике применить те научные теории, которые он разрабатывал в ранние годы: селекция плодовых культур, сохранение почвенного климата посредством расчистки прудов, рек и каналов, борьба с вредителями садовых культур. Его фруктовый сад насчитывал около 6000 яблонь. В 1904 году на выставке в Санкт-Петербурге Ф.В. Овсянников экспонировал 55 сортов яблонь из своего сада и был удостоен золотой медали.

Филипп Овсянников умер в Заполье и был погребён возле храма Святого Георгия.

Вклад Филиппа Васильевича Овсянникова в развитие новых дисциплин отечественной медицины неоспорим, его научные темы нашли достойное развитие в трудах последователей и учеников. Благодаря разносторонней деятельности учёного в области экспериментальной физиологии, гистологии, биологии было создано новое отечественное морфофизиологическое направление исследований. Кроме этого, он остался в доброй памяти потомков и как горячий патриот своего великого государства.

ИСТОЧНИКИ:

1. *Кузьмин Михаил Кузьмич*. Академик Ф. В. Овсянников. – М., 1963.
2. *Ланге К.А.* Развитие и организация физиологической науки в СССР. – Л., 1978.
3. Овсянников Филипп Васильевич / *Голиков Ю. П.* // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

Левин Е.М.,
Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: Elevin59@gmail.com

ОСТРОВСКИЙ ЧАСОВЩИК ЗЕЛИК ЛЕВИН И ЕГО ПОТОМКИ

В середине XIX века мой прапрадед, режицкий мещанин Зелик Левин, в поисках лучшей доли покинул место проживания своей семьи и перебрался из города Режицы в Остров Псковской губернии. Режицы, находясь в составе Витебской губернии, входил в черту оседлости, Остров — нет, однако с середины XIX века евреям-ремесленникам разрешалось селиться и за чертой оседлости. Так, в списке лиц, проживающих в Великих Луках, в 1868 году значится некто Вульф Вязьменский, попавший туда «по праву ремесленника золотых и часовых дел мастерства» [1]. Зелик Левин был также часовщиком, и в 1867 году поселился в Острове вместе с младшим братом Мовшей, женой и детьми [2].

В фондах РГИА, в деле «Евреи Псковской губернии. Вне черты оседлости», сохранилась запись 1868 г. «В городе Остров проживает нас, евреев: 25 семей ремесленников, кроме подмастерий, 10 семей бессрочно отпусковых солдат и 5 семей, приписанных к г. Остров в мещанском сословии»[1].

В те годы вне черты оседлости начинают с разрешения властей возникать еврейские молитвенные дома, которые велено именовать молельнями с хозяйственным при них правлением. 5 февраля 1868 г. такое разрешение дано евреям Пскова (37 человек, не считая военных), 18 июля 1869 г. — Холма (72 чел.), 12 августа 1869 г. — Острова (40 чел) [3].

Разрешение же такое испрашивалось годами. В упомянутом уже деле «Евреи Псковской губернии. Вне черты оседлости» есть также следующая запись:

«1868 года сентября 2 дня, нижеподписавшиеся, проживающие в г. Остров еврей-ремесленники, быв сего числа приглашены в Думу, слушали представленный нам указ Псковского губернского правления от 21.08 с.г. за № 5665, о выборах из среды нашей вновь требуемых на законных (основаниях?) для разрешения нам иметь в г. Остров молитвенной школы: старосту, казначея и наставника, по выслушиванию чего и по обсуждению между собою мы свободно со всех нас согласия, (на?) вышеупомянутые должности избрали следующих лиц: наставником для разьяснения сомнений в богослужении и обрядах — ре-

жицкого мещанина Рафаила Боброва, старостою режицкого мещанина Зелика Ицькова Левина и казначеем Шимона Рихтера. Означенные выбранные нами лица способны на выполнение возлагаемых на них обязанностей, и на избрание их они сами согласны, а посему постановили: приговор этот утвердить, представить в Островскую городскую думу для представления куда следует».

Надо заметить, что староста — едва ли не самый заметный человек в синагоге. Он следит за порядком богослужения, распределяет почести (вызовы к Торе и т.д.), решает, кому где сидеть... С ним договариваются по поводу бар-мицвы или субботы жениха. Избрание 28-летнего Зелика старостою — безусловно, знак уважения и признания его заслуг.

Про предков Зелика Левина можно только догадываться. Отец его, Ицьк, предположительно жил в Режице, откуда Зелик с семьёй и перебрался в г. Остров.

Мовша (Моисей) Левин был значительно моложе (на 14 лет) старшего брата, про его дальнейшую жизнь в Острове нам ничего не известно.

Родился Зелик Левин в уездном городе Режица Витебской губернии в 1838 году, выучился на часовых дел мастера (не исключено, что профессию, как часто было в то время, он получил от отца) и переехал в Остров с женой Леей и дочерьми — пятилетней Хаей и годовалой Шейной.

Согласно сведениям из списка евреев г. Острова от 24.05.1868 г. [1], жил в доме б. Коканда ? (нрзб).

Здесь, в Острове, в семье родились: в 1869 г. — сын Иерошим, в 1871 г. — Эстер и в 1876 г. — Давид, младший сын Зелика, мой прадед.

В конце XIX века умерла жена Зелика, и он женился на Двейре Лотц из Режицы, которая была его моложе на 20 лет.

Шло время. Зелик старел, дети выросли и разъехались, и здоровье, прежде всего глаза, стали его подводить. К началу XX века работа стала в тягость. Однако жить вне черты оседлости он по-прежнему мог, только будучи ремесленником. Всё же 5 апреля 1907 года он подаёт прошение на имя министра внутренних дел Российской империи (подлинник документа сохранился в РГИА [2]).

«Его высокопревосходительству, Министру Внутренних Дел от режицкого мещанина Зелика Ицькова Левина, жительствовавшего в г. Остров Псковской губернии.

С 1864 г. я живу в г. Остров, постоянно занимаясь своим ремеслом, в настоящее время ввиду слабого зрения продолжать заниматься своим часовых дел ремеслом я лишен возможности, а потому, представляя при сём: свидетельство врача за № 66 и свидетельство Остров-

ского полицейского управления за № 191, ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством, ввиду 43х-летнего моего проживания в г. Остров и моей несудимости, применить ко мне 3 п. Высочайшего Повеления, последовавшего 23 июля 1893 г., разрешить мне дальнейшее проживание в г. Остров при занятиях не специально своим ремеслом.

Апреля 2 дня 1907 г. режицкий мещанин (подпись)».

Текст прошения написан явно не рукой Левина — скорее всего, его дочерью, подпись же — «Зелик Ицыков Левин» — сделана рукой человека, действительно страдающего глазной или иной болезнью.

К прошению приложены:

– свидетельство врача, заведующего Островской земской больницы, статского советника Коструховского № 66 от 28.03.1907 г.:

«Дано сие проживающему в г. Остров режицкому мещанину Зелику Ицыковичу Левину, имеющему 67 лет от роду, в том, что он одержим значительным ослаблением зрения в обоих глазах, вследствие начинающегося помутнения обоих хрусталиков. Вследствие означенной болезни, Зелик Ицыкович Левин, занимающийся до сих пор часовым делом ремеслом, действительно не в состоянии дальше заниматься своим ремеслом. В чём подписью и приложением печати удостоверяю. Свидетельство сие выдается Зелику Ицыковичу Левину по его личной просьбе для представления в Министерство Внутренних Дел»;

– свидетельство уездного полицейского управления № 191 от 31 марта 1907 г.:

«Дано сие из Островского уездного полицейского управления режицкому мещанину Зелику Ицыковичу Левину, живущему в г. Остров Псковской губернии, для представления господину Министру Внутренних Дел, в том, что он проживает в г. Остров 42 года, под судом и следствием не состоял и не состоит, имеет [от роду?] 68 лет, жену Двейру 48 лет и сына Ерухима, проживающего отдельно в г. Остров. Помощник исправника (подпись)».

Прошение рассмотрено в Петербурге, псковскому губернатору направлен запрос № 8643 от 9 апреля 1907 г. Запрос не сохранился, однако есть ответ на него, а именно отношение псковского губернатора № 1385 от ... мая 1907 г. в Департамент общих дел Министерства Внутренних дел:

«Режицкий мещанин Зелик Ицыков Левин 67 лет от роду, проживает в г. Остров с 1865 г., занимаясь часовым ремеслом; под судом и следствием не был и в настоящее время не состоит; поведения и нравственных качеств хороших и в неприязненных отношениях с жителями не находится. Семейство его состоит из жены Двейры 48 лет и сына Ерухима, живущего отдельно от отца.

Имея в виду, что Левин по своему возрасту через 2 года может воспользоваться льготой по 4 п. Высочайшего Повеления 21 июля 1893 г., и принимая во внимание его болезненное состояние, препятствующее дальнейшему занятию часовым ремеслом, я полагаю бы возможным, в силу Циркуляра Министерства от 6 марта 1904 г. за № 723, разрешить Левину дальнейшее жительство в г. Острове, независимо от занятий ремеслом. О вышеизложенном с возвращением прошения Левина и 2-х к нему приложений уведомляю Департамент общих дел.

Губернатор (подпись)

Вице-губернатор (подпись)

Советник (подпись)

Делопроизводитель (подпись)".

Ответ из Министерства последовал через месяц:

«Псковскому губернатору 20 мая 1907 г. МВД, Департамент общих дел. Отделение III, стол I. № 11830.

Уведомляю Ваше сиятельство, что мною рассмотрено применительно по п. 3 Высочайшего Повеления 21 июля 1893 г. [прошение?] проживающего в г. Остров режницкого мещанина еврея Зелика Ицыкова Левина дальнейшего жительства в г. Остров независимо от занятия ремеслом.

За Министра Внутренних Дел товарищ Министра (подпись)».

И вот он, результат:

«Министерство Внутренних Дел. Департамент общих дел. Отделение III, стол I. 20 мая 1907 г. № 11848. Проживающему в г. Острове, Псковской губернии режницкому мещанину еврею Зелику Ицыкову Левину.

На поданное прошение, сим объявляется, что Министерством Внутренних Дел разрешено ему применительно к п. 3 высочайшего повеления 21 июля 1893 г. дальнейшее жительство в г. Остров вне зависимости от занятий ремеслом, о чем сообщено Псковскому губернатору, для зависящих распоряжений.

Директор (подпись)

Начальник отделения (подпись)».

Прожил Зелик Левик довольно долгую жизнь, умерев в Острове в 20-х годах XX века.

По-разному сложилась судьба его детей.

Хая Левина вышла замуж за Хлавна Гефтера, двинского мещанина, проживавшего в г. Режица. В период 1889–1901 гг. у них родилось 6 детей — 3 мальчика и 3 девочки. По воспоминаниям детей, семья жила бедно, Хлавн занимался мелкой торговлей. В 1907 г. с помощью дальней родни семья переехала в г. Симбирск. Здесь их жизнь наладилась, они купили дом и дачу, смогли дать всем детям образование

(в том числе девочкам, о чём очень настаивала Хая). В турбулентные 1920-е гг. их дом в Симбирске был пристанищем для детей. Однако в 1930-х гг. дом был либо продан, либо отобран. Последние годы жизни Хая доживала в Ленинграде у младшей дочери и умерла в 1936 году. Её муж Хлавн умер несколькими неделями позже в Москве у средней дочери. К сожалению, все трое сыновей Хаи — Давид, Илья и Моисей — погибли во время Великой Отечественной войны. Её дочери — Берта, Двейра и Лея — прожили долгую жизнь и умерли в 1970-х гг. Потомки Двейры, Леи и Моисея живут сейчас по всему миру.

О судьбе Шейны Левиной есть только предположительная информация. Некая Шейна Зеликовна Левин (1865 г.р.) погибла в январе 1942 во время блокады Ленинграда. Достоверных подтверждений родства с Зеликом нет, но имя-отчество и дата рождения совпадают.

О судьбе Эстер Левиной нам неизвестно ничего.

Семья Левиных. Фотография. начало XX века

Иерохим Левин вырос в Острове и стал — так же, как отец, — часовщиком. Он был дважды женат, родил сына (который умер в младенчестве), и сведения о нём прослеживаются до 1907 года.

К сожалению, хоть и по понятным причинам, с тех времён сохранилось очень мало фотографий. Собственно, фотография семьи Зелика в Острове всего одна: на ней в центре стоит Давид; левее, вероятно, Иерохим. Пожилой человек в ермолке в первом ряду, очевидно, — сам глава семьи Зелик Левин.

К этому же периоду времени относится фотография Давида Левина, сделанная в фотостудии г. Великие Луки.

Давид Левин. Фотография до 1905 г. (Великие Луки)

Давид Левин — младший сын Зелика, родился и до конца XIX века, жил в Острове, став по профессии часовщиком, как его отец и старший брат.

Был трижды женат, первых двух жён брал из Режицы: Двейра, а позже и Ривка — с ними он развёлся ещёв молодости.

В начале XX века Давид переезжает в Санкт-Петербург и в 1905 г. женится третьим браком на чаусской мещанке, вдове Пае Шифриной, и в приданое получает часовую лавку в столице по адресу Суворовский пр., д. 69 — сейчас на этом месте построено здание Правительства Ленинградской области.

У Паи Шифриной к тому времени была уже дочь Вера четырёх лет. В 1907 году родился сын Давида Соломон, мой дед, а через два года — младшая сестра Лея. Давид работал в часовом магазине, с 1905 г. он записан его владельцем, Пая была домохозяйкой.

Сохранилась фотография детей Давида, сделанная в Санкт-Петербурге около 1913 г., и фотография самого Давида, владельца часового магазина.

Вера, Соломон и Лея Левины. Санкт-Петербург. ок. 1913 г.

После революции, очевидно, спасаясь от голода, вся семья на короткий период возвращается в Остров, но где живут, узнать мне не удалось. В начале 20-х гг. Левины возвращаются в Ленинград. Давид Левин предпринимает ещё попытку уехать в Ригу (1924—26 гг.), с женой и младшей дочерью Леей. Взрослая Вера, к тому времени уже вышедшая замуж, и Соломон остаются в Ленинграде. В 1926 г. родители

возвращаются в Ленинград, Лея остаётся в Латвии, где участвует в рабочем движении, попадает в Рижскую тюрьму и после освобождения возвращается в СССР, в Москву.

Давид Левин в дальнейшем жил в Ленинграде, где скончался около 1940 года. Свою наследственную профессию часовщика он сыну не передал и, наверное, к лучшему.

Давид Левин.
Санкт-Петербург. ок. 1913 г.

Давид Левин.
Санкт-Петербург. 1930-е гг.

Сын Давида Соломон Левин рисовать начал в школе. Не только сам любил рисовать, но увлекал и других ребят, организовал школьный кружок рисования. Занимался декоративным оформлением школьных вечеров. Позднее рисовал в группе учеников театрального художника (художника ленинградского ТЮЗа) Григорьева Михаила Александровича. В 1928 г. окончил 2 курса Ленинградского государственного Художественно-промышленного техникума. Работал зав. монтажной частью театра «Пионер» (приходилось быть и художником, и постановщиком, и костюмером). В 1930 г. руководил кружком рисования в городском Доме детской культуры КУЖДа (Комиссии улучшения жизни детей), являлся «зам. начальника штаба при Обкоме ВЛКСМ по борьбе в прорывами промфинплана всеми видами искусств». Летом

были организованы занятия в саду Дворца Юсуповых — любой мог прийти на эти занятия. За столиками, расставленными на площадке парадной лестницы Юсуповского дворца, рассаживалось человек 80 детворы. Успевали только раздавать листы бумаги, поминутно ломавшиеся карандаши. В 1930–1932 гг. работал в качестве научного сотрудника в Ленинградском отделении Государственного Научно-экспериментального института гражданских, промышленных и инженерных сооружений. В те же годы — инструктор ИЗО в институте Восстановления трудоспособности физически — дефективных детей им. проф. Г.И. Турнера. Руководители Института в занятиях искусством видели компенсацию для искалеченных детей. Пробовались новые методы в направлении создания коллективных больших работ (подобно композициям Фаворского). Выпускали нечто вроде «Окон РОСТА» на темы политические, международные и подсмотренные в своей жизни. Рисовали коллективно на больших листах композиции об Октябрьской революции, вмещая в одну картину разные эпизоды: митинг, летящие по воздуху листовки, продажу большевистских газет, приезд Ленина в Петроград, раздачу оружия красногвардейцам, штурм Зимнего, провозглашение власти Советов. Было в этих работах что-то навеянное фресками мексиканских художников и опытами советских монументалистов того времени. Делали панно во всю торцевую стену зала. Панно было в то же время стеной газетой, чётко расчленённое горизонтальными полосами, посвящённое политическим событиям и жизни института. К 1 Мая оформили все пролёты лестницы шестизэтажного дома как праздничную улицу. Тема «Мы и они» (они — это мировая буржуазия, задыхающаяся в тисках экономического кризиса). По лестнице прошла праздничная демонстрация воспитанников во главе с врачами, сёстрами, педагогами. С 12.02.1932 г. работал в Методическом кабинете изобразительного искусства Ленинградского Дома художественного воспитания детей — это был методический центр школьной и внешкольной работы с детьми по искусству. Работая в кабинете, поддерживал тесную связь с Центральным Домом художественного воспитания детей им. Бубнова, находящемся в Москве. Принимал непосредственное участие в его работе, а затем в работе Института художественного воспитания АПН РСФСР. Был членом методсовета. В течение всех лет являлся активным участником методических всероссийских конференций художников-педагогов и научных сессий, организуемых ЦДХВД и затем Институтом, участвовал в разработке и рецензировании методических пособий, всесоюзных выставок детских рисунков. В 1936 г. Ленинградский Дом художественного воспитания

детей был преобразован во Дворец Пионеров. В 1937 г. — официальное открытие Ленинградского Дворца Пионеров. С.Д. Левин работал в нём до середины семидесятых годов XX века в качестве заведующего Изостудии. Фактически Соломон Левин создал методiku преподавания детского рисунка в Ленинграде.

Соломон Левин — участник Финской (1939–1940 гг.) и Великой Отечественной войн (1941–1945 гг.). Демобилизован был в октябре 1945 г. Но с разрешения командования преподавать во Дворце Пионеров стал ещё в 1944 г. (Дворец начал функционировать с весны 1942 г.)

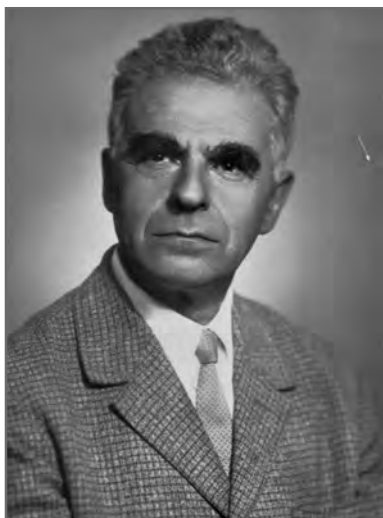
Соломон Левин. 1920-е гг.

Соломон Левин. 1941 г.

В 1949 г. С.Д. Левин окончил Академию Художеств, искусствоведческий факультет, защитив дипломную работу по теме «Художественное воспитание в школе». 25 лет С.Д. Левин руководил активом воспитателей детских садов г. Ленинграда при городском Методическом кабинете дошкольного воспитания. Он организовал и много лет руководил методическим объединением педагогов кружков рисования в Домах и Дворце Пионеров.

В 1969 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР С.Д. Левину присвоено почётное звание Заслуженного учителя школы.

Соломон Левин. 1960-е гг.

Почти ежегодно (более 20 лет) С.Д. Левин выезжал со своими воспитанниками на этюды в разные районы страны. Организовывал путешествия и творческие лагеря, в которых творческая практика соединялась с изучением родной страны, её прошлого и искусства.

С.Д. Левин опубликовал несколько десятков статей в художественных журналах и сборниках, ряд брошюр и книг по вопросам художественного воспитания; им прочитано много докладов на всесоюзных конференциях педагогов. С.Д. Левин является составителем сборника «Юный художник» 1961 г. и автором более половины всех статей; участвовал в сборнике «Юный художник» 1964 г.; им написаны статьи в журналах «Искусство», «Художник», «Детская литература», «Нева» и др.

Во Дворце Пионеров С.Д. Левин работал до 1976 года. Вынужден был оставить работу в связи с болезнью. Однако он продолжал принимать самое активное участие в работе семинара актива воспитателей детских садов, давал консультации своим бывшим ученикам. Занимался живописью, писал книги. В 1979 г. в издательстве «Советский художник» вышла книга «Ваш ребёнок рисует», в 1988 г. — двухтомная «Беседы с юным художником».

Всего учеников у С.Д. Левина было около двух тысяч. Профессиональными художниками, архитекторами, педагогами стали несколько сот человек. Многие талантливые дети по самым разным причинам не реализовались как художники — они избрали другие специальности, но остались людьми творческими. Соломон Левин был не только педагогом «с большой буквы», но и талантливым художником. В 1987 г. в Кофейном домике Летнего сада прошла персональная выставка «Живопись С.Д. Левина».

Умер С.Д. Левин в 1990 году. С тех пор в Петербурге прошло ещё 6 выставок его живописных и графических работ.

Говоря о Соломоне Левине и его отношении к Острову и, шире, к Псковской губернии, нельзя не упомянуть того, что в 1931 году он женился на Наталии Тиме, дочери Эдуарда Тиме, основавшего в селе Захино под Опочкой первую в Псковской губернии электростанцию и турбиностроительный завод, поставлявший турбины для мельниц. Интересно, что младший брат его и совладелец завода Альберт Тиме в начале XX века был командирован опочечким земством для закупки автобусов, предназначенных для пассажирских перевозок между Опочкой и Островом (до этого между городами ходили дилижансы). Закупленные автобусы имели вид больших колымаг с колёсами, окантованными толстой сплошной резиной и с узенькими дверцами в задней стенке кузова, в который пассажирам нужно было залезать по маленькой лесенке, а внутри по бокам были укреплены две скамейки, сидя на которых пассажиры чувствовали сильную тряску.

Сохранился проспект изделий турбиностроительного завода Тиме, напечатанный в начале XX века в типографии Фуфаевой, г. Остров. До Первой мировой войны было выпущено и установлено более 600 турбин, в том числе около десяти в Островском уезде, две из которых — в самом г. Острове, на мельницах Штилинга и Подмошенского.

Но это уже другая история...

ИСТОЧНИКИ:

1. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 39, д. 44.
2. РГИА, ф. 1284, оп. 224, д. 167.

Пуусепп Л.В.,
г. Пайде, Эстонская Республика
e-mail: ljudmila.puusepp@gmail.com

СУДЬБА ЛЮДЕЙ ИЗ СТАРОГО МАМИНОГО АЛЬБОМА

Как бы мне хотелось оказаться на Псковской земле, в городе Острове, мимо которого я проезжала десятки раз, направляясь к Пушкину в Михайловское. Всего один раз мне довелось побывать в этом городе в 2012 году с сыном и внучкой, путешествуя по дорожке для меня Псковской земле. В Остров заехали целенаправленно: я с детства знала, что одна ветвь нашей семьи именно оттуда. У нас хранится одна удивительная незаконченная вышивка моей прапрабабушки, умершей при родах моей прабабушки Стехновской Александры Васильевны. Ни имени, ни дат её жизни не знаю. Правда, мама говорила, что она дворянского рода, умерла через год после замужества. Мы побродили по городу, фотографировались на мосту, думая, что, к сожалению, я так ничего и не узнаю о своих предках. К тому времени уже не было в живых никого, у кого можно было что-то узнать. Недавно вычитала где-то фразу, имеющую непосредственное отношение и ко мне: «Молодость легкомысленна и эгоистична, мне не было дело до моей родни». Теперь я стала старше и, надеюсь, мудрее. Меня волнует судьба людей, которых я никогда не видела, рассказы о которых слушала без внимания. А ведь сколько вопросов задала бы я сейчас своей бабушке Селюгиной Серафиме Васильевне, которая умерла в 1976 году, когда мне было 32 года! Но тогда меня это не волновало. Да и говорили о прошлом не очень много: ведь отец бабушки был в 1927 г. арестован и сослан в Сибирь; брат как белогвардеец тоже оказался в Сибири; моим крёстным был брат Иоанна Булина, настоятеля Печорского монастыря, расстрелянного в 1941 году...

Казалось, потеряна последняя надежда узнать что-то о людях, с которыми я связана кровным родством. Но судьба была ко мне благосклонна. Со всех сторон посыпались разные знаки, заставившие меня серьёзно заняться поисками. Тем более, что в 2012 г. мне передали большой конверт с фотографиями моего прапрадеда, его детей от второй жены и их потомков.

Спасибо Интернету — как много тайн хранит он! Из Книги Памяти жертв политических репрессий Псковской области узнала, что Стехновский Василий Иванович, 1866 г.р., уроженец г. Пскова, священник Бобьяковской церкви, арестован 10 июня 1927 г., осуждён ОС при

коллегии ОГПУ 2 декабря 1927 г. по ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР на 3 года высылки в Сибирь. Реабилитирован 22 апреля 1993 г. (Псков, КП-1).

В 2016 г. написала в Прокуратуру Псковской области — получила справку о реабилитации и уже летом 2017 г. держала в руках дело своего прадеда, копию которого мне позже даже прислали.

Когда вышел сборник статей Шестых Псковских региональных краеведческих чтений, в которых и я участвовала, обнаружила доклад А.П. Векшина «Галерея портретов преподавателей и выпускников Псковской Учительской семинарии 1901 года», который, к сожалению, не слышала. Он выступал в другой секции. И тут среди портретов преподавателей увидела и портрет своего прадеда и подтверждение того, что он действительно был педагогом. А главное: обнаружила очень полезный для моих поисков источник — Памятные книжки.

Было с чего начинать работу в архиве. Появилась надежда узнать что-то ещё. Благодаря этим книжкам я нашла некоторые сведения и о своём прапрадеде Пацевиче Василии Кузьмиче.

Хочется поделиться некоторыми сведениями. Начну с рассказа о своей любимой бабушке: она — одна из тех немногих, с кем мне посчастливилось общаться. Селюгина Серафима Васильевна, в девичестве Стехновская (01.07.1889–10.10.1976). Родилась она в Пскове в семье преподавателя Учительской семинарии. Не знаю, какое образование она получила, но работать, по словам моей мамы, она начала в 17 лет. Памятная книжка 1913–1914 г. говорит, что в это время она работала в Томосовогорской земской школе Слободской волости, — знаю, что и в других школах Печорского уезда, как она говорила, полуверских, т.е. сетуских. Всегда с теплотой вспоминала, как относились к ней, молодой учительнице: и воду принесут, и дров натаскают... Вероятно, в эти годы она и познакомилась со своим будущим мужем, Селюгиным Иваном Тимофеевичем (27.05.1886–07.08.1926), который работал в той же Слободской волости. В 1909–10 гг. — в деревне Большая Кулиска; в 1911–12 — в Селищенской земской школе в деревне Большие Узеницы, а в 1913–14 г. был директором Лыбовской (теперь Выпусской) школы той же Слободской волости. Это всё я узнала из памятных книжек. Никаких документов у меня нет: их в своё время передал тому Русскому музею в Таллинне, материалы которого куда-то исчезли, мамин брат, их сын. У меня хранится только один альбом с фотографиями семьи Стехновских-Селюгиных.

Иван Тимофеевич был родом из деревни Рагозино, что под Печорами. Вырос в многодетной крестьянской семье (родилось 9 детей — выжило только 4), где ценилось образование: только старшая дочь

Селюгина (Стехновская)
Серафима Васильевна

Селюгин Иван Тимофеевич

Мария не получила образования, а трое остальных закончили земскую школу, позже продолжали учиться; двое стали учителями. В некоторых документах указано, что дед закончил Учительскую семинарию, но подтверждающих это документов я не нашла. Не ясно всё и относительно его воинской службы. Есть его фото в военной форме, но год не указан, на паспорту сказано, что она сделана в фотографии Цатлина в Тамбове. Обвенчались в 1913 г., по маминим словам, в тюремной церкви, — мне это всегда казалось странным. Видимо, дед бабушки имел к этой церкви какое-то отношение.

Молодая семья обосновалась в Печорах. 23 октября 1914 г. родилась моя мама, Селюгина Нина Ивановна. Так получилось, что и её, и моё рождение (в 1944) пришлось на тяжёлые военные годы. В не менее тревожное время, 24 ноября 1918-го, родился их сын Арсений Иванович Селюгин. А потом был 1920-й — год Тартуского мира, по которому новая граница пролегла между Псковом и Печорами, которые стали эстонским городом Петсери. Для нашей семьи это стало трагедией — бабушка больше не встречалась со своими родными.

И дедушка, и бабушка продолжали работать в школах. Оба активно занимались общественной работой. Дедушка, как пишет Эстонский

биографический словарь, — «общественный и политический деятель. Избран членом правления Союза русских просветительных и благотворительных обществ Эстонии (1923–1926). Член Печорского русского учительского союза, член Печорского русского просветительного общества (1922–1926) и член Рийгикогу 2 созыва (1923–1926). Был устроителем Дня русского просвещения в Петсери (1925) и учредителем Русской социалистической рабочей партии (1926)». Будучи депутатом Рийгикогу, занимался проблемами русскоязычного населения; большое внимание обращал на трудности овладения государственным (эстонским) языком учителями, загруженными основной работой. Старожил Печор, друг моего отца Николай Павлович Златинский на страницах газеты «Печорская правда» от 21.07.1990 писал: «Колоритной фигурой на фоне городской жизни являлся отец города, как его называли, Иван Тимофеевич... Ясно помню, что сравнительно за короткое время он привёл захолустный пригород Пскова в благоустроенный город Печоры. Иван Тимофеевич не был чиновником, а горел на работе и не щадил ни себя, ни своего времени...». Скорее всего, он преувеличивал заслуги моего деда, но читать об этом всё равно приятно. Надеюсь, доля истины в этом всё-таки была. А его сестра Александра вспоминала: «Ваня умер молодым. В 39 лет. На покосе ногу порезал, вовремя не захватили. И умер. Хоронили его в будни. И тот городок, Печоры, лавочки закрыл. Все ушли его проводить. Студенты почётный караул держали. И мужики из своей деревни приходили и из ближних деревень. В землю кланялись. Прощались. И шло за гробом столько народу, как в крестный ход». Газета «Последние известия» от 14 августа 1926 г. писала: «Над опущенным в могилу гробом было произнесено много речей, в которых покойный был охарактеризован как честный борец за демократию и проводник культуры в деревню. В частной же жизни — как добрый и жизнерадостный человек». А на венке, возложенном Печорским русским обществом просвещения, были слова «Безвременно сошедшему с нивы народной». Были тёплые отзывы и в эстонской прессе. Но были и далеко не лестные отзывы о нём. Пётр Богданов резко критиковал деятельность не только Ивана Тимофеевича, но всей русской фракции Рийгикогу, но 19 августа 26 г. он записал в своём дневнике: «10.08 скончался И.Т. Селюгин, крестьянин деревни Рагозино, депутат Riigikogu второго созыва. Совсем ещё молодой. Нелепая смерть. Мир праху твоему, Иван Тимофеевич!».

Бабушкина недолгая счастливая жизнь закончилась. Она овдовела в 37 лет. Когда я овдовела в 42 года, все успокаивали меня: смотри на бабушку — пережила и живёт. Теперь я понимаю, что мне было

даже легче. Не было проблем с работой, была и есть своя квартира, а у неё этого не было. Продолжала работать, хотя постоянной работы у неё не было. Она ведь не знала эстонского языка. Как-то получилось, что и пособия по потере кормильца она не получала. Было очень трудно. Но общественную деятельность не бросала. Работала в библиотеке, была суфлёром в любительских спектаклях, членом подготовительного комитета Дня русского просвещения и певческого праздника в Печорах в 1939 г. С 1941-го она не работала, после освобождения Печор с семьёй сына переехала

Стехновская (Пацевич)
Александра Васильевна. 1915

сначала в Пярну, потом в Таллинн, где прожила около 30 лет. И сын, и невестка тоже были учителями — она помогала растить внуков, их сыновей, а к нам в Выру приезжала только на каникулах. В Таллинне у неё было много подруг ещё по Пскову и Печорам, двоюродные брат и сестра Ждановы, она активно со всеми общалась. Любила театр. Умерла на 88 году в Выру, а похоронена в Печорах в одной могиле с мужем, которого пережила на 50 лет.

О своей прабабушке Стехновской (Пацевич) Александре Васильевне я бы могла многое узнать, расспросив бабушку. Предполагаю, что она родилась в г. Острове в 1865 или 1866 г. В деле Василия Ивановича сказано, что им обоим в 1927 г. было по 62 года. Больше никаких сведений о ней я там не нашла. В мамином альбоме было три фотографии с нею. Один портрет и 2 семейных. Видно, что она маленького роста (как и моя мама), кругленькая, очень скромная. Вот и всё, что мне о ней известно. Представляю, сколько всего ей пришлось пережить: арест мужа в 1927 г., разлуку со всеми детьми. В последний раз, судя по фотографии, семья была в полном составе в 1915 г. Фото подписано моей мамой: «Виктора провожают на фронт». По-видимому, и бабушка, жившая в это время в Печорах, специально по этому поводу приезжала в Псков. И всё. Больше никогда они не были вместе. Считалось, что он погиб в Первую мировую войну. Судя по другой фотографии, он

был моложе сестры Серафимы года на два. Тут мне неожиданно повезло. На сайте «История российской благотворительности» нашла среди благотворителей не только имя прадеда, но и рядом с ним имя Стехновского Виктора Васильевича, родившегося 30 августа 1891 г. Ушёл на фронт молодым. Из дела Василия Стехновского удалось узнать ещё кое-что. К делу были приложены 2 фотографии: одна, где он в той же форме, в которой его провожали, подписана: «Дорогим родителям на долгую память от сына. Вспоминайте, как можно, больше и чаще. Любимый сын Ваш Виктор. 19.11.1915 года в 5 час. вечера г. Николаевск». И другая. В другой форме. Без всяких пояснений. А ещё к делу были приложены два его письма. Оба написаны в 1926 или в 1927 г., пишет он неразборчиво, так что некоторые места я так и не смогла расшифровать. Но главное вполне понятно.

«Дела мои плохи... Уже скоро год, как я подал заявление о снятии меня с учёта. До сих пор нет ответа. Находимся в настоящее время хуже, чем ссыльные. Ссыльные, которые высланы в Красноярск и вообще в Сибирь, имеют больше преимуществ где-либо устроиться. А нам на 10 году сов. власти как лишённым прав запрещают». Просит отца написать Калинин, напомнив, что заявление согласно приказу о снятии с учёта бывших офицеров подано в десятых числах апреля 1926 года. Из этого письма понятно, что в Красноярске он оказался, будучи в германском плену.

«Я и жена Дуся... живы и здоровы. У неё тоже нет определённой работы. Я готов что угодно делать, лишь бы не умереть с голоду». Во втором письме указано только то, что оно написано 9 мая по новому стилю без указания года. Его невозможно читать — сердце сжимается от боли... Пишет о своих безуспешных попытках устроиться на какую-нибудь работу. Что-то нашёл в Ачинске, но там требуется залог 200–300 рублей, которых у него нет. Жалуется, что письма от родных, по которым он очень скучает, плохо до него доходят. В конце письма указан адрес: Красноярск, ул. Урицкого 128–65. Ещё более трагична приписка к письму, сделанная его женой. Она пишет о болезнях, трудностях, голоде и, как о пути выхода из этой ситуации, самоубийстве, прося прощения и благословения у родителей на это. Даже не знаю, это та же сестра милосердия из Пскова, о которой говорила мне мама, или какая-то другая женщина, разделившая с ним тяготы красноярской жизни. Бабушка, вероятно, даже не знала об этих письмах, потому что всегда говорили, что он погиб на фронтах Гражданской войны.

Семён Стехновский, 1915

Виктор Стехновский, 1915

В деле была и фотография Семёна, младшего брата бабушки, в сценическом образе, посланная из Ковно 24.01.26. О нём я знала чуть больше. До начала 40-х годов он жил в Риге, куда бабушка с детьми ездила к нему в гости в марте 1936 г. Из протокола допроса Василия Ивановича узнала, что в Латвию он попал, будучи «на военной службе в старой армии в должности заведующего какого-то отдела». Совершенно случайно в одной из книг об Игоре Северяnine Михаила Петрова наткнулась на запись о выступлении поэта в театре «Тагон» в Риге 9 ноября 1927 г. «Добросовестно поддерживали оживлённый ансамбль Катенев и Славский». О том, что Семён Васильевич выступал под псевдонимом «Славский», я уже знала, потому что в мамином альбоме было две его фотографии. Одна тоже из Литвы с надписью: «Литва, Ковно 10.11.1922. Дорогой сестре Симе от брата Сени. Не забывай про странствующего брата. Стехновский С.В. (артист Славский)». На второй — уже солидный мужчина. «Дорогой сестре после 20-летнего перерыва. Симе от Сени. 29.03.1936». После войны 1941–45 гг. Семён пропал окончательно. Поскольку фотографии сыновей находятся в деле — значит, их забрали у прабабушки, и так потерявшей всех дорогих ей людей.

Стехновский Василий Иванович

Супруги Стехновские

Семья Стехновских, 1915

Гораздо больше из разных документов я узнала о своём прадеде Стехновском Василии Ивановиче. Прежде всего, из Дела АА-4133 № 297, заведённого Псковским Губотделом ОГПУ. До этого мама часто вспоминала о своём дедушке, которого запомнила 4–6-летним ребёнком. Каждый раз, когда мы приезжали в Печоры (точнее, в Рагозино), она указывала на деревья, посаженные им до 1920 г., которые пережили морозы 1940 года и продолжали плодоносить долгие годы.

Теперь я знаю его рост, возраст, причину ареста, как он выглядел на судебных документах, но не знаю, каким он был человеком, как и когда закончилась его жизнь, где он похоронен. Зато из протоколов допросов узнала, что в 1927 г. ему было 62 года. Он родился в январе 1866 г. в Пскове. У него было 3 сестры. Ираида (в протоколе написано Ераида) 50 лет, она со своей дочерью Сирафимой (так в протоколе) жила в то время в деревне Бобьяково. Так обидно, что анкета заполнена каким-то не очень грамотным человеком и, как мне кажется, очень небрежно, поэтому полных достоверных сведений нет. Ещё 2 сестры, Фаина и Александра, и брат Дмитрий проживали в это время на станции Званка. Меня заинтересовало это название. Оказывается, станция сооружена в 1904 г. в период прокладки железной дороги Санкт-Петербург — Вологда. В 1933 г. посёлку Званка присвоили название г. Волховстрой. Дмитрий служил машинистом на железной дороге, сёстры были домохозяйками. Как и когда они туда попали, не известно.

Указан и рост подследственного — 1м 72 см. Он арестован на дому в деревне Бобьяково Палкинской волости. Учительствовал до

1921 года, с этого же года стал священником Бобьяковской церкви. Во время ареста всё его имущество составляла квартирная обстановка. Там же сказано, что он закончил учительскую семинарию (в архиве подтверждения не нашла) и сельскохозяйственные курсы в Москве. В учительской семинарии он преподавал садоводство и огородничество. Судя по отчётам семинарии за 1901–1903 гг., которые мне удалось полистать, уроков у него было немного (4). В Памятной книжке за 1913–14 гг. указывалось, что он преподавал и в Министерском 1-м приходском училище. Из книжки 1907 г. явствует, что он состоял в попечительском совете Мариинской женской гимназии, где тоже какое-то время преподавал. Возможно, бабушка Серафима училась там. В одном из отчётов указано, что в семинарии он начал преподавать с 15 янв. 1901 г. Подтверждение его работы там заканчивается 1914 годом. Хотя в исторической справке указывается, что учителем садоводства и огородничества уже был И.В. Мионов. Дальше никаких справок я не нашла — допускаю, что в это беспокойное время многие документы были утеряны. Из тех же Памятных книжек мне известно, что он был членом отдела Императорского русского общества садоводства, которое располагалась в Поганкиных палатах, а также входил и в Общество любителей музыкально-драматического искусства. В 1905–06 гг. он был в чине коллежского регистратора, а в 1909–1910 гг. — губернским секретарём. По какой причине в 1921 году он оставил педагогическую деятельность и стал священником в период гонения на церковь? Служение он начал в Бобьяковской церкви. Эта деревянная церковь Святых отцов Онуфрия Великого и Петра Афонского (1867), перенесённая из деревни Долбижицы и сожжённая немцами в 1944 году. Мне опять повезло: одна добрая знакомая организовала мне поездку в Бобьяково. Летом 2018 г. я побывала там (это между Палкином и Старым Изборском), постояла на месте, где когда-то была церковь; возможно, где-то поблизости был и дом священника, но... Побродила по кладбищу, на нём много старых могил, но они все безымянные. Эти два этапа его жизни отразились в фотопортретах: на одном — молодой учитель с книгой, на другом — убелённый сединами священник. Возможно, желаю покинуть преподавательскую деятельность способствовало его духовное происхождение: в списках священнослужителей Псковской епархии фамилия Стехновский встречается неоднократно. А потом был третий этап его жизни. 15 июня 1927 был обыск. 16 июня было решено, что «его пребывание на свободе может вредно отразиться на производстве следствия». Только 28 июня поступило постановление о том, что необходим обыск с целью обнаружения переписки

и предметов, «изобличающих его в нелегальной связи с границей и в антисоветской агитации», и арест. Получается, что он арестован до получения обвинительных документов. Того же 16 июня после допроса было решено, что он «достаточно изобличается в шпионаже и антисоветской агитации», о чём ему объявили 18 июня. При допросе выяснилось, что Василий Иванович за 6 лет находился под следствием 4 раза: 1-й раз — в декабре 1922 г. за контрреволюционную агитацию, освобождён через 2 месяца; 2-й раз был наказан за неправильное богослужение; в другом документе отмечалось, что он обвинялся и в организации крестного хода, за это отделался штрафом в 50 руб. Третье дело о преподавании Закона Божия было прекращено. И вот теперь 4-е дело, по которому он обвинялся в критике советских законов — в частности, несправедливого налогового обложения и в контрабанде, и в связях с границей. Он себя виновным не признавал. Как не пытаться связаться с границей, если у тебя дочь в Эстонии, сын то в Литве, то в Латвии?! Свою роль, видимо, сыграл и сын Виктор, белый офицер. В своём оправдании он ссылается на то, что действительно в разговорах с крестьянами своего прихода не раз говорил о неправильном, по его мнению, обложении налогом его прихода. А связь с контрабандой спиртом — это дело, по-моему, больше надуманное. Что касается спирта, действительно выпивал в той компании, которая обвинялась в его контрабанде. Не верится, что он, человек почтенного возраста и определённых моральных устоев, мог этим заниматься. Смущает и разница в возрасте участников этой группы. Остальные значительно моложе его (20, 24, 43, 46 лет). В особо секретных документах, копии которых мне не прислали, отмечалось активное участие в кружке Яковлева, который занимался переправкой людей за границу.

Обвинение, ему предъявленное, таково:

Стехновский Василий Иванович, 62 лет, русский, подд. СССР, происх. Из духовного звания, уроженец Пскова, местож. Бобьяково Палкинской вол., ПСК.У. Священник, беспартийный, грамотный, окончил учительскую семинарию, состоял под следствием 3 раза, обвинялся в контрреволюции, неправильном богослужении и преподавании Закона Божия, в антисоветской агитации. Т.е. пр. ст. ст. 16–58 ч. 13. На основании этого постановили: выслать через ПП ОГПУ сроком на 3 года, считая с 30.6.27. Согласно амнистии от 6.11.27 г. срок наказания сократить на одну четверть. Не помогли ни прошение Василия Ивановича на имя начальника ОГПУ с указанием того, что врачебно-контрольная комиссия признала его совершенно больным и дала заключение освободить его из-под стражи. Ни трогательный Обще-

ственный приговор крестьян Гнилицкого сельсовета, в котором есть такие слова: «В.И. Стехновский является... нравственным, любящим крестьян и отдающим весь свой опыт и знания для более успешного ведения сельского хозяйства, не отказывающий ни в совете, ни в помощи, такой человек в корне не может быть неблагонадёжным».

Приговор суда был исполнен. Он не имел права после освобождения жить в Москве, Ленинграде и в приграничных местах, но далее следы теряются до реабилитации 22.04.1993. Правда, в каких-то не очень серьёзных справках нашла такие записи: 09.10 (год не записала, но, видимо, 1929) от ссылки освобождён и выбыл к месту жительства в г. Саратов, а 01.11 — в Канск, 06.11 — в Новосибирск. Очень быстрые перемещения. Возможно, стремился поближе к сыну Виктору. О его жизни после 1929 г. я ничего не узнала. Вероятно, это и невозможно. Но теперь я, по крайней мере, знаю кое-что о жизни ДО.

Мне трудно сказать, кто из тех Стехновских, которые упоминаются в разных документах, мною пролистанных, был его отцом. Один из них, Стехновский Иоанн, — уроженец Пскова, служивший в Димитровской церкви (даты не указаны). Или это Стехновский Иоанн, псаломщик — диакон, служивший в Псковском узде п. Колбижицы, осуждён в 1927 г.? А, может, это одно лицо? Есть ещё Стехновский Иван Иванович, часто упоминающийся в Памятных книжках (с 1889 по 1912), — надворный советник, служащий Духовной консистории на разных должностях, член Псковского ссудно-сберегательного товарищества, в 1908–1909 гг., член родительского комитета при Псковской губернской гимназии, проживающий в собственном доме у Дмитровского кладбища.

Мама вспоминала, что жену моего прапрадеда звали Лидия и в семье было много детей (в деле упоминаются 5). Это всё, что мне удалось узнать о семье Стехновских.

Моя прапрабабушка Пацевич... умерла при родах около 1865–66 года, пока о ней ничего больше не знаю. А прапрадед, Василий Кузьмич Пацевич, женился вторично на... От этого брака у него было 3 дочери. Екатерина Васильевна (08.03.1885–1922) родилась в г. Острове, умерла в Таллинне. Вышла замуж за Фёдора Дмитриевича Жданова, машиниста царского поезда, как говорила моя мама. У них родились дети: сын Вячеслав и дочь Галина. Жили в Пскове. В 1919 переехали в Нарву, а позже — в Таллинн. Екатерина Васильевна рано умерла. А Фёдор, Галина и Вячеслав постоянно жили в Таллинне. С ними я была знакома, бывала в гостях, переписывалась, особенно с Галиной, но никогда не возникло желания расспросить о наших общих родных. Сёстры Екатерины — Евгения Васильевна

Пацевич Василий Кузьмич

Пацевич В.К. со второй супругой

(12.12.1888–24.10.1972) и Мария Васильевна (1887?–10.10. 06.1963). Эти свидетельства мне посчастливилось получить в Печорском ЗАГ-Се. До 1944 года они оставались в Пскове. Их так и звали «Псковские тётки». В псковской переписи за 1917 г. случайно наткнулась на следующую запись: «Пацевич Евгения Васильевна 28 лет, проживающая на улице Гоголевской 27»... Уверена, что речь идёт именно о ней. Мама говорила, что Мария была сестрой милосердия. В архиве я нашла этому подтверждение. В списках Псковской Алексеевской общины сказано, что Пацевич Мария Васильевна 25 сентября 1914 г. направлена в Псковский тыловой сортировочный госпиталь, временно работает на перевязке. Перебирая материалы, нашла много интересного. В частности, Воззвание баронессы Татьяны Ивановны Медем (супруги губернатора). Привожу некоторые строки из него: «В недалёком будущем во Псков, как и в другие города, будут доставлены первые жертвы войны, раненые воины... Необходимо облегчить страдания героев, ускорить их полное выздоровление. Алексеевская община приступила к устройству госпиталя..., могущего принять всех больных с санитарного поезда, т.е. на 252 кровати... Поспешите же с добрым делом, добрые люди, не пропуская ни одного дня, и ни одного часа, уведомь-

те, кто может принять на себя содержание одного или нескольких больных». Возможно, и Марию Васильевну затронуло это страстное обращение и заставило совершить поступок — стать сестрой милосердия, одной из 92, перечисленных в списке.

Сёстры Пацевич: Евгения, Мария, Екатерина

О самом Василии Кузьмиче сведений побольше. Есть две фотографии. На одной он один в парадном мундире с наградами, ещё молодой, а на второй тоже мундире, но значительно постаревший, со второй женой. В Памятных книжках на его имя наткнулась случайно, занимаясь поиском сведений о Стехновских. Там он упоминается регулярно с 1886 по 1896 г. До 1889 года он в чине коллежского секретаря был помощником начальника смотрителя казарм Псковского гарнизона, с 1890 года он в Острове и. д. Начальника тюремного замка; с 1893 — губернский секретарь Пацевич был начальником тюрьмы там же и одновременно смотрителем казарм Псковского гарнизона. А в свидетельстве о крещении внучки Галины (1911) сказано, что восприемницей была дочь надворного советника Пацевич Мария. В списках служащих канцелярии Псковского губернатора упоминается, что Пацевич в дейст. гос. службе с 25 ноября 1862 г., в ведомстве с 19 апр. 1866, в должности с 20 мая 1892, в чине с 20 мая 1896. А в Списке к произведению в след. чины 1893 г. повторяется почти это же, но, к сожалению, пустыми остались графы, где требовалось указать и время, и место рождения, и семейное положение, и образование.

А уже в декабре 2021 года мне передали архив Галины Ждановой. Там было несколько интересных фотографий, документы, дубликаты которых уже были у меня, и много-много поздравительных открыток. Две из них заинтересовали меня: подписаны Пацевич Е.Н., а адрес «Львов – 53, Петрашевского, 5, кв. 6». Елена Николаевна — жена дяди Коли, который в 1972 г. помнил место, где похоронен Василий Кузьмич на Дмитровском кладбище в Пскове, и подробно описывает, как найти могилу. Он знал, что Василий Кузьмич умер на 72 году жизни. В интернете я обнаружила, что улица Петрашевского — теперь Баронча, и написала наудачу. И успела получить ответ, что по этому адресу действительно живут потомки Пацевичей. Но остался вопрос, как связан Григорий Васильевич (1899–26.09.1980) с моим прапрадедом. Возможно, у него был ещё и сын? Пока разрешить эту загадку не удалось, потому что родственнице из Львова сейчас не до этого. Вот и всё, что мне пока удалось узнать о нём и его близких.

Можно сказать, что я выполнила свой долг перед предками, — оставляю своим детям и внукам фрагменты истории нашей семьи.

Каждый по-разному относится к эпидемии коронавируса — мне же, оказавшейся в длительной «Пайдеской изоляции», она помогла оформить всё, по крупницам собранное за несколько лет.

ИСТОЧНИКИ:

1. Алфавитный список священно-церковно служащих Псковской епархии.
2. *Богданов П.А.* Дневник 1919–1932 гг.
3. *Векишин А.П.* Галерея портретов преподавателей и выпускников Псковской Учительской семинарии 1901 года // Шестые Псковские региональные краеведческие чтения. Печоры, 9–11 октября 2015 года. В двух книгах. Книга II, с. 289–303 / Псков–Москва, 2016 (редактор-составитель Т.В. Вересова).
4. Дело № АА-4133 297.
5. Материалы Псковской Алексеевской общины.
6. Отчёты о состоянии Учительской семинарии за 1901, 1903 гг.
7. Список служащих канцелярии Псковской губернии.
8. Эстонский биографический словарь // Таллинн, 2002.

Остров, руины крепости. Из фонда фотоотдела Института истории материальной культуры РАН

Поварова Е.А.,
г. Королёв Московской обл., Россия
e-mail: elena.vorobjovaelena@yandex.ru

ФЁДОР ВАСИЛЬЕВ-УШКУЙНИК — АВТОР ПУТЕВОДИТЕЛЯ «ПУШКИНСКИЕ УГОЛКИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ»

Фёдор Алексеевич Васильев (1871–1942) — журналист, лектор, лектор, коллекционер живописи, учитель русского языка и словесности народных училищ. Для псковичей личность Фёдора Алексеевича интересна, прежде всего, потому, что он является уроженцем Островского уезда и автором, актуального до сего дня, путеводителя «Пушкинские уголки Псковской губернии».

Мой интерес к его личности начался после того, как в 2021 г. ко мне попал фотоархив семьи Васильевых. Дальнейший толчок к изучению фотоархива я получила после знакомства и переписки с главным научным сотрудником ООМИИ им. М.А. Врубеля Ириной Григорьевной Девятьяровой, которая поделилась своими знаниями об этой семье.

Вот что пишет в своих воспоминаниях об отце, в конце жизни, дочь Фёдора Алексеевича, Алла: «Детство моё было счастливым, как наверное, каждое детство. Семья наша была духовно очень богата. Отец любил искусство и всю жизнь себя окружал произведениями искусства, любил музыку, театр, и даже сам играл на сцене, что теперь называется «художественной самодеятельностью... Отец был учителем в учительской семинарии...» [1]. В анкете 1943 г. Алла Васильева сообщает: «... Отец мой — учитель средних учебных заведений... как проработавший свыше 40 лет в качестве педагога, получал в последние годы персональную пенсию в размере 260 рублей. В 1942 г. он умер...» [2].

Фёдор Алексеевич Васильев родился 7 февраля 1871 г. в деревне Екимово Заборовской конторы Островского уезда Псковской губернии в семье крестьянина Алексея Васильева и его жены Дарьи Михайловой. Крестили мальчика спустя два дня, 9 февраля в Троицком соборе г. Острова. Восприемниками стали мировой судья Острова коллежский советник Валериан Игнатьевич Трояновский и крестьянская девица Татяна Михайлова [3]. В 1887 г. Фёдор Васильев оканчивает Опочецкое городское 4-х классное училище Псковской губернии и получает от Педагогического Совета училища Удостоверение № 123, в котором рекомендует его к поступлению в Учительский институт С.-Петербурга: «... При чем вел себя отлично и занимался весьма старательно и успешно, а потому Совет считает справедливым рекомендовать его, Василье-

ва, особенному вниманию Начальства С.-Петербургского Учительско-го Института. Г. Опочка Июня 11 дня 1887 г.» [4].

Отец ро- дился.					Мать и дочь		Имена роде- ния.	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вранско- пвания.	Звание, имя, отчество и фамилия восприимкова.
Место рождения	Место рождения	Место рождения	Место рождения	Место рождения	Место рождения				
34	16	18	1887	1887	1887	1887	1887	1887	1887

ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О РОДИВШИХСЯ	
Кто совершалъ таинство крещения.	Рукопримавство свидетелей записи по желанию.
<p>Васильевъ Федоръ Васильевичъ, Родился 11 Июня 1887 года в Опочке, Псковской губернии.</p> <p>Материю Федору Васильевичу Родился 11 Июня 1887 года в Опочке, Псковской губернии.</p>	

Фрагмент Метрической книги с записью о рождении
Ф.А. Васильева

В институт Фёдор был зачислен казеннокоштным воспитанником [5]. После окончания института и получения Аттестата № 311 со званием учителя городского училища Фёдор Васильев назначается учителем в Онежское городское училище Архангельской губернии с 15 августа 1891 г. [6]. Примечательна характеристика, данная ему педагогами в институте по окончании: «...Учился хорошо и имеет способности, но был не всегда прилежен. Вел себя также хорошо, однако иногда был замечен в невежливом обращении с преподавателями. Характер несколько строптивый и неуживчивый. Давал уроки очень хо-

рошо и любит это дело... Отлично работал по ручному труду и играет на скрипке. Состоит на гимнастических курсах» [7].

Ф.А. Васильев — инспектор народных училищ Амурской области. Благовещенск, 1904 г.
Архив автора

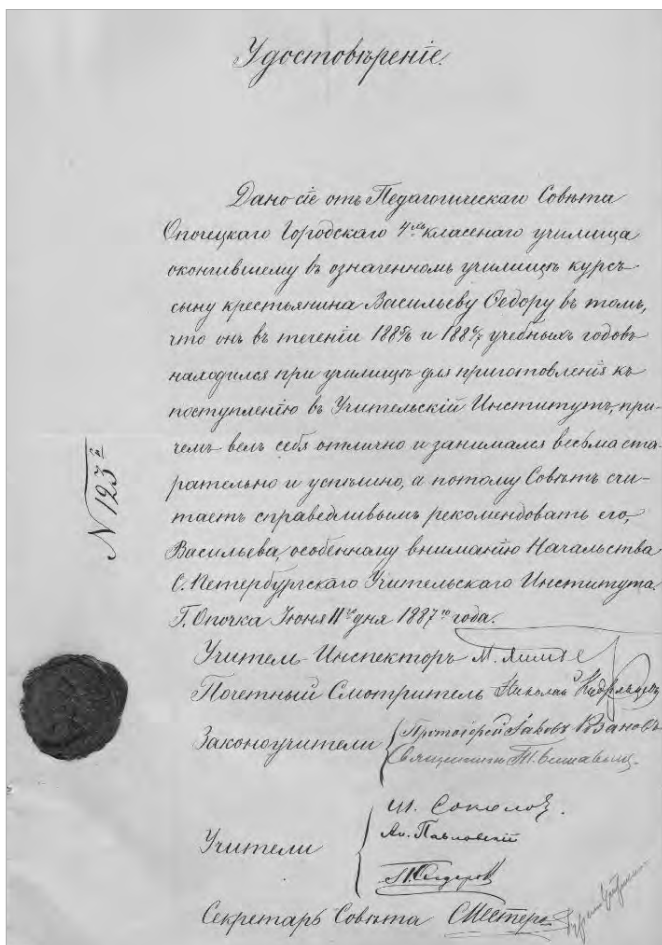

Мария Михайловна, будущая супруга Ф.А. Васильева, Псков, 1894. Архив автора

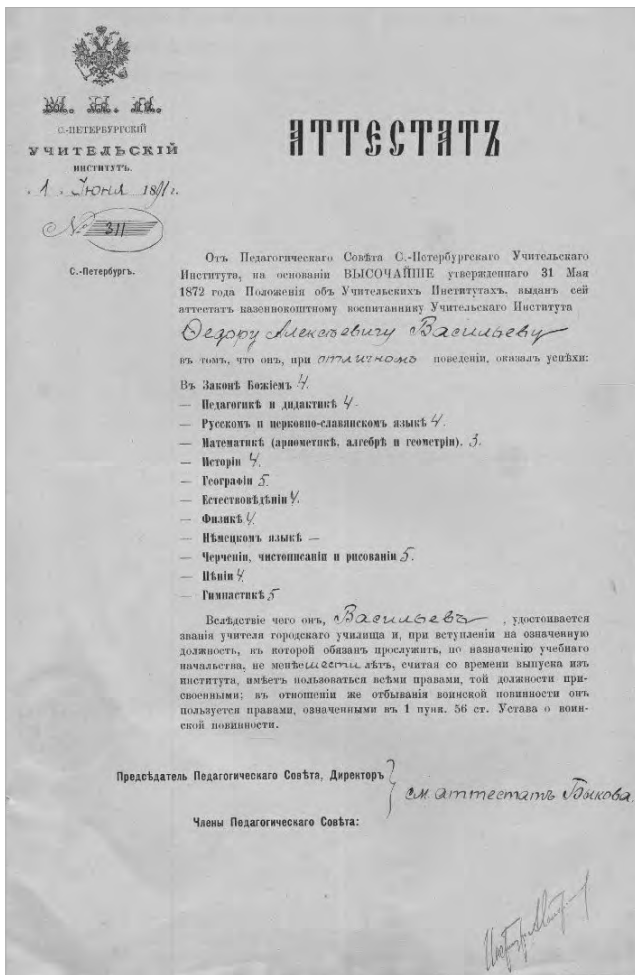
Исследуя жизнь Фёдора Алексеевича, невольно приходишь к выводу, что именно независимый и свободолобивый характер Васильева мог стать причиной того, что он сменил в течение жизни около десяти мест службы и тринадцать городов. В дальнейшем он служил у себя на родине, в городском училище Опочки [8], наставником учительских семинарий г. Бяла Седлецкой губернии [9], Семипалатинска [10], Тобольска [11], Омска, инспектором народных училищ Верхнеудинского и Баргузинского округов Забайкальской [12], Амурской областей [13] и одиннадцатого района в г. Туринске Тобольской губернии [14].

Вот какую служебную характеристику даёт Фёдору Алексеевичу попечитель Западно-Сибирского учебного округа в 1911 г.: «...Наставник названной (Семипалатинской) семинарии Федор Васильев ни в чем предосудительном за время службы в учительской семинарии замечен не был. Служебные качества и педагогические способности

г. Васильева заслуживают полного одобрения: он обладает знанием преподаваемого предмета и достаточной энергией, которую он проявил не только, как преподаватель русского языка, но еще как организатор струнного оркестра из воспитанников семинарии...» [5].

Удостоверение Фёдора Васильева об окончании
Опочецкого городского училища. 1887 г.

Аттестат об окончании С.-Петербургского Учительского института, 1891 г.

Из справочного издания «Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г.» можно узнать, каким был пик педагогической карьеры Ф.А. Васильева. Здесь он указан в чине статского советника, который получил ещё во время службы наставником Семипалатинской учительской семинарии 2 мая 1911 г., в должности инспектора

народных училищ одиннадцатого района (г. Туринск и Туринский уезд Тобольской губернии) с годовым жалованием 3600 рублей. Здесь же упоминаются награды — Медаль в память царствования Императора Александра III, за Всеобщую перепись 1897 г. и в память 300-летия царствования Дома Романовых [16].

В 1918 г. семья Васильевых, в которой было уже трое взрослых детей, оказывается в Омске. Можно предполагать, что Фёдор Алексеевич был назначен наставником Омской учительской семинарии, так как он проживал, в разное время, в новом и старом зданиях семинарии.

Ф.А. Васильев регулярно печатал свои театральные обозрения в омских газетах. В обоих выпусках альманаха «Искусство» (1921–1922) содержатся его театральные рецензии [17]. Известны и другие псевдонимы, которыми он подписывал свои публикации в разных изданиях: *Божедаров*, *Друг детей*, *Скороспелый*, *Ушкуйник (Ушкуйников)* в «Амурском вестнике» (1906), «Амурский край» (1904–1906), «Россия» (1910), «Омский вестник» (1909–1914), «Русь» (1918–1919), «Советская Сибирь», «Рабочий путь» (1921–1922) [18].

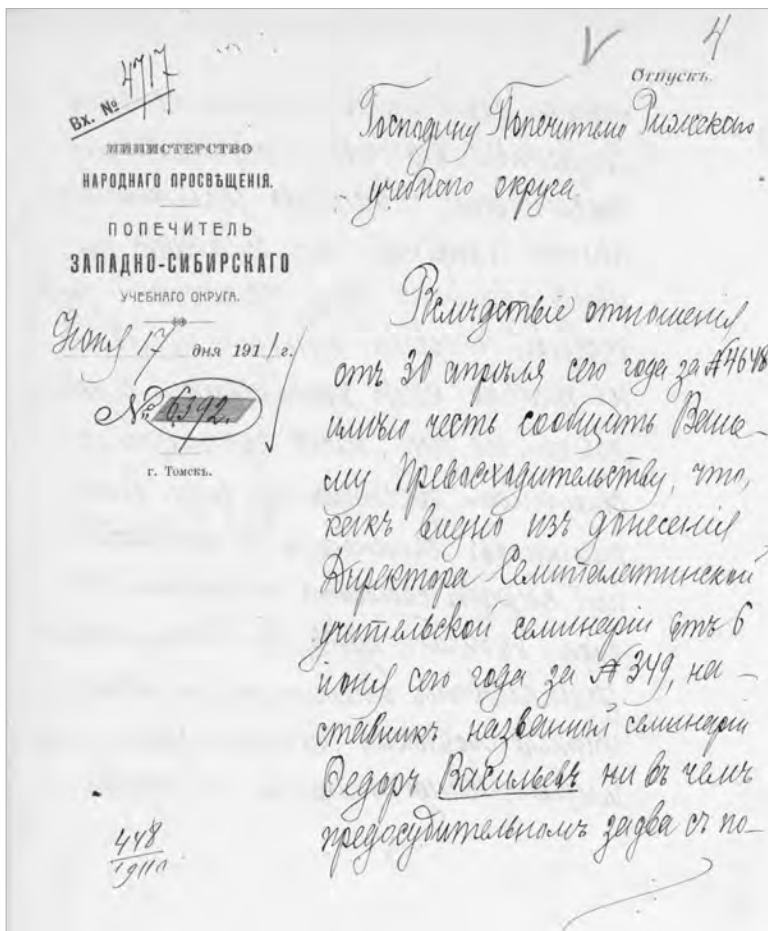
«...Обращение к Матери-земле, сочинение Ал. Ремизова, прочтет г. Васильев. Стихи А. Блока «На поле Куликовом» и «Россия» прочтет Ф.А. Васильев», — читаем мы в программе благотворительного вечера «О России», состоявшегося 27 января 1919 г. в Гарнизонном собрании, опубликованной в «Сибирской речи» [19].

Во время Сибирских гастролей художника Давида Бурлюка в Омске в 1919 г. Фёдор Алексеевич оказался в числе его слушателей, почитателей и заказчиков портретов дочерей Аллы и Елены (Эли). Портрет Аллы, заказанный Васильевым, украшает сейчас постоянную экспозицию Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля [21]. Написанные маслом портреты Аллы и Эли с частью своей коллекции Фёдор Васильев показал на 3-й весенней выставке Общества художников Степного края, которая открылась в апреле 1919 года. Из каталога известно, что он был художником-любителем [22].

Об интересе Ф.А. Васильева к современному искусству говорит фрагмент обзора общественного суда над футуристами в 1922 г., на котором он выступил в качестве сторонника новейших течений в искусстве [23].

На страницах «Сибирской речи» от 2 сентября 1919 г. помещена заметка «В мире педагогов». Из неё мы узнаём о том, что «В воскресенье 31 августа в 12 ч. в помещении Омской Городской Управы состоялось общее собрание участников ссудно-сберегательной кассы учительского персонала начальных учебных заведений г. Омска... По

предложению члена общества Ф.А. Васильева, необходимо в самом ближайшем времени устроить школьную манифестацию, с участием учащихся, с плакатами и требованием: «дайте нам школу и книгу». По мнению г. Васильева нужно кричать, стучать и настойчиво требовать и тогда дадут, а, не делая этого, ничего не получишь. Общее собрание принимает идею Ф.А. Васильева...» [24].

Характеристика наставника Семипалатинской учительской семинарии Ф.А. Васильева

Алла Васильева (1902–1991).
Омск, 1919. Архив автора

Елена Васильева,
ок. 1914 г. Архив автора

Дальнейшие события в жизни Фёдора Васильева необходимо рассматривать как часть жизни его большой семьи. Его сын — Сергей (1898–1937) в 1921 г., после участия в Гражданской войне в качестве начальника Политотдела 32 и 38 Дивизий РККА на юго-востоке России и редакторской работы в многочисленных революционных изданиях, оказывается в Москве для продолжения учебы в Институте Красной профессуры [25]. К нему перебираются сёстры Елена (1897 — не ранее 1963) и Алла (1902–1991). Позже к ним присоединяются родители. Справочник «Вся Москва» второй половины 1920-х гг. называет адреса семьи Васильевых в эти годы [26]. В справочнике Фёдор Алексеевич указан как сотрудник Коммунистического Университета национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского [27].

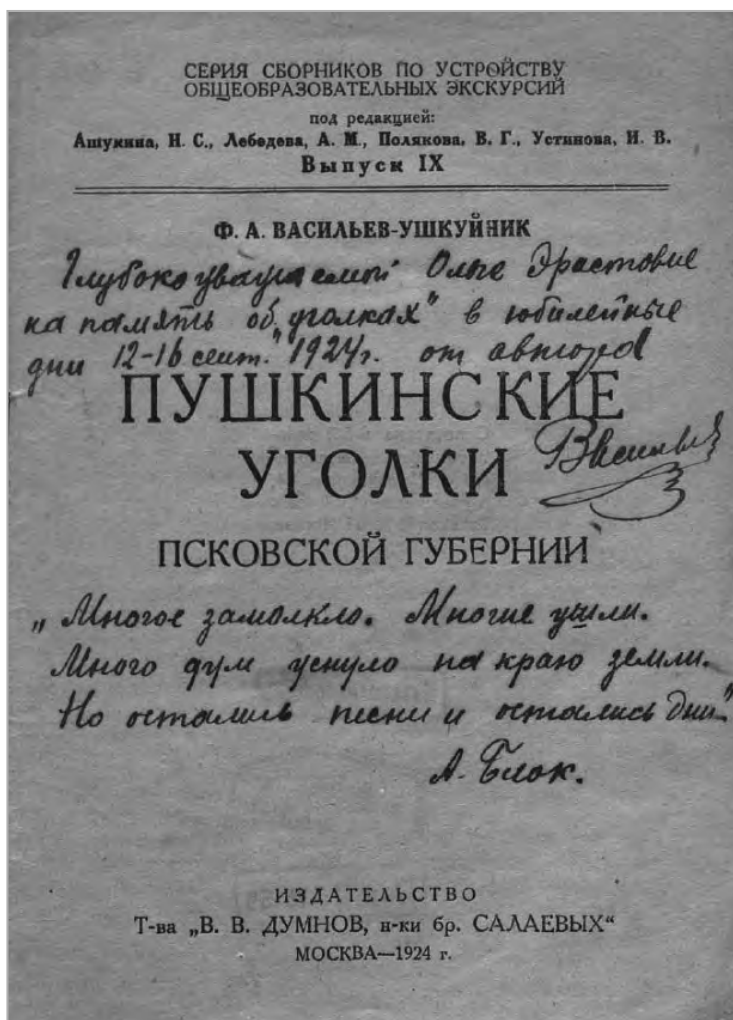
Летом 1923 г. он совершает поездку на свою родину, в Опочку, посещает Пушкинские места, встречается с теми, кто жил в колонии престарелых литераторов до её разорения [28]. На основе этих впечатлений в «Серии сборников по организации общеобразовательных экскурсий» был издан путеводитель «Пушкинские уголки Псковской губернии» тиражом 4 тысячи экземпляров, который продолжают ци-

тировать пушкинисты и краеведы в XXI веке. Экземпляры путеводителя хранятся в библиотеках, музеях и университетах по всему миру: в Японии, США, Израиле, Чехии, Белоруссии, Узбекистане и во всех крупных библиотеках России [29].

Прежде, чем окончательно отредактировать свой путеводитель, Фёдор Алексеевич обращается в письме от 17 марта 1924 г. к Варваре Васильевне Тимофеевой (псевдоним Починковская), литератору, мемуаристке, автору воспоминаний «Шесть лет в Михайловском», которая была очевидицей всего, что происходило в Святых Горах на протяжении 1910–1920-х гг.: «...Глубокоуважаемая Варвара Васильевна! Когда я посетил Вас в Святых Горах, экскурсируя по Пушкинским местам, то имел удовольствие заслушать некоторые страницы Ваших воспоминаний, связанных с разгромом Михайловского. Очень прошу дать, как материал, фактические данные об этом варварском моменте, мне нужны факты, только факты, рисующие картину происшествия. Я выпускаю методико-экскурсионную книжечку для проведения экскурсий в пушкинских местах и нуждаюсь в материале для освещения этого тяжелого события...» [30]. То, что интерес Ф.А. Васильева к Пушкину и всему, что с ним связано, был не случаен, указывает его переписка с В.Д. Бонч-Бруевичем, следы которой хранятся в РГАЛИ. В своём ответном письме от 13 мая 1933 г. Бонч-Бруевич благодарит его за сообщение об архиве, который остался у вдовы пушкиниста Л.С. Гинзбурга, а также настойчиво просит посетить её с целью изучения этого архива и возможности приобрести архив для Гослитмузея. В письме Бонч-Бруевич сообщает: «...Вашу книжку о Пушкинских уголках с удовольствием сегодня же прочту, ранее я ее не видел. На «Заповедники» Пушкина, конечно, надо будет обратить внимание, и я убежден, что когда наш Музей (Государственный Литературный музей) превратится в титульное учреждение и будет развертываться в своей деятельности, то мы и эту сторону дела хорошенько выправим и устроим» [31].

В Институте Русской литературы РАН, Государственном Литературном музее и Российском Государственном Архиве литературы и искусства хранятся письма Фёдора Алексеевича на разные темы. Например, в Государственном Литературном музее есть его заявление 1926 г. о приёме в литературное Общество «Никитинские субботники» [32]. Переписка, хранящаяся в РГАЛИ, рассказывает о том, что Ф.А. Васильев в течение нескольких лет глубоко интересовался творчеством писателя Ф.К. Сологуба (1863–1927) [33]. Были ли они знакомы при жизни Сологуба, не известно. Но интересно, что после смерти писателя Фёдор Алексеевич получил доступ к его архиву. И именно занимаясь им, обращается в письме к Валентину Иннокентьевичу Анненскому-

Кривичу, который был знаком с Сологубом с юных лет через своего отца, за разрешением воспользоваться его статьёй: «...Сологуб — мой товарищ по институту. Своей работой я исполняю какой-то свой долг перед ним...» [34].

Обложка путеводителя с автографом,
адресованным О.Э. Озаровской, 1924 г.

онамения?
Рукотисъ еѣ ѡ перѣ-
данъ въ рукотисмов
отг. Пушкинско
домол.

Г Л М
10420
240

Мой адрес:
Москва, 28
ул. М. Горькова
д. 1/11, кв. 13
Федору Алексеевичу
Васильеву-Ушкункину.

не можете ли прислать мне выдѣл-
ку Вашего доклада?
пир

Письмо В.И. Анненскому о Ф.К. Сологубе. 1932 г.

Фёдором Алексеевичем была подготовлена лекция о творчестве Сологуба «Как родился Передонов», — по материалам романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес», — с которой он выступал неоднократно перед

аудиторией (например, в Государственной Академии художественных наук). Неожиданное подтверждение этому событию было обнаружено в книге поэта и переводчика, учёного секретаря Подсекции истории русской литературы ГАХНа Д.С. Усова (1896–1943) «Мы сведены почти на нет...», где об этом докладе говорится следующее: «...22 ноября 1929 г. на докладе Ф.А. Васильева-Ушкуйника «Федор Сологуб в работе над “Мелким бесом”» (присутствовали Н.К. Гудзий, П.А. Журов, В.Д. Измайльская, В.А. Ланина, Б.В. Михайловский, Н.Д. Мокшанин, Ю.Г. Перель, А.А. Реформатский, А.В. Чичерин, Н.М. Чирков, И.К. Линдеман, С.М. Бонди) участвует (Усов) в обсуждении, указывает, что в 1-й части доклада, говорящей о генезисе «Мелкого беса», следовало точно установить его соотношение с романом «Тяжелые сны»... Следовало также проследить различные печатные варианты «Мелкого беса». Материал в докладе является самым свежим и ценным, но его группировка и методологические замечания не всюду убедительны» [35]. Позже, по материалам этой лекции и после поездок в Великие Луки, где учительствовал в своё время Сологуб, Васильевым было написано исследование, которое он сам называет книгой — «Ф.К. Сологуб и работа его над “Мелким бесом”» [36].

Последнее письмо Васильева из РГАЛИ написано детской рукой с трогательными орфографическими ошибками. Фёдор Алексеевич ссылается на свою болезнь. Именно в 1939 г. умирает его многолетняя спутница жизни Мария Михайловна (1872–1939). После всех перенесённых испытаний заболевает и он сам, когда письма за него начинают писать внуки — Гай Протопопов и, возможно, Вадим Минухин [37].

Скончался Фёдор Алексеевич в г. Верхнеуральске Челябинской области в 1942 г., где оказался в эвакуации вместе с большой семьёй своей дочери Елены [38].

Изучив весь доступный, на сегодняшний день, архивный материал о Фёдоре Алексеевиче Васильеве, невозможно остаться безучастным к его судьбе, в которой, как в зеркале, отразились все бури и трагедии XX века.

Благодаря вновь открытому фотоархиву Васильевых мы можем внимательно рассмотреть облик того, кто стоял у истоков Пушкинского Заповедника, с любовью и вниманием к каждой детали и пушкинской строке, составил замечательный путеводитель «Пушкинские уголки Псковской губернии».

Уважаемый Владимир Дмитриевич,
 В свое время моя рукопись «Ф. К. Сологуб
 и работа его над «Мылками Бесси» была
 принята Вами под того, чтобы издать
 в «Звездах». Бывал нередко в Ленинграде,
 и всегда вспоминаю, что Сологуб товарищ
 и по институту и что я написал
 книгу о нем. Один приезд мой был очень
 удачен: я нашел ценный материал для
 моей книги и решил высказать наи-
 более. Вот почему я взял рукописи от
 Вла. Теперь, когда рукописи совсем законены,
 я могу Вам вернуть их в любое время.
 Вы написали.

Приглашаю при всех обстоятельствах
 работе профессора Луизы Васильевны

Мой адрес: Москва, Соловья,
 Подколодецкий пер., д. 11, кв. 13.

Умилкин

Письмо В.Д. Бонч-Бруевичу о творчестве Ф.К. Сологуба. 1939 г.

ИСТОЧНИКИ:

1. НИПЦ «Мемориал» (Москва). А.Ф. Васильева. Моя жизнь. Воспоминания. Ф. 18. Оп. 1. Л. 1-6.
2. Когда искусство уходило из памяти: Искусство Караганды, 1930–1950 гг. Закрытые страницы истории / Авт.-сост. Л. Н. Плетникова, Д. М. Сафарова. Караганда, 2001. С. 15.
3. ГАПО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 265. Л. 9 – об. 10. Метрическая книга Троицкого собора г. Острова за 1871 год. Автор благодарит хранителя фондов Опочецкого краеведческого музея А.В. Кондратеню за помощь в работе.

4. ЦГИА СПб. Ф. 412 Оп. 1 Д. 492. С. 3.
5. Там же. С. 4.
6. ЦГИА СПб Ф.412. Оп. 1. Д 626; Ф. 139 Оп. 1 Д. 8033.
7. Там же.
8. Памятная книжка Псковской губернии на 1895 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_66085?page=111&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.05.2022).
9. Памятная книжка Седлецкой губернии на 1897 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1220790?page=139&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.05.2022). Памятная книжка Седлецкой губернии на 1898 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1220791?page=137&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.05.2022). Памятная книжка Седлецкой губернии на 1899 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_00_0018_v19_rc_1220792?page=137&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.05.2022).
10. Адрес-календарь Семипалатинской области на 1912 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1610862?page=99&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.05.2022). Памятная книжка Семипалатинской области на 1913 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1610863?page=120&rotate=0&theme=white (дата обращения: 04.05.2022).
11. Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_75840?page=180&rotate=0&theme=white (дата обращения: 04.05.2022).
12. Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год [Электронный ресурс]: URL: https://i.irklib.ru/txt/0292722_pamkn-zabai-kal_1901/51/
13. Памятная книжка Амурской области за 1904 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_010738766?page=95&rotate=0&theme=white (дата обращения: 04.05.2022).
14. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/002676_000027_D3BAF829-CDD5-4FC0-BEC7-2B813E092A77?page=401&rotate=0&theme=white (дата обращения: 04.05.2022).
15. ОГКУ ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 538. С. 13 об.
16. См. п. 14.

17. Дядя Ваня. Омский Государственный театр: (Итоги сезона): критический обзор / [под псевд.: Дядя Ваня] // Искусство: журнал искусств, литературы и техники. Омск, 1921 № 1 С. 41–50; Дядя Ваня. Театральный обзор: статья / [под псевд.: Дядя Ваня] // *Богомолова Л. К.* Театральные сезоны 1918–1919 годов // Третья столица. Омск, 1918–1919. В 2-х томах. 2 том: Музыка, театр, историческая хроника / [отв. ред., сост. *И.Г. Девятьярова*]. Омск. 2011 С. 169–173, 176–178, 186–187, 198.
18. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: В 4 т. –Т. 4. – М., 1960. – С. 96. [Электронный ресурс]: URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/man/02/man02697.htm?cmd=0&istext=1> <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/15/map29071.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 06.05.2022).
19. Сибирская речь. 1919 (Омск). № 17. 25 (12) января. С. 4.
20. Искусство: журнал искусств, литературы и техники. Омск, 1922 № 2 С. 120–121
21. *Девятьярова И.Г.* Давид Бурлюк: Сибирское турне. Новые материалы из Научно-исследовательского отдела рукописей Российской Государственной библиотеки // Декабрьские диалоги. Вып. 20. Материалы Всероссийской науч. конф. Памяти Ф.В. Мелехина, 6–7 декабря 2015 / М-во культуры Ом. обл.; ООМИИ имени М.А. Врубеля. Омск, 2017. С. 39–42; *Девятьярова И.Г., В.В. Нехотин.* Литературное окружение Давида Бурлюка в Омске (1919). К истории «Большого сибирского турне» // Декабрьские диалоги. Вып. 20. Материалы Всероссийской науч. конф. Памяти Ф.В. Мелехина, 6–7 декабря 2015 / М-во культуры Ом. обл.; ООМИИ имени М.А. Врубеля. Омск, 2017 С. 44–50.
22. Общество художников и любителей изящных искусств Степного края. Третья весенняя выставка. Каталог. Омск, 1919, – с. 6. Н.Р. Весенняя выставка // Сибирская речь (Омск).1919. № 89, 29 (16) апреля, с. 4
23. *Тупиков Кондратий.* Суд над новыми течениями в литературе // Рабочий путь. (Омск) .1922. № 16. 21 января, с. 4.
24. Сибирская речь. 1919 (Омск). № 190. 2 сентября, с. 4.
25. Архив Российской Академии наук, Москва. Ф. 154. Оп. 2. Д. 5, л. 8.
26. Вся Москва 1925 год. [Электронный ресурс]: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003180499?page=1552&rotate=0&theme=white (дата обращения: 06.05.2022).
27. Там же.

28. *Ф.А. Васильев-Ушкуйник*. Пушкинские уголки Псковской губернии. М.: Думнов, 1924. [Электронный ресурс]: URL: https://rusn.eb.ru/catalog/003333_000029_RU_%D0%93%D0%9F%D0%9D%D0%A2%D0%91+%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_EK_R%D0%A5I%D0%A5_%D0%92+191-486564 / (дата обращения: 06.05.2022).
29. РНБ (Российская национальная библиотека). Электронный каталог. [Электронный ресурс]: URL: https://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=07NLR_VU1&docId=&fromSitemap=1&afterPDS=true (дата обращения: 06.05.2022).
30. *Ирина Коцпенко*. Путеводитель В.В. Тимофеевой «Пушкинский уголок прежде и теперь» // Михайловская Пушкиниана. Выпуск 69. «...Я могу творить» / Сельцо Михайловское. Пушкинский Заповедник, 2017, с. 217.
31. РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 565.
32. Архив Гослитмузея. Ф. 135. Оп. 1 Ед. хр. 23, 1 лист.
33. РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 64.
34. Там же.
35. *Д.С. Усов*. «Мы сведены почти на нет...». Том 1. Стихи. Переводы. Статьи. М., 2011.
36. РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 565.
37. Там же.
38. Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1142. Оп.1. Д. 99, л. 51.

Список сокращений:

ООМИИ — Омский областной музей изобразительного искусства им. М.А. Врубеля.

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РАН — Российская Академия наук.

ГАХН — Государственная Академия художественных наук.

НИПЦ — Научно-исследовательский просветительский центр.

ГАПО — Государственный архив Псковской области.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.

ОГКУ ГАТО — Областное государственное казенное учреждение Государственный архив Томской области.

Гослитмузей — Государственный Литературный музей.

Косырев В.Н.,
Союз краеведов России,
г. Псков, Россия.
e-mail: Forcoll1@rambler.ru

О ПРЕДКАХ ЛЕОНИДА ЗУРОВА ИЗ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье на основе совершенно новых архивных изысканий рассказывается о родственниках писателя Леонида Фёдоровича Зурова по отцовской и материнской линии.

Ключевые слова: Остров, Холм, Псков, Тульская губерния; Кузнецовы, Квятковские, Зуровы.

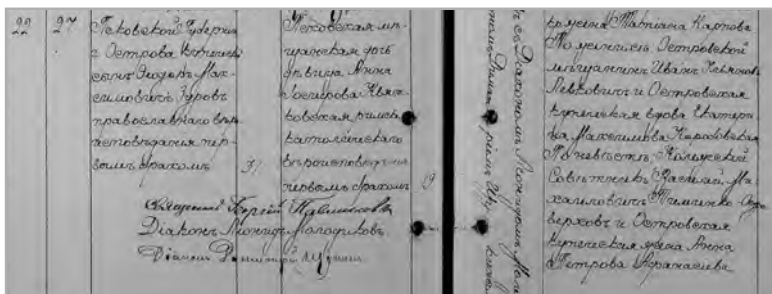
Имя Леонида Фёдоровича Зурова — писателя, историка, участника Белого движения — известно не слишком широко, ещё меньше известно о его родословной.

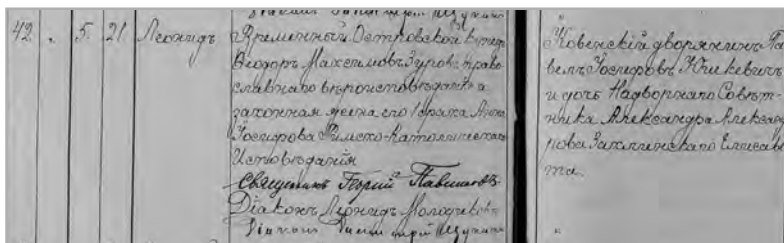
Лёня Зуров. Торопец. Псковская губерния

27 января 2021 года в г. Пскове состоялась онлайн-презентация книги профессора Таллинского университета (Эстония) Ирины Захаровны Белобровцевой «Леонид Зуров. В тени Бунина». Первая глава этой замечательной книги посвящена происхождению и родственникам Леонида Зурова. Сведения, касающиеся первых годов жизни и предков, публикуются на основании мемуаров и корреспонденции Л.Ф. Зурова. Становится ясно, что почти вся информация по этой теме известна только с его слов и со слов его родственников. Из документальных свидетельств присутствует только архивная справка о рождении Леонида Зурова 5 апреля 1902 года.

Мною было принято решение изучить, по мере возможностей, родословную Л.Ф. Зурова на основании архивных документов. Основанием послужили семейные истории Зуровых, содержащиеся в первой главе книги И.З. Белобровцевой, и архивная справка о рождении.

Запись о бракосочетании родителей Леонида Зурова

Запись о рождении Л. Зурова

Целью написания данной статьи является изучение предков Леонида Зурова, связанных с Псковской губернией и проживавших на её территории. В процессе исследования использованы материалы следующих архивов: Государственного архива Псковской области (ГАПО), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Государственного архива Тульской области (ГАТО).

Отправной точкой является запись о рождении Лёни Зурова 5 апреля 1902 года в г. Острове Псковской губернии¹. Сопоставление имеющейся информации и дат помогло найти запись о браке родителей Л. Зурова². Женихом указан купеческий сын г. Острова Фёдор Максимович Зуров, тридцати одного года, православного вероисповедания; невестой — псковская мещанская дочь девица Анна Иосифовна Квятковская, девятнадцати лет, римско-католического вероисповедания. Заключённый брак был первым для обоих супругов. Одним из поручителей при заключении брака записан мещанин г. Острова Иван Ульянович Левкович. Забегая вперёд, отмечу, что И.У. Левкович являлся мужем двоюродной бабушки Л. Зурова Елизаветы Фёдоровны Левкович, урождённой Кузнецовой — сестры его бабушки по отцу Анастасии.

С этого момента имеет смысл разделить исследование на две части. Первая часть будет содержать информацию о происхождении и предках отца Леонида Зурова Фёдора Максимовича, вторая часть — о предках мамы Анны Иосифовны.

1. Фёдор Максимович Зуров родился в 1870 году³. Из семейных историй, опубликованных в книге И.З. Белобровцевой, известно, что мать Фёдора Максимовича звали Анастасия Фёдоровна Зурова, урождённая Кузнецова. Упоминаются три её родные сестры — Анна, Мария и Елизавета. Сам Фёдор в 1901 году записан, как купеческий сын.

Для проверки этих сведений я решил обратиться к Памятным книжкам Псковской губернии и адрес-календарям Российской империи за интересующие нас годы. Самое раннее упоминание о купцах г. Острова, носящих фамилию «Зуров», удалось найти в адрес-календаре «Вся Россия» в 1895 году⁴. В разделе «Торгово-промышленные предприятия г. Острова», в подразделе «Галантерея», имеется запись:

¹ См. приложение № 2. Дата рождения получена путём вычисления.

² См. приложение № 3.

³ Приблизительно: год рождения получен путём вычитания, запись о рождении Ф.М. Зурова не найдена.

⁴ Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи — Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1895–1913.

«Зурова Наст. Фед.». По всей видимости, речь идёт о бабушке Леонида Зуровой Анастасии Фёдоровне.

Муниципальное государственное учреждение Псковской области Государственное казенное учреждение Псковской области «Государственный архив Псковской области» (ГКУ ПО «ГАПО») Петрова ул., д.1, г. Псков, 180019 тел/факс (8112) 53 56 85 E-mail ga-po@obladmin.pskov.ru ОКПО 034993345, ОГРН 10260000969081, ИНН/КПП 6027023983/602701001 23.07.2015 № 620/В	Вересовой Тамаре Васильевне ул. Советская, д. 11, кв. 72, г. Видное, Московская область
На № _____ от _____	
АРХИВНАЯ СПРАВКА	
<p>В метрической книге Николаевской церкви города Острова Псковской губернии за 1902 год имеется запись № 42 о рождении 5 апреля и крещении 21 апреля 1902 года Леонида, сына временного островского купца Федора Максимова Зурова православного вероисповедания и законной жены первого брака Анны Иосифовой римско-католического исповедания.</p> <p>Восприемники: Ковенский дворянин Павел Иосифов Юшкевич и дочь надворного советника Александра Александрова Заклинского Елисавета /так в документе/.</p> <p>Таинство крещения совершали: Священник Георгий Павлинов, дьякон Леонид Молодилов, дьякон Дмитрий Щукин.</p> <p>Основание: Ф. 39. Оп. 22. Д. 951. Л. 262 об. – 263.</p> <p>Примечание: В современном изложении имена и отчества родителей Леонида следует читать так: «Федор Максимович Зуров и Анна Иосифовна».</p>	
Директор Исакова Н.И. 53 56 85	 В.Г. Кузьмин

Архивная справка о рождении и крещении Л.Ф. Зурова

Продолжив поиск информации о купцах и торговцах г. Острова, мы обнаружили нижеследующие сведения. В адрес-календаре за 1899 г.⁵ в разделе «Мануфактурный и галантерейный товар» упоминается Зурова Анастасия Фёдоровна, имеющая торговлю в г. Острове на ул. Полоцкой, 14. В 1902 году в подобном справочнике⁶ в том же разделе «Галантерея» записано торговое предприятие Фёдора Максимовича Зурова по ул. Полоцкой. В Памятной книжке Псковской губернии на 1905–1906 гг.⁷ под заголовком «Галантерейный товар» есть запись: «Зурова А.Ф., по Полоцкой ул., д. насл. Болотникова». В справочной книге «Вся Россия» на 1912 год⁸ упомянута галантерейная торговля Фёдора Максимовича Зурова в г. Острове по ул. Полоцкой.

В «Журнале поверки торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий в гор. Острове в 1909 году» под № 139 записана галантерейная торговля по ул. Полоцкой в доме Болотникова⁹. Владельцем торговли указана Мария Фёдоровна Кузнецова. Запись произведена 6 апреля. По всей видимости, упоминается сестра Анастасии Фёдоровны Зуровой. Далее — небезынтересные подробности о торговом предприятии Зуровых-Кузнецовых. Предприятие содержится по торговому свидетельству II разряда, выданному 27/III — 1908 г. (свидетельства выдавались срочные). Число покоев, занятых предприятием — 2, наёмная плата в год — 330 руб. Предприятием наняты два приказчика 2 класса и один служащий. Сумма годового жалованья приказчикам и служащим — 540 руб.; стоимость их содержания за год — 280 руб. Годовой оборот предприятия (за прошлый 1908 г.) — 3000 руб.

Из всего изложенного можно сделать некоторые выводы. Семья Кузнецовых-Зуровых владела небольшим торговым предприятием в г. Острове по ул. Полоцкой, 14. Торговали галантерейным товаром. По видимому, предприятие было семейным. Исходя из того, что ни в одном исследованном источнике не упоминается отец Фёдора Зурова Максим, можно предположить, что он не принимал участия в семейной торговле, и Фёдор Зуров упоминается в метрических книгах, как купеческий сын, исходя из статуса и рода занятий его мамы Анастасии Фёдоровны. Данное предположение получит подтверждение в дальнейшем.

⁵ Вся Россия: Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. Т. 1, 1899 г. – Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1899.

⁶ Вся Россия... 1902 г. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1902.

⁷ Памятная книжка Псковской губернии на 1905–1906 г. – Псков, 1905.

⁸ Вся Россия. Русская адресная и справочная книга на 1912 год. – Москва, типогр. В. Карякина, 1912 г.

⁹ ГАПО. Ф. 58, оп. 2, д. 2162.

Анастасия Фёдоровна Зурова, бабушка

В метрической книге Троицкого собора г. Острова за 1886 г.¹⁰ найдена запись о браке Анны Фёдоровны Кузнецовой, крестьянской дочери, девицы Тульской губернии Каширского уезда, и Петра Дометиева Шишковского, купеческого сына г. Острова Псковской губернии. Речь идёт о браке сестры Анастасии Фёдоровны Кузнецовой. Особый интерес в этой записи представляет упомянутая поручительница по невесте — Анастасия Фёдоровна Зурова, крестьянская вдова Тульской губернии Алексинского уезда деревни Филатова. Это первое и единственное упоминание А.Ф. Зуровой, которое удалось обнаружить в документах за интересующий период.

В книге И.З. Белобровцевой приводится семейная история, утверждающая, что отец А.Ф. Кузнецовой и её сестер Фёдор Андреевич Кузнецов умер в г. Острове в 1889 г. В метрической книге Николаевской церкви г. Острова за этот год была обнаружена запись об этом

¹⁰ См. приложение № 5.

событии¹¹. 3 декабря в г. Острове умер от «водяной» болезни Фёдор Антонович Кузнецов шестидесяти пяти лет, крестьянин Тульской губернии Каширского уезда сельца Иваньковского. По всей видимости, речь идёт об искомом человеке — отце сестёр Кузнецовых. Ошибка в отчестве вполне возможна — он был приезжий. Подтверждением этой версии является то, что в архивных документах ГАТО была найдена запись о рождении у крестьянина сельца Иваньково Каширского уезда Андрея Павлова сына Фёдора в декабре 1823 года (дата рождения получена путём вычисления)¹². Сведения об Андрее Павлове и его семье также можно почерпнуть из Исповедной росписи Петропавловской церкви села Иванкова¹³. Данные сведения подтверждают семейную версию об отчестве Фёдора — «Андреевич» — о чём утверждает в письме Леониду Зурову его «тётушка-бабушка»¹⁴. Очевидно, дочери Фёдора знали отчество своего отца, а в церковных метрических книгах, к сожалению, не редки ошибки.

На основании исследованных источников можно сделать вывод и о том, что сёстры Кузнецовы переехали в г. Остров из Тульской губернии, вместе со своим отцом Фёдором Андреевичем Кузнецовым или немногим позднее. Весьма вероятным выглядит предположение о том, что отец Фёдора Максимовича Зурова, муж Анастасии Фёдоровны, являлся уроженцем деревни Филатово Алексинского уезда Тульской губернии и скончался до её переезда в г. Остров, так как в 1886 году она уже имеет фамилию «Зурова» и записана, как вдова. Сёстры Кузнецовы, как и их отец, принадлежали к крестьянскому сословию. Очевидно, что подтверждение, корректировка или опровержение данных версий требует проведения масштабного исследования документов, хранящихся в Государственном архиве Тульской области (ГАТО).

Не лишним будет упомянуть о членах семьи сестёр Кузнецовых в г. Острове. Мужем Елизаветы Фёдоровны (в девичестве Кузнецовой) являлся Иван Ульянович Левкович¹⁵ (запись о браке, к сожалению, найти не удалось). И.У. Левкович был поручителем по жениху при венчании брака Ф.М. Зурова и А.И. Квятковской. В записи о браке он указан, как мещанин г. Острова.

¹¹ См. приложение № 4.

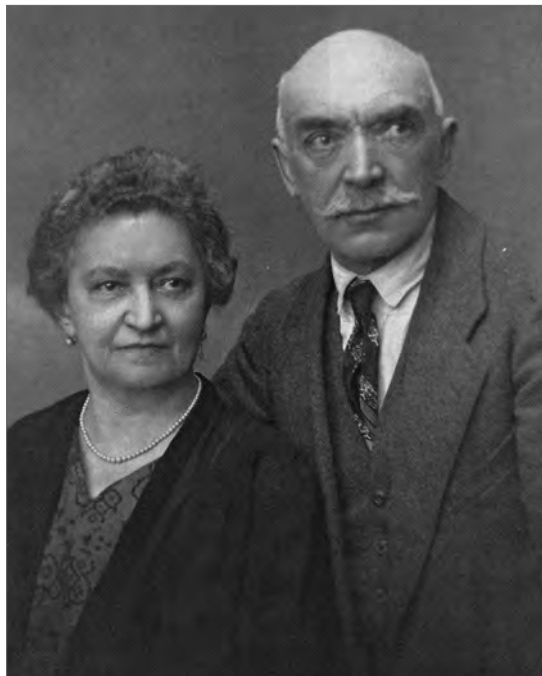
¹² См. приложение № 13.

¹³ См. приложение № 14.

¹⁴ *И. Белобровцева*. Леонид Зуров. В тени Бунина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. – 240 с., ил. С. 10.

¹⁵ И.У. Левкович родился в г. Острове 27 октября 1865 г. – запись о рождении: ГАПО. Ф. 39, оп. 1, д. 4504.

Иван Левкович происходит из купеческой семьи г. Острова. Его предки исповедовали римско-католическую веру. Однако дед И.У. Левковича Иустин Игнатович Левкович (род. прим. 1783 – ум. 1866 г.) «в болезни» принимает православную веру¹⁶. Так же поступает и его сын Ульян Устинович Левкович в 1867 г.¹⁷. И дед, и отец И.У. Левковича состояли купцами 2-й гильдии г. Острова. И.У. Левкович в 1905–1906 гг. является агентом Московского страхового общества, располагавшегося по ул. Троицкой в доме Кузнецовых. Одновременно с этим Иван Ульянович Левкович — гласный Городской Думы г. Острова. Сестра Ивана Левковича Ольга Ульяновна — учительница Вышгородецкой земской школы (Вышгородецкой волости, погоста Вышгородок); брат Илья Ульянович — член Островского городского присутствия по квартирному налогу¹⁸.

Левковичи – Елизавета Фёдоровна и Иван Ульянович

¹⁶ ГАПО. Ф. 39, оп. 1, д. 4504.

¹⁷ ГАПО. Ф. 39, оп. 1, д. 4508.

¹⁸ Памятная книжка Псковской губернии на 1905–1906 г. – Псков, 1905.

Анна Фёдоровна Кузнецова вышла замуж за Петра Шишковского. Как и Иван Левкович, Пётр происходит из богатой купеческой семьи г. Острова. В уже упоминавшемся «Журнале поверки торговых предприятий 1909 года» имеются записи о двух торговых предприятиях, принадлежавших купцам Шишковским. Располагались они на Торговой площади. Род предприятий — железная и кожевенная торговля. Годовой оборот первого — 25000 руб.; второго — 15000 руб. По всей видимости, деньги в семье имелись.

К сожалению, пока не найдены подтверждения семейной истории о том, что отец сестёр Кузнецовых Фёдор Андреевич владел свечным заводом в г. Острове¹⁹ и оставил им после смерти наследство. Но можно с уверенностью утверждать, что сёстры имели достаточные средства к существованию и вращались в высшем обществе уездного города.

2. Анна Иосифовна Квятковская, римско-католического вероисповедания, родилась в 1881 году²⁰. Отец — запасной рядовой Иосиф (Осип) Иванович Квятковский, мать — Эмилия Станиславовна Квятковская, урождённая Жуковская.

Анна происходит из католической семьи, её родители были прихожанами псковского костёла. Информация о метрических книгах костёла находится в документах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), в фонде № 1822 «Петроградский деканат римско-католических церквей». В процессе изучения экстрактов метрических книг удалось выявить достаточное количество записей, касающихся семьи А.И. Квятковской и её мамы Эмилии Станиславовны Жуковской.

Отец Эмилии — Станислав Христофорович Жуковский (род. в 1838 г.²¹) — отставной унтер-офицер. Известны имена его родителей: отец — Христофор (Кржистоф) Жуковский, мать — Елизавета Жуковская, урождённая Суботкевич. Был женат дважды. Первая жена — Анна Жуковская (р. 1830 – ум. 1868 г.), урождённая Овсевичева (варианты написания: Авсевичева, Овсянова, Авсенова); вторая — Пелагея Мартиновна Жуковская (р. 1847 – ум. 1906 г.²²), урождённая Галькевич (вариант написания: Галкевич).

¹⁹ *И. Белобровцева*. Леонид Зуров..., – с. 10–11.

²⁰ См. приложение № 8.

²¹ Дата рождения получена путём вычитания (См. приложение № 11.). Запись о рождении не найдена.

²² Запись о смерти П.М. Жуковской: ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 4, д. 74, л. 166 об.

Анна Иосифовна Зурова, урожд. Квятковская

Первая жена С.Х. Жуковского Анна умирает 17 января 1868 года²³, оставив после себя четырёх детей: сыновей Александра²⁴ и Викентия и дочерей Марьянну и Эмилию. В том же 1868 г. Станислав Христофорович женится вторично на Пелагее Мартиновне Галькевич, происходящей из дворян Витебской губернии²⁵. Впоследствии Пелагея Мартиновна становится мачехой малолетней Эмилии и, по всей видимости, будет заниматься её воспитанием.

Следует отметить, что фамилия Галькевич нередко встречается в метрических записях псковского костёла второй половины XIX века²⁶. Не лишено основания предположение, что лица с этой фамилией являются родственниками П.М. Галькевич.

²³ См. приложение № 10.

²⁴ По-видимому, именно этот Александр Жуковский является отцом Валентины Александровны Гавриловой, двоюродной тётки Л.Ф. Зурова по материнской линии.

²⁵ См. приложение № 9 и 11.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д.д. 83, 97, 101, 103, 106.

В записях 1862 г. найдена запись о рождении Эмилии Станиславовны Жуковской. Она родилась 7 сентября²⁷. Также известна запись о рождении Викентия Жуковского²⁸. Записей о рождении других двух детей от первого брака С.Х. Жуковского, как и более ранних упоминаний семьи Жуковских, в просмотренных архивных документах найти не удалось.

Много интересной дополнительной информации дают записи, касающиеся детей от брака С.Х. Жуковского и П.М. Галькевич, братьях и сёстрах Эмилии Жуковской. В 1871 г. в семье рождается сын Станислав²⁹, в 1875 г. — Иозефа (Иозефина). Запись о смерти Иозефины имеется в 1876 г.³⁰ В 1887 г. — рождение дочери Анны³¹.

Особенный интерес представляет запись о крещении в 1879 г. младенца Людвиг Жуковского³². В числе восприемников при крещении Людвиг упоминается отставной рядовой Осип Квятковский, в будущем отец Анны Квятковской, мамы Леонида Фёдоровича Зурова. Это самое раннее упоминание об этом человеке, которое удалось обнаружить. В этой же записи имеется и имя Эмилии Жуковской. Они ещё не являются супругами.

Как упоминалось выше, Анна Иосифова Квятковская родилась в декабре 1881 г. С большой долей вероятности можно утверждать, что брак между её родителями был заключён в 1880 г. К сожалению, книги записей за 1880 г. о венчаниях псковского римско-католического костёла найти не удалось.

Иосиф (Осип) Иванович Квятковский скончался 19 ноября 1895 г. «от паралича сердца вследствие чрезмерного употребления спиртных напитков»³³. В записи о смерти он записан, как отставной рядовой из поселян Волковысского уезда, 45 лет от роду.

Через три года, в 1898 г., вдова Эмилия Станиславовна выходит замуж вторично³⁴. Вторым мужем Эмилии стал Павел Иосифович Юшкевич, тридцати двух лет, происходящий из дворян Ковенской губер-

²⁷ См. приложение № 12.

²⁸ Викентий Жуковский родился в г. Пскове 9 февраля 1865 г. ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 74, л. 260.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 9, л. 171.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп.3, д.102, л. 149 (рождение); д. 106, л. 169 об. (смерть).

³¹ ЦГИА СПб. Ф.1822, оп.4, д.7, л. 123.

³² Людвиг умер во младенчестве. ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 113, л. 211 об. (рождение); д. 116, л. 231 об. (смерть).

³³ См. приложение № 7.

³⁴ См. приложение № 6.

нии. Впоследствии, в 1902 г., Павел Иосифович станет восприемником при крещении внука Эмилии Станиславовны Лёни Зурова³⁵. Родители Павла Иосифовича — Иосиф Викентьевич и Вероника, урожденная Юхневич, Юшкевичи, — дворяне Ковенской губернии. Следует отметить, что фамилия Юшкевич встречается в документах и Памятных книжках Псковской губернии. Брат Павла Иосифовича Пётр Юшкевич — старший делопроизводитель Губернского правления³⁶. Также в виде примера можно привести следующее событие: в 1875 г. увольняется канцелярский служащий Казённой палаты Адольф Викентьевич Юшкевич, из дворян, воспитанник Ковенской губернской гимназии³⁷. Вполне возможно, он является родственником отца Павла Юшкевича.

Если судить по надписи на обороте фотографии, сделанной рукой Л.Ф. Зурова, то П.И. Юшкевич был «исправником г. Острова, г. Торопца, г. Холма»³⁸. Однако, согласно информации, опубликованной в Памятных книжках Псковской губернии, П.И. Юшкевич никогда не занимал должности исправника в вышеупомянутых городах. Эту должность занимали другие люди. В 1903 г. в списке служащих Полицейского управления Островского уезда имеется запись: «Полицейский надзиратель 2-й части Юшкевичъ Павелъ Иосифовичъ г.с.»³⁹. В 1905–1906 гг. среди служащих Полицейского управления Холмского уезда числится коллежский секретарь Юшкевич Павел Иосифович, занимающий должность полицейского надзирателя⁴⁰. По всей видимости, Л.Ф. Зуров знал о роде занятий и должности своего крёстного со слов и ошибочно считал, что он служил исправником. Записи о службе П.И. Юшкевича в г. Торопце найти не удалось.

На этом хотелось бы закончить часть, посвящённую родителям Л.Ф. Зурова и их предкам, и уделить немного внимания обстоятельствам смерти мамы Л.Ф. Зурова Анны Иосифовны Зуровой, которая покончила жизнь самоубийством, когда Лёне было 3 года.

14 июня 1935 г. Л.Ф. Зурову пишет двоюродная тётя по материнской линии Валентина Александровна Гаврилова (в девич. Жуковская). Как мы помним, отцом В.А. Гавриловой был Александр Жуковский — родной брат Эмилии Квятковской-Юшкевич (дев.

³⁵ См. приложение № 2.

³⁶ Памятная книжка Псковской губернии на 1905–1906 г. – Псков, 1905.

³⁷ ГАПО. Ф. 58, оп. 2, д. 2304.

³⁸ *И. Белобровцева*. Леонид Зуров..., – с. 97.

³⁹ Памятная книжка Псковской губернии на 1903 г. Псков: Типография губернского правления, 1903.

⁴⁰ Памятная книжка Псковской губернии на 1905–1906 г. – Псков, 1905.

Жуковской). В своём письме она пишет: «Я знаю, что Вы были совсем маленьким, когда лишились матери. Причиной ее трагической смерти была совершенная неподготовленность к жизни (тетя Миля / *Эмилия Квятковская-Юшкевич*⁴¹/ ее страшно баловала и нежила) и то, что она была еще очень молода. <...> Я, конечно, не знаю, в чем она так страшно разочаровалась, что ее ничто не остановило уйти из жизни. <...> тетя Миля умерла в том же году <1905> и тоже неестественной смертью»⁴². Записей, проливающих свет на обстоятельства смерти Анны Зуровой и её мамы, к сожалению, найти не удалось. На данный момент источниками информации об этих событиях являются только дневники и переписка Л.Ф. Зурова, обнаруженные И.З. Белобровцевой в Лидском Русском архиве Великобритании.

Однако можно выдвинуть предположение о причинах и месте смерти мамы и бабушки Леонида Зурова. Как сказано ранее, записей об их смерти найти не удалось, но в метрических книгах Николаевской церкви г. Острова имеется запись о смерти в июле 1905 г. младенца Георгия, 11 месяцев от роду. Отцом Георгия записан Фёдор Максимович Зуров⁴³. По всей видимости, в 1904 г. в семье Зуровых родился брат Леонида Георгий, который впоследствии умер «от воспаления желудка». Смерть ребёнка была трагедией для молодой мамы, поэтому вполне возможно предположить, что именно это событие послужило толчком для совершения ею самоубийства, а не «изнеженность и неподготовленность к жизни».

В Николаевской церкви г. Острова запись о рождении Георгия отсутствует. Где же он был крещён? То обстоятельство, что именно в это время мать Анны со своим мужем, вероятно, проживали в г. Холм, где П.И. Юшкевич служил надзирателем, позволяет предположить, что сына крестили в какой-то из церквей Холма. Также вполне вероятно, что Анна Зурова лишила себя жизни в г. Холм. Косвенно это подтверждает и Л.Ф. Зуров записью в своих мемуарах: «... моя мать — гроб — Холм — перла<мутровый> револьвер»⁴⁴.

Естественно, всё это является не более чем предположением. К сожалению, церковные документы (метрические книги) г. Холма за интересующие годы недоступны. В настоящий момент невозможно как подтвердить, так и опровергнуть вышеизложенные гипотезы.

⁴¹ Курсив автора.

⁴² *И. Белобровцева*. Леонид Зуров..., с. 9.

⁴³ См. приложение № 1.

⁴⁴ *И. Белобровцева*. Леонид Зуров..., с. 10.

44	27	29	<p>Островского мещанина Зуро чора Лаврентьева Зурова сына млада сына Георгия Федосеева Федосеева Федосеева Федосеева Федосеева Федосеева</p>	<p>Отъ воеводы мещанина</p>
----	----	----	---	--

Запись о смерти младенца Георгия Зуроа

55	3	<p>Степановский купеческий сын Степановский, Православного исповедания, уральский гражданин</p>	<p>Мушкетерский урядничий сын Степановский, Православного исповедания, уральский гражданин</p>	<p>Степановский купеческий сын Степановский, Православного исповедания, уральский гражданин</p>	<p>Степановский купеческий сын Степановский, Православного исповедания, уральский гражданин</p>
----	---	---	--	---	---

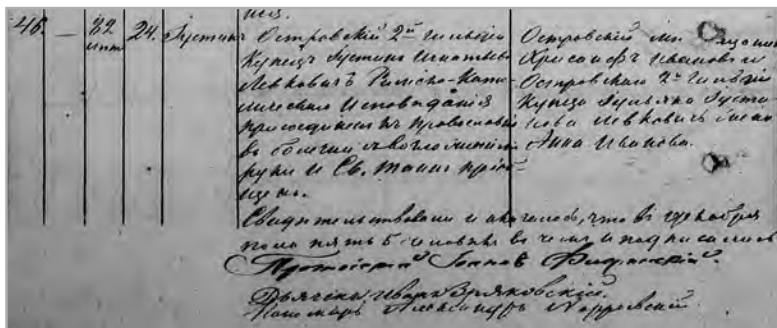
Поручительница Анастасия Фёдоровна Зуроа

443	27	31	<p>Степановский купеческий сын Степановский, Православного исповедания, уральский гражданин</p>	<p>Степановский купеческий сын Степановский, Православного исповедания, уральский гражданин</p>
-----	----	----	---	---

Запись о рождении И.У. Левковича

Это вся информация о предках Л.Ф. Зуроа из Псковской губернии, которую удалось собрать. С уверенностью можно сделать вывод о том, что предки Л.Ф. Зуроа были приезжими (в разное время) на территорию Псковской губернии. Судя по всему, истоки некоторых ветвей

генеалогического древа семьи Зуровых следует искать в Каширском и Алексинском уездах Тульской губернии, а также в Волковысском уезде Гродненской губернии (в настоящий момент Республика Беларусь).

Запись о переходе И.У. Левковича в православие

Новые исследования о Леониде Зурове

Данное исследование не претендует на всеобъемлющее исследование темы — для написания статьи использовались документы, большей частью относящиеся к Псковской губернии. Вполне вероятно, что со временем будут найдены и опубликованы документы, подтверждающие, уточняющие или опровергающие какие-либо версии, выдвинутые в статье. Можно также предположить, что данные документы могут храниться в архивах Тульской области РФ и Республики Беларусь.

ПРИЛОЖЕНИЕ **(выписки из архивных документов)**

№ 1. Псковская губерния г. Остров, Николаевская церковь (метрическая книга)

Часть третья: о умерших.

1905 г., июль

№ 44. ум. 27, погр. 29 числа

Островскаго мѣщанина Феодора Максимова Зурова сынъ младенецъ Георгій (11 м., отъ воспаления желудка).

Погребеніе совершалъ священникъ Георгій Павлиновъ съ діакономъ Леонидомъ Молодиковымъ и діакономъ Димитріемъ Шукинымъ. Погребенъ на Островскомъ Мироносицкомъ кладбище.

ГАПО. Ф. 39, оп. 22, д. 1106, лл. 356 об. – 357.

№ 2. Псковская губерния г. Остров, Николаевская церковь (метрическая книга)

Часть первая: о родившихся.

1902 г., апрель

№ 42. Леонид (род. 5, крещ. 21 числа)

Родители: Временный островской купецъ Феодоръ Максимовъ Зуровъ православнаго вероисповеданія и законная жена его 1 брака Анна Іосифова римско-католическаго исповеданія.

Восприемники: Ковенскій дворянинъ Павелъ Іосифовъ Юшкевичъ и дочь надворнаго советника Александва Александрова Заклинскаго Елисавета.

Таинство совершали священникъ Георгій Павлиновъ съ діакономъ Леонидомъ Молодиковымъ и діакономъ Димитріемъ Шукинымъ.

ГАПО. Ф. 39, оп. 22, д. 951, лл. 262 об. – 263.

№ 3. Псковская губерния г. Остров, Николаевская церковь (метрическая книга)

Часть вторая: о бракосочетавшихся.

1901 г., апрель

№ 22. 27 числа

Женихъ: Псковской Губерніи г. Острова купеческій сынъ Федоръ Максимовичъ Зуровъ православнаго вероисповеданія первымъ бракомъ (31 г.).

Невѣста: Псковская мѣщанская дочь девица Анна Іосифова Квятковская римско-католическаго вероисповеданія (19 л.).

Поручители по женихѣ: Островской мѣщанинъ Иванъ Ульяновъ Левковичъ и Островская купеческая вдова Екатерина Максимова Коробовская; по невѣсте: коллежскій советникъ Василій Михайловичъ Тимченко-Островерховъ и Островская купеческая жена Анна Петрова Афанасіева.

Таинство совершали священникъ Георгій Павлиновъ съ діакономъ Леонидомъ Молодиковымъ и псаломщикомъ діакономъ Димитріемъ Щукинымъ.

ГАПО. Ф. 39, оп. 22, д. 951, лл. 199 об. – 200.

№ 4. Псковская губернія г. Остров, Николаевская церковь (метрическая книга)

Часть третія: о умершихъ.

1889 г., декабрь

№ 51. ум. 3, погр. 5 числа

Тульской губерніи Каширскаго уѣзда сельца Иваньковскаго крестьянинъ Федоръ Антоніевъ Кузнецовъ (65 л., отъ водяной).

Погребеніе совершалъ священникъ Георгій Павлиновъ съ діакономъ Александромъ Богородицкімъ и псаломщикомъ Иваномъ Вихровымъ. Погребень на Островскомъ Мироносицкомъ кладбище.

ГАПО. Ф. 39, оп. 22, д. 803, лл. 204 об. – 205.

№ 5. Псковская губернія г. Остров, Троицкій собор (метрическая книга)

Часть вторая: о бракосочетавшихся.

1886 г., сентябрь

№ 55. 3 числа

Женихъ: Островскій купеческій сынъ Петръ Дометіевъ Шишковскій православнаго вероисповеданія первымъ бракомъ (25 л.).

Невѣста: Тульской губерніи Каширскаго уѣзда Московскаго комитета деревни Восемска крестьянская дочь девица Анна Федорова Кузнецова православнаго вероисповеданія (24 г.).

Поручители по женихѣ: Островской домовладелецъ крестьянинъ Сонинской волости селенія Гришанова Іоаннъ Савельевъ Ивановъ и Островская купеческая жена Александра Дометіева Кирпичникова; по невѣсте: Островскій купецъ Николай Іоанновъ Новиковъ и Тульской губерніи Алексѣинскаго уѣзда деревни Филатова крестьянская вдова Анастасія Феодорова Зурова.

Таинство совершали священникъ Николай Пановъ съ діакономъ Алексіемъ Кустовымъ и діакономъ Александромъ Меншиковымъ.

ГАПО. Ф. 39, оп. 22, д. 93, лл. 113 об. – 114.

№ 6. Псковская губернія г. Псков, Римско-Католическая церковь (метрическая книга)

О венчавшихся

1898 г., августъ

№ 15. Юшкевичъ Павелъ, Квятковская Эмилія (венч. 1 числа)

1898 г. августа 1 дня въ Псковскомъ Римскомъ костеле настоятель таго костела ксендзь Рылло по троекратномъ оглашеніи 1^е июня июня 14, второе июня 21 и третье июня 28 дня предъ народомъ, собравшимся на литургіи сделаны 1го августа бракомъ сочеталь и поблагословиль.

Сдѣлавъ предварительно на письмѣ предбрачные обыски и неоткрывъ никакаго препятствія къ бракосочетанію дворянина коллежскаго регистратора Павла Іосифова Юшкевича холостаго лѣтъ 32 съ мещанкою Эмиліею Станиславовною Квятковскою вдовою, урожденной Жуковской, лѣтъ 34 оба Псковскаго прихода съ г. Порхова.

Родители Павла дворянинъ Ковенской губер. Іосифа Викентьева и Вероники, урожденной Юхневичъ, Юшкевичей законные супруги. Родители Эмиліи псковскіе мещанѣ Станиславъ Христофоровъ и Анны Авсѣновой Жуковскихъ законные супруги. Свидетелями были Петръ Іосифовъ Юшкевичъ, Николай Александровичъ Пороховщиковъ (? – неразб.) и многихъ другихъ при томъ находившихся.

ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 4, д. 37, л. 498 об.

№ 7. Псковская губернія г. Псков, Римско-Католическая церковь (метрическая книга)

Об умерших

1895 г, ноябрь

№ 58 Осипъ Ивановъ Квятковскій (ум. 19 числа)

1895 года ноября 19 дня въ г. Псковѣ скончался Осипъ Ивановъ Квятковскій отъ паралича сердца вследствие чрезмернаго употребленія спиртныхъ напитковъ.

Отставной рядовой изъ поселянь Волковышскаго уѣзда Поезіоры деревни Осипъ Ивановъ Квятковскій лѣтъ отъ роду 45, оставилъ жену Эмилию Станиславовну, урожденную Жуковскую, Квятковскую, дочь Анну-Эмму Псковскаго прихода.

Тѣло его похоронено на Псковскомъ Р. Католическомъ кладбище ксендзомъ Рылло настоятелемъ псковскаго костела ноября 22 дня.

ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 4, д. 29, л. 345 об.

№ 8. Псковская губернія г. Псков, Римско-Католическая церковь (метрическая книга)

О крещеніях

1881 г., декабрь

№ 49. Анна Квятковская (род. 6, крещ. 17 числа)

1881 года декабря 17 дня въ Псковской Р.-Католической церкви окрещенъ младенецъ по имени Анна-Эмма Викарнымъ оной церкви ксендзомъ Шацкимъ съ совершениемъ всѣхъ обрядовъ таинства.

Дочь запасно(го) рядового Юсифа Иванова и Эмилиі Станиславовны, урожденной Жуковской, законныхъ супруговъ Квятковскихъ, родившаяся в г. Псковѣ 6 декабря 1881 года.

Восприемниками при Св. Крещеніи были: Теофиль Игнатовичъ Носковскій и Эмма Христиансіень.

ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 117, л. 230 об.

№ 9. Псковская губернія г. Псков, Римско-Католическая церковь (метрическая книга)

Об умерших

1875 г, ноябрь

№ 31 Иоанна Галькевичъ (ум. 9 числа)

1875 года ноября 9 дня въ г. Псковѣ скончалась Иоанна Галькевичъ отъ чехотки, была причащена Св. Тайн.

Вдова изъ дворянъ Витебской губерніи Велижскаго уѣзда отъ роду 53 лѣтъ, оставила дочь Пелагію за мужемъ Жуковскимъ.

Тѣло ея сего года и месяца 11 дня Кс. Григорій Шацкій викарій Псковской Р.К. Церкви похоронилъ на Р.К. приходскомъ кладбище.

ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 103, л. 157 об.

№ 10. Псковская губернія г. Псков, Римско-Католическая церковь (метрическая книга)

Об умерших

1868 г, январь

№ 3 Анна Жуковская (ум. 17 числа)

1868 года января 17 дня въ г. Псковѣ скончалась Анна урожденная Овсевичева Жуковская отъ родовъ.

Отставного унтеръ-офицера Станислава Жуковского жена имѣвшая отъ роду 38 лѣтъ, оставила 2^х сыновей Александра и Викентія и 2^х дочерей Марьянну и Емилию.

Тѣло ея Викарный Свящ. Псковской Р.К. Церкви Сылвестръ Кимбаръ 19 января на кладбище Св. Юсифа похоронилъ.

ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 84, л. 115.

№ 11. Псковская губерния г. Псков, Римско-Католическая церковь (метрическая книга)

О венчавшихся

1868 г., апрель месяц

№ 1. Жуковскихъ (венч. 14 числа)

1868 г. апреля 14 дня въ Псковской Римско-Католической приходской церкви настоятель оной церкви магистръ богословія каноникъ Юстинъ Витковскій по троекратномъ оглашеніи, изъ коихъ первое апреля 1 дня, второе 7 дня и третье 14 дня того же апреля предъ народомъ, собравшимся на литургіи сделаны.

Отставной унтеръ-офицеръ Станиславъ Жуковскій, вдовецъ 30 лѣтъ, съ дворянкою Пелагією Голькевичевою, девицею 20 лѣтъ, обоихъ изъ г. Пскова прихожанъ оной церкви по сделаннымъ предварительнаго строгого съ обоихъ сторонъ на письмѣ изъявленнаго изслѣдованія о препятствіяхъ къ бракосочетанію и по неоткрытію никакихъ, а равно по изъявленнаму отъ обоихъ лицъ взаимному соглашенію внешними знаками обнаруженному.

Крестьянъ Кржистофа и Елисаветы, урожденной Суботкевичевой, Жуковскихъ законныхъ супруговъ сынъ съ дочерью дворянъ Мартина и Юганны, урожденной Гуторовичевой, Галькевичей законныхъ супруговъ бракомъ сочеталъ и въ лице Церкви торжественно поблагословилъ въ присутствіи вѣры достойныхъ и многихъ другихъ при томъ находившихся Александра Пальковского кол. асессора, титулярнаго совѣтника Александра Строковского и Михаила Гролянова (? – неразб.).

ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 83, л. 55.

№ 12. Псковская губерния г. Псков, Римско-Католическая церковь (метрическая книга)

О крещеніяхъ

1862 г., сентябрь

№ 37. Эмилія Жуковская (род. 7, крещ. 13 числа)

1862 года сентября 13 дня въ Псковской Римско-Католической

приходской церкви окрещенъ младенецъ по имени Эмилія настояте-
лемъ оной церкви каноникомъ Иустиномъ Голуковскимъ съ совершени-
емъ всѣхъ обрядовъ таинства.

Отставнаго унтеръ-офицера Станислава и Анны, урожденной Ав-
сяновой, Жуковскихъ, родившаяся в г. Псковѣ сентября 7 дня 1862 года.

Восприемниками были: Федоръ Неваровскій семинаристъ съ
Анастасією Фадеевою.

ЦГИА СПб. Ф. 1822, оп. 3, д. 66, л. 289 об.

№ 13. Тульская губернія Каширскій уездъ сельцо Ивановко, Пе-
тропавловская церковь (метрическая книга)

О рождающихся

1823 г.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ

№ 23. 20 числа

Вотчины надворной советницы Настасьи Васильевой Бестуже-
вой села Иванкова у крестьянина Андрея Павлова родился сынъ Фе-
доръ. Восприемники деревни Шепелевки крестьянинъ Федотъ Заха-
ровъ (и) Акилина Степанова.

Молитвословіе родилнице читаль и младенцу имя рекъ и
крещеніе совершалъ прихоцкій священникъ Петръ Ивановъ, дьячекъ
Яковъ Петровъ, пономарь Василей Барисовъ.

ГАТО. Ф. 3, оп. 15, д. 877, лл. 722–725.

№ 14. Вѣдомость Тульской Епархіи Кошырской округи села
Иванкова церкви святыхъ апостоль Петра и Павла священника Петра
Иванова съ причетники. Подана сентября 8 дня 1828 года.

Помещицы Настасьи Васильевой Бестужевой села Иванкова кре-
стьяне (выписка)

70. Егоръ Павловъ 40 (лет)

жена ево Праскева Трафимова 40 (лет)

у нихъ дѣти Егоръ 12 (лет)

Селиверстъ 10 (лет)

Варвара 6 (лет)

Степанъ 3 (года)

Андрей Павловъ 36 (лет)

жена ево Мария Григо(рьева) 36 (лет)

у нихъ дѣти Федоръ 5 (лет)

Павель Ермиловъ 21 (год)

жена ево Анна Кондрато(ва) 20 (лет)

ГАТО. Ф. 3, оп. 16, д. 262, л. 183 об.

Кузнецова-Миловидова М.Г.,
турфирма «Гринден-СПб»,
Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: Kuznmilovs.pb@mail.ru

СОПРИКОСНОВЕНИЕ СУДЕБ (К 150-летию М.В. Алтаевой-Ямшиковой)

В 2022 году отмечалось 150-летие со дня рождения Маргариты Владимировны Ямшиковой, детской писательницы, публициста, мецената.

Ямшикова — человек необыкновенной судьбы: вышла из дворянской среды, окунулась в революцию со свойственным её характеру бунтарством; работала в Смольном рядом с Лениным и Крупской и при этом всегда писала, не изменяя своим взглядам. Её призванием была просветительская деятельность, её наследие — книги серии «Жизнь замечательных людей» для детей и молодёжи.

Она родилась в Киеве 22 ноября 1872 года в семье Владимира Дмитриевича Рокотова, бывшего предводителя Великолукского дворянства. Мать происходила из Толстых, одного из известнейших и многочисленных русских родов. У родителей это был второй брак: у матери до рождения Маргариты было пятеро детей, у отца — трое. Супруги оказались единомышленниками — оба увлекались театром, литературой и идеями народничества. Владимир Дмитриевич — и Аглая Николаевна его в этом поддерживала — недолго издавал прогрессивную газету «Киевский вестник» и писал остроумные фельетоны. Он открыл русскую библиотеку в Киеве, большую часть своего состояния потратил на создание общедоступного театра, а потом, когда разорился, служил в театральной труппе. Первой литературной школой для Маргариты стало переписывание ролей для пьес. Она выросла в театре, знала многих незаурядных актёров и актрис. «Жизнь в нашей семье, — писала она, — походила на котел, в котором все вечно бурлило и кипело».

Рокотов дружил с талантливым автором иллюстраций к поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души» Александром Алексеевичем Агиным, который исполнял обязанности художника — декоратора в его театре. Агин стал крёстным отцом Маргариты.

В тринадцатилетнем возрасте Маргарита впервые побывала в Пскове вместе с отцом — его пригласили на сезон режиссёром любительского театра. Впоследствии она писала: «Мой отец — пскович, а значит, я псковичка»; «Моя настоящая родина, родина души — на севере, в старой Псковщине...».

М.В. Ямщикова, 1900 г.

После работы в Пскове Рокотов устроился в Петербургский Александринский театр на роли второго плана. При поступлении на сцену он дал письменное обязательство не упоминать о своём дворянском происхождении. Для дополнительного заработка он публиковал интересные воспоминания о былой жизни за подписью «Р...въ».

Маргарита тогда уже писала рассказы для детей — она писала всегда и, тем не менее, закончила рисовальную школу и затем Фребелевские педагогические курсы в Санкт-Петербурге.

В 1888 году она дерзнула показать свои литературные труды поэту Якову Полонскому и неожиданно для себя получила его похвалу. Ей исполнилось 17 лет, и её святочную сказку «Встреча Нового года» напечатали в новогоднем выпуске журнала «Всемирная иллюстрация». Это было счастье! Из книги Я. Полонского она взяла мужской псевдоним «Ал. Алтаев» — так звали одного из персонажей; в благодарность за поддержку и ещё потому, что считала, что «женщине в литературу пробить дорогу ужасно трудно...».

Псков, ул. Некрасова, 12. Дом, в котором жили Рокотовы

В 1892 году Маргарита вышла замуж за студента Лесного института Андрея Ямщикова, но вскоре рассталась с ним, так как он не желал, чтобы жена занималась сочинительством, проявлял агрессию. Когда дочери Людмиле исполнился год, Маргарита убежала от него — и больше супруги никогда не виделись. Фамилия мужа была сохранена — она подходила к «новому времени». Тогда в жизни Ямщиковой начался трудный период: надо было бороться с бедностью, заниматься «ручной перепиской у частных лиц», но и «в промежутках между работой писать своё», чтобы «завоевать положение в литературе». А для того, чтобы жить одной, следовало получить документ под названием «Вид на отдельное место жительства» — до 1917 года в России действовал закон, по которому женщины не имели паспортов: их вписывали в паспорт супруга. Ямщиковой предложили познакомиться с владельцем усадьбы Лог в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии К.И. Писаревым. Он служил чиновником Паспортного департамента, и в 1895 году Маргарита Владимировна приехала на Псковщину. Здесь произошла по-настоящему судьбоносная встреча — с дочерью Писарева Ольгой Константиновной Гориневской. Оле тогда было шесть лет и дочь Маргариты, трёхлетняя Людмила, обрела в ней свою старшую сестру. Девочки обожали слушать рассказы, которые мгновенно переносили их из псковской усадьбы в солнечную Флоренцию и знакомили с Рафаэлем, а потом отправляли в Данию — в гости к великому ска-

зочнику Андерсену. Каждое лето Маргарита Ямщикова приезжала в Лог. Писать и быть счастливой. Впоследствии верную дружбу три незаурядные женщины пронесли через всю жизнь.

В год революции, в 1917-м, Ямщиковой было 45 лет. Однажды она встретила своего приятеля, Глеба Бокия, который пригласил её на выступление В.И. Ленина. Она была впечатлена энергией и страстью, с которой вождь говорил, что у бедноты есть светлое будущее. Бокий просил Ямщикову о помощи — редактировать письма малограмотных крестьян для печати в газетах «Солдатская правда» и «Крестьянская беднота». Она согласилась. Газеты выходили ежедневно. Потом она вспоминала, что из-за круглосуточной работы не могла спать и есть — терялось осязание и перо выпадало из рук.

Лог, Музей Алтаевой-Ямщиковой

Весной 17 года по совету докторов Маргарита уехала на природу — опять в любимый Лог, а осенью вернулась в Петроград и снова трудилась в газете. Кроме Бокия, никто в редакции не знал, что под фамилией М.В. Ямщикова работает известный писатель Ал. Алтаев.

В газете «Красный библиотекарь» за 1927 год есть статистика, каких авторов читали тогда молодые представители рабочего класса: Джек Лондон, Максим Горький, Жюль Верн, Виктор Гюго, Эмиль Золя, А.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Вальтер Скотт, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Э.Л. Войнич, Д.М. Мамин-Сибиряк, Л. Синклер, Ал. Алтаев, Н.В. Гоголь...

Ал. Алтаева-Ямщикова

Она была очень популярна. Собрание сочинений насчитывает 16 томов, книги переводились на разные языки. Больше количество её произведений вышло до революции. Корней Чуковский называл М.В. Ямщикову родоначальницей новой детской литературы. Кроме того, она стояла у истоков знаменитой серии «Жизнь замечательных людей».

Маргарита Ямщикова прожила 87 лет — литературе она отдала около семидесяти. Дочь Людмила помогала матери с юности, став соавтором в некоторых произведениях. Она писала под псевдоним «Арт. Феличе», но основным родом её деятельности был театр: она посвятила ему сорок лет и умерла в Доме ветеранов сцены в Петербурге. Людмила тоже неизмеримо любила Лог.

*...Помнишь, мама, мы с тобою
Утром ласковым вдвоем
Наполняли счастьем дом...*

Дочь М.В. Ямшиковой

О.К. Гориневская, 1970-е гг.
Из фонда Псковского
музея-заповедника

Своей второй дочерью М.В. Ямшикова считала Гориневскую.

Ольга Константиновна Сидорчук, во втором браке Гориневская, получила хорошее образование, владела несколькими языками, училась в Петербургской консерватории по классу скрипки. Замуж вышла за Семёна Юлиановича Сидорчука, к тому времени занимавшего должность придворного царского архитектора. Самая известная работа С.Ю. Сидорчука — здание Государевой Ратной палаты в Царском селе.

Придворная блестящая жизнь в Царском Селе вначале закружила голову молодой женщине, но вскоре стала тяготить её. После революции Семён Сидорчук эмигрировал в Польшу. Ольга Константиновна осталась в Царском Селе и видела, как царскую семью увозили из Александровского дворца... Муж звал Ольгу с собой, но получил отказ. Она забрала маленьких дочерей — Светлану, семи и Ксению двух лет, и с детьми и няней приехала в имение своих родителей на Псковскую землю. Здесь она жила с 1917 по 1966 год, работала учительницей в сельской школе, держала кур, занималась хозяйством. Удивительное дело — в годы революции, в годы репрессий, и в Великую Отечественную войну усадебный дом уцелел. Маргарита Владимировна и Ольга Константиновна спасали дом от гибели в годы гражданской смуты: то,

что Гориневская была женой архитектора Николая II, защитило дом от разорения белыми, а писательница Ямщикова сотрудничала с большевиками, что оградило дом от разрушения красными.

Дочери уехали к отцу в двадцатые годы. А спустя сорок лет, когда Ямщиковой уже не было в живых, Ольга Константиновна мечтала навестить дочерей и внуков, но ей с американской стороны отказали в очередной визе. Был предложен выбор: либо покинуть страну и вернуться к дочерям в США навсегда, либо больше никогда не видеть детей. Уезжая в Америку, она сделала всё для открытия в своём усадебном доме мемориального музея писателя Ал. Алтаева. Музей открыли через полгода, в 1967 году.

Ольга Константиновна постоянно писала «американские письма на родину» своей подруге, учительнице А. Анисимовой, с которой они работали в Лосицкой школе, и спрашивала, кто приходил в музей, о чём говорили, как воспринимали. «Лог — милый, старый, родной Лог... Нет, никогда мне не привыкнуть к здешней жизни, и всегда я буду здесь чужая... Все ко мне очень внимательны и любезны, и дай бог каждому иметь таких любящих и заботливых дочерей, но они слишком долго прожили вне родины, и психология у них несколько изменилась... Если будете в Лосицах, зайдите в музейчик и напишите о впечатлении».

Людмила Андреевна не верила тому, что в усадебном доме можно сделать музей её матери, и поэтому многие вещи, которые принадлежали Ямщиковой, передала в Государственный музей А.С. Пушкина в Москве. Это более 200 единиц хранения. Часть экспонатов впоследствии вернули в Лог.

В кругу общения Семёна Сидорчука и Ольги Гориневской в Царском Селе был архитектор Сильвио Данини, человек уникальной судьбы. По семейным преданиям, далёкие предки Данини жили в начале XIV века в Риме, затем в Ломбардии в городе Мантуя. «Знаменитый тенор Амброджо Данини» (так писали об отце будущего архитектора) заключил контракт с Одесской оперой, остался в России, женился на дочери французского эмигранта. В семье родилось восемь детей и младший из них — Сильвио. Юноша поступил в Императорскую Академию Художеств в Санкт-Петербурге, закончил и получил диплом с отличием.

В апреле 1896 года Высочайшим указом по гражданскому ведомству С.А. Данини был назначен архитектором Дворцового управления в Царском Селе. В должности придворного архитектора Сильвио Амвросиевич принимал активное участие во всех производимых в Царском Селе работах. Благоустройство Екатерининского и Александровского парков, обновление и ремонт инженерных сетей, реставрация и

ремонт Парадных комнат Александровского дворца, Личных покоев Августейших супругов и их детей, проектирование мебели для Полукруглого зала Александровского дворца — далеко не полный перечень трудовой деятельности архитектора на протяжении долгих лет службы в Дворцовом управлении. Императрица Александра Фёдоровна называла его «Наш Данини».

Сильвио Данини

Помимо основной работы, он осуществлял многочисленные городские проекты. Его творческое наследие колоссально: это храмы, школы, училища, благотворительные учреждения, городские особняки, дачи, городские технические сооружения — в блистательной резиденции Царское Село есть настоящий даниниевский город — около сорока сооружений, многие из которых в стиле английских коттеджей.

У Сильвио Данини была прекрасная семья, четверо детей, внуки. После революции он не эмигрировал — до 1919 года оставался служащим Управления детскосельскими художественными имуществами (бывшего Дворцового управления). Потом для семьи началась тяжелейшая пора. Данини трудился сапожником, чтобы прокормить

семью. В 1923 году ему предложили место архитектора на электростанции ГЭС-3 в Петрограде, на набережной Фонтанки, 104. Семья переехала в Петроград.

В тридцатые годы Данини проектировал плотины, шлюзы и здания электростанций, строящихся вдоль мощной водной артерии — реки Свирь. Его деятельность в «Свирьстрое» продолжалась до марта 1938 г., когда он был уволен из «Электротока». Самая значительная работа 30-х, «лебединая песня мантуанского архитектора», — отделка интерьеров Дома Советов, одного из самых крупных общественных зданий Ленинграда, расположенного на Московском проспекте, 212, построенного по проекту Н.А. Троцкого.

Весной 1941 года Данини получил важное предложение: возглавить реставрационные работы в Янтарной комнате Екатерининского дворца-музея и провести обследование фасадов здания. Этим планам помешала война.

Зодчий вышел на пенсию в августе 1941 г., за месяц до начала блокады. До последних лет жизни Сильвио Данини сохранял удивительную работоспособность, бодрость ума и — даже в самые драматические моменты — великую силу духа. От эвакуации он отказался: его супруга Вера Антоновна перенесла инсульт и плохо двигалась. Последний придворный архитектор последнего российского императора умер от сердечного приступа в заснеженном блокадном Ленинграде 11 января 1942 года в возрасте 74 лет.

2022 год оказался одинаково значимым как для Псковщины, так и для земли Санкт-Петербурга — совпали даты: 150-летие со дня рождения М.В. Ямщиковой, 155-летие со дня рождения и 80-летие со дня смерти С.А. Данини.

2022 в Санкт-Петербурге был объявлен годом Данини. На Псковской земле в 2022 году прошло большое количество мероприятий: Алтаевские чтения, лекции, выставка, библиотечные встречи, посвященные М.В. Ямщиковой. Жизнь Ямщиковой более 60 лет связана с Псковской землёй. Жизнь Данини около 60 лет — с Петербургом, более 20 лет — с Царским Селом.

В 1971 году имя Ал. Алтаева получила улица на Запсковье, в 2017 году в Царском Селе появилась улица Данини.

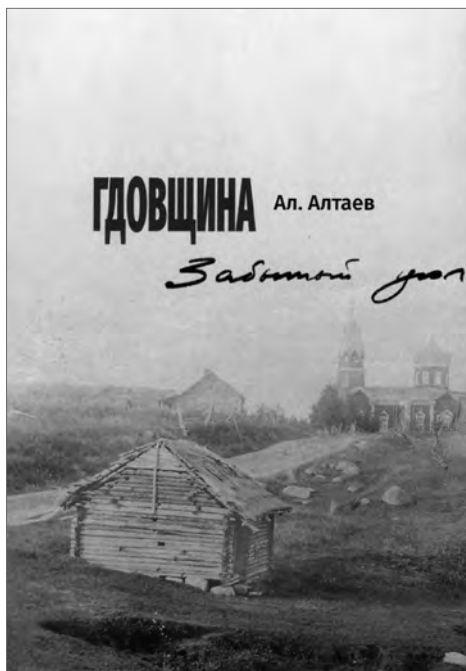
Впервые Маргарита Владимировна приехала в Псков 13-летней барышней в 1886 году и навсегда связала свою жизнь с Псковщиной. Данини в этом же, 1886-м, приехал в столицу Российской империи и поступил в Академию Художеств — связал жизнь с Санкт-Петербургом.

Когда в 1917 году Ямщикова работала в редакции в Смольном, её соседкой по кабинету была М.И. Ульянова — редактор газеты

«Правда», но при этом Ямщикова никогда не была ни членом ВКПб, ни КПСС. В страшные постреволюционные годы многие «неподходящие» книги изымали из библиотек. Книгу Ал. Алтаева об Аракчееве изъяли из библиотек, а человека, который написал предисловие, расстреляли в 1937 году.

Сильвио Данини не арестовали, никого из его родственников не репрессировали, но был период настоящего выживания — постоянные поиски работы, мучительное нравственное положение, попытки приспособиться к сложившейся ситуации.

Судьба их хранила. Интересно, что и похоронены они рядом: могила Ямщиковой находится на Литераторских мостках на Волковском кладбище, Данини рядом — на Волковском лютеранском кладбище. У обоих уникальная особенность в биографии: они были «из бывших», оба разными путями стали частью нового мира, связали две культуры и, являясь незаурядными личностями, оставили самый добрый след в русской истории.

Ал. Алтаев. Гдовщина

ИСТОЧНИКИ:

1. *Алтаев Ал.* Гдовщина. Забытый угол. [под редакцией Арт. Феличе. публикацию подгот. Т.Н. Степанова; авт.предисл. В.Я. Курбатов] – СПб.: издательство РХГА, 2020. – 480 с. : ил., [16] с. ил.
2. *Бардовская Л.В., Ботт И.К., Епарина Е.С.* Архитекторы Царского Села. От Растрелли до Данини. СПб: изд. Аврора. 2010. – 304 с.
3. *Бертацони В.* Судьба мантуанского рода Данини в России. СПб: изд. Всемирное слово. 1996. – 192с.
4. *Квашина-Самарина В.С.* Жизнь Сильвио Данини. Воспоминания дочери. СПб.: изд.Genio loci. 2022. – 239 с.
5. *Козлов А.В.* Сильвио Данини. Материалы к творческой биографии. Издательский дом «Коло». СПб.: 2010. – 240 с.
6. [Электронный ресурс]: URL: <https://gtrkpskov.ru/news-feed/vesti-pskov/6024-v-pskove-vyshla-kniga-vozpominanij-al-altaeva-gdovshchina-zabytyj-ugol.html>
7. [Электронный ресурс]: URL: https://museumpskov.ru/news/stopyat-desyat_let_al_altaevu

Остров. Цепной мост и остатки крепости. Из свободных источников

Меркурьев П.В.,

Луга, Россия

e-mail: mpv55@yandex.ru

Василькина Н.В.,

e-mail: n.vasilkina@yandex.ru

МЕРКУРЬЕВЫ И ОСТРОВ

Семья Меркурьевых корнями уходит в Псковскую землю. В Острове родился великий артист Василий Васильевич Меркурьев, которому я прихожусь внучатым племянником.

Родословную семьи пытался восстановить мой отец (племянник Василия Васильевича) Виталий Петрович Меркурьев. Сохранились его дневники. Там он изложил такую версию:

«Мой прадед Илья Меркурьевич Меркурьев был Николаевским солдатом. Служил он долго... целых 20 лет. А по окончании службы женился, записался в мещане и открыл мелкую торговлю. Жена его, красавица Дарья Петровна, была из семьи бондарей. И как водится, в таких мастеровых семьях много пили... У Дарьи Петровны было много сестёр и одной из них была тетя Дуня — двоюродная бабка моего отца, которая впоследствии жила с нами в Ленинграде и рассказывала о прошлом.

Илья Меркурьевич и Дарья Петровна жили дружно, торговля шла в гору... Купили дом в г. Остров Псковской губернии. Нажили троих детей... Однако сказала плохая наследственность Дарьи Петровны, и годам к 35 она сошла с ума. Дарья Петровна в припадке отрезала себе волосы, чудила. Прадед Илья стал мрачен, начал хиреть и умер.

Торговое дело перешло к моему деду Василию Ильичу (старшему сыну). При нём осталось два брата — Александр и Николай, большая мать и тётка Дуня.

В это же время недалеко от Острова в небольшом поместье у дворянки Нехлюдовой работала экономкой скромная девушка (плод запретной любви некой Розалии Гроссен и австрийского графа Марштейна). Её и младшего брата воспитали бабушка с дедом (родители Розалии). Звали её Анной, а её брата — Генрихом. Она и стала моей бабушкой по отцовской линии. Произошло это не без помощи помещицы Нехлюдовой, которая очень любила Аннушку за её хозяйственность и домовитость, свойственные всем обрусевшим немцам. Нехлюдова часто покупала товары в лавке Меркурьевых и знала, Василию Ильичу нужна хозяйка в доме. Она их и сосватала.

Анна Ивановна Меркурьева (Гроссе) в центре, моя прабабушка
с невестками сыновей и внуками

В середине в шапке мой дед Пётр Меркурьев

В.В. Меркурьев в г. Острове

Анна — старшая дочь
В.В. Меркурьева

Пожились они примерно году в 1893–1894. После свадьбы бабушка Анна завела свои порядки в доме и взяла в свои руки управление торговлей. Торговля пошла в гору, остепенился муж. В семье появился достаток и семейное счастье.

Своего брата Генриха она определила в Петербургский университет на юридический факультет, а братьев мужа устроила наборщиками в типографию в Петербурге. Там они и прижились, обзавелись семьями.

Детей у Анны и Василия было 8 человек — 7 сыновей и дочь Ольга. Жили они скромно, однако доходов хватало на содержание такой большой семьи. Старших сыновей Леонида и Евгения и брата Генриха выучили в Университете. Других

сыновей звали Василий (стал артистом), Пётр (мой отец — один из первых комсомольцев г. Острова, в дальнейшем работал партийным руководителем на Кировском заводе — репрессирован), Александр, Николай» (другие имена в дневнике не упоминаются).

Про Василия Васильевича Меркурьева мне известны три книги: Сергея Львовича Цимбала (вышла в 1963 году), книга «Василий Меркурьев» под редакцией А.Я. Альтшуллера (сборник воспоминаний, статей, интервью; вышла в 1986 году) и книга сына В.В. Меркурьева Петра Васильевича «Сначала я был маленьким» (2002 год).

Приведу цитату из этих книг о том, как Василий Васильевич описывается о городе своего детства:

«Город, в котором я родился и вырос, — Остров на Псковщине. Небольшой зелёный город, «по пояс» стоящий в крестьянстве. В рыночные дни сюда съезжались из окрестных деревень мужики продавать яблоки, мёд, рыбу, скотину. По дорогам тянулись скрипучие телеги, пахло пылью, дёгтем, навозом. В маленьких дворах, куда мужиков пускали на постой, визжали свиньи, привезённые на продажу... Впечатление от отцовского дома, от среды, в которой прошло моё детство, отозвалось потом — возможно, поначалу бессознательно — в спектаклях Островского, моего любимого драматурга, которого я играю с трепетом, начиная с юности. Ещё в Острове в любительском самодеятельном спекта-

В.В. Меркурьев

Сын В.В. Меркурьева — Пётр

кле, я сыграл Дормедонта в «Поздней любви». Потом в Петрограде, куда приехал учиться, исполнил роль Силы Ерофеича Грознова в постановке «Правда хорошо, а счастье лучше». Пьесу Островского мы играли в выпускном дипломном спектакле в 1926 году. Мне было тогда двадцать два года. И недавно на своём семидесятилетнем юбилее я играл Грознова уже в окружении своих учеников».

О младшем брате Анны Ивановны (матери В.В. Меркурьева) можно почитать в википедии: «Генрих Иванович Гроссен, псевдоним Нео-Сильвестр (10.01.1881, Сандомир — 7.05.1974, Женева).

Сын швейцарских подданных. Первоначальное образование получил в сельской Горайской школе Опочецкого уезда Псковской губернии. Окончил С.-Петербургскую 11-ю гимназию (1902). Окончил юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета (1910). Учился в Цюрихском университете, кандидат права. Помощник обер-секретаря Уголовно-кассационного департамента Сената. Некоторое время исполнял обязанности следователя на Кавказе. Параллельно занимался журналистикой, работая в журналах «Зритель», «Альманах для всех», «Народ» и др. Преподавал латинский язык, исто-

рию и географию на частных курсах Р. Домбровского в Петербурге с 1909 по 1914. В 1915 мобилизован. Чиновник штаба 12-й армии.

Зачислен в списки Северо-Западной Армии, с назначением в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба Армии (Пр. Северо-Западной армии № 256, 12.10.1919, Нарва). Чиновник военного времени. Заведующий информационным отделом, редактор «Вестника Северо-Западной Армии». В эмиграции в Латвии».

Василий Васильевич связи с дядей не поддерживал. Тогда было суровое время репрессий.

Брат Василия Васильевича Евгений тоже уехал в Латвию с дядей. Позднее он стал музыкантом, композитором. Жил с семьей, кажется, в США. Александр, Василий и Пётр после Гражданской войны перебрались в Петроград (Ленинград). Александр умер во время блокады в Ленинграде. Он был директором хлебозавода, а умер, как ни странно, от голода. Сестра Ольга умерла молодой, от туберкулёза умер и Володя, младший брат, которому исполнилось девять лет.

Пётр Васильевич Меркурьев — средний брат Василия Васильевича — это и был мой дед. Он женился на дочери царского полковника Ларисе Веденской. Род Веденских известен в Острове, как семья священника.

Второй справа Пётр Васильевич Меркурьев

Дети (Женя, Аня, Катя, Наташа Меркурьевы)
в эвакуации во время войны

Елизавета Веденская
моя прабабушка

Михаил Веденский
(священник) мой прапрадед

Катя — младшая дочь
В.В. Меркурьева

Мой дед Пётр с бабушкой Ларисой и моим отцом Виталием

Мой прадед Гаврил
Михайлович Веденский

Моя тетя Наталья
Меркурьева

Пётр Васильевич — единственный из семьи горячо принявший революцию. Ему было поручено руководить детскими пионерскими организациями в Псковской области. Он вступил в члены партии большевиков. Но в 1927 году его из партии исключили из-за сочувствия троцкистам. В Ленинграде он был восстановлен в партии. Работал партийным руководителем на Ижорском заводе. Но в 1939 году его арестовали и обвинили в организации кружка троцкистов. В тюрьме дед умер.

Моя бабушка Лариса (справа)
с подругой

Во многих воспоминаниях и фильмах, посвящённых Василию Васильевичу, говорится о том, что он усыновил детей своего репрессированного брата Петра: моего отца — Виталия, его брата Евгения и сестру Наталью. Якобы, жена брата заболела и умерла. Это не совсем так. Юридического усыновления не было. А бабушка Лариса Гавриловна Веденская (жена Петра) умерла в 1983 году. У Василия Васильевича постоянно воспитывался только Евгений, до своего поступления в Театральный институт. В эвакуации во время войны бабушка с детьми Виталием и Наташей приехала к Василию Васильевичу в Новосибирск. Они все жили одной семьёй. После войны отец мой поступил в мореходное училище, а бабушка Лариса с Наташей вернулись в свою квартиру на улице Турбинная, которую до войны получил от Кировского завода Пётр Васильевич (дед).

Личных встреч со знаменитым артистом у меня было всего две. Первую встречу я не помню из-за младенческого возраста. Мы с отцом были в гостях у Меркурьевых. Во второй раз мы встретились, когда он с театром приезжал в Мурманск на гастроли. Я тогда ещё был школьником. Отец завёл меня и маму за кулисы сцены, где нас встретили Василий Васильевич и художественный руководитель театра драмы им. А.С. Пушкина Игорь Горбачёв, который поцеловал маме ручку, поздоровался со мной за руку и распорядился усадить нас на подставные стулья. Мы смотрели спектакль Островского «Доходное место».

От родных я слышал, что семья иногда обращалась к Васю Василичу за помощью при необходимости.

Слева мой дед Пётр Меркурьев

Слева Ирина Мейерхольд и моя бабушка Лариса с моим отцом Виталием

В двухтысячные годы, когда я жил уже в г. Луга, я общался с сыном Василия Васильевича Петром, названным в честь моего деда (как и я сам). При его жизни мы создали группу «Меркурьевых» в социальной сети «Одноклассники» и вели там плотную переписку.

Пётр Васильевич был очень трогательным человеком — вот что он писал мне тогда, за год до своей кончины, в марте 2009 года: «Себя беречь невозможно! И ты это знаешь ЛУЧШЕ МЕНЯ! (Ты сам такой!) Петруша! Я тебя очень люблю! Отца твоего любил, но тебя люблю даже больше! До сих пор ощущаю Твоё братское объятие на Женькиных похоронах. Тогда я понял, что у меня есть РОДНОЙ (самый родной) человек». В сентябре 2010 года его не стало.

Дочь Актёра Меркурьева Екатерина жива, ей 83 года, она лежащая тяжелобольная.

Город Остров теперь стал и для нашей семьи родным городом, и мы стараемся передать любовь к городу наших предков своим детям и внукам.

Антипова М.А.,
Псков, Россия
e-mail: knijnicc@gmail.com

СУДЬБЫ ПСКОВИЧЕЙ. СЕМЬЯ БЕЛОКОРОВКИНЫХ. СТАРШАЯ ВЕТВЬ

На основе мемуаров капитана речного флота Белокоровкина В.В. и части архивных материалов исследована история старшей ветви семьи Белокоровкиных в хронологических рамках конца 19 — начала 20 вв.

Ключевые слова: *Белокоровкины, Сутокин, речной флот, Псков, Псковский речной порт, Псковская пристань, Талабские острова, псковичи, Псковская область, Псковский край, купечество.*

Об истории семьи псковских капитанов речного флота Белокоровкиных я рассказывала на 10 международной конференции «Эра пароходов, теплоходов речного и морского флота: прошлое, настоящее, будущее», которая проходила 18–19 июня 2021 года в г. Пскове, и на 11 Псковских международных краеведческих чтениях, которые проходили 1–3 октября 2021 года в г. Порхове.

Основой выступлений послужили мемуары одного из капитанов — Белокоровкина Виктора Васильевича, которые в процессе работы с ними подкреплялись данными Государственного архива Псковской области (ГАПО).

Особый интерес представляет старшая ветвь этой семьи, неоднозначную историю которой я немного попыталась проследить, а результаты этого небольшого исследования представить в данной работе.

О старшей ветви (дед, бабушка) Белокоровкина Виктора Васильевича по отцовской линии, как указывалось мною ранее, известно только то, что семья прибыла, предположительно, с Украины, осела на псковских Талабских островах, торговала скотом (лошади, свиньи), лесом, держала лавку с разными товарами. Умерли они ещё до революции не очень старыми. В семье было два сына (старший погиб в годы Первой мировой войны), три дочери (две старшие были репрессированы и умерли до Великой Отечественной войны, младшая после войны проживала в г. Рига). Сын Василий (отец Белокоровкина Виктора Васильевича) проживал на острове им. Белова (остров Верхний) [1], женился на Анастасии Фёдоровне Белокоровкиной (в девичестве Сутокиной).

Бровкин Николай
(публикуется впервые)

Капитан Белокоровкин Виктор
Васильевич

По материнской линии, т.е. по линии Анастасии Фёдоровны, известно, что родилась она в 1895 г. на о. им. Белова (о. Верхний). По словам автора мемуаров, её отец, Сутокин Фёдор, был купцом 1 гильдии и торговал рыбой, в том числе был поставщиком рыбной продукции к царскому двору. Его мать владела большой таверной где-то на границе между Россией, Литвой и Польшей, а отец был главным акцизным чиновником Литвы, поляком по национальности, младшим сыном какого-то княжеского рода [2]. Был ли Фёдор Сутокин законным сыном своих родителей — автору мемуаров неизвестно. После достижения зрелого возраста Фёдор Сутокин и его родной брат Белянин получили от родителей соответствующий капитал и начали самостоятельную жизнь. Фёдор осел на псковских Талабских островах, занялся заготовкой, обработкой и реализацией рыбы. Его брат Белянин купил участок земли в Изборске и основал там добычу гипса и его переработку. В его семье было три сына и дочь, которые позднее проживали в Таллинне. Мать Анастасии Фёдоровны была из богатой семьи Сергухиных, в которой было 9 детей, — в основном, девочки. В родстве с ними были Царёв Пётр, Пленина Марфа, Сергухина Мария, Комлевы.

Бровкин Николай
с товарищами 15.06.1915
(публикуется впервые)

Бровкина Татьяна
Фёдоровна с сыном Алексеем,
1937 г.(публикуется впервые)

В семье Сутокиных было 7 детей: Пётр, Дмитрий, Павел, Иван, Татьяна, Анастасия, Мария. Все сыновья были образованными людьми, служили на Балтийском флоте (не офицерами и не рядовыми), все погибли в годы Гражданской войны. Извещения об их гибели, которые поступали в семью из разных воинских формирований, спасли семью в период репрессий.

Скончался Фёдор Сутокин в 1936 году, похоронен на о. Белова, его жена — в 1938 году, похоронена в Пскове.

Их старшая дочь Татьяна вышла замуж за Николая Бровкина из зажиточной семьи, проживавшего на острове им. Залита (Талабск). До их брака Николай Бровкин служил на флоте и несколько лет проходил службу на царской яхте «Полярная звезда» в качестве «дядьки» по уходу за цесаревичем Алексеем. Сохранилась фотокарточка 1915 года, на которой запечатлён Николай Бровкин с товарищами. На обороте — письмо жене Татьяне и сыну Алексею. После революции 1917 года Николай Бровкин работал в разных кооперативах и артелях, где при случае рассказывал коллегам об этой странице своей жизни. В 1934 году его аре-

ставали, в 1938 году он погиб на лесоповале. Два его сына, Алексей и Иван, добросовестно отвоевали в Великую Отечественную войну, дочь Мария долго болела и умерла в 20 лет.

Дочь Алексея Бровкина Тамара Алексеевна Бровкина всю жизнь отработала в системе образования г. Пскова, сейчас на заслуженном отдыхе.

Младшая дочь Сутокиных Мария прожила более 70 лет, похоронена в Пскове.

В ГАПО есть упоминание о семье Ивана Бровкина с 11 едоками [1], а в Памятной книжке Псковской губернии на 1911–1912 гг. упоминается Талабское Вольное пожарное общество, начальником которого был Иванов Леонид Спиридонович, а в его помощниках значился Бровкин Иван Алексеевич [3]. По всей вероятности, это одна из ветвей вышеназванных Бровкиных.

Таким образом, на сегодняшний день в истории семьи Белокооровкиных остаётся ещё немало «белых» пятен. Документально неизвестно, были ли Фёдор Сутокин купцом, с какого времени и какой гильдии, кто были его родители и продолжались ли их родственные связи после его переезда на Талабские острова. Какова история семьи Сергухиных? Где служили братья Анастасии Фёдоровны Белокооровкиной (в девичестве Сутокиной) и при каких обстоятельствах они погибли в годы Гражданской войны?

Почему Фёдор взял себе фамилию Сутокин (и так ли в действительности звучала его фамилия), а его родной брат — фамилию Белянин (а может, Белянинов)? Кто была их мать, где она проживала, какой таверной владела и кто же этот загадочный акцизный чиновник, поляк по национальности, сын княжеского рода? Откуда прибыли Белокооровкины и почему поселились на Талабских островах? Почему их сын Василий Григорьевич числился как Белокооровкин, хотя его родители и старший брат носили фамилию Сергеевы? Где в Первую мировую войну воевал его старший брат и при каких обстоятельствах погиб? Почему умерли, ещё не будучи престарелыми, их родители? За кого вышли замуж две их сестры, почему они были репрессированы и при каких обстоятельствах умерли?

Эти и многие другие вопросы истории этой удивительной семьи ещё ждут своего исследования...

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАПО, Ф. Р-530, оп. 2, д. 33. Список граждан Залитской волости.
2. Мемуары Белокооровкина В.В., с. 3.
3. Памятная книжка Псковской губернии на 1911–1912 гг. г. Псков, 1910, с. 156.

Айда А.Б.,
Центральная районная библиотека
г. Печоры, Псковская обл., Россия
e-mail: contact@pechbook.ru

ВАСИЛИЙ ВЕССКИЙ — УЧИТЕЛЬ КЛАВЫ НАЗАРОВОЙ, ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Живший в XIX веке географ Оскар Пешель однажды сказал, что победа пруссаков в войне с австрийцами — это победа прусского учителя над австрийским школьным учителем. Потому, что тот воспитал настоящего гражданина, дал знания и вложил в него преданность своему народу.

Так ли это было, сегодня сказать сложно. А вот то, что победа в Великой Отечественной войне — заслуга советского учителя, бесспорно. Это он в больших городах и крохотных деревнях учил детей не только математике, правописанию и законам физики — он учил их любить социалистическую Родину, учил помогать товарищам, быть смелым, бескорыстным и искренним. Советские учителя воспитали героическую Зою Космодемьянскую, бесстрашного Александра Матросова, отважных лётчиков, незабвенных краснодонских молодоговардейцев.

Я хочу рассказать об одном из сотен тех учителей, чей незаметный труд сыграл решающую роль в воспитании молодого поколения. Звали его Василием Афиногеновичем Весским. Родился Василий Весский в 1892 году в селе Марёво Демянского уезда Новгородской губернии (сейчас это районный центр на юге Новгородской области) в семье священника. Мальчиком был любознательным, любопытным и умным, образование получил отличное, благо родители на это дело денег не жалели и отдавали последние копейки. Учился в Новгородской Духовной семинарии, по окончании которой в 1913 году поступил в Петербургский историко-филологический институт. Пользовался стипендией (полным обеспечением), поэтому по рекомендации директора института одновременно учился в Археологическом институте. Окончил оба успешно. Ужасы Первой мировой войны его, к счастью, не затронули. Ещё с семинаристской поры он чувствовал в себе интерес к поэтическому слову и в петербургский период жизни посещал литературные курсы.

«Я остался в Петрограде с твёрдым намерением стать преподавателем», — вспоминал Василий Афиногенович. В 1918 году он начал

работать в Единой трудовой школе (бывший Елизаветинский институт), что находилась на 11-й линии Васильевского острова. Преподавал историю литературы и латинский язык. Но в ноябре 1919 года в связи рождением сына и обострением продовольственного положения (или, если называть вещи своими именами, голода) переехал в село Налючи Старорусского уезда Новгородской губернии, где проработал 11 лет. Был и учителем, и заведующим школой.

В августе 1930 года его переводят в город Остров. Здесь он работает учителем и заведующим учебной частью школы-десятилетки № 1. В 1935–1940 годах заочно учится в Педагогическом институте имени Герцена в городе Ленинграде.

В этот период на два года Василий Афиногенович становится классным руководителем Клавы Назаровой. Позднее она, как известно, уехала в Ленинград, чтобы учиться в Институте физической культуры, но была вынуждена вернуться из-за болезни матери. После возвращения Клава стала пионервожатой в школе, а Василий Афиногенович к тому времени исполнял обязанности заведующего учебной частью. Учил он русскому языку и литературе в те дни и других будущих подпольщиков.

Одной школой влияние Василия Афиногеновича на островскую молодёжь не ограничивалось. С 1930 года он являлся сотрудником газеты «За колхоз». В ней работали бывшие ученики. Например, другой будущий лидер подполья Людмила Филиппова в 1937 году стала корректором газеты.

Так получилось, что к началу войны в районе Острова находились ленинградские дети. В июле 1941 года Весский эвакуируется с ними в тыл. С июля 1941 года по октябрь 1942 года он заведует школой-интернатом эвакуированных детей г. Ленинграда в д. Зайцево Шестаковского района Кировской области. Затем ушёл на фронт, где воевал по август 1944 года в составе 211-го миномётного полка. Поскольку был человеком уже немолодым (50 лет), то исполнял функции

писаря в штабе. И на фронте не оставлял любимого занятия: сочинил что-то среднее между стихотворением и набором частушек под названием «Артиллерийская кухня». Его дополняли сами солдаты при чтении. Был ранен, лечился в госпитале в Москве.

Там Василий Афиногенович обратился к Министерству просвещения, по ходатайству которого был демобилизован и направлен в город Псков в распоряжение областного Отдела образования. Тот снова отправляет Весского В.А. в город Остров, и с августа 1944 года по август 1945 года он работает в школе № 2.

В августе 1945 года его переводят во вновь организуемое в городе Печоры педагогическое училище, где трудится преподавателем и методистом по русскому языку вплоть до закрытия училища в 1956 году.

В октябре 1956 года вышел на пенсию. Обычно люди с выходом на пенсию связывают надежды освободиться от работы и пожить спокойно, однако у него всё случилось наоборот. Василий Афиногенович взвалил на себя столько новых обязанностей и забот, что молодым в пору было позавидовать.

Осенью 1962 года он писал в заявлении в областной Отдел образования: «Как пенсионер я веду общественную работу: ректор народного университета культуры, руководитель районного объединения преподавателей русского языка, руководитель культмассовой комиссии в совете пенсионеров, но вся эта работа, заполняя досуг, не приносит удовлетворения. Чувствую себя работоспособным и хочу отдать свои силы преподаванию латинского языка, который я изучал 9 лет». Имея три высших образования, ни на минуту не прекращал поглощать знания и делиться ими с другими. Народный университет культуры под его руководством становится одним из лучших в стране.

В мае 1965 года совместно с редактором газеты «Печорская правда» Борисом Михайловичем Костомаровым Василий Афиногенович создаёт литературную группу. В неё вошли как известные (на местном уровне, конечно) печорские авторы (Борис Егоров, Василий Воронков), так и начинающие прозаики и поэты. Это объединение за два десятилетия прошло значительную эволюцию и к началу 1980-х выросло в литературно-музыкальное объединение «Вдохновение». Его участники выступали с творческими вечерами на предприятиях и в колхозах, вели работу среди юношества. Так, при школе № 1 была создан поэтический кружок «Всходы». Возможно, кружок не дал нам писателей, которые попадут в школьную программу, зато точно привил любовь к русскому языку десяткам печорских школьников.

Из сказанного может сложиться ложное впечатление, что, кроме общественной нагрузки, у Василия Афиногеновича ничего в жизни и не было. Нет. Был и первый брак, и второй. Вторая жена Нина Матвеевна, которая также трудилась на ниве просвещения, сын Олег и дочь Татьяна поддерживали Василия Афиногеновича во всех начинаниях.

Не забывал в послевоенные годы за другими делами Василий Афиногенович об истории Псковщины, в том числе о подвиге островских молодогвардейцев. Он всегда гордился тем, что был причастен к воспитанию героев, но делал это чрезвычайно скромно. Василий Афиногенович охотно откликался на просьбы рассказать о том, какими были будущие подпольщики в довоенное время, поделиться воспоминаниями.

1963 год в этом плане стал знаковым. 19 мая в Острове был установлен памятник Клаве Назаровой. А в день 21-й годовщины гибели в декабре того же года Псковская студия телевидения показала о ней специальную передачу. С интересными рассказами перед зрителями выступила 80-летняя мать героини — Евдокия Фёдоровна Назарова, школьные учителя — А.В. Сергиевский и В.А. Весский, бывшая пионерка из отряда Клавы Назаровой — Вероника Александровна Жатова.

В те годы слава молодогвардейцев заслуженно гремела на весь Советский Союз. Их именами называют пионерские дружины, им посвящают статьи и книги. В городе Душанбе на мемориальной доске увековечены такие слова из стихотворения Василия Афиногеновича.:

Голос Клавы не смолкает,
В сердце бьётся, как родник,
И, на подвиг поднимая,
Всех назаровцев роднит.

Достоинства Василия Афиногеновича как педагога и человека были оценены. В 1946 году он награждён медалью «За победу над Германией». В 1948 году Министерством просвещения награждён знаком «Отличник народного просвещения». За успехи в педагогической работе присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР». В августе 1969 года Василию Афиногеновичу Весскому присвоено звание Почётного гражданина города Печоры.

Но самой главной наградой для него была любовь и уважение учеников. Сотни из них стали офицерами, учёными, врачами, учителями и вдохновенными тружениками цехов и полей. Так свои ощущения описывал Василий Афиногенович:

Мне кажется, я с вами не расстанусь,
И этот вечер нас не разлучит.
Мне кажется, я вновь, как прежде, стану
Ходить в ваш класс — беседовать, учить.
Мне тяжело порвать живые связи.
Но разве удержишь вечный бег Земли?
И чем орлят к гнезду опять привяжешь,
Когда для взлёта крылья отросли?
И я горжусь окрепшими птенцами.
Счастливый путь! Вперёд, друзья, вперёд!
О, как бы я хотел быть вместе с вами,
Чтоб повторить мой юношеский взлёт!...
И не «прощайте», только «до свиданья»
Мне хочется сегодня вам сказать:
Настанет день — и он не за горами! —
Настанет день —
Вновь встретимся мы с вами,
Чтоб руки, как товарищи, пожать.

Спустя годы ученики встречались с любимым учителем, чтобы рассказать о своих успехах и неудачах, поблагодарить, а иногда и получить совет.

31 июля 1982 года на девяностом году Василий Афиногенович ушёл из жизни, похоронен на городском кладбище в городе Печоры. Директор Пушкинского Заповедника Семён Степанович Гейченко очень верно заметил: «Труд и дела Ваши бессмертны в памяти псковичей...».

2017 год соединил две знаменательные даты — 135-летие со дня рождения и 25-летие со дня смерти В.А. Весского. Возникла идея издать книгу стихотворений Василия Афиногеновича, которые с конца шестидесятых по начало восьмидесятых годов регулярно появлялись в газете «Печорская правда».

Печорской библиотекой в сотрудничестве с сыном поэта Олегом Васильевичем подготовлен сборник произведений Василия Афиногеновича «Печорские мечтания». Это название — заголовок одного из стихотворений, где автор мечтает о том, что со временем жизнь в Печорах преобразится. В состав сборника вошли стихотворения послевоенных лет (к сожалению, раннее творчество утрачено) и несколько рассказов, включая небольшие по объёму воспоминания о Клавье Назаровой.

Клава Назарова. Предположительно 1939–1940 гг.
Из фондов Военно-исторического музея

А война, как волна, затопила наш Остров,
В сердце людям вошла болью жгучей и острой, —
И тогда молодёжь на борьбу подняла
Комсомолка Назарова Клава
И над городом Островом вечно стоять
Комсомолке Назаровой Клаве,
Золотую Звездою Героя сиять,
Золотую Звездою сердца зажигать,
Звать на подвиги чести и славы!
Пусть на нашем пути не встречается войн!
Тем прекраснее подвиг страды трудовой.
Друг мой! Память родных нам героев храни:
Встать на подвиг любой нам помогут они!

Ксенофонтова С.В.,
Центральная районная библиотека
им. Анны Павловны Философовой,
пос. Бежаницы Псковской обл., Россия
e-mail: ksenofontovas@mail.ru

«В ПАМЯТИ ЖИВУТ ЛЮДИ...».
ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

***Аннотация:** Только тогда земля щедра, когда живёт на ней равнодушный человек — человек, чувствующий боль в душе за эту землю, за каждый втоптаный в грязь колос, за всё, что мешает жить...*

Вот идеал публициста, которому соответствовал Иван Афанасьевич Васильев, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького 1980 года и Ленинской премии в области публицистики 1986 года.

***Ключевые слова:** Публицистика. Лауреаты. Ленинская премия. Писатели.*

Я хочу вспомнить нашего земляка Ивана Афанасьевича Васильева — писателя, публициста, члена Союза писателей РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии в области публицистики и Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

И.А. Васильев родился 21 июля 1924 года в дер. Верховиново Бежаницкого района, в крестьянской семье [7]. Иван Афанасьевич так описывает свою деревеньку в книге «Земля русская»: «Название то ли от верхних овинов, то ли от верховины — высокого места в лесу. Стояла она на взгорье у кромки леса, у слияния двух невзрачных ручейков, которых уже нет, и люди помоложе меня их не знают» [2].

Окончив семилетку, Иван поехал поступать в Ленинградское училище штурманов речного флота. Сдал вступительные экзамены на «отлично», но не прошёл комиссию из-за проблем со зрением. Пришлось возвращаться домой. Работать начал с шестнадцати лет, учителем математики и истории в Шиловской средней школе Ашевского района Калининской области (ныне Бежаницкий район Псковской обл.). Одновременно он поступил на заочное отделение Невельского педагогического училища.

Спустя два года — война. Воевал Иван Афанасьевич на Калининском фронте, а с 1944 года, после госпиталя, продолжил службу в Закавказье. После демобилизации работал директором Горской семилетней школы, директором Детского дома в селе Глембочино Себежского

района и продолжал учебу в Великолукском учительском институте. Областной отдел народного образования высоко оценивает его работу. Трижды участвовал Иван Афанасьевич в педагогических чтениях в Академии педагогических наук — выступал с докладами о внедрении новых форм работы в детских домах.

С 1955 г. Васильев работает заместителем редактора в себежской районной газете «Призыв», затем его направляют на учёбу в Ленинградскую Высшую партийную школу. Окончив её, Иван Афанасьевич получает назначение в Валдай Новгородской области редактором районной, а потом межрайонной газеты. С 1963 г. он — собственный корреспондент «Калининской правды» по Ржевскому и Зубцовскому районам. Писатель вспоминал: «В областную газету «Калининская правда» я пришёл — так я считал — уже сложившимся журналистом, по крайней мере, со своим почерком. Там я нашёл великолепный творческий коллектив. В редакции витал дух хорошего соревнования, там умели ценить авторскую находку и не забывали искренне и душевно похвалить...». Работа собкором стала для него взлётной полосой на пути к творческому признанию. В 1972-м, когда вышла его книга «Путешествие с книгой в рюкзаке», рассказывающая о фронтовых дорогах писателей, имя Васильева приобрело общероссийскую известность. С областной газетой пришлось расстаться, по состоянию здоровья. Следуя совету врачей, Иван Афанасьевич поселяется в расположенной на берегах Волги и Держи деревеньке Усть-Держи. Позже он напишет: «Усть-Держа... Светлое и печальное время моё... Если к душе человеческой применимо философское выражение «качественный скачок», то именно здесь совершился переход в новое её состояние» [10].

В конце семидесятых Иван Афанасьевич возвращается на Псковскую землю. Этому во многом поспособствовала семейная трагедия: умерла от тяжёлой болезни его супруга Нина Алексеевна. Принял решение разменять ржевскую квартиру на квартиру в Великих Луках, однако в городе ему было тесно — слишком сильной оказалась тяга к крестьянским корням. Одиночество скрасилось тем, что решил соединить свою судьбу с давней знакомой, подругой Нины Алексеевны, Фаиной Михайловной Андреевской. Вместе они и осуществили давнюю мечту Васильева, о которой он рассказал в очерке «Хвала дому своему»: «Придя с войны, я возмечтал о своём доме. Молод был, не знал, что дом поставить — это жизнь устроить... Я был крестьянским сыном, и жила во мне тяга к оседлости...» [5]. В Борках Иван Афанасьевич поставил ничем не отличающийся от деревенской избы дом. Удивляя односельчан талантом столяра-краснодеревщика, мебель для него смастерил собственными руками.

Васильев Иван Афанасьевич

Васильевские Борки стали рабфаком для редакции газеты «Советская Россия». На «переподготовке» у Ивана Афанасьевича побывали многие, включая главного редактора Валентина Васильевича Чикина. «Работоспособность нашего Ивана (так мы стали звать его между собой) поражала, — вспоминал в книге «На русском направлении» бывший главный редактор журнала «Наш современник» Сергей Викулов. Определённую роль играло, видимо, и настроение. А оно у Ивана Афанасьевича с обретением нового «дома» — журнала «Наш современник» — было прекрасным. Здесь его всегда ждали, печатали почти с листа.

Сам он, безусловно, был человеком поступка: затрагивал острые темы, «пахал» основательно, глубоко, поднимаясь до философских обобщений и выводов. Впрочем, как и всякий талант, был подвержен сомнениям. В последние годы жизни в его статьях всё больше проявлялись назидательные нотки, ожесточение, обида. Понимая, что жить, как раньше, нельзя, он не принимал и происходящую ломку всего и вся, когда, вместе с тем, что действительно себя изжило, на свалку истории бездумно или злонамеренно выносилось то, без чего жизнь представлялась невозможной, и, прежде всего, попирались наши национальные традиции, коллективистская мораль. Думается, именно поэтому в большинстве публикаций Васильев как бы останавливался у черты, которую

иные горячие головы, соблазнённые «демократией», перескакивали безоглядно. У черты, за которой шла речь о купле-продаже земли.

Перечитывая его очерки и повести 70-х, начала 80-х, лишний раз убеждаешься: именно человек труда, скромный пахарь и сеятель, по-прежнему был в центре творчества Ивана Васильева. «...Я люблю эту землю. Неброскую берёзовую страну. Тихую мою Родину. Я люблю на ней всё: грустные околицы деревень, грязные большаки и звенящие при первом морозце тропинки, серое чернолесье с багряным листом и затяжные дожди, голубые озёрные дали и нивы-рушнички. Я люблю её людей, трудолюбивых, радушных, отважных», — признаётся Иван Афанасьевич. Как подтверждение этой любви — длинный ряд их проходит перед нами в его очерках и повестях. Старый солдат Мокеич — от него автор познавал на войне солдатскую науку. Столяр детского дома Пал Ваньч, который «резал правду-матку в глаза» («Земля русская»). Трудолюбивая Кирьяновна, которая «своим и обликом, и манерами, и речью напоминала о славе своей первой девки на селе» («Крестьянский сын»). Заступник «за родное и такое беззащитное» Мишка Молчун («В Топалках что-то случилось»)... [4]. А с какой трогательной нежностью пишет он о матери Аксинье Васильевне в своей книге «В памяти живут люди»? — «Мою мать звали Аксиньей Васильевной. Роста она была небольшого, синеглазая, характера спокойного, но упорного. Говорила чисто, немного напевно. Грамоту не постигла. Зато к книжкам испытывала почтение. Книгочеем я стал благодаря матери. Это она, как только я встал на ноги, вывела меня за порог, на зелёную улицу, в сад, в огород, в поле, в лес... В природе нет более чуткого прибора, чем сердце матери. Она учила жить достойно и в нужде и в достатке... Теперь я понимаю, что в нас отцов, а что от матерей. Отцы более прозаичны, они учили нас навыкам и трезвому смыслу, матери — поэзии. Матери наши крестьянки, в вечном долгу мы перед вами! Велика ваша любовь к нам, велико желание счастья нам» [2].

Иван Афанасьевич пишет о людях, живущих в деревнях, о специалистах сельского хозяйства, простых колхозниках, сельской интеллигенции, о тех, кто уехал из деревни и о дачниках. Делал он это большей частью средствами публицистики, то есть, отдавая предпочтение прямому разговору, хотя знал цену и художественному слову. Об этом он говорит в своей книге «Земля русская»: «Собирая рассказы событий, в меру сил писал историю русской деревни. Удивительно богатые чувствами и душевной красотой люди встречались мне... признаюсь, да, брал от людей, перенимал, впитывал их душевные струи и ныне хочу разобраться, что и чьё во мне» [3].

В 1980 году за книги очерков «Я люблю эту землю» и «Беру на себя» И.В. присудили Государственную премию РСФСР имени М. Горького.

В 1986 году И.В. был выдвинут кандидатом на получение Государственной премии СССР, а удостоился ...Ленинской — самой высшей в стране. За книгу очерков «Допуск на инициативу» и очерки «Хвала дому своему», «Возвращение к земле», «Письма из деревни».

Наш земляк, писатель-публицист Иван Афанасьевич Васильев одним только фактом получения в мае 1986 года Ленинской премии заслужил себе вечную славу и вечную память. Никто из великолучан и псковичей не получал эту премию до него и после него тем более.

В книге «Земля русская» автор пишет: «Вся моя сознательная жизнь, а это без малого полвека, прошла здесь, на Псково-Новгородско-Тверской земле, в деревнях, да маленьких городишках: учил детей, а позже изъездил весь край с корреспондентским билетом. Люблю я эти полевые дороги! И жизненные пути мы тоже дорогами называем. В том-то и дело, какой дорогой в жизни идёшь, большой или малой? Наш путь тогда чего-нибудь стоит, когда не стыдно людям в глаза поглядеть» [3].

Много сказано о внутреннем мире Ивана Афанасьевича: о том, что он любил, о чём думал, о чём мечтал... А как выглядел писатель внешне? Из воспоминаний друзей:

...Костюм, рубашка, галстук, явно не «выходные», являли собой образ повседневности, когда память не фиксирует ни полоску, ни клеточку, ни цвет...

Лицо типично русское, скорее округлое, чем вытянутое, нос по-славянски мягкий, но не курносый, волосы тёмно-русые, густые. Большие, добрые, улыбчивые, бесхитростные глаза. Манера говорить — естественная, без малейшего желания показаться, поважничать. Увлёкшись, он говорил особенно горячо, строчил, едва успевая пыхнуть сигаретой, вставленной в мундштук.

И в еде писатель не был гурманом, он любил кашу из печки, картошечку тушёную и чай с мятой.

Во время отдыха Иван Афанасьевич откладывал ручку и брался за рубанок. Как заправский столяр он мастерил добротную, долговечную мебель и украшал её резьбой.

Сам построил типичную русскую баню, которая вызывала восторг у людей.

Честный исследователь, неистовый правдоискатель, он не мог вписаться в намерения и цели перестройки. Из-под неподкупного пера вылетали статьи и памфлеты, обрушившиеся на людей, приведших страну к изменениям.

Иван Афанасьевич везде и всегда, говоря о России этого времени, приводил строки из стихотворения Сергея Есенина «Русь»:

И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора [8].

23 февраля 1988 года впервые открыл свои двери сельский Литературно-художественный музей, инициатором которого был сам писатель. Он был и рабочим, и художником-оформителем. В музее представлена экспозиция, рассказывающая о писателях-фронтовиках, воевавших на Калининском, Западном, Северо-Западном, Волховском и Ленинградском фронтах; экспозиция «Рисовал на войне художник»; комната крестьянского быта XIX–XX веков; кабинет И.А. Васильева; литературно-музыкальная гостиная и выставочный зал. Все представленные вещи, документы, фотографии, книги, рисунки времён Великой Отечественной войны собраны им самим.

Литературно-художественный музей истории
Великой Отечественной войны.

Тогда же, в 1988 году, после постановления Правительства, когда проблемы экологии и охраны окружающей среды были признаны первостепенными, у Ивана Афанасьевича появляется мечта создать в деревне Борки Дом экологического просвещения. Его желание отраз-

илось в книге «Обновление». Он писал: «Необходимы дома экологического просвещения. Не будет никакого возвращения хозяина, если не вернуть человеку знания предков о среде его обитания. Терять опыт поколений преступно. Идти вперёд можно только путём прибавления опыта». Конечно, помогали оснащению друзья и коллеги Ивана Афанасьевича, художники, писатели.

А в 1991 году через два года в д. Борки по инициативе писателя открыт единственный в России сельский Дом экологического просвещения.

Деревня Борки, Дом экологического просвещения

И всё, что делал Иван Афанасьевич, можно сказать, сделано за очень короткий период. Всё, сделанное им, — плоды творчества, силы воли и рук самого писателя, солдата Великой Отечественной, настоящего учителя в самом высоком понимании значения этого слова. Патриотизм, чувство долга перед Родиной, преданности своему делу — суть его жизни.

Ещё бы работать да работать, бороться за правду и справедливость, но не выдержало сердце. Одно задуманное дело не успел завершить писатель: церковь он хотел поставить в деревне Борки.

Не стало Ивана Афанасьевича 31 декабря 1994 года — ему было 70 лет. Похоронен в г. Великие Луки [1].

В деревне Верховиново Бежаницкого района, где родился Иван Афанасьевич Васильев, в 2004 году был установлен памятный знак в его честь. В том же году по распоряжению Главы Бежаницкого района «Об учреждении премии имени И.А. Васильева» было принято решение о ежегодном премировании лучших педагогов и учащихся по итогам года в области преподавания и изучения русского языка и литературы [9].

Иван Афанасьевич Васильев оставил после себя весомый след в делах, сердцах людей, в истории. Секрет его таланта был прост: он жил тем, что писал. Творчество Ивана Васильева составляет одну из значимых страниц литературы, посвящённой русской деревне.

Любая его книга — это, прежде всего, история Псково-Новгородско-Тверской земли. Огромное краеведческое значение имеют его книги.

Иван Васильев говорил: «Жизнь — это смена поколений. Мне, как я считаю, удалось рассказать о жизни моего поколения. Из жизни поколений складывается вся наша история».

В тихом уголке с таким мирным названием Борки, до сих пор хранящем память о писателе, лауреате Ленинской и Государственной премий Иване Афанасьевиче Васильеве, традиционно, в начале мая, уже более 35 лет подряд собираются поэты и прозаики из разных городов нашей страны, чью судьбу или жизнь их родных опалила война. Приезжают, чтобы вновь отдать дань памяти освободителям и посвятить им стихотворные строки, идущие из самой затаённой глубины души, откуда тянутся нити в те лихие военные годы. Потому что они — потомки того поколения, для кого Великая Отечественная — часть судьбы, и трагедия, и скорбь.

Почему в Борках? В первую очередь как яркий, наглядный пример для подражания нашей молодежи в том, как много может сделать один человек, когда он живёт ради других. Именно по инициативе Ивана Афанасьевича Васильева создавался Литературно-художественный музей, который носит теперь его имя, и именно он заложил традицию проведения праздников фронтовой поэзии. «В глубинке, в гармонии с природой находятся корни русской духовности и настоящей культуры», — считал наш земляк, писатель-публицист Иван Васильев.

«Каковы годы нашей жизни — долгие или короткие, полные или пустые, зависит от нас самих. Их можно продлить и укоротить, наполнить и опустошить. В зависимости от того, кого встретил, кого узнал, от кого набрался ума-разума и чувств высоких и светлых» [6].

Борки. Кабинет И.А. Васильева в Музее

Уголок Музея в д. Борки

ИСТОЧНИКИ:

1. *Береговой Я.* Иван Васильев из деревни Борки, Ярослав Береговой // Слово. – 1996. – № 3–4. – С. 45–51.
2. *Васильев И.А.* В памяти живут люди: повесть / А.И. Васильев. – М.: Детская литература, 1984. – 142 с.
3. *Васильев И.А.* Земля русская / А.И. Васильев. – Л.: Лениздат, 1983. – 464 с.
4. *Васильев И.А.* Я люблю эту землю / А.И. Васильев. – М.: Сов. Россия, 1977. – 224 с.
5. *Васильев И.А.* Хвала дому своему. Очерк / И.А. Васильев // Наш современник. – 1982. – № 2. – С. 3–28.
6. *Васильев, Иван Афанасьевич* // ПскоВики – [Сайт] – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wiki1.pskovedu.ru>
7. *Иван Афанасьевич Васильев* // Псковский литературный портал – [Сайт] – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pskovpisatel.ru/наши-авторы/иван-васильев>
8. *Петрова И.И.* Иван Афанасьевич Васильев // И.И. Петрова // Псковский край в литературе : [учеб. пособие]. – Псков, 2003. – С. 539–554.
9. Распоряжение Администрации Бежаницкого района № 203-р от 06.04.2004 г. «Об учреждении премии имени И.А. Васильева».
10. «Я люблю эту землю» // Сельская новь. – 2009. – № 53 (18 июл.). – С. 1–3.

Фёдоров А.И.,
Союз краеведов России,
Санкт-Петербург/Струги Красные,
e-mail: strugired@mail.ru

ГЕРОИ И СУДЬБЫ. ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ В ВОЙНАХ XX ВЕКА — УРОЖЕНЦЫ СТРУГОКРАСНЕНСКОГО РАЙОНА

В статье представлена краткая информация о некоторых участниках войн, которые вела Россия в период с 1904 по 2000 г., уроженцах современного Стругокрасненского района или проживавших на данной территории. Рассмотрены судьбы этих людей, сделана попытка обобщить этапы их жизненного пути.

Ключевые слова: война, воины, Стругокрасненский район.

История человечества — это история вооружённых конфликтов фактически начиная со времён неолитической революции. А на протяжении XX века человечество пережило две мировые войны и огромное количество локальных войн и конфликтов. Войны XX века затронули большинство населения мира. Попытаюсь в данной статье рассказать не о войнах, а о воинах, об уроженцах или проживавших на территории современного Стругокрасненского района.

В самом начале XX в. Россия и Япония, проводя политику внешней экспансии на Дальнем Востоке, не имели шансов мирного разрешения противоречий. В русско-японской войне 1904–1905 гг. со стороны Российской империи участвовало до 1 200 000 человек. К сожалению, мы слишком мало знаем об этих людях. На данный момент мне известны только два участника той войны, связанные со Стругокрасненским районом.

Терентьев Фёдор Терентьевич родился около 1873 г., служил матросом на броненосце «Адмирал Сенявин», участвовал в Цусимском сражении. По результатам Цусимского сражения броненосец был сдан японцам. Награждён медалью «В память русско-японской войны» на александровско-георгиевской ленте. В 1950-е гг. Фёдор Терентьевич проживал в д. Лудони, работал кладовщиком колхоза им. Мичурина и ухаживал за колхозным садом.

Андреев Борис Викторович (1870–1905) — первый муж Марианны Петровны Блок (двоюродной сестры А.А. Блока). С 1904 г. полковник генерального штаба Андреев состоял в должности начальника штаба 9-й Стрелковой дивизии на фронте русско-японской войны. 14 января 1905 г. был ранен в голову. Летом 1905 г. утонул в водах Щирского озера после внезапной потери сознания вследствие полученного ранения. Похоронен на погосте Щир.

Первая мировая война (1914–1918) затронула большинство населения России: было призвано на военную службу до 12 миллионов человек. С рассматриваемой территории было призвано много воинов, но даже приблизительное их число пока определить трудно.

На данный момент известно о трёх полных кавалерах Георгиевского креста:

Александров (Ковшиков) Василий Александрович (1884–1953), уроженец д. Лудони. На службе с декабря 1905 г. Окончил школу подпрапорщиков. Служил в составе 1-го Финляндского стрелкового артиллерийского дивизиона. Участник Брусиловского прорыва. С 1917 г. — прапорщик; с 1918 г. в составе белых войск Вооружённых сил Юга России, младший офицер Марковской артиллерийской бригады, поручик. До 1941 г. проживал в д. Лудони и пос. Струги Красные, с 1941 г. в эвакуации в Горьковской обл. Работал в колхозе, заведовал районной избой-читальней.

Васильев Василий Васильевич родился в 1889 г. в д. Рубежок Горской волости. Старший унтер-офицер 25-го Смоленского полка.

Васильев Фёдор Васильевич родился в 1880 г. в д. Ивановщина Соседненской волости. Прапорщик 92-го пехотного Печорского полка. «26.03.1915 г., при взятии высоты “521”, первый ворвался в неприятельский редут и, видя, что командиру роты угрожает опасность быть заколотым штыком неприятеля, бросился на помощь»¹.

Известно о четырёх кавалерах Георгиевского креста II ст. Один из них — **Антонов Фёдор Назарович** (1889–1937) родился в д. Заборовье Лудонской волости. Служил в составе лейб-гвардии Драгунского полка. С 1917 г. — прапорщик. С 1918 г. в составе Красной Армии. Участник Гражданской войны и борьбы с басмачеством в Средней

¹ Патрикеев С.Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. В 14 тт. Т. 1. М., «Духовная Нива», 2015. С. 43.

Азии. С 1935 г. — командир 72-го Троицкого кавалерийского полка, с 1936 г. — полковник. Награждён орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени УзССР. Скоропостижно скончался в августе 1937 г. Похоронен в с. Логовеще.

Известно два награждённых Георгиевским крестом III ст., девять — награждённых Георгиевским крестом IV ст., восемь — награждённых Георгиевской и иными медалями.

Многие участники Первой мировой принимали участие и в Гражданской войне, в том числе офицеры-дворяне. Например, **барон Николай Евгеньевич Людинкгаузен-Вольф** (1877–1928) служил в составе лейб-гвардии Финляндского полка, был ранен и контужен, награждён орденами вплоть до ордена Св. Анны II ст. с мечами. С 1916 г. — полковник. Осенью 1918 г. вошёл в инициативную группу по созданию Белой добровольческой армии в Пскове, с декабря 1918 г. — дежурный генерал штаба Северного корпуса, впоследствии Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. С 1919 г. — генерал-майор. После ликвидации Северо-Западной армии недолго проживал в Эстонии, затем во Франции.

Многие участники Первой мировой и Гражданской войн после окончания боевых действий восстанавливали разрушенное войнами и революцией хозяйство, налаживали мирную жизнь. Уроженец ст. Белая (с 1919 г. — Струги Красные) **Виктор Гаврилович Гасюн** (1889–1965) учился и работал в Пскове, участвовал в Первой мировой войне в качестве шофёра штаба 20-го Армейского корпуса и 10-й Автомобильной роты. После демобилизации в июле 1918 г. возглавил Струго-Бельский волисполком, с

января 1919 г. — член РКП(б), летом 1919 г. — председатель Ревкома и командир отряда красноармейцев при Ревкоме. Впоследствии руководил различными партийными и советскими организациями в Стругах Красных, Луге, Гатчине и Ленинграде. Вышел на пенсию с должности директора завода «Конструктор».

Уроженец деревни Сквородка Яблонецкой волости **Дмитрий Сергеевич Архипов** (1897–1985) с 1916 г. служил в частях морской авиации

Балтийского флота, принимал активное участие в событиях Февральской и Октябрьской революций 1917 г., состоял инструктором красногвардейского отряда при Ораниенбаумском Совете. С 1918 г. — военный комиссар Яблонецкой волости, в 1919 г. — командир взвода красных партизан, с 1920 г. принимал участие в боевых действиях в советско-польской войне, в 1921 г. — инструктор политотдела 7-й дивизии на фронте борьбы против Белой армии А.И. Деникина. После демобилизации работал на различных партийных и советских руководящих должностях от счетовода до председателя Стругокрасненского исполкома (1946–1949). С 1957 г. — персональный пенсионер.

Уроженец д. Лудони **Константин Ильич Боровиков** (1894–1962) участвовал в Первой мировой войне, служил в составе контингента военно-морской базы в Кронштадте. В марте 1921 г. участвовал в Кронштадтском мятеже, бежал по льду в Финляндию, где впоследствии проживал. Женился на финской девушке, в браке родилось семь детей, работал на лесопильном предприятии, содержал большое домашнее хозяйство. В 1961 г. посетил родственников в Ленинграде.

Непродолжительный по времени, но очень важный конфликт — такой, как советско-финская война (1939–1940), — который затмила последующая Великая Отечественная, тоже оказал глубокое влияние на формирование таких личностей, как, например, **Иван Васильевич Кудрявцев** (1921–1975), родившийся в д. Лудони. Он в 1940 г. отправился добровольцем на финский фронт, где потерял стопу, но, имея такой физический недостаток, окончил Ленинградскую военно-воздушную академию РККА по специальности «инженер-электрик» и в дальнейшем служил и работал для развития радиолокации. С 1960 г. — директор конструкторского бюро, а с 1967 г. — генеральный директор Киевского НИИ радиоэлектроники «Квант», кавалер ордена Ленина и лауреат Государственной премии СССР.

Безусловно, Великая Отечественная война, в которой участвовало большинство мужского населения СССР, стала самой масштабной «кузницей кадров» для послевоенного времени.

Уроженец деревни Зовка Узьминской волости **Тимофей Иванович Егоров** (1907–1975) в 1930-х гг. — председатель сельсовета, в 1939–1940 гг. — зампредела Стругокрасненского райисполкома, с

1941 г. — председатель Белебелковского райисполкома. С ноября 1941 г. — в составе 2-й Ленинградской партизанской бригады, председатель Белебелковской оргтройки, председатель Стругоокрасненского межрайцентра и оргтройки. После освобождения территории района от оккупантов Т.И. Егоров назначен председателем Стругоокрасненского исполкома, впоследствии — председатель Псковского облпотребсоюза, начальник отдела Псковского ремстройтреста. С 1964 г. на пенсии.

Сын упомянутого мною ранее барона Вольфа **Юрий Николаевич Вольф** (1906–1981) с 1939 г. служил в Красной Армии, окончил Куйбышевскую военно-медицинскую академию. На фронтах Великой Отечественной войны с апреля 1942 г. — командир 274-го Отдельного медсанбата, старший врач 242-го Стрелкового полка, дивизионный врач 134-й Стрелковой дивизии. В 1945–1946 гг. — начальник медицинской службы в Управлении репатриации советских людей в Германии. Награждён двумя орденами Отечественной войны I ст., орденом Отечественной войны II ст., медалями. До 1976 г. работал в структуре санэпидстанции, проживал в Омске.

Василий Михайлович Саввин (1914–1974) родился в д. Негино Жабенецкого сельсовета. До 1941 г. работал директором молочного завода, инструктором Осоавиахима. В период Великой Отечественной войны — рядовой разведроты, политрук роты, политконтролёр узла связи армии, пропагандист эвакогоспиталя, старший лейтенант. После войны — на различных должностях в Новосельском районе, с 1955 по 1958 г. — председатель Новосельского райисполкома, впоследствии председатель Печорского райисполкома.

Уроженец деревни Жуковичи **Михаил Фёдорович Иванов** (1924–2010) с февраля 1944 г. участвовал в Великой Отечественной войне в составе 46-й Стрелковой дивизии. Награждён орденом Славы III ст., тремя медалями «За отвагу». После войны служил учителем Молодейской школы, преподавателем Псковского сельхозтехникума. Автор нескольких книг, член Союза журналистов и Союза писателей России.

Другим серьёзным вооружённым конфликтом, в который было вовлечено большое число участников, безусловно, стала война в Афганистане (1979–1989). Несколько десятков уроженцев Стругоокрасненского района служили в составе ограниченного контингента советских войск.

Например, **Сергей Николаевич Павлов**, родился в 1963 г. в д. Серебрено, работал трактористом. В 1981–1982 гг. — радиотелеграфист в составе 106-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии в Афганистане. Затем окончил школу прапорщиков, и в 1985–1986 гг. снова служил в Афганистане в должности начальника связи батальона 345-го Отдельного Гвардейского парашютно-десантного полка. С 1997 г. — начальник транспортного отдела Управления специальной связи по Тульской области. Награждён орденом Красной Звезды и медалями.

Андрей Иванович Фёдоров, родился в 1964 г. в д. Марьино, работал столяром. В 1983–1984 гг. — телеграфист роты связи 345-го Отдельного Гвардейского парашютно-десантного полка на аэродроме Баграм в Афганистане. Работает столяром. В 1990 г. организовал и до сих пор возглавляет районный поисковый отряд «Поиск». За более чем 30-летний стаж поисковых работ отрядом обнаружено более 200 погибших воинов. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II ст. и многими другими.

Около девяноста участников двух чеченских кампаний проживает сейчас на территории Стругоокрасненского района, около половины — местные уроженцы. К сожалению, я пока не успел подробно изучить биографии этих людей, но уверен, что большинство из них — достойные люди.

Изучая биографии воинов, общаясь с ними лично, я ни у одного не обнаружил посттравматического стрессового расстройства, который в последние 30 лет называют чаще «афганским» или «чеченским» синдромами. Люди, прошедшие «горячие точки», участники боевых действий, — чаще всего имеют твёрдый негибкий характер, сильную волю и сердечную мягкость, иногда даже определённую сентиментальность и трогательность. Люди, прошедшие горнило войны, имеют общие ориентиры, общую судьбу и общую культуру. Именно они формируют судьбу страны, создают будущие достижения, уже на

культурном, технологическом, научном, общественном, политическом и, в конечном счёте, историческом фронтах.

ИСТОЧНИКИ:

1. *Волкова А.А.* Он заглянул за горизонт // Материалы ежегодной Струго-Красненской районной научно-практической краеведческой конференции «Наш край в истории России»: I–XV (2006–2021). – [б.м.]: Издательские решения, 2022. С. 44–58.
2. *Константинова В.П.* Листая подшивки. – Струги Красные, 2014. С. 8–9.
3. Нам есть что помнить, кем гордиться! // Персоналии, знаменательные и памятные события Стругокрасненской земли / Сост. И.Е. Иванова. – Псков, 2012.
4. *Фёдоров А.И.* История, личности, судьбы // Сборник очерков о выдающихся личностях, связанных с территорией современного Струго-Красненского района // [б.м.]: Издательские решения, 2018.
5. *Фёдоров А.И.* Люди крепче, чем броня... : Ветераны Афганской войны Струго-Красненского района // [б.м.] : Издательские решения, 2019.
6. *Фёдоров А.И.* Руководители Струго-Красненского района 1927–2017: Биографические очерки // [б.м.]: Издательские решения, 2017.

Савчук И.В.,
Краеведческое объединение «Русь»,
литературное объединение «Живой мост».
Старая Русса Новгородской обл., Россия
e-mail: savchuk-59@bk.ru

ПРОПОВЕДИ, ЗАСТЫВШИЕ В КРАСКАХ (Памяти протоиерея Георгия Ушакова)

***Аннотация.** В статье речь идёт о русском художнике, протоиерее Георгии Ушакове, оставившем заметный след в культурно-историческом наследии Псковского края.*

***Ключевые слова:** Псковский край, преподобный Фёдор Ушаков, протоиерей Николай Гурьянов, храм Архистратига Божия Михаила, дер. Мельницы Псковской области, Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь.*

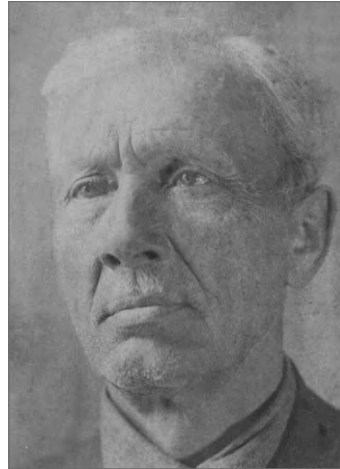
Художник — это состояние души. Он умеет найти и увидеть то, что принято называть прекрасным. Творческая энергия отца Георгия Ушакова неиссякаема — он, кроме огромного подвижнического труда священнослужителя, создавал картины. Художественные работы отца Георгия наполнены ощущением жизни, радости бытия. Глядя на них, испытываешь желание ещё и ещё рассматривать их, размышлять над ними, придумывать сюжеты, вдохновляться на создание стихов и музыки. А это — показатель истинного таланта настоящего Художника.

Картины и рисунки отца Георгия умножают в мире добро, напоминают об истинном призвании человека — любить. Любить ближнего, любить дальнего, любить нашу Землю, любить Бога. Его судьба, его замыслы, поэтика его искусства тесно связаны друг с другом. Он творил, как жил, — искренне, богобоязненно, одухотворённо и трепетно. Он писал и творил тех, в кого верил, перед кем преклонялся, и приглашал всех нас также преклонить сердце перед его героями. Писал и видел, как природу пронизывает множество лучей. Это трудно передать словами. В своих картинах он пытался передать своё видение Божия присутствия. Ведь каждый священник прежде всего — богослов. Учение о Фаворском свете — может очень много дать живописцу, это учение правильно воспринималось отцом Георгием. Он шёл путём напряжённого, неустанного внутреннего делания. Когда смотришь на картины отца Георгия, то видишь, насколько они глубоки,

многоплановы. Словно дремлющая душа стремится к пробуждению. И струится тихий, тихий свет... Батюшка притягивал к себе всех своей неиссякаемой, бьющей через край любовью к людям, к миру Божию. Он весь светился от этой любви. *«Однажды нечаянно так получилось, Что с батюшкой рядышком я очутилась, Вокруг прихожане стояли кольцом, А он среди всех как свеча пред Творцом»...*

Протоиерей Георгий, в миру — Юрий Васильевич Ушаков — родился в городе Ленинграде в семье потомков непобедимого российского флотоводца. Причём, родился 15 октября (1937 г.), в день преставления своего знаменитого предка — Святого Праведного воина Фёдора Ушакова.

Отец его Василий Васильевич Ушаков — известный советский художник, архитектурой занимался до войны, работал в «Ленпроекте», преподавал в ЛИСИ; член Союза художников России, Почётный гражданин города Старой Руссы. Нина Павловна (Трунн), мама, — оперная певица и художник по фарфору. Дед по линии отца, Василий Иванович, до революции был главным архитектором в городе Старая Русса — благодаря его стараниям провинциальный город приобрёл только ему присущий колорит, соединив в себе традиционно старорусские черты с классицизмом. А бабушка Олимпиада Васильевна (Кузнецова) профессионально играла на фортепиано. Поэтому Юра рос в творческой атмосфере среди художников, музыкантов, драматургов, актёров, которые часто посещали дом Ушаковых. Перед войной они с мамой оказались в городе Виннице, с большим трудом по железной дороге добрались до родного города, и буквально за ними захлопнулась-замкнулась блокада. Это жуткое время удалось пережить благодаря стойкости родных и неожиданной помощи от уезжавшего друга отца, архитектора.

Василий Иванович Ушаков, дед Юрия Васильевича, 1937–38 гг.

Семья Ушаковых с детьми. Слева направо сестра Вера,
мать — Олимпиада Васильевна, сестра Надя,
отец — Василий Иванович, Вася

Василий Васильевич Ушаков
с женой Ниной Павловной Трунн. 1980 г.

Рисовать он начал довольно поздно. После возвращения отца с войны, по его примеру любви к рисованию, Георгий начал приобщаться к творчеству. *С раннего детства он помнил выполненные отцом графические копии с произведений Рембрандта, Франсиско Гойи, Оноре Домье. Неизгладимое впечатление на юного Юру произвели ксилографии Дмитрия Митрохина, репродукции Камиля Коро, Клода Лоррена, Жана Милле, Луи Ленена, Поля Сезанна, импрессионистов Жоржа Сёра, Ле Фоконье, Анри Матисса... Влияние на формирование его творческого мировоззрения оказало и личное общение с ленинградскими художниками-авангардистами — Георгием Трауготом, Владимиром Стерлиговым, Татьяной Глебовой,*

Юра Ушаков с мамой. 1943 г.

Анной Лепорской, Павлом и Натальей Басмановыми. Окончил факультет керамики и художественной обработки стекла Высшего художественно-промышленного училища имени В.И. Мухоминой, где студенты овладевали различными техниками изобразительного творчества и расширяли свой кругозор. По окончании вуза Юрий Васильевич преподавал в ЛИСИ, в художественном фонде рельефной скульптуры, трудился на профильном комбинате и долгое время — в Детской Художественной школе № 6 Фрунзенского района Ленинграда, пользуясь огромной любовью учащихся.

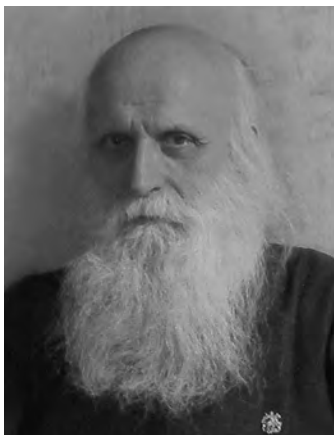
А позже принимает решение посвятить себя Духовному служению. Судьба его удивительна и интересна, ведь он, будучи выходцем из семьи художников и художником, в один момент оставил всё, чтобы

стать священником в Псковской глубинке. Возможно, сказались молитвы его знаменитого предка, канонизированного Русской Православной Церковью в 2001 году. Ещё в советское время, будучи студентом Художественного училища, Юрий Васильевич почувствовал особую тягу к Православию. Он читал Евангелие и ощущал, как начала меняться его жизнь. Особенно поразила его своей духовной мощью Нагорная проповедь. Со временем духовный поиск привёл Юрия Васильевича в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, где он подолгу жил и трудился, а в 1977 году, в возрасте 40 лет, был рукоположен в сан дьякона, а позже в Псковском Свято-Троицком соборе — в сан священника. 6 мая 1986 года митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер; ныне почивший патриарх Алексей II) возвёл священника Георгия Ушакова в сан протоиерея в церкви Георгия Победоносца города Тарту. Живя в Псково-Печерском монастыре, батюшка Георгий познакомился

Старый Изборск, 1979 г.

с архимандритом Иоанном Крестьян-
ным. С теплотой вспоминал, что отец
Иоанн был сама любовь. Батюшка был
знаком и с другим великим старцем —
отцом Николаем Гурьяновым с острова
Залита. Отец Николай говорил, чтобы
батюшка Георгий рукополагался, так
как сможет быть полезным Церкви и
Господу. Отец Георгий служил в разных
приходах Псковской области: в дерев-
не Боровик, Павы, в Хохловых Горках,
деревне Нина в Эстонии, в Старом Из-
борске... *32 года отец Георгий был на-
стоятелем храма Архангела Михаила в
деревне Мельницы, что в 40 километрах
от Пскова. В 2014 году храм Архангела
Михаила сгорел, после пожара восста-
навливается. С благодарностью к своему земному служению отец Геор-
гий проводил встречи в школах, библиотеках, воинских частях, расска-
зывая о героическом предке, непобедимом адмирале.*

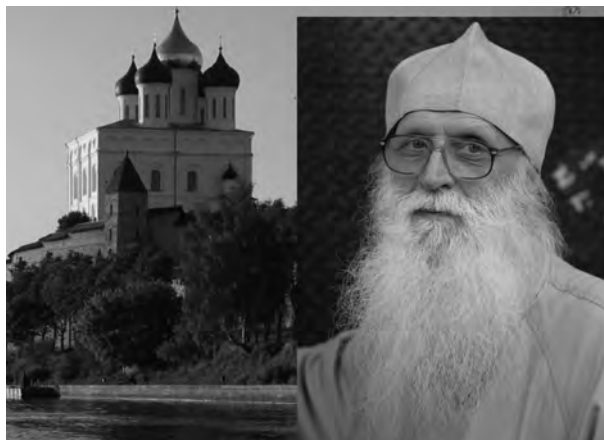
Протоиерей Георгий
(Ушаков)

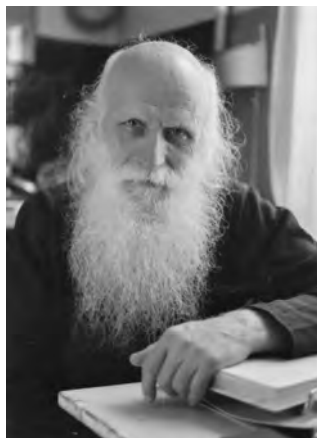
Мельницы. Храм Михаила Архангела

Протоиереи о. Олег Тэор и Георгий Ушаков. 30.03.2004 г.

Жизненный путь этого человека совершенно особый, одновременно посвящённый и художественному творчеству, и служению Богу и ближним. И картины отца Георгия продолжают нести свет и радость людям. Работал художник в различных техниках и материалах. Выбор материала и форма подачи изображения обусловлен, как правило, сюжетом, личными впечатлениями и чувствами, которые художник хотел донести до нас через свою работу. Картины неповторимы, просты и загадочны, как русская душа. Знакомясь с творчеством протоиерея Георгия,

На кухне за чтением
в квартире на ул. Гоголя

замечаешь, как погружаешься в атмосферу душевной теплоты и светлых чувств, исходящих от его картин, и получаешь истинное удовольствие от знакомства с творчеством этого замечательного художника. **«Волшебным взглядом тот художник наделён: ведь за Творением — Творца способен видеть он! И может людям он дарить умение видеть и любить...»**. Желание — ещё и ещё рассматривать картины батюшки Георгия Ушакова, размышлять над ними: исповедь, самопознание — два пути, ведущие в небо. Искусство содержит эти пути, и кроме них ещё один, третий, — это путь Красоты. Творческая энергия отца Георгия была неиссякаема — он, кроме огромного подвижнического труда священнослужителя, создавал картины. Много рисунков батюшка рисовал пастелью. Картины и рисунки отца Георгия умножают в мире добро, напоминают об истинном призвании человека — любить. Его судьба, его замыслы, поэтика его искусства тесно связаны друг с другом. Батюшка давно мечтал о выставке в городе Саранске и хотел пожить на земле Святого праведного воина Феодора Ушакова в Рождество-Богородичном Санакарском монастыре. Мечта всё-таки осуществилась, но уже не при его жизни. Как радостно, что Господь помог такой замечательной выставке на земле его святых предков, что батюшка радовался вместе с нами. Благодарность была особая всем исполнителям оформительских работ и благодетелям, благодаря кому эта выставка состоялась. И конечно, большая благодарность художнику Юрию Яшину из города Пскова, духовному чаду отца Георгия

Ушакова, который много сделал для того, чтобы живопись и графика протоиерея Георгия Ушакова была на Мордовской земле в городе Саранске, где состоялась эта чудная выставка, о которой мечтал протоиерей Георгий Ушаков. Молитвами батюшки Георгия Ушакова, его художественные работы (более 70 произведений) благополучно встречал город Саранск: 1 декабря 2021 года состоялось открытие персональной выставки произведений живописи и графики нашего батюшки в Выставочном зале Мордовского Республиканского Музея изобразительных искусств имени Степана Эрьзи, которая пробыла там до 9 января 2022 года. Сотрудники Музея очень рады, что выставка протоиерея Георгия Ушакова состоялась на земле его святых предков. Проповеди, застывшие в красках, были доступны для жителей и гостей Мордовии. На открытии выставки художник Юрий Яшин отметил, что рисование помогало отцу Георгию в службе. Чередуя эти два Служения, он мог «рисовать» словами образные проповеди и проповедовать образами своих художественных произведений. В дар Музею была преподнесена работа отца Георгия — картина «Лошади». Всего на выставке было представлено 86 художественных работ. Атмосфера открытия выставочных работ была очень благодатная и радостная и для устроителей и гостей,

Пейзаж. Банька 1964. Бумага, уголь

О. Георгий Ушаков. Иоанн Крестьянкин с натуры

наполняла презентацию невидимо присутствующего здесь батюшки Георгия — посетители Музея Эрзы увидели его акварели, монотипии, рисунки. Работы художника, вдохновленные темами Священного писания, образами древней Палестины, и пейзажи, проникнутые внутренним светом авторского мировосприятия самых разных мест, дорогих сердцу автора: вид Елагина острова, мыс Херсонес, уголки Пскова, воспроизведённые по памяти. Картины очень тонко и чутко раскрывают художественные образы по-детски чистой и деликатной души батюшки, его проникновенного Духа и доброго, полного любви, сердца. Памятью о протоиерее Георгии Ушакове выставка осталась в наших сердцах, наполняя наши души миром доброты и любви к Богу. Спасибо батюшке за его прекрасное творчество! Как замечательно, что для жителей и гостей Мордовии, на земле его Святых предков можно было погрузиться в атмосферу душевной теплоты и светлых чувств, исходящих от его картин и получать истинное удовольствие от знакомства с творчеством этого замечательного художника!

Батюшка, как и предок его преподобный Фёдор Ушаков, был на самоотверженном служении Богу и ближним своим. В июле 2002 года протоиерей Георгий Ушаков был приглашён для участия в Крестном

морском походе из города Севастополя за два моря с иконами и мощами Преподобного по местам боевой славы адмирала. Вместе с потомками святого флотоводца в морском Крестном ходу отец Георгий Ушаков участвовал в качестве почётного пассажира на большом десантном корабле «Ямал». У отца Георгия была невероятно насыщенная жизнь. Он человек был редкий, светлый, истинно духовный. В 2016 году протоиерей Георгий оказался на курорте «Старая Русса» на лечении, где познакомился с краеведом Натальей Басмановой, после чего, вдохновлённые рассказом Натальей Басмановой о судьбе батюшки, старорусские краеведы навестили его в деревне Мельницы, чтобы помочь в ремонте храма Архангела Михаила. Батюшка был нашим самым настоящим другом и всегда был рад, когда ему звонили и поздравляли с праздниками с Днём ангела, и днём рождения. Поздравления были от всех старорусских жителей, и он искренне был рад. Из беседы с батюшкой мы узнавали и о его судьбе священника, и об увлечении живописью, которое его не оставляло.

Юрий Яшин и о. Георгий. Фото Н. Басмановой

Выставка акварельных работ о. Георгия была размещена в комнате-музее С.В. Рахманинова в Старорусском Центре культуры «Русич». Художественные работы на родине отца художника родились после повторного посещения Старой Руссы. Батюшка Георгий с удовольствием осмотрел картинную галерею, где демонстрировались полотна Василия Ушакова и где выставлена дарственная ваза, выполненная Юрием

Васильевичем ещё до того, как он стал священником. В мае 2019 года батюшка Георгий посещал город Старую Руссу вновь вместе со своим помощником Юрием Яшиным и привёз в подарок нашему городу огромную коллекцию картин и документов своего отца и нашего земляка В.В. Ушакова. Уникальная коллекция пополнила фонды Старорусского Краеведческого музея. Батюшка посещал студию художника Николая Локотькова, был очень впечатлён творчеством художника и его учеников, а также издательством журнала «Введенская сторона». Батюшка молился у нашей Старорусской иконы Божией Матери, припадал к мощам преподобного Антония Леохновского в Спасо-Преображенском Антониево-Леохновском мужском монастыре.

Протоиерея Георгия Ушакова отличали ревностная вера и твёрдое упование на Господа и на Его милость. *При этом он даже в самые сложные периоды жизни находил отдушину в рисовании, делал наброски для новых работ. Выставки его произведений проходили на Псковщине, в Санкт-Петербурге, Саранске, Подмоскowie и в Старой Руссе.* 11 октября 2017 года в государственном музее «Царскосельская коллекция» в городе Пушкине Ленинградской области была открыта выставка к 80-летию отца Георгия — на ней были представлены акварели, монотипии и керамика...

О. Георгий. Фото Андрея Кокшарова

О. Георгий. Фото Н. Басмановой

Митрополит Тихон Шевкунов и о. Георгий

12 октября 2021 года в возрасте 83-х лет протоиерей Георгий Ушаков, настоятель храма Архистратига Божия Михаила деревни Мельницы, отошёл к Господу... 15 октября 2021 года в псковской церкви Архангелов Михаила и Гавриила митрополит Псковский и Порховский Тихон (Шевкунов) совершил отпевание. Перед началом чина отпевания митрополит Тихон обратился ко всем собравшимся с Архипастырским словом. Вспомнил добрыми словами отца Георгия, *что он был знаком с ним более 40 лет — познакомился с ним ещё в 1980-х годах. Упомянул, что батюшке пришлось служить в далёких псковских приходах; что батюшка был человеком глубокой веры ко Христу. Владыка сказал, что благодарит Господа Бога, что за несколько месяцев до кончины батюшки Георгия были решены вопросы о ремонте храма святого Архистратига Божия Михаила в деревне Мельницы, что «идёт проектирование и найдены средства. Батюшку Георгия очень это радовало, очень утешало и мы думали вместе послужить во вновь отремонтированном храме. В День его рождения и День памяти его покровителя преподобного Фёдора Ушакова, будем веровать и надеяться, что Господь примет его в Своих святых. Царствие Небесное, вечный покой!».* 15 октября — День Святого Праведного воина Фёдора Ушакова, день рождения батюшки Георгия Ушакова — ещё никогда такого не было... На свой последний день рождения он

собрал своих любимых чад из многих городов и селений. Милостью Божией, довелось и мне попрощаться с нашим дорогим батюшкой, и низко-низко поклониться от всех, кто знал батюшку, от всей нашей Старорусской земли. Вечная, светлая память нашему доброму батюшке Георгию! Господь к такому дню украсил землю золотом осенней листвы, а люди — могилу морем цветов. Кажется, батюшка был рад... Накануне он говорил: *«Не бойтесь за меня, я уйду быстро. Успеть бы только до холодов...»*. Чудесный промысел Божий, даже дата его Нового Дня рождения не изменилась! Тело протоиерея Георгия Ушакова обнесли крестным ходом вокруг церкви святого Архистратига Божия Михаила, после чего была совершена лития. Погребение состоялось у алтаря храма, где отец Георгий нёс своё служение 32 года. У всех, кто неравнодушно чтит память об отце Георгии, зреет и потихоньку воплощается идея создания мемориального музея-квартиры, где жил батюшка. Жители Пскова и области, а также Старой Руссы Новгородской области, которые знали батюшку, просили помощи у губернатора Псковской области Ведерникова Михаила Юрьевича в создании частного некоммерческого мемориального музея-квартиры художника и протоиерея Георгия Ушакова, потомка адмирала флота российского, святого праведного воина Феодора Ушакова, собирали подписи для создания музея. Мемориальный музей-квартира протоиерея Георгия Ушакова сохранит для потомков прижизненную атмосферу быта и его личный архив: книги, письма, аудио- видео- и рукописные записи, фотографии с конца XIX века, собственные произведения искусства. В музее сейчас ведётся исследование и систематизация архивов переписки, фотоматериалов и художественных работ. Мемориальный музей-квартира протоиерея Георгия Ушакова работает в городе Пскове адресу ул. Гоголя, дом 6, кв. 4-а.

Протоиерей Георгий Ушаков — это духовно-художественное наследие, уникальное достояние культуры не только для Псковской земли, но и для России. Весь внутренний духовный мир отражался в его произведениях, он стремился выразить неосознанное — то, чего нельзя коснуться. Батюшка Георгий занимался лепкой, искусством керамики и стекла, вышивал, писал иконы, стихи, изучал архитектуру, скульптуру, японскую гравюру, греческий, французский и немецкий языки. Аскетический уклад его жизни, служение Православной Церкви и любовь к ближним до самопожертвования — насколько *широк и богат был его духовный мир, насколько глубока и правдива была в нём вера.*

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вересова Т.В.,

Союз краеведов России,
гор. Псков, Россия
e-mail: veresovatv@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПСКОВЩИНЕ

***Аннотация:** В статье говорится о зарождении краеведческого движения в различных уголках Псковской земли, судьбе родоописания и его основоположников в переломные для страны годы.*

***Ключевые слова:** Губернское общество краеведения, краеведение в послевоенные (с 1947 г.) годы и наши дни.*

Свой доклад я подготовила на основе сборников «Познай свой край» Псковского губернского общества краеведения, вышедших в 1924, 1925, 1927 и 1929 годах, книг А.В. Филимонова «Псковское краеведение в 1920–1930-е гг.» (Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 2004) и «Псковское краеведение в послевоенные годы (1945 — середина 1950-х)» (ПсковГУ, 2013) и фонда Облисполкома в ГАПО, на работу с которым меня подвиг Владимир Фотиевич Козлов, приславший мне выписку из дела № 39 фонда НИИ культуры (№ 10010), хранящегося в ГАРФе (1949 г., 65 листов). Дело — «Обзор о состоянии краеведения в РСФСР в послевоенное время», автор — Поздеев А.И.

В первом выпуске сборника «Познай свой край» опубликован «Краткий очерк истории возникновения и деятельности Псковского Общества Краеведения» Александра Клементьевича Гладкого, «школ-раба» (школьного работника), сотрудника-корреспондента Пушкинского Дома при Российской Академии наук по Псковской губернии. Здесь же — информация о краеведческих учреждениях в губернии, Устав Общества и список его 118 членов.

Итак, при Губмузее «во Пскове в конце 1921 года возникло «Общество изучения местного края», или короче «Общество краеведения». Внешним же толчком, разбудившим дремавшие краеведческие силы и интересы, был отчёт ректора Псковского Института Народного Образования Виктора Ксавериевича Гринкевича о первой «Всероссий-

ской Конференции научных обществ по изучению местного края», состоявшейся в Москве с 12 по 25 декабря 1921 г.

До возникновения Общества Краеведения во Пскове существовало имевшее свою длинную историю Псковское Археологическое общество¹, долгое время возглавлявшееся известным археологом-любителем Н.Ф. Окуличем-Казариным... <...> Продолжавшее существовать и после смерти своего председателя Археологическое общество не могло работать одно и должно было, как мы увидим дальше, слиться с Обществом Краеведения, которое, имея в значительной своей части лучшие интеллигентные силы, расширило, сравнительно с Археологическим обществом, круг своей научной деятельности и повело работу в широком масштабе, так что в конечном итоге бывшее Археологическое общество, по слиянии с Обществом Краеведения, начало работать в последнем в качестве только отдельной этнографической, а впоследствии историко-археологической секции.

В инициативную группу при создании и организации Общества Краеведения, кроме упомянутого В.К. Гринкевича, вошли: А.К. Янсон, Н.А. Эрн, В.Ф. Соловьёв, В.А. Фёдоров и Г.А. Горский. Уже самый состав инициативной группы (половина — преподаватели Института Народного Образования) до некоторой степени связал судьбу Общества Краеведения с ИНО — высшим учебным заведением во Пскове — и определил характер его будущей работы. <...> Главной задачей Общества служит изучение современного положения Псковского края — его природы, производительных сил, социальных и культурных особенностей... Но понять текущую действительность нельзя без знания её происхождения, её истории. Вот почему задачи изучения истории местного края имеют огромную важность и для Общества Краеведения»².

В Обществе были образованы следующие секции: 1) естественно-историческая (Н.П. Кузнецова, преп. ИНО), 2) этнографическая (В.Ф. Соловьёв, завед. Губмузеем), 3) гуманитарно-историческая (руков. К.А. Иеропольский, преп. Рабфака), 4) педагогическая (Гринкевич В.К., ректор ИНО), цель которой — организация школьных дружин начинающих краеведов; 5) экономическая (рук. А.Н. Алешковский, зав. Статистическим отделом).

В течение 1922 года, кроме организационного 18 января 1922 г., было проведено 5 общих и 5 секционных собраний. Не имея средств

¹ Псковская Археологическая комиссия была создана в 1872 г. — с 1880 г. она преобразована в Псковское Археологическое общество (ПАО).

² *Н. Рожков. Основные задачи изучения истории Псковского края. «Познай свой край». Сборник Псковского Общества Краеведения, вып. 1, 1924, с. 5.*

для собственного издания, Общество Краеведения свои работы публиковало в ежемесячном журнале «Новая жизнь», однако он прекратил своё существование на 10 номере. На средства Губстатбюро удалось издать два проспекта — «Псковское Общество Краеведения» и «Юному или начинающему краеведу» — и брошюру «Краткая программа для собирания этнографических сведений и предметов». Тормозило работу Общества отсутствие материальной базы, безучастное отношение к нему масс, разобщённость в действии самих членов Общества. Кроме того, Общество за 2 года лишилось самых энергичных своих руководителей в связи с их переездом в Ленинград. Но представители его постоянно приглашались на конференции Центрального Бюро Краеведения и Российской Академии наук (например, когда решался вопрос об устройстве «Пушкинского уголка» в селе Михайловском). На общих собраниях читались доклады не только тематического характера, но и методологические, постоянно — отчёты о посещении различных конференций и торжеств. Так, А.К. Янсон, завед. Губмузеем и зам. председателя правления Общества, 11 января 1925 г. отчитался о Всесоюзной краеведческой конференции, прошедшей в Москве в ноябре 1924 г. (Янсон делал сообщение «О деятельности Псковского Общества Краеведения»). В Обществе формировалась своя библиотека-читальня, фонд её постоянно пополнялся из Губернской библиотеки, школ и Губмузея, а периодические издания поставляло ЦБК — Центральное Бюро Краеведения.

Почти ежегодно в Обществе проходили перевыборы его Правления — для оживления и продуктивности его работы, направленности более в социально-экономическую сторону, нежели в историко-археологическую. В сборнике «Познай свой край» за 1924 год опубликован Устав Общества краеведения и список его 118 членов. Базировалось Общество в Доме Работников Просвещения (дом Фан-дер-Флита).

Ещё раньше губернского, **в мае 1921 года, в Порхове открылось «Общество изучения местного края»**. Инициатором и первым руководителем его был профессор Иван Евсеевич Евсеев, прежде организовавший научные общества в Орловской и Подольской губерниях. Надо сказать, что Порховское уездное общество в начале своей деятельности оказалось удачнее губернского: к годовщине образования оно издало «Известия Общества изучения местного края» — к сожалению, отсутствие средств не позволили «Известиям» выходить дальше, хотя 2-я книга уже была составлена. Общество ориентировалось на этнографию, археологию, историю и географию, но программа была разработана по всем вопросам краеведения, в том числе изучению ус-

ловий сельского хозяйства и экономического состояния края. *Замечу кстати*, что уже дважды в наших региональных конференциях принимали участие супруги Кондратенко из Орла — оба с псковской тематикой. Узнав имя организатора Порховского краеведческого общества, я предложила Алексею Ивановичу Кондратенко поискать материал о Евсееве в архивах Орла. Ответ последовал незамедлительно: А.И. уже выбрал для наших очередных чтений личность Евсеева — вот так и восполняется история Псковской земли.

В Опочке в эти годы существовал краеведческий кружок, насчитывающий более 100 человек, при школе II ступени им. А.С. Пушкина. Кружок состоял из двух секций — исторической и метеорологической.

В Торопце Общество краеведения создано в марте 1922 г. (учредителей — 10 чел., членов — 62). Устав для него утверждён Губисполкомом 4 апреля 1923 г. Работали секции — природы, экономическая, охраны памятников и духовной культуры края.

«**В г. Великих Луках** имеется Общество Краеведения, но отчётных сведений в Псковское Общество не поступало»³.

Краеведческий кружок **при Невельском Доме просвещения** организован в апреле 1924 г. (26 чел.).

В Пскове краеведческие кружки существовали в каждой школе и при Педтехникуме. Губернское Общество краеведения поддерживало постоянную связь со своими отделениями в уездах. «Правлением Общества было, между прочим, выработано и разслано Положение о структуре отделений Общества. Кроме ранее существовавших, было открыто в январе 1925 года новое отделение, в наиболее отдалённом городе губернии — Холме. А в заседании от 11 августа с.г. Правление Псковского Краеведения с чувством глубокого удовлетворения выслушало сообщение тов. Янсона о новой ячейке в Бологовской (б. Наговской) волости, Холмского уезда. <...> Сознывая всю важность объединения всех краеведческих организаций СССР, Псковское Общество Краеведения откликнулось на предложение Московского Отделения ЦБК прислать делегата на Всесоюзную конференцию по Краеведению... Вся деятельность Псковского Общества Краеведения протекала и протекает под идейным руководством ЦБК... Корреспондентом Общества при ЦБК, дающим информацию в журнал «Краеведение» и в «Известия ЦБК», является тов. Иеропольский»⁴.

³ Краеведческие учреждения в Псковской губернии. «Познай свой край». Сборник Псковского Общества Краеведения, вып. 1, 1924 г., с. 70–71.

⁴ Я. Яковлев. Отчёт Псковского Общества Краеведения за время с июня 1924 года по август 1925 года. «Познай свой край», вып. 2, 1925, с. 95–97.

«Познай свой край», выпуск 1

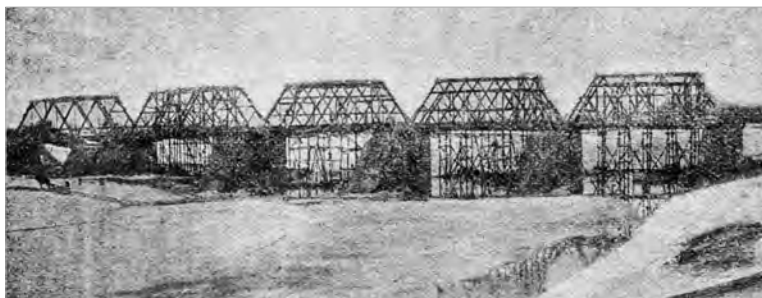
«Познай свой край», выпуск 1,
титул

«Познай свой край», 1925 г.

«Познай свой край», 1925 г., титул

«Познай свой край», выпуск 4, мост в д. Шабаново

Иеропольский К.А. Фото с сайта *Псковяна*
Областной научной библиотеки

Евсеев Иван Евсеевич

Гладкий А.К.

Разлетовский В.Я. Из семейного архива Е.В. Разлетовской

Н.Ф. Окулич-Казарин

Псковское губернское общество краеведения было зарегистрировано в НКВД и списки членов Общества ежегодно, в двух экземплярах, предоставлялись в орган НКВД. Выбывали из Общества либо по личному заявлению, либо исключались за порочащие Общество поступки или уголовно-наказуемые деяния.

Средства Общества составляли: субсидии правительственных и общественных учреждений; членские взносы и пожертвования; доходы от продажи изданий, сбора за вход на лекции, выставки, собрания и другие поступления.

«Общество, зародившееся в нашем многотрадном Пскове, <...>, ошупью искало приложения своим силам для возбуждения интереса к родному краю. Не было ни опыта, ни методов, ни мало-мальски рабочего аппарата, ни организационных навыков. <...> Хотя оно и находилось в губ. центре, но играть роль губернской организации ещё не могло. Связь с уездами и волостями была слаба, недоставало общего координирующего плана, не всегда можно было помочь провинциальным организациям даже советом. Следует отметить, что оно не имело даже своего постоянного уголка. <...> Период организации завершился первым губернским съездом краеведов, бывшим во Пскове с 25 по 28 февраля (1926 г. — *Т.В.*). Съезд этот является крупным событием в Псковской краеведческой жизни», — писал Август Карлович Янсон, заведующий Губернским музеем, заместитель председателя правления Общества, в 3-м выпуске, 1927 года, сборника «Познай свой край». На состоявшемся после съезда Пленуме председателем Общества был назначен Янсон.

В ноябре этого же 1927 года прошёл и Окружной съезд краеведов. Следует отметить, что представители Центрального Бюро Краеведения не обделяли вниманием Псков, бывали здесь часто и высоко ценили работу Псковского Общества Краеведения. Одновременно и псковичи бывали на всех Всесоюзных краеведческих съездах.

В 1928-м, как и в 1926 году, сборник «Познай свой край» не вышел — так решила, в целях экономии бумаги, советская и партийная власть, у которой значительно упал интерес не только к истории края, но и его носителям — интеллигенции. Последний сборник вышел в 1929 году. Борьба на идеологическом фронте по всей стране решила судьбу и ЦБК, и всех губернских и уездных краеведческих обществ: по решению 4-й, последней, Всероссийской конференции по краеведению (март 1930 г.) местные краеведческие общества перестали существовать — их заменили Окружными Бюро краеведения. Начались репрессии, ЦБК и его местные органы были ликвидированы...

В июне 2017 г. Владимир Фотиевич Козлов дал мне выписку из фонда (10010) НИИ культуры, хранящегося в ГАРФе⁵, 1949 г.: в деле № 39 — Обзор о состоянии краеведения в РСФСР в послевоенное время. На листе 7 читаем: «В гор. Пскове организовано «Псковское областное Общество краеведения». Устав общества утверждён Облисполкомом от 24 сентября 1948 года за № 552. Общество создано по инициативе областных, государственных, партийных и общественных организаций, а также по инициативе краеведческой общественности. Основная работа по краеведению проводится работниками Псковского областного краеведческого музея. Музейно-краеведческий Совет Общества состоит из 22-х членов...». В ГАПО⁶ я нашла это Решение Исполкома Псковского Облсовета депутатов трудящихся — об организации Псковского областного **добровольного** общества краеведения. Этим же решением был утверждён Оргкомитет в составе 9 человек: Петрова Е.М. — зав. областным отделом культпросветработы (председатель); Егоров И.Т. — Областной отдел архитектуры; Смирнов В.П. — Облплан; Слинин⁷ — кандидат с/хоз. наук. Опытная льнозональная станция; Вознесенский П.С. — преподаватель истории; Пурьшев А.А. — директор областного музея Краеведения; Цвилёв С.А. — Областная биб-ка, главный редактор каталогов; Копыткин С.И. — обл. Управление по делам охотничьего хозяйства; Ларионов И.Н. — зам. директора обл. Музея. На этом же заседании был одобрен Устав Общества.

Если говорить о целях и задачах послевоенного Общества, то они и сейчас одинаковы, формулировка их лишь современна веку. А вот на что существовало Общество? Вступительный и ежемесячные взносы, оплата которых может быть и поквартальной: 1) вступительный взнос — 3 руб.; 2) ежемесячные членские взносы — 1 руб.; 3) для учащихся вступительный взнос — 1 руб, ежемесячный — 50 коп.; 4) для юридических лиц размер вступительных взносов — от 100 руб. и выше, и в каждом отдельном случае определяется Советом и Президиумом Общества с соответствующей организацией.

⁵ ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

⁶ ГАПО — Государственный архив Псковской области.

⁷ Слинин Анатолий Александрович — знаменитый льновод, учёный-селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, Заслуженный агроном РСФСР, Герой Социалистического Труда. Им выведено 17 высоковолокнистых сортов льна, посев которых в начале 1980-х занимал треть льняного поля страны. В 1983 г., за год до ухода учёного, я встречалась с ним, но не в Студии телевидения, куда он уже не мог приехать, а у него дома, — жил Анатолий Александрович, где и работал, — на территории опытного хозяйства «Родина».

ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 39. Педурев А. И.
 (НИИ культуры) Обзор о состоянии
 краеведения в
 РСФСР в послевоен-
 ное время

1949г. 65 лл.

(л. 7) "В гор. Пскове организовано "Псков-
 ское областное общество краеведения".
 Устав общества утвержден Облисполкомом
 от 24 сентября 1948 года за № 552. Об-
 щество создано по инициативе областных
 государственных, партийных и обществен-
 ных организаций, а также по инициа-
 тиве краеведческой общественности. Те-
 новная работа по краеведению проводит-
 ся работниками Псковского областного
 краеведческого музея.
 Музейно-краевед. совет об-ва
 состоит из 22-х членов

Выписка В.Ф. Козлова из фонда ГАРФ

Секции Общества: историческая, охраны природы, экономиче-
 ская, зоологическая, охраны памятников (архитектуры, искусства, рево-
 люции, гражданской войны, Великой Отечественной войны) и другие.

В состав Президиума входит обязательно представитель Обли-
 полкома и областного Музея.

СРЕДСТВА ОБЩЕСТВА: 1) вступительные и ежемесячные
 взносы; 2) ассигнования Облисполкома; 3) поступления от государ-
 ственных, хозяйственных, культурных, общественных и прочих орга-
 низаций в форме дотаций и по договорам на проведение краеведче-
 ских исследований; 4) из других поступлений.

Устав Общества составлен на основе Типового Устава, прислан-
 ного Управлением музеев Комитета по делам культпросвет. учрежде-
 ний при СМ РСФСР.

(подпись директора Краеведческого музея Пурышева)

РЕШЕНИЕ

№ 552 / 168 II

24/IX/48

Исполнительного Комитета Псковского Облсовета депутатов трудящихся

от " 24 " сентября 1948 года

По вопросу: Об организации Псковского Областного добровольного общества краеведения.

В целях привлечения широких слоев населения к изучению Псковской области, исполнительный комитет Псковского областного совета депутатов трудящихся **РЕШИЛ:**

1. Признать целесообразным организацию Псковского Областного добровольного Общества Краеведения.

2. Утвердить организационный Комитет ~~Псковского~~ ~~Областного~~ общества краеведения в следующем составе:

1. Петрова Е.М. - Зав. областным отделом культурпросветработы (председатель)
2. Егоров И.Т. - Областной отдел Архитектуры
3. Смирнов В.П. - О б л и п л а н
4. Смирнин - Кандидат с/хоз. наук. Опытная льновязальная станция.
5. Вознесенский П.С. - Преподаватель истории
6. Пуршев А.А. - Директор областного музея Краеведения.
7. Цвилев С.А. - Областная биб-ка. Главный редактор каталогов.
8. Копыткин С.И. - Обл. Управление по делам охотничьего хозяйства.
9. Ларионов И.Н. - Зам. директора обл. Музея.

3. Одобрить прилагаемый Устав Псковского Областного добровольного общества Краеведения.

(Устав не помещается)

24/IX-48

24/IX [подпись]

66 70 85 68

6 28
У С Т А В
ПОСОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

*Изменения в устав
исполком областного Совета
депутатов трудящихся от 24
-1948 г. № 258*

170

1. Общество краеведения является научно-общественной организацией, объединяющей на основе добровольности широкие слои населения для развития их научной, организационной и культурно-просветительной самостоятельности, направленной на всестороннее изучение Псковской области в целях оказания результатами своей исследовательской работы активного содействия социалистическому строительству и деятельной помощи местным организациям в выполнении ими очередных хозяйственных и культурных задач.
2. Общество краеведения организуется по инициативе местных общественных государственных, партийных и общественных организаций, а также по инициативе краеведческой общественности.
3. Общее руководство деятельностью общества осуществляется исполкомом областного Совета депутатов трудящихся.
4. Вся своя научно-исследовательскую, организационную, научно-методическую и пропагандистскую краеведческую работу Общество краеведения проводит в тесном контакте и в повседневном деловом сотрудничестве с областным краеведческим музеем и на основе единого совместно разработанного плана краеведческой работы.
5. Устав областного Общества краеведения вступает в силу после утверждения исполкомом областного Совета депутатов трудящихся.
6. Общество краеведения подлежит регистрации в областных организациях в порядке, установленном законодательством.
7. Областное Общество краеведения имеет право юридического лица равнозначно в пределах, определенных Уставом.
8. Общество краеведения имеет свой штамп и печать.

Задачи и содержание работ

1. Общество краеведения ставит перед собой следующие основные задачи:
/ / вовлечение широких слоев населения Псковской области /рабо-

180

г/ из других поступлений.

45. Средства Общества расходуются по смете, утвержденной Советом Общества.

У11. Ликвидация Общества.

46. Областное Общество краеведения прекращает свою деятельность:

а/ по решению облисполкома;

б/ на основе постановления областной конференции краеведения после утверждения этого постановления облисполкомом.

Примечание: Районные отделения Общества прекращают свою деятельность по решению областного Совета краеведения, утвержденного облисполкомом.

47. Ликвидация дел и имущества Общества производится ликвидационной комиссией, выделяемой конференцией Общества и утверждаемой облисполкомом. При ликвидации Общества и его районных отделений дела, оборудование и прочее имущество, имеющее краеведческое значение, должны передаваться местному краеведческому музею.

Составлен на основе типового Устава,
Краеведческого Управления музеев К-та по
делам Куйбыр. Краевед. упр. и дирекции при
С. М. РСФСР.
Директор Нековенко А. В.
Краеведческого музея и Муз. Упр.
(Туршиев)

Ларионов

Л.А. Творогов и С.А. Цвильёв,
архив Е.Н. Морозкиной.
Публикуется впервые

П.С. Вознесенский

Слинин А.А.

Других документов о деятельности Областного добровольного общества Краеведения в ГАПО не обнаружено. Однако в ГАРФе они отложились: в том же фонде НИИ культуры — протокол Всероссийской конференции 1949 г., где с докладом о работе Псковского общества краеведения выступал Иван Николаевич Ларионов, директор Краеведческого музея. К сожалению, его доклад был признан не отвечающим цели: начало — о работе Музея, всё остальное — рассказ о талантливом садовом.

И в литературе — в частности, книге А.В. Филимонова — говорится о том, что созданное в 1948 г. Краеведческое общество (на базе Музея) запланировало возобновить выпуск сборника «Познай свой край», но сделать этого не удалось. Была повторная попытка в 1952 году, как и проведение тогда же областной Краеведческой конференции, но ничего этого не произошло. Наладить работу Обществу краеведов так и не удалось...

Однако нельзя сказать, что изучением истории родного края никто не занимался: в школах создавались музеи (или комнаты) Боевой Славы, позже — кабинеты краеведения. После создания ВООПИиК⁸ и экскурсионных бюро (середина 60-х) краеведение зазвучало громче. Кроме того, в СМИ с начала 70-х стали появляться статьи исследователь на различные темы по истории края.

1999 год — создан Клуб краеведов при Областной библиотеке. Обзор новинок литературы, тематические — к «красным дням календаря» — заседания; поездки в районы (2007 г. — Локня, в обзоре новинок краеведческой литературы принимала участие и я: представляла вышедший сборник «Дворяне все родня друг другу» /М., 2006/ и сигнальный экземпляр «Сии бо люди крылати...» — оба сборника серии «Псковская земля: история в лицах», М.: Северный паломник, 2007) или соседние области (Старая Русса — 2004 г., где я представляла книгу Е.Н. Морозкиной «Выхожу на Шелонь», которую в 2003 г. подготовила к печати, восстановив по рукописи Е.Н.). Кроме участия в этих поездках, с 2003 года я представляла в Краеведческом отделе Областной научной библиотеки все книги Елены Николаевны Морозкиной, которые готовила к печати: 2001 г. — «Древний Псков. Кром и Довмонтов город», 2003 г. — «Выхожу на Шелонь»; 2004 г. — новое, дополненное по рукописи и иллюстрированное современными снимками, издание путеводителя «Псковская земля» в серии «Вся Россия» альманаха «Памятники Отечества», где я в то время работала; 2009 г. — обновлённое издание «Псковской земли»

⁸ ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

(М.: Маросейка, 2009). Кроме книг Е.Н. Морозкиной, представляла и свои — 3-томник серии «Псковская земля: история в лицах»: в 2006 г. — сборник историко-биографических очерков «Дворяне все родня друг другу...»; в 2007-м — «Сии бо люди крылати...» — очерки о великих людях Русского Порубежья, и в 2008 г. — «Обитель дальная трудов и чистых нег». Очерки о Пушкине, Мусоргском, Римском-Корсакове и их окружении. Этот 3-томник я готовила в популярном и авторитетном в стране альманахе ВООПИиК «Памятники Отечества», который, к великому сожалению, в конце 2005 года окончательно распался (с «лихих 90-х» существовал исключительно на заказы). Не осуществился и мой план издать в серии «Вся Россия» 2-томник «Псковская земля. Святыни и древности», хотя материал к нему был уже собран, а художником, по заказу предполагаемого спонсора, выполнен макет обложки... Я решила собрать коллектив для издания краеведческого альманаха «Псковский летописец» и в 2009 году 1-й номер его вышел из печати. Презентация состоялась в Приказной палате Кремля — зал был переполнен, что очень обрадовало и вселило уверенность. Материал принимался только архивный, летописный, от профессионалов — и к лету 2010 года вышло ещё 3 номера. Печатала я их в Можайской типографии, проверенной альманахом «Памятники Отечества», «Псковской землёй» Е.Н. Морозкиной и 3-томником серии «Псковская земля: история в лицах», — полиграфия самого высокого качества.

С осени 2009 года я стала посещать «Встречи на Никольской» при Историко-архивном институте РГГУ⁹ (ул. Никольская, 15), проводил которые Союз краеведов России (СКР), базирующийся при ИАИ РГГУ: руководители СКР Козлов Владимир Фотиевич (председатель) и Александра Геннадиевна Смирнова (заместитель председателя) готовили эти «Встречи». На них постоянно присутствовал и выступал Сигурд Оттович Шмидт, возродивший в 1990 году краеведческое движение в стране, возглавивший его и в 2007 году передавший эстафету своему ученику В.Ф. Козлову. На «Встречи» приходили не только москвичи, но приезжали краеведы из соседних регионов — Владимира, Калуги, Тулы, часто — из Петербурга. Знакомили с новинками литературы по истории своего края, делились опытом и проблемами в работе — приезжали в основном руководители региональных отделений СКР или их члены. Встречи были очень интересными, полезными: часто на них находились не просто единомышленники, но и исследователи, занимающиеся конкретно псковской тематикой. В мае 2010 года я приняла участие во Всероссийских краеведческих чтениях, поняла

⁹ РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет.

Т. Вересова и В.Ф. Козлов. Встречи на Никольской,
ноябрь 2013 г.

значимость подобных мероприятий в восстановлении исторической памяти родной земли и тогда же решила создать в Пскове, по образу и подобию СКР, его региональное отделение. Археологический центр, с которым я сотрудничала в подготовке альманаха «Псковский летописец», помог мне бросить клич в Интернете — и 26 июля прошло учредительное собрание. На нём присутствовали представители Великих Лук (3 чел.), Опочки (1 чел.), Порхова (2 чел.), Новоржева (1 чел.) и 9 псковичей. Мы «проработали» Устав СКР, взяв его в основу своего. Избрали Совет и через несколько дней собрались уже Советом — распределили обязанности, скорректировали Устав (решили «соединить» Устав СКР с Уставом фонда «Краеведь») и составили план действий на ближайшее время: на 19 ноября наметили Первые региональные чтения и сразу стали к ним активно готовиться, главной целью своей деятельности избрав объединение краеведов области, — «чтоб не пропасть поодиночке»... Сумели привлечь 29 докладчиков, среди которых — двое из столицы Эстонии, и подготовить к вступлению в наши ряды 22 человека из Пскова и нескольких районов области. Состоялась конференция в Областной научной библиотеке — чстью

для нас стал приезд руководителей Союза краеведов России, Владимира Фотиевича Козлова и Александры Геннадьевны Смирновой, которые и вручили членские билеты... В.Ф. в приветственном слове подчеркнул, что наша конференция проходит в 500-летне присоединения Пскова к Московскому государству; что наше сообщество уже с первого дня существования по числу принятых стало самым «массовым» среди подобных в стране, а наша конференция — событие не только в культурной жизни региона, но и всей России. Во время подведения итогов Первых чтений все отметили их высокий профессиональный уровень, доброжелательность, стремление к объединению и сотрудничеству всех, кто не равнодушен к истории своей малой родины. Альманах «Псковский летописец» стал печатным органом нашего сообщества — со следующего его номера (№ 5) ввели новую рубрику «Дневник Псковского регионального отделения СКР». Кроме того, в альманахе стали публиковать наиболее значимые, в историческом смысле, материалы с наших конференций. В последнюю пятницу ноября на «Встречах на Никольской» я рассказала об образовании нашего отделения и до сих пор вспоминаю реакцию С.О. Шмидта: «Наконец-то Псков снова присоединился к Москве»... В мае 2011 года на Всероссийских Краеведческих чтениях в Москве и Владимире делегация Псковской области была самой многочисленной (11 человек) — псковское краеведение вышло на всероссийскую арену и уже с неё не сходило... Сначала мы думали, что региональные конференции будут поочередно принимать Псков и Великие Луки, но с 2015 года они перешли в исторические города области, причём стало традицией передавать их эстафету публично, на пленарных заседаниях текущей конференции, — таким образом заявлялась и главная тема будущей конференции, и её участники за год могли сориентироваться в своих исследованиях. На Пятых чтениях в Великих Луках эстафету Шестых приняла Вера Александровна Шувалова, директор Печорской центральной районной библиотеки. И надо отметить, что конференция в Печорах собрала самое большое число участников — более 100, что вполне объяснимо: сюда «позвало место» — древняя Свято-Успенская обитель, совместно с которой мы и проводили Чтения. И в Печорах впервые приняло участие самое большое число «иностранцев» (12 — из Латвии и Эстонии), потому они по праву приняли статус международных (по предложению архимандрита Тихона Секретарёва). Ещё и потому, что официально Чтениям помогала Надежда Алексеевна Валк, директор тартуской фирмы «Диалог», участница наших конференций с 2013 года. И впервые сборник Шестых

чтений вышел в двух томах — с 2015 года это тоже превратилось в нашу традицию. Не буду подробно рассказывать о деятельности ПРО СКР, поскольку в наших планах — издание сборника его истории. Скажу лишь, что руководство СКР на всех уровнях морально поддерживало нас, повторяя, что ПРО СКР — самое активное в России. В феврале 2013 года, когда ПЛН¹⁰ выдвинула меня, руководителя регионального краеведческого сообщества, на премию престижа «StatuS Media-2012» в номинации «Деятель культуры», руководство СКР, можно сказать, «подняло» в мою поддержку всех краеведов России и даже дальнего Зарубежья... В 2015 году, по ходатайству В.Ф. Козлова, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям по итогам Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая родина», в номинации «Мой край», я была награждена Дипломом «за подготовку и выпуск краеведческого альманаха “Псковский летописец”» (2009–2014 гг.).

В 2017 году Владимир Фотиевич и Александра Геннадиевна радовались вместе со мною, когда я нашла, наконец, надёжного партнёра: руководители Естественно-географического факультета ПсковГУ предложили постоянное сотрудничество в проведении конференций и взяли на себя самое проблемное дело — выпуск сборника, причём в программе РИНЦ¹¹. Мы приходили на помощь друг другу, когда это было необходимо: например, Кафедра географии попросила меня использовать наш круг общения при подготовке ПсковГУ Международной Ганзейской конференции «Северная Европа, Псков и Ганзейский союз в прошлом и настоящем» 21–23 мая 2019 года, и наше сообщество не только сформировало свою секцию «Российско-Балтийское порубежье: пересечение судеб и культур» (выступили представители Беларуси (Витебск), Литвы (Вильнюс) и Эстонии (Тарту и Таллин), но и «обеспечило» докладчиками другие университетские секции. Кроме того, в апреле 2019 г. специально к Международным Ганзейским дням, проходившим в Пскове, я издала «Псковский летописец»... Однако благоприятное для обеих сторон сотрудничество в конце 2019 года было прекращено новым руководством ПсковГУ...

В 2018 году в наше сообщество вошли Порховское и Печорское районные Краеведческие общества — с каждым годом мы «прирастаем» не только новыми членами, но и серьёзными исследователями истории родного Отечества.

¹⁰ Интернет-портал «Псковская Лента Новостей».

¹¹ РИНЦ — Российский индекс научного цитирования.

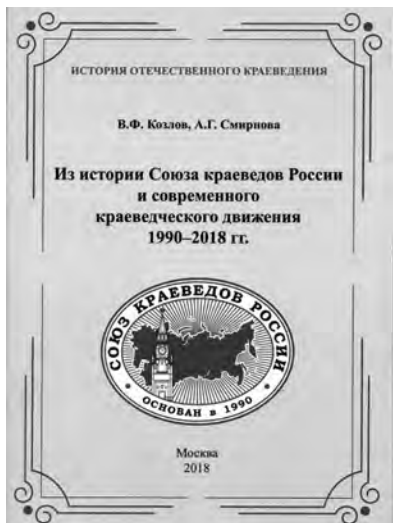

Краеведческое движение, 2017

Моя статья.

Краеведческое движение, 2017

СКР. Итоговая брошюра

Страницы истории, 2020

С 2018 года при Институте Наследия Владимиром Фотиевичем был создан Центр краеведения, москвоведения и крымоведения — Союз краеведов с 2019 года перешёл на эстафетное региональное управление. «Краеведческие встречи» продолжились уже при НИИ Наследия, а я, по сложившейся традиции, «отчитывалась» на них за работу ПРО СКР: если я не могла приехать из Пскова, за меня это делали Александра Геннадиевна или Владимир Фотиевич, они представляли и новые сборники наших конференций. В марте 2020 я приехала на Крымские чтения, но как раз с 16 марта в Москве и по России был объявлен карантин из-за пандемии коронавируса, запрещены все массовые мероприятия и посещения библиотек, архивов... Наше отделение в это время готовилось к X Международным краеведческим чтениям в Опочке и Пустошке — все волновались, но мы всё же получили официальное разрешение на их проведение, гарантируя соблюдение всех санитарно-эпидемиологических норм. Почти 80 участников, в том числе наши верные Игорь Александрович Новиков из Челябинска, Инна Каримовна Зубова и Татьяна Ивановна Тугай из Оренбурга, 5 человек из Петербурга, москвичи, а в Пустошке к нам присоединились представители Беларуси и впервые — группа из Якутии, приехавшая почтить память своего земляка, погибшего при освобождении Пустошки в 1943 году.

К Чтениям в Опочке и Пустошке мы планировали издать и книгу к 10-летию ПРО СКР (Алексей Иванович Фёдоров, ведущий наш сайт, уже выполнил часть «задания») — хотелось подробнее рассказать о своей работе: восстановлении «забытых» имён и событий в истории нашего малого и большого Отечества, открытии новых), членах общества и участниках наших конференций; больше разместить иллюстраций, однако в наши планы вмешались серьёзные «мировые» обстоятельства. Но по итогам X Чтений сборник был издан, впервые в твёрдой обложке, 700 страниц, в программе РИНЦ, — помогли ему увидеть свет наши единомышленники, Санкт-Петербургское издательство Межрегиональной общественной организации «Историческое сознание» (лично Терентьев Вячеслав Олегович). Сборник я переслала в Институт Наследия, где сохранялась библиотека Союза краеведов России, — Александра Геннадиевна и Владимир Фотиевич незамедлительно отреагировали на его получение: «Уважаемая Тамара Васильевна! Поздравляем Вас со сборником — замечательно издан, солидный (и предыдущие тоже, но этот именно юбилейный) и материалы интересные. Мы его представим в декабре как следует, а вдруг и у Вас получится приехать?! Вы, конечно, сделали себе при жизни памятник (и, соответственно, псковскому краеведению), — знаем, что Ваши

усилия совсем не на это направлены, но по факту — Ваши чтения, Ваши сборники, существование ПРО СКР уже 11 лет (понятно, что нелегко, не так гладко, как хотелось бы, и т.д.) — это уже факторы большой истории псковского краеведения...». Надеюсь, все понимают, что я привела этот отзыв не ради того, чтобы выделить себя: без вашей отзывчивости, участия всего этого не случилось бы...

В 2020 году, вновь по представлению В.Ф. Козлова, это же Агентство по печати и по итогам этого же конкурса «Малая родина», я была удостоена звания «Подвижник краеведения» — с вручением Диплома имени С.О. Шмидта. Понятно: это признание деятельности всего нашего краеведческого сообщества. И много раз Владимир Фотиевич и Александра Геннадиевна — на конференциях разных уровней — подчёркивали, что сборники Псковских региональных краеведческих чтений «составляют золотой фонд российского краеведения»...

Каждая наша конференция постепенно движется к своей цели — объединению исследователей области, других регионов, чтобы совместными усилиями восстанавливать истинную историю богатейшего культурно-исторического и природного наследия края, имена её вершителей. Издание сборников по итогам конференций мы считаем неизменным и, пожалуй, самым важным делом своего существования: ничто не должно уходить в «свободный эфир», исчезать бесследно...

Вспоминать итоги предыдущих наших 11 форумов не позволяет формат статьи, потому напомним лишь цифры сегодняшней конференции: из 62 докладов — 24 посвящены истории Островского уезда. Кроме того, в последние дни «сошли с дистанции», по уважительной причине, 6 участников с островской тематикой (24 + 6 = 30) — мы обязательно опубликуем их материал, поскольку он представляет несомненную ценность и добавляет новые страницы в историю Псковской земли и нашего необъятного Отечества.

Маркелов С.Н.,
Псковское региональное отделение
Союза краеведов России.
г. Печоры Псковской обл.
e-mail: fedul77@mail.ru

ПЕЧЕРЯНЕ И ИХ ОДЕЖДА КАК ОТКЛИК НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

***Аннотация:** В этих заметках говорится о том, как те или иные особенности политической, общественной и бытовой жизни жителей маленького городка, стоящего на самом западе России, проявлялись и в их одежде на временном отрезке без малого в век. В основу статьи положен фотоархив автора.*

***Ключевые слова:** Блузка, футболка, бобка, пиджак; «цветовая тенденция», мода, город Печоры.*

Прежде, чем войти в обозначенную временную шкалу, дадим несколько отступлений публицистического толка, так как автор этих строк не раз бывал задеваем выпадами так называемых «либералов» в адрес жителей русской провинции. Будучи в большинстве своём выходцами из столичных городов, эти люди жизнь в провинции представляли специфически: валенки или кирзовые сапоги, фуфайки, трухи, ужасный ширпотреб, стрижка под горшок и прочее.

Хочется возразить, основываясь на личном опыте, так как мои детство и юность пришлось на конец 50-х – 60-е годы, потому выпады «либералов» я воспринимаю и на свой счёт.

Давайте посмотрим на «две иконы мужского стиля» — ведущих артистов французского кино Жана Габена и Лино Вентура. Оба они снялись в фильме «Облава на торговцев наркотиками» в 1955 году. Слева — Жан Габен в пальто из светлого драпа. Широкий двубортный запáх. Нет кашне, хорошо замятая шляпа (замять «по правилам» шляпу — тоже было искусство). Справа — Лино Вентура. У него тоже двубортное пальто с широкими лацканами, но уже из твида. А твид для европейских пальто и пиджаков в то время — остромодный материал. И рядом — заведующий печорским посудо-хозяйственным магазином. Пальто, шляпа, отсутствие кашне. Двухцветные туфли. С большой долей вероятности можно утверждать, что пальто — советского производства. Туфли, возможно, в маленький городок приехали то ли из Польши, то ли из Чехословакии (взаимодействие СЭВ налаживалось), хотя могли быть и советскими. Хорошо помню, как позднее модная

эпидемия на остроносые туфли с тонкой подошвой из натуральной кожи вызвала шквал отечественных поставок этого товара на местные прилавки. Правда, для школьников они были дороговаты.

Жан Габен и Лино Вентура

Заведующий магазином

Литтл Тони (Италия) и Слава Гладилин (Печоры)

Вот ещё два снимка для сравнения. На левом — итальянский певец Литтл Тони, который одержал победу на песенном фестивале в Сан-Ремо в 1964 году. Кстати, он победил с песней «Когда вы увидите мою девушку», которая, в отличие от всех победителей «Евровидения» всех последних лет, жива до сих пор. В русском шутовском переводе это «Йе-йе-йе хали-гали».

Справа — мой одноклассник Слава Гладилин, который учился в тот год в 8 классе. Сравните причёски итальянской эстрадной звезды Литтл Тони и паренька из провинциального города. Добавлю, что от многих фестивалей «Евровидения» застряла в голове лишь недоброй памятью Кончита Вурст, а популярные до сих пор песни фестиваля в Сан-Ремо можно долго перечислять.

Вот ещё одно любопытное сопоставление: посмотрите на кадр из американского клипа с танцем «Nitty Gritty», напоминающего популярный среди нашей молодёжи в середине 60-х пресловутый «шейк». Обратите внимание на девушек с пышными причёсками, украшенными бантиками. Их партнёрами по танцу служат молодые люди в строгих костюмах с галстуками-бабочками и запонками в манжетах рукавов. Кстати, никакой расхлябанности тогда на молодёжных вечеринках не позволялось. Даже в Америке.

И вот для сопоставления с этим кадром фрагмент выпускного снимка в Печорской школе № 1, 1965 год. Видим и бантики в волосах у девушек, и галстук-бабочку у парня. На снимке — девушки с похожими причёсками в стиле «бабетта» по имени героини французских фильмов — Бабетты, роль которой исполняла Брижит Бардо. Брижит Бардо и печорские девушки...

Танец «Nitty Gritty»

Выпускники 1965 г., Печоры, школа № 1

Предлагаю вспомнить кадр из культового фильма Федерико Феллини «Сладкая жизнь» 1960 года — тогда мимолётное движение моды обязывало носить свитера с воротником-«лодочкой». И посмотрите на молодых печерян первой половины 60-х: у них — «лодочка». Подобная мода была быстротечна. Но она долетела и до Печор. Другое дело, что у печерянина слева — свитер грубой вязки. А эта грубая вязка — уже

от подражания известному тогда среди молодёжи Эрнесту Хемингуэю. Им зачитывались. Его портрет часто мелькает в интерьерах квартир киногероев советских молодёжных фильмов той поры. Нам остаётся порадоваться за наших молодых людей той поры, которые любили и умели одеваться, улавливая поветрия моды. И как же далеки от жизни российской глубинки так называемые «либералы», не знающие России и часто откровенно презирающие её народы.

Печеряне начала 1960-х

А теперь вернёмся на заявленную в начале статьи временную канву. Начнём со снимка центральной площади городка примерно 1930 года. Старинный русский город с 1920 года, согласно Тартускому мирному договору, из-за перипетий гражданской войны был введён в состав так называемой «буржуазной Эстонии» — в советской историографии именно так обозначалась суть Эстонской Республики. В ней развивалась зародившаяся незадолго до того «эстонская национальная» идея — соответственно, началась перестройка на эстонский лад и Печорского края. С начала 20-х годов стала проводиться кампания по обязательному присвоению жителям дальних деревень постоянных фамилий. Ранее,

Печоры. Центральная площадь

Пауль Мяги

по давней традиции, жителям этих мест присваивались подоби́я фамилий по имени их родителей. Для развивающейся бюрократии это, конечно, было важно. Причём новая власть поощряла эстонизацию фамилий, особенно среди православного народа сето. С внедрением в жизнь эстонизации сокращалось преподавание на русском языке в гимназиях и высших учебных заведениях. Драматически складывалась и жизнь в Псково-Печерском монастыре. Возглавивший его в тяжёлом 1920 году иеромонах (вскоре епископ) Иоанн (Булин), много делавший для сохранения русского духа на русской земле, в 1932 году был запрещён к служению. На его место эстонские власти сумели утвердить лояльного к ним епископа Николая (Лейсмана). В общем, многое было противоречиво в Печорском крае...

Как это связать с заявленной темой?

Рассмотрим несколько фотографий. Уже со второй половины 20-х годов всё большую роль в экономике края начинали играть эстонские предприниматели, чиновники. Они жела-

ли отличаться и в одежде, показывать европейскую буржуазность коренным жителям. Вот Пауль Мяги, сколотивший большое состояние на перекупке у крестьян Печорского края льна, выращиваемого на больших площадях и важного для крестьянского материального благополучия. Лён он за границу перегонял с большой «маржой». Построил несколько домов. Одет на модный европейский манер: пиджак спортивного кроя с накладными карманами, брюки-бриджи с гетрами. Такой явно выделялся, появляясь на улицах сохранявшего свою русскость города.

А вот сдвоенный снимок, так сказать, «контрагентов» Пауля Мяги — крестьян. Кадр слева сделан на выходе со станции Petseri (так в эстонское время назывался и сам город, и станция). На нём — совсем бедняки: средний — даже босой. Возможно, эти люди относятся к прослойке обнищавших люмпенов. Два других в кожаных поршнях. Поршни — это самодельная обувь из толстой кожи на случай плохой погоды.

В правой части — относительно самодостаточный крестьянин, тоже в поршнях с онучами, но его армяк более «солидный». И присматривается на ярмарке он к устройству, которое позволяло отделять молоко от сливок, — значит, имеет в хозяйстве корову и, возможно, производит масло для себя и на продажу.

Крестьяне

Одежда для съёмки

Гуляние

Анализируя имеющиеся в моём распоряжении фотографии, можно выявить ещё одну условную линию разделения в среде жителей города, которая отражалась и в их одежде. Если взять парадные снимки печерян самого начала XX века, то можно отметить, что они старались следить и гнаться за среднеевропейской модой. Сам факт фотографирования в ту пору расценивался как некий торжественный акт. Старались, что называется, «приодеться»: «котелки», брюки и пиджаки в остро модную тогда вертикальную полоску. Форменные фуражки или тужурки и тому подобное. Но на праздничных снимках уже с конца 20-х годов отчётливо проявляется иная тенденция: запечатлеть себя в одежде, сшитой по мотивам русского национального костюма. Такое впечатление, что желание сменить свой образ на фото стало ответом русского печорского жителя на явное давление со стороны эстонских властей. Снимков в национальной одежде, в которой народ выходил на праздники и гуляния — множество. Но для начала «парадный» снимок семьи, сделанный в ателье. Судя по всему, это — обеспеченная семья... Но, нет — не в европейской одежде решили запечатлеть себя для будущего эти люди: жена приготовила для себя некое подобие супруги русского боярина; у дочери — девичий сарафан; отец, как полагается

русскому на празднике, — в расшитой косоворотке с пояском. И эти люди гордятся своим видом.

Другой снимок — мимолётный. Затвор щёлкнул и запечатлел момент на каком-то гулянии. Девушки и парень в хорошем настроении, весёлые. Видим и тонко расшитую косоворотку, и поясок — обязательный атрибут мужского костюма. В наряде девушки справа смешано несколько народных стилей. Но именно народных. Девушка справа явно из обеспеченной семьи: жемчужные бусы, дорогой браслет, но... в сарафане! И только в одном она не смогла устоять перед мировой модой — сделала причёску в стиле «холодной волны» — стиль, который распространился по всему миру из Голливуда.

О моде и модниках можно судить и по снимкам грандиозного русского певческого праздника, который в Печорах состоялся в начале июля 1939 года. Приехавшие из стран Прибалтики, Финляндии, Швеции русские хоры на специально возведённой эстраде образовали единство в три тысячи человек. Это притом, что население города составляло в ту пору примерно 5 тысяч. Абсолютное число участников выступило в традициях русской национальной одежды. Сшитая самостоятельно долгими вечерами в разных странах, эта одежда продемонстрировала готовность русских людей показать свою неразрывность с национальными корнями. Готовность продемонстрировать свою приверженность национальным традициям демонстрировали на улицах города своей одеждой и соседи русских по долговому совместному проживанию на общей земле — представители народа сето (сейчас он имеет статус малочисленного коренного народа России). Угро-финны по происхождению, сето были православными. Своим духовным центром считали и считают Псково-Печерский монастырь. И на протяжении веков держались этой позиции.

Если одежда мужчин-сето была похожа на русскую мужскую (отличие больше проявлялось в вышитых орнаментах), то женщины одевались неповторимо: и в будни, и в праздники они своим появлением придавали неповторимый колорит улицам Печор. Этой традиции женщины-сето крепко держались и долгие годы после Великой Отечественной войны, лишь к началу 70-х она в быту постепенно сошла на нет и проявляет себя только во время повторяющихся два раза в год национальных праздников сето — кирмашах, приуроченных к православному Рождеству и Дню Успения Богородицы. Самый любопытный снимок из этой серии — тот, где встретились в рыночный день и разговаривают две женщины: русская и сето. Стоит заметить, что русская печерянка нарядилась на ярмарку по-своему: платье с набивным ри-

сунком, «выходной» передник. Она довольно состоятельна: аккуратные туфли на каблуках. У женщины сето — узелок, который, по старой традиции, заменяет сумочку: куда же женщине без сумочки?! Проходящий мимо мужчина, скорее всего, русский, судя по вышитым узором косоворотки. И его хромовые сапоги — признак достатка...

Встреча женщин, русской и сето

Выше указывалось, что в Печорах множились число эстонских чиновников, предпринимателей и так называемых «силовики». Естественно, жизнь их текла по другим правилам...

Оркестр гимназии

Интересен снимок из жизни печорской гимназии. Видим духовой оркестр, который играл не только в торжественные дни, но и на гимназических танцах. Свидетельством тому, что и на танцах играли, — молодая особа в центре кадра (очевидно, солистка), одетая по моде; шляпка, грациозная посадка, ридикюль. «Басы» из заднего ряда оркестра, несомненно, боролись за внимание этой девушки. Кстати, обратите внимание и на головные уборы, — это так называемые «корпорантки»: у каждого солидного учебного заведения были свои корпорантки с неповторимыми узорами на донышке тульи и полосками по околышу — по ним различали учеников и студентов учебных заведений. Но главное на этом снимке другое: молодой человек с кларнетом, в панаме, на которой угадывается силуэт значка с Георгием Победоносцем и девизом «Будь готов!». Это — член отряда русских скаутов, который действовал в Печорах. Не буду углубляться в историю русского скаутизма — скажу только, что его традиции сохранялись среди русских за рубежом, которые были верны, несмотря на политические разногласия, своему народу. На этот счёт Эстония оказалась либеральнее соседних Латвии и Литвы, где русские скауты запрещались.

И вот снимок печорского отряда русских скаутов, который входил в международную «Национальную организацию русских скаутов». Снова видим панамы, по-особому повязанные галстуки. В соста-

ве группы — и девушки. Кое-кто с флажком «медвежат» — младшей группы будущих скаутов. На развёрнутом знамени в центре полотнища — Георгий-Победоносец (по краям **ПО-РУССКИ**, несмотря ни на что!) читается старинный девиз: «Вера в Бога, верность делу», а по низу полотнища — призыв «Будь готов!», который был перенят советскими пионерами.

Печорские скауты

Надо отдать должное коренным жителям Печорского края, которые приняли решение в непростых условиях воспитывать детей сообразно своим взглядам. Кстати, сидящий слева внизу Георгий Печников после войны был много лет директором одной из печорских школ. Можно долго изучать этот снимок, делать интересные выводы, но перейду к другому, ещё более своеобразному. Щеголевато, можно сказать, аристократично, но необычно одет на этом снимке молодой человек: хромовые сапоги, хорошо отутюженные брюки-галифе, сшитый по фигуре пиджак, запонки в манжетах рубашки и галстук-бабочка... Увеличим часть снимка и увидим на лацкане красноармейскую звёздочку...

Анализу общественно-политической обстановки в Печорском крае в конце 30-х – начале 40-х годов посвящено немало исследований местных краеведов.

... Перелистаем несколько чёрных страниц военных лет — и мы снова в Печорах.

Снимков первого года-двух после освобождения Печор в августе 1944 года мало.

Пролистаем несколько лет, чтобы вновь столкнуться с печерянами в не совсем обычный период истории города. Печоры почти не пострадали в боях и 41-го, и 44-го, так что сначала в маленьком городе нашлось место и для областного учительского института, и для нескольких училищ. Квартировали два полка знаменитой Тацинской танковой дивизии, так что было кому показать себя во время вечерних прогулок и танцевальных вечеров, которые, по традиции тех лет, собирали людей разных возрастов. Как правило, играл военный духовой оркестр. Кружились пары. Как тогда «по-парадному» выглядели люди? Конечно, на работу ходили скромнее, но для «выхода» у большинства было припасено нарядное... То было время шляпок самого вычурного вида — в Печорах не отставали от тренда. Вспоминаются строки Владимира Высоцкого:

*Было время — и были подвалы.
Было дело — и цены снижали.
И текли, куда надо, каналы,
И в конце — куда надо — впадали...*

Не за пресловутых 20 лет, а за 10 лет страна по-настоящему встала с колен после страшной военной разрухи. Люди год от году начинали жить лучше. И одевались лучше. Поскольку гордились своей страной, могли и моде своей следовать. Именно своей. В начале 50-х были модны «клеши»: брюки должны были быть шире обуви спереди и сзади. И «подметать» землю. На западных снимках той поры эта тенденция не выявлена: это — наше поветрие. И представьте себе чувства модника, когда всего через год-два появилось новое поколение в «уродливых» брюках-дудочках: надо перешивать свои «клеши»?! Думается, и этим психологическим моментом отчасти объясняется кампания против стилияг, остроту которой так усердно раздувают нынешние «либералы». Впрочем, для этой кампании были и другие весомые причины из области социальных отношений.

Но довольно быстро и в Печорах стали ходить в «дудочках» и юбках-бочонках, и в Печорах парни стали бриолинить причёски по Элвису Пресли, и девушки стали но сить «конские хвосты». Прокатилось время стилияг, мелькнули подражатели битников. С рок-н-роллом, правда, не заладилось, но твист танцевали поголовно. И летку-еньку, и шейк. Много чего ещё интересного в моде и отношении к жизни было, но об этом — в следующий раз...

Смирнова Т.Г.,
ГБНОУ «Санкт-Петербургский
городской Дворец творчества юных»,
e-mail: tatyana.g.smirnova@gmail.com

Ладыгина З.В.,
ГБОУ средняя школа № 181
Центрального района
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: zoailadi@mail.ru

**ПО СТРАНИЦАМ ВОСПОМИНАНИЙ РУДОЛЬФА РУДЗИТА
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ПСКОВСКОГО КРАЯ**
(на материалах Музея истории школы № 181 Санкт-Петербурга)

Средняя школа № 181 Центрального района является одним из старейших средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Её история ведёт свой отсчёт с 1823 года, когда в период царствования императора Александра I в двухэтажном казённом доме на Гагаринской улице была открыта Санкт-Петербургская мужская классическая гимназия. В 2023 году она отмечает свое 200-летие. В своё время гимназию окончили педагог и методист В.Я. Стоюнин (1846 г.), литератор, педагог и общественный деятель В.П. Острогорский (1858 г.), Д.И. Писарев, публицист, литературный критик, переводчик, революционер-демократ (1856 г.), В.Д. Набоков, юрист и политический деятель (1887 г.), В.А. Оппель, выдающийся хирург, основатель научной школы военно-полевой хирургии (1891 г.).

Среди выдающихся выпускников гимназии крупные и заметные деятели в различных сферах науки и техники — такие, как Б.В. Старк, учёный-металлург, член-корреспондент АН СССР (1902 г.), А.М. Журавский, выдающийся учёный в области прикладной математики (1911 г.), Д.А. Завалишин, крупный учёный в области электротехники, член-корреспондент АН СССР (1918 г.) и М.К. Тихонравов, военный инженер-конструктор, «отец» первого искусственного спутника Земли (1918 г.).

В 2008 году в школе был открыт Музей истории школы. Занимал он тогда только помещения одного из двух бывших классов на четвёртом этаже главного здания школы. Теперь это зал № 1 школьного музея, где расположены постоянная экспозиция, мемориальные стенды и выставки. В 2015 году рядом с ним открылся второй зал музея —

мемориальный и видео, в котором демонстрируются документальные фильмы и презентации о войне и блокаде, о замечательных личностях, бывших воспитанниках школы.

Первый зал знакомит нас с основной экспозицией истории школы: от открытия в 1823 году в здании на Гагаринской улице Санкт-Петербургской мужской классической гимназии — и до школы № 181 Санкт-Петербурга 2008 года. Но так как история учреждения неразрывно связана и с историей нашей страны и нашего города, то в экспозиции музея есть витрины и стенды, посвящённые Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда.

В экспозиционном ряду второго видеозала музея выставлены фотографии воспитанников школы — фронтовиков. Все они погибли на войне, кроме одного. На стенде — фотография выпускника школы 1941 года Рудольфа Германовича Рудзита, уже седого человека со множеством военных наград на груди. А ниже, на полке, в твёрдом переплёте — 40 страниц его воспоминаний о фронтовом пути, написанных Вальтером Германовичем от руки. 9 мая 1994 года он отдал их своей младшей сестре, тоже бывшей ученице 181-й школы, которая после смерти брата, в 2001 году, передала их в школьный музей.

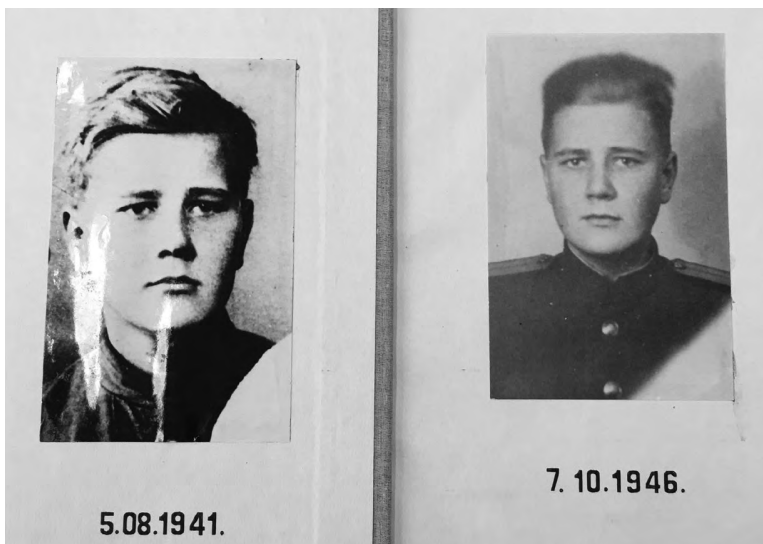
Р.Г. Рудзит — главный конструктор и ветеран

Братья Вальтер и Рудольф Рудзиты — выпускники школы, соответственно, 1939 и 1941 годов. Сведения о выпускниках школьный музей получил от их младшей сестры Маргариты Германовны, тоже учившейся в школе перед войной. Росли они в хорошей, интеллигентной, дружной семье.

Вальтер с фронта не вернулся — погиб на Невском пятачке в феврале 1942 года. Младший брат Рудольф окончил школу в июне 1941 года, получил аттестат с отличием и мог поступать в Политехнический институт без вступительных экзаменов. Но 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В конце июля «после ночного дежурства в заводском отряде МПВО на «Киногенераторе» — получил две повестки — одна приглашала меня на собеседование с ректором Политехнического института о зачислении в институт, другая — из Райвоенкомата — предлагала «явиться к 6.00 для отправки в часть». Обе повестки были на 7 августа», — вспоминает Р. Г. Рудзит. Конечно, наш герой пошёл на фронт.

В назначенный день Рудольф с сотнями других своих сверстников, вчерашних школьников, был отправлен в район Лужских оборонительных рубежей. Ему повезло — он прошёл войну от рядового до старшего сержанта без единого ранения. Ходил в разведку во вражеский тыл, работал военным переводчиком, участвовал в освобождении Новгорода, Пскова, воевал в Прибалтике. Был направлен на учёбу в Москву, на японское отделение Восточного факультета Военного института иностранных языков Красной Армии. Довелось ему участвовать в Параде Победы на Красной площади в Москве в сводном учебном полку учебных заведений.

Демобилизовался Рудольф только в 1946 году в звании младшего лейтенанта. После войны Р.Г. Рудзит закончил Политехнический институт и стал инженером. По окончании института работал на заводе более 40 лет, где возглавлял конструкторское бюро. В газете «Рабочий» от 3 сентября 1993 года предприятия «Подъемтрансмаш» (Завода подъемно-транспортного оборудования им. С.М. Кирова) в рубрике «Поздравляем ветеранов войны и труда!» отмечается: «Ветеран Великой Отечественной войны, участник исторического парада Победы на Красной площади, который запечатлён на киноплёнке, ведущий конструктор ОГК Рудольф Германович Рудзит в августе отметил семидесятилетний юбилей своей жизни». Затем шло описание его заслуг и вклада в тяжёлое машиностроение города и страны. Рудзит участвовал в создании порталных и плавучих кранов, контейнерных перегружателей, лебёдок и других машин.

Р. Рудзит до войны и после

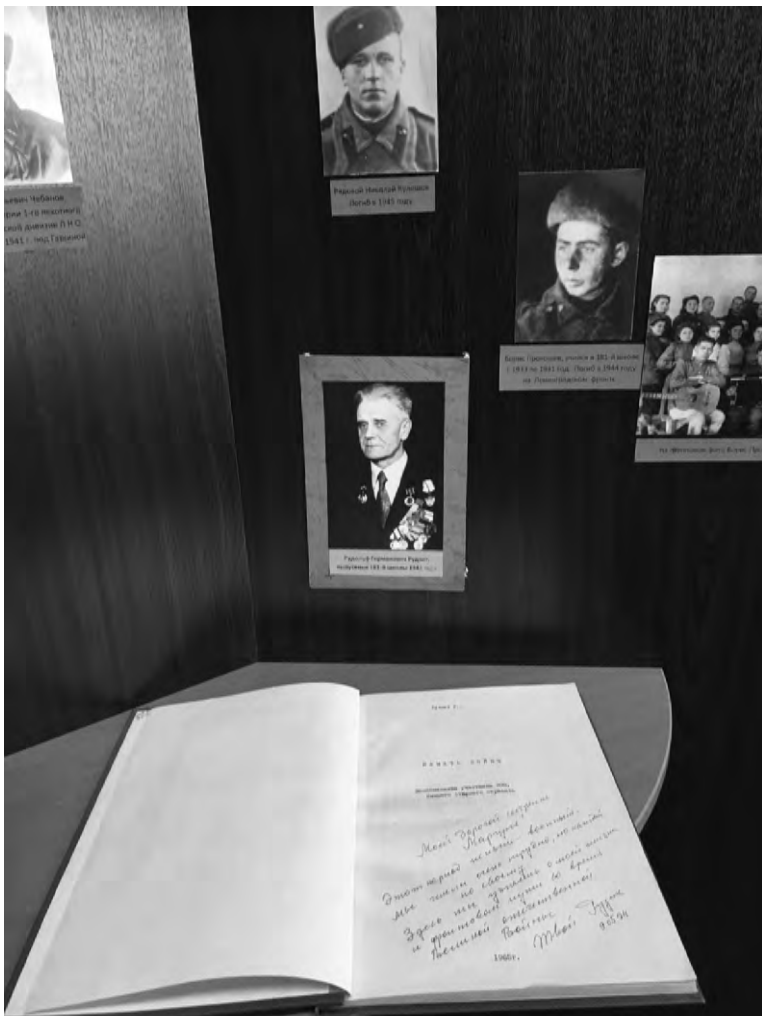
Воспоминания бывшего сержанта представляют собой небольшую книжку в сером переплёте, сброшюрованную, без надписей на обложке.

Книга содержит фотографии автора, сделанные в 1941, 1946 и 1994 годах, набранный на печатной машинке титульный лист с названием «Память войны», указанием фамилии и инициалов автора, его звания в годы Великой Отечественной войны и годом издания воспоминаний. А также дарственной надписью, сделанной от руки: «Моей дорогой сестрёнке Маргуле! Этот период жизни — военный — мы жили очень трудно, но каждый по-своему. Здесь ты узнаешь о моей жизни и фронтовом пути во время Великой Отечественной войны. Твой Рудик. 9.05.94».

Также в книге имеется содержание или оглавление, в которое входят введение и ещё 17 глав. В одиннадцати из них описываются боевые действия на фронте в Ленинградской и Новгородской областях, Пскове и Пушкинских Горах, Псковской области и Прибалтике. В первых главах описываются события первых месяцев войны от выпускного вечера до отправки на Лужский рубеж, в заключительных — учёба в Москве и участие в историческом Параде на Красной площади.

Дороги войны					
год	Прибыл	Убыл	Населенный пункт	Здравств. состояние	Трудовые навыки
1942 год	—	7.08	Ленинград, Дзерж. РВК	4 рота 455 ОСБ рядовой	
	7.08	19.08	Луцкий Рубо, Тамбово		
	19.08	19.08	Гатчина		
	20.08	20.08	Пудково		
	20.08	21.08	Труфан		
	21.08	23.08	Рыбачье		
	23.08	25.08	Мыслино		
	25.08	28.08	Гостининское		
	28.08	30.9	Мыслино		
	30.9	4.09	Зеленец		
	4.09	4.09	Воскресенское		
	28.09	2.10	Юхорк		
	2.10	6.10	Львы		
	6.10	13.10	Колчаново		
	13.10	21.10	Львы		
	21.10	25.10	Прокшицын		
			Тихвин		
			Вологда		
			Грязовец		
			Вологда		
			Тотьма		
	25.10	27.10	Медведево	4 рота 455 ОСБ ст.серж. командир отряда	
	27.10	29.10	Тотьма		
	29.10	15.12	Тотьма		
	15.12	16.12	Козловка		
	16.12	17.12	Срилинское		
	17.12	18.12	Сыряново		
	18.12.41	24.24.2	Сокол		
24.02	2.03	Колчаново			
2.03	3.03	Чернуцкое			
3.03	23.03	Весь			
23.03	6.05	Иссаг	} Строительный ремесельный клас. р. Волхов		
6.05	15.05	Лесной лагерь			
15.05	23.09	Кузнецово			
23.09	16.10	Подберезье			
16.10	19.11	Клишино			
19.11	20.11	Тихвин			
20.11	25.11	Будогощь			
25.11	26.11	Подберезье			
26.11	28.11	Точеево			

«Дороги войны», приложение

Фрагмент экспозиции музея

* Содержание	
1	Введение 0
2	18.6.41 - Вяземской битва 1
3	22.6.41 - Начало войны 1
4	7.8.41 - Луцкий рубеж 3
5	Апрель 1942г - Вяземский мост 7
6	16.4.43 - 15 ^й километр. Первая дзирка 9
7	23.7.43 - Под Новгородом. Забота ОВС 12
8	25.12.43 - В тыл врага 17
9	19.1.44 - Штурм Новгорода 19
10	10.2.44 - Как погиб Суринев 22
11	23.2.44 - Сельцы - Дно. Троснен. Партизаны 24
12	24.6.44 - Восточный вал. Штурм Пскова 26
13	14.7.44 - "Туманские Горы" 28
14	21.7.44 - В Прибалтике 29
15	29.9.44 - На зыбке в Москву 32
16	9.10.44 - В В И К А 34
17	8.5.45 - Накануне Победы 35
18	24.6.45 - Парад Победы 36

Содержание

В конце книги на трёх страницах под заголовком «Дороги войны» автор описал месяц за месяцем, год за годом свой боевой путь с августа 1941 по декабрь 1946 года. Воспоминания написаны от руки, чернилами, на 40 листах альбомного формата. Почерк довольно разборчивый, иногда попадаются перечёркнутые слова и целые фразы.

Во введении Р.Г. Рудзит пишет: «Память не сумела сохранить всех потрясений и событий Великой Отечественной войны. Война сохранилась в памяти, как время молодости нашего поколения, на долю каждого досталось прямо со школьной скамьи шагнуть в войну. В этих воспоминаниях нет описаний героических поступков или ратных подвигов. Здесь отдельные, сохранившиеся в памяти эпизоды войны». Автор пишет о том, что война сохранилась в памяти, как время самых тяжких лишений и потерь в условиях наибольшего физического и духовного напряжения.

Гудэит Р.Г.

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Воспоминания участника ВОВ,
бывшего старшего сержанта

Моей дорогой сестричке
Марушке!
Этот период жизни - военный -
мы жили очень трудно, но каждый -
Здесь ты сможешь о своей жизни
и фронтовой жизни во время
Великой Отечественной войны
Моей Тудуке
3.05.94

1965г.

«Память войны». Титульный лист

6
на шоссе — так легче идти, самолеты ночью
не полетят ^{лишь} ~~не полетят~~. Мы двинулись в сторону
показавшаяся ~~показавшаяся~~. Горело все кругом, сливаясь
по горизонту в непрерывное зарево. Особенно
зловещие плахи ^{были} гудели впереди. Ночью
узнаешь высадить в Батмине авиационный
и подшего склада АВО. Там же обновили
ограничили сирева и добрались наконец
до места бара в парке г. Пушкина.

В парке много изрубленных деревьев, всего
так ~~сидит~~ ^{сидит} ~~прошлый~~ ^{прошлый} ~~близ~~ ^{близ} ~~близ~~ ^{близ}

Транс 17 августа мы выехали к Пушкино
и расположились на северных склонах Пуш-
кинских лесов. Здесь была устроена первая
перекладка, результаты которой оказались
очень неутешительными. За эти 10 дней от
нашего Батмиска осталось ^{около} ~~только~~ 40
тонн.

^{впервые}
Здесь-то мы ^{впервые} оказались свидетелями не-
равного воздушного боя. Один наш истребитель —
"МиГ-17" — оказался зажат между "Мессер-
серами". Он отважно маневрировал, маневрил
высоту, затем снова набирал ее, а гра-
нисты поспешно пытались истребитель
еще в хвост, пытались его сбить. Постепенно
этот воздушный кушак, смещаясь к Неве,
исчез из поля зрения, а прескаты тушево-
ных истребителей продолжали еще доживать...

В Табачном нас погрузили в эшелон,
который направлялся в Виховстрой на
напоминание, передармировку.

Только здесь несколько дней и вспомнил,
это мне уже исполнилось 18 лет во
время нашего перехода из Томска.

Страница воспоминаний

Рудольф Германович Рудзит обращает внимание на то, что в этой книге представлены только отдельные вехи пути солдата в прошлой войне.

Какие же детали и факты, описанные нашим героем, заставляют обратить на себя внимание, связанные с боями и освобождением псковских земель от фашистских захватчиков?

Работа ОЗС

Из воспоминаний мы узнаём, что «командование дивизии решило организовать при Политотделе дивизии группу по пропаганде среди войск противника». Эта группа получила название ОЗС — окопная звуковещательная станция. В эту группу были назначены «майор Скульский — командир группы, младший сержант Пётр Чурилов-радист, рядовой Малеев — обеспечение группы и старший сержант Рудольф Рудзит — диктор станции ОЗС». Вооружение станции состояло из 82 мм миномета, с помощью которого члены группы могли забрасывать немцам через линию фронта листовки с призывами на расстояние до 1 км, и окопной звуковещательной станции — ОЗС. Работа станции обычно происходила в ночное время. П. Чурилов и Р. Рудзит выходили вперёд перед траншеями советской армии, располагались на нейтральной полосе и устанавливали в низине миномёт. После 5–6 выстрелов срочно меняли позицию, смещались вдоль фронта и на 1–2 км в сторону. С новой позиции осуществляли опять по 5–6 выстрелов — и так всю ночь. За одну ночь так удавалось забросить немцам до 10–12 тысяч листовок. «Такие листовки содержали сведения об истинном положении на фронтах, сведения о потерях противника под Сталинградом, а также призывы к немцам и их союзникам прекращать захватническую войну и неизбежности часа расплаты за все злодеяния захватчиков». Автор воспоминаний обращает внимание, что «наиболее интенсивной

эта работа бывала при восточном направлении ветра — листовки заносило ветром не только на передовую к немцам, но и далеко в тыл неприятельских войск».

Но основная работа агитационной группы, в которой служил Р.Г. Рудзит, заключалась в передаче этих же материалов при помощи окопной звуковещательной станции. Эта станция была очень тяжёлой и громоздкой, состояла из блока усилителя, патефона с набором пластинок, репродуктора, направленного действия мощностью 25 Вт и катушки телефонного провода длиной 250 м. Всё это имело ранцевую упаковку, доставлялось всё имущество в заданное место за 2 рейса. «В низинке или канаве солдаты окапывались, разворачивали станцию, а репродуктор выносили вперёд в сторону на всю длину провода и устанавливали его на самом берегу, на бугорке. Каждая передача начиналась для привлечения внимания с проигрывания граммпластинки», а затем Рудзит читал на немецком языке 5-минутное обращение к солдатам и офицерам противника.

Немцы очень не любили темноты и чувствовали себя при этом неуверенно, поэтому они непрерывно освещали местность и реку Волхов ракетами на парашютах. В тихую ночь с той стороны доносилось — «Русс, плати за освещение!». «Через черную гладь Волхова навстречу друг другу тянулись разноцветные живые цепочки трассирующих пуль и снарядов, очень похожие на фоне чёрной воды на цепочки огней фонарей и иллюминации довоенных мостов над Невой».

Как только начиналась передача, всё сразу смолкало, и тишина длилась 5–10 минут. За это время нужно было успеть передать всю информацию. Видимо, когда там появлялись немецкие офицеры, с той стороны обрушивался шквал огня. Часто при этом перебивало пулей или осколком провод к репродуктору. Тогда, дождавшись затишья, группа шла по проводу до репродуктора, устраняла обрывы и продолжала передачу.

«За месяц мы успели побывать на всех участках нашего обширного 30-тикилометрового фронта, попутно устраивая в землянках «концерты граммпластинок» (конечно, не через репродуктор!). Солдаты с удовольствием слушали музыку, и неважно что звучало — «Выйду ль я на реченьку», «Вернись в Сорренто», «Суд Париса», «Кармен» или I концерт Чайковского». В любом блиндаже наши ребята были желанными гостями. От них узнавали новости, «что у соседней», часто они первыми приносили сводки Совинформбюро и из дивизии доставляли письма.

Рудольф Рудзит также обращает внимание на то, что «значительная часть немецких снарядов (~15±20%) не взрывалась. После нара-

тающего воя был слышен жирный шлепок, земля ходила ходуном, а разрыва снаряда не происходило. Мы не знали тогда, кому мы были этим обязаны — болотам, которые амортизировали удар или нашим «союзникам», работавшим в фашистской промышленности».

Кроме того, он приводит факт использования в военных действиях советской армией аэросаней. Немцы были ошеломлены: «пленные немцы показывали, что они попали под действие «нового, секретного оружия русских», при приближении гула непонятого оружия оставляли первую линию своей обороны. Рудзит пишет: «Появилось большое количество аэросаней, мы погрузились по 10–12 чел. в каждую машину и в сплошном рёве моторов и снежном вихре промчались по Мсте, пересекли Ильмень и высадились у дер. Самокража». Ранее такая же аналогичная десантная операция была проведена К.А. Мерецковым на Карельском фронте.

Аэросани

23 февраля 1944 года, «овладев Шимском, мы выбили немцев из Угощей, Сольцов и вышли на железную дорогу Сольцы–Дно, захватили необычный трофей». «Это был самый обычный паровоз в сцепе со специальной очень тяжелой платформой. На платформе был закреплен крюк-нож, вроде гигантского рыболовного крючка, укрепленного цевьем вдоль платформы по середине колеи. При движении паровоза этот крюк-нож опускался, поддевал шпалы снизу и переламывал их как спички».

Путеразрушитель

Для восстановления такой дороги требовалось заменить все шпалы, а на это требовалось много времени. Р. Рудзит вспоминает: «Нам и раньше встречались изуродованные при отступлении немцев дороги, но мы не знали, как они это делают. Оказалось, что для этого они создали специальную машину».

С волнением и негодованием автор описывает, как фашистские войска обошлись с Пушкинским Заповедником: «В Святогорском монастыре группы битого кирпича, воронки, изуродованные деревья и таблички «разминировано». Памятник на могиле А. С. Пушкина был подготовлен к уничтожению, но взорвать его фашисты не успели — либо помешали партизаны, либо очень торопились унести ноги. На белом мраморном обелиске были привязаны проволокой круглые противотанковые мины, в нише рядом с урной — несколько противотанковых мин. У гранитного постамента за ... решеткой лежали крупные авиабомбы...

Так фашисты собирались надругаться над святыней русского народа, навсегда уничтожить память о нашем великом поэте. От всего Пушкинского Заповедника не осталось ни одного строения. Даже единственную подлинную реликвию — «домик няни», построенный в пушкинские времена, они сожгли, повалили взрывчаткой вековые липы в парке, устроив завалы по дорожкам...».

Здесь Рудзит говорит о том, что впервые столкнулись с немецкой новинкой — деревянными минами: «Ночью была гроза с сильным ливнем и на песчаных дорожках мы обнаружили странное проседание песка — как будто кто-то делал ступеньки на косогорах». Это были мины. «Они представляли собой деревянный пенал длиной около 800 мм со множеством взрывателей — натяжного, нажимного, ударного действия. Они были опасны не только из-за высокой чувствительности, но и, особенно, потому, что их нельзя было обнаруживать миноискателями. Они были немагнитные и обнаруживали их по запаху тола только специально обученные собаки. В первое время на них подорвалось много наших солдат».

В воспоминаниях старшего сержанта есть факты жестоких, nepoCTИЖИМЫХ вещей, которые совершали фашисты: «21 июля 1944 г. После боёв за Опочку и Красногородское мы пересекли шоссе Псков–Резекне и через деревню Гавры у станции Пундуры вышли к нашей старой государственной границе с Латвией». А дальше следующие факты: при отступлении по утрам поджигали хутора, в ДОТах приковывали цепями за ноги к стене своих солдат, с патронами, фауст-патронами и едой в изобилии. Оставляя, фашисты запугивали их «жестокостью» большевиков, они должны биться насмерть — это были «смертники».

Святогорский монастырь заминирован

Деревянная мина

Поспешно отступая, фашисты находили время на всякие «ловушки»:

«Нам стало известно, что в одном хуторе они угнали всё население и оставили в доме в кроватке беспомощного грудного младенца. Наши солдаты вошли в дом и хотели взять ребенка — раздался взрыв и все подорвались. Кроватка была заминирована», — свидетельствует автор.

Уходя, «фрицы» отравляли продукты, вино, колодцы... Двери домов и половицы при входе в дом они также частенько минировали.

Есть и такая запись сержанта: «В то время я был передан в разведроту, и мне приходилось видеть и узнавать об этом (о зверствах) одному из первых. Я уже не помню, где это было, но однажды мы натолкнулись на большой каменный сарай, в котором фашисты заперли около 300 человек местного населения, облили сарай бензином и сожгли всех заживо...».

В записях есть и такие факты: «После освобождения наших территорий, возвращались домой и партизаны, а вместе с ними женщины

и дети с нехитрым имуществом на саночках шли к своим освобожденным деревням, многих из которых уже не было». За день до отступления специальные «команды» гитлеровцев поджигали деревни, бани, сараи и гумна, взрывали мосты, отравляли колодцы или забрасывали их падалью — таков был педантично разработанный план превращения нашей земли в пустыню. «Бывшие деревни можно было узнать по скоплениям обгоревших и закопченных труб, сиротливо торчавшим журавлям колодцев, да кое-где сохранившимся изгородям. Над пожарами стоял смердный запах гари, печёной картошки, падали — это запах войны и фашизма». Р.Г. Рудзит вспоминает: «На пути отступления фашистов нам непрерывно попадались взорванные мосты, завалы на дорогах из подорванных толлом деревьев, заминированные участки».

В этой связи актуальны и значимы, как никогда, слова бывшего ученика школы о том, что «война для солдата — это прежде всего труд, очень тяжкий, ежедневный и еженощный, в самых сложных и трудных условиях, когда солдат должен делать своё дело, даже когда ему не хватает сил, и кажется, что сделать уже вообще ничего нельзя».

В завершение хочется отметить, как дороги самому автору и как бесценны для нас эти столь подробные в деталях, врезавшиеся в его память на всю жизнь эпизоды боевого пути — воспоминания, которые Рудольф Германович Рудзит оставил грядущим поколениям.

Сафонова Н.А.,
Городской Дворец творчества юных,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: klubturi@yandex.ru

УЧАСТИЕ ВОСПИТАННИКОВ ГОРОДСКОГО ДВОРЦА ТВОРЧЕСТВА ЮНЫХ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ «ОТЕЧЕСТВО»

Туристско-краеведческое движение обучающихся Российской Федерации «Отечество» утверждено заместителем министра общего и профессионального образования Российской Федерации 8 декабря 1998 г. и председателем Союза краеведов России 7 декабря 1998 г.

Цели и задачи движения:

- совершенствование организации и содержания обучения и воспитания подрастающего поколения средствами туризма и краеведения;
- воспитание у школьников патриотизма, бережного отношения к природному и культурному наследию родного края;
- приобщение учащихся к краеведческой и поисково-исследовательской деятельности;
- сохранение исторической памяти; совершенствование нравственного и физического воспитания обучающихся.

Программы туристско-краеведческого движения «Отечество»:

1. Родословие.
2. Малые города России.
3. Летопись родного края.
4. Земляки.
5. Природное наследие.
6. Экология.
7. Культурное наследие.
8. Исчезнувшие памятники России.
9. Исторический некрополь России.
10. Этнография.
11. Археология.
12. Литературное краеведение.
13. Военная история России.
14. Великая Отечественная война.
15. Дети и война.
16. Поиск.

17. Юные геологи.
18. История детского движения.
19. Школьные музеи.
20. К туристскому мастерству.

Работая по той или иной программе движения «Отечество», юные туристы-краеведы проводят исследовательские походы и поисковые экспедиции, разрабатывают туристско-краеведческие маршруты, составляют географические и иные описания, фиксируют воспоминания старожилов и свидетелей исторических событий, пишут краеведческие очерки, собирают документальные и вещественные памятники для школьных музеев.

Как правило, итоги работы участников движения подводятся на слётах и конференциях, олимпиадах и конкурсах, проводимых на разных уровнях — от школьного до всероссийского.

Приходится с сожалением констатировать, что в исследовательской работе учащихся, проводимой в рамках движения «Отечество», нередко происходит отрыв краеведения от туризма: учащиеся ограничиваются изучением избранной темы по литературным источникам, материалам архивов и музеев, в то время как специалисты сходятся во мнении, что настоящее краеведческое исследование невозможно без использования активных форм добывания знаний, без проведения тщательно продуманных и достаточно длительных полевых экспедиций.

В Положении «Об организации туристской, краеведческой и экскурсионной работы в общеобразовательной школе», утверждённом ещё приказом Министерства просвещения СССР № 190 от 15.10.85 г., в пункте 1.3 дан перечень, состоящий из 18 форм такой работы: экскурсии, прогулки, походы, многодневные путешествия и экспедиции, кружки, секции, клубы, викторины, конкурсы, слёты, соревнования, выставки, музеи и даже просто уроки с использованием краеведческих материалов по предметам школьной программы. Этот перечень можно дополнить ещё и такими формами, как туристские лагеря, учебно-тренировочные сборы, семинары, игры, смотры готовности. Но и теперь его нельзя считать полным и окончательным: возможны, наверное, и ещё какие-то формы, пока не рождённые практикой, но которые родятся в будущем. Все эти разнообразные формы и составляют содержание туристско-краеведческой деятельности школьников.

Концепция туристско-краеведческой деятельности (ТКД) учащихся была разработана авторским коллективом во главе с доктором педагогических наук А.А. Остапцом-Свешниковым. Основные её положения:

– освоение окружающего мира средствами туристско-краеведческой деятельности осуществляется по принципу расширяющейся и углубляющейся спирали: от своей семьи, дома — к родному краю и другим регионам Отечества; от созерцания-ознакомления — к научному исследованию действительности;

– структурной основой любого туристско-краеведческого мероприятия является туристско-краеведческий цикл (подготовка, проведение и подведение итогов); связанные между собой циклы создают круглогодичную систему этой деятельности;

– на каждый туристско-краеведческий цикл ставится комплекс воспитательно-образовательно-оздоровительных задач, ориентированных

– на гармоничное развитие личности учащихся;

– реализация принципа самодеятельности и самоуправления осуществляется через подсистему туристских и краеведческих постоянных и временных (дежурных) походных должностей, имеющих определённый функционал жизненно важных обязанностей;

– функционирование подсистемы воспитательного воздействия: туристско-краеведческих традиций, законов, правил и норм, воспитание на истории, культуре и природе своей Родины;

– открытость, гибкость, вариативность системы, демократичность её построения (доступность любому учителю и ученику).

Чёткое понимание сущности концепции необходимо всем работникам школ и учреждений дополнительного образования, так как только при этом можно целесообразно, педагогически грамотно и с максимальной пользой применять различные формы и нормы туризма к разным контингентам детей.

Воспитанники Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных, а именно туристско-краеведческий клуб «Тури», уже более 5 лет участвуют в детской эколого-краеведческой экспедиции в Тверской области «Селигер. Живая природа». Именно там приобретает опыт участия в конкурсных краеведческих испытаниях.

Экспедиция проводится на озере Селигер более 25 лет в районе деревни Светлица с конца июля до середины августа. Команды туристско-краеведческой и эколого-краеведческой направленности собираются из разных регионов страны. Руководитель экспедиции — заведующий сектором краеведения Федерального Центра детско-юношеского туризма и краеведения Александр Григорьевич Озеров. Экспедиция работает по нескольким направлениям.

Туризм: проходят соревнования по технике пешеходного туризма, ориентированию, туристским узлам; также занятия по водному туризму, где ребят учат технике гребли на байдарках. После курса обучения организуются водный поход и соревнования.

Краеведение: сначала учебные занятия по описанию музейного и краеведческого объекта. Затем выход на объекты, которые необходимо описать; камеральная обработка материала — и работы сдаются в жюри. В разделе *Экология* каждая команда готовит экологическую тропу. Во время прохождения маршрута участники рассказывают об интересных или редких природных объектах.

Таким образом, выполняя конкретные задания по различным направлениям, юные туристы-краеведы получают опыт туристско-краеведческой и экологической деятельности.

Женская гимназия, ныне — Дом детского творчества, где проходили заседания секций Чтений

Кобызь К.В.,
Комитет по реализации программ
приграничного сотрудничества и туризма
Администрации гор. Пскова
e-mail: Kobyzkv_@mail.ru
Белов Г.О.,
e-mail: Go.belov@pskovadmin.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ УСАДЬБЫ БЕКЛЕШОВА В ПСКОВЕ

Вот уже более полутора лет, прогуливаясь по набережной реки Великой, туристы и жители города Пскова непременно обращают внимание на небольшое двухэтажное здание с красной крышей в стиле позднего классицизма — это отреставрированная в 2021 году усадьба Беклешова Н.А.

Прежде, чем перейти к истории реконструкции усадьбы, стоит отметить, что город Псков, как известно, обладает богатым культурным и историческим наследием. Помимо очевидных преимуществ (формирование уникального образа города, привлекательного для туристов), это обстоятельство создает и определённые вызовы, главный из кото-

рых — проблема сохранения и приспособления объектов культурного наследия к реалиям современного города. Также одна из характерных черт Пскова — его приграничное положение. Во все времена это создавало как угрозы, так и большие перспективы. И в настоящее время этот фактор предоставляет городу возможность для участия в различных инвестиционных программах приграничного и трансграничного сотрудничества.

Тем и интересен дом Беклешова, что он является объектом культурного наследия регионального значения («Усадьба городская Беклешова Н.А. Жилой дом (Первое здание Псковской губернской гимназии)»), восстановленным в рамках крупномасштабного проекта Программы приграничного сотрудничества «Россия-Латвия» на период 2014–2020 годов.

Но почему было принято решение реконструировать именно это здание? Одна из причин — богатая история усадьбы. История дома восходит к XVIII веку. В конце столетия деревянный дом с каменными сводчатыми погребями был продан Николаю Андреевичу Беклешову, псковскому дворянину и боевому офицеру, назначенному впоследствии псковским гражданским губернатором¹. В 1793 году он провёл здесь капитальный ремонт. Средневековые цокольные этажи стали частью подвальных помещений нового дома. Над новообразованным каменным зданием надстроили новый деревянный жилой этаж. В 1817 году дом стал первым собственным зданием Псковской губернской мужской гимназии — она располагалась здесь до середины XIX века. Именно в этот период, с 1827 по 1833 год, в гимназии учился будущий известный график, иллюстратор «Мертвых душ» Н.В. Гоголя Александр Алексеевич Агин². После строительства главного здания гимназии в 1855 году «дом старой гимназии» заняли пансион, квартиры преподавателей и канцелярия. В начале XX века, во время Первой мировой войны, во флигеле разместили лазарет Алексеевской общины Псковского отдела РОКК, с августа 1915 г. дом передали штабу Северного фронта, а флигель — телефонной станции фронта. Дом пострадал во время Великой Отечественной войны и после ремонта длительное время использовался под жильё. Впоследствии в нём разместились различные организации, магазины.

¹ Левин Н.Ф. «Дом старой гимназии» // Псковский летописец: краеведческий альманах / гл. ред. Т.В. Вересова. — Псков ; Москва. № 1 (8)/2013. — С. 67–68.

² Псковская земля. История в лицах. «Сии бо люди крылати...» / Под ред. Т.В. Вересовой. — Москва: Северный паломник, 2007. С. 156–157.

На начало 2010-х годов здание находилось в явно неудовлетворительном состоянии и портило общий вид исторического Пскова. Крыша над основным объёмом здания была вальмовая, над юго-восточным крылом — двускатная, что нарушало симметрию композиции западного фасада и общий исторический облик усадьбы. Кроме того, из-за многочисленных протечек кровля и чердачное перекрытие находились в аварийном состоянии. На основании акта Межведомственной комиссии от 16.05.1990 № 120, постановления Администрации города Пскова от 04.08.2010 № 1692 дом признан аварийным.

Работа Администрации города Пскова началась в 2012 году с расселения оставшихся жильцов и выкупа помещений, принадлежащих бизнесу. В 2015 году вопрос реконструкции усадьбы Беклешова был включён в Программу приграничного сотрудничества «Россия-Латвия» на период 2014–2020 годов. Ключевым моментом является то, что решено было не просто реконструировать историческое здание, но и приспособить его под городской туристский информационный центр и дом творческих индустрий.

В 2016 году была начата разработка соответствующей научно-проектной документации (муниципальный контракт с ООО «Августина» от 7 октября 2016 г.), а также долгая и кропотливая работа по получению необходимых согласований³. Весной 2017 г. уже был подготовлен проект реконструкции здания. Однако Программа приграничного сотрудничества не смогла стартовать в 2017–2018 году, как изначально планировалось. Виной тому стало длительное согласование программных документов между странами-участниками. По этой причине к моменту начала реконструкции в 2019 году состояние дома стало ещё хуже (после расселения помещения не отапливались, из-за чего погодные условия ещё сильнее воздействовали на старинное здание). Если первоначально планировалось заменить 20% сруба, то к началу работ замене подлежали уже все 50%.

Сама реконструкция усадьбы стала частью крупномасштабного проекта «Сохранение и продвижение культурного и исторического наследия в России и Латвии» (LV-RU-002 HERITAGE). Основными мероприятиями проекта были: реконструкция дома Беклешова Н.А. в Пскове, открытие Туристского информационного центра, магазина ремесленных изделий, художественной галереи и выставочного центра, а также аналогичная реставрация двух объектов в Даугавпилсе и Цесвайне. Кроме того, в рамках проекта предполагались разработка и продвижение приграничного туристического маршрута, организация трёх международных мероприятий по продвижению, разработка туристических брошюр, организация учебных семинаров для специалистов по туризму и маркетингу⁴. Партнёром со стороны России стала Администрация города Пскова — в частности, Комитет по реализации программ приграничного сотрудничества и туризму, а также Управление строительства и капитального ремонта. Период реализации про-

³ Псков на «экваторе» проекта // Администрация города Пскова. – URL: <http://ps.pskovadmin.ru/news/8511> (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ LV-RU-002 HERITAGE // Администрация города Пскова. – URL: http://ps.pskovadmin.ru/prigranichnoe_sotrudnichestvo_PPS_RL (дата обращения: 10.09.2022).

екта должен был составить 36 месяцев (с мая 2019 г. по апрель 2022 г.). Общий бюджет проекта: 3,47 млн. евро (софинансирование Программы — 3,12 млн. евро). Бюджет Администрации города Пскова: 688,9 тыс. евро, из которых софинансирование Администрации города Пскова должно было составить 10%.

Работы по реконструкции усадьбы начались в 2019 году. В июле был получен первый авансовый платёж по проекту и проведён конкурс по закупке услуг на реконструкцию объекта. Подрядчиком стало ООО «Августина», с которым 21 октября 2019 года был заключён муниципальный контракт⁵. 20 ноября начались работы по демонтажу здания. Все работы по реконструкции планировалось закончить в декабре 2020 года⁶.

В дальнейшем подрядчиком проводились подготовительные работы по устройству полов 1 этажа, ремонтно-восстановительные работы цокольной части здания, ремонт отдельных мест кладки стен, устанавливались стропила для крыши, прокладывались необходимые коммуникации, производилась обшивка фасада, внутренняя отделка помещений и другие мероприятия.

Но ещё до окончания работ Комитетом по реализации программ приграничного сотрудничества и туризму была организована работа по будущему наполнению туристского информационного центра⁷. Были проведены фокус-группы с предпринимателями туристской сферы, на которых обсуждалось, каким образом они хотят сотрудничать с туристско-информационным центром, какая информация будет востребована у посетителей; рассматривались варианты сотрудничества с ресторанами, кафе и турфирмами. Таким образом, Администрация учитывала предложения бизнеса и горожан, вовлекая их в создание этой структуры.

Все этапы реализации проекта сопровождалась работой по информированию населения о ходе реализации проекта, его целях и планируемых результатах в сети Интернет — в частности, на странице Комитета по реализации программ приграничного сотрудничества и туризму, а также размещались публикации в СМИ.

⁵ Итоги 1 периода по крупномасштабному проекту // Администрация города Пскова. – URL: <http://ps.pskovadmin.ru/news/8107> (дата обращения: 10.09.2022).

⁶ Запомните его таким. Дом с богатой исторической судьбой в Пскове скоро получит вторую жизнь // прессапарте. – URL: <https://pressaпaрте.ru/news/gorod/2074/> (дата обращения: 10.09.2022).

⁷ Псков на «экваторе» проекта // Администрация города Пскова. – URL: <http://ps.pskovadmin.ru/news/8511> (дата обращения: 10.09.2022).

Естественно, что, как и при реализации любого другого проекта, были предварительно просчитаны возможные риски. Среди основных можно назвать: неудовлетворительное проведение закупочных процедур, перерасход средств по причине инфляции и ошибок в планировании, дополнительные работы из-за ошибок в технической документации или невозможности исследовать историческое здание без его разрушения. Однако реальные проблемы, с которыми пришлось столкнуться в ходе реализации проекта, никто не смог предвидеть. В первую очередь, речь идёт о пандемии коронавируса и связанном с ней локдауне в 2020 году. Закрылись многие производства, замедлились поставки. Всё это привело к тому, что вместо ранее намеченного срока (декабрь 2020 г.) работы завершились на несколько месяцев позже.

Но, несмотря на непредвиденные трудности, реализация проекта продолжалась. Весной 2021 года была закуплена мебель для ремесленных мастерских и офисных помещений ТИЦ, а также гончарное оборудование и ткацкий станок⁸. К апрелю дом уже был полностью восстановлен, были закончены внутренние работы, подключены коммуникации. Оставались финальные штрихи: покраска каменной части фасада и благоустройство территории вокруг усадьбы. К маю означен-

⁸ Новая мебель для обновлённой усадьбы // Администрация города Пскова. – URL: <http://ps.pskovadmin.ru/news/9622> (дата обращения: 11.09.2022).

ные работы были завершены. А вскоре, 4 июня, состоялось открытие расположенного в Доме Беклешова МАУ «Центр туризма и творческих индустрий Пскова»⁹.

Реконструкция усадьбы Беклешова была завершена, но продолжалась реализация других проектных мероприятий. Так, 29 сентября 2021 г. в Центре туризма и творческих индустрий Пскова прошёл Международный семинар в смешанном формате (онлайн и оффлайн) по обмену лучшими практиками работы туристских центров в России и Латвии. Официально проект должен был завершиться в апреле 2022 года, однако случилось ещё одно непредвиденное обстоятельство. По причине политической ситуации в мире в начале марта Европейский Союз в одностороннем порядке приостановил участие России в Программе приграничного сотрудничества «Россия-Латвия», соответственно были приостановлены и все проекты, действующие в рамках этой Программы¹⁰. Одним из негативных последствий этого решения стало то, что часть грантовых средств, предназначавшихся российской стороне, была заморожена (при том, что все грантовые обязательства на тот момент были выполнены в полном объёме).

Подводя итог всему вышесказанному, перед нами предстаёт опыт успешной реконструкции объекта культурного наследия и приспособления его к современным реалиям. Старое покосившееся здание, уродовавшее облик города, вернуло себе статус одного из самых примечательных мест исторического центра города. А открытый в Доме Беклешова Центр туризма и творческих индустрий продолжает успешно функционировать, предоставляя информационные услуги туристам и гостям города, оснащённые площадки для ремесленников, выставочное пространство, а также площадку для проведения бизнес-конференций и форумов. Популярностью пользуются проходящие в усадьбе интерактивные экскурсии, краеведческие лекции и лекции на тему туризма; также интересным опытом стал «блошиный рынок», организованный по инициативе горожан на территории усадьбы летом 2022 года.

Кроме того, восстановленный Дом Беклешова — это ещё и наглядный пример успешного участия Пскова в программе приграничного сотрудничества. Но пример этот — далеко не единственный. Администра-

⁹ Открытие туристского информационного центра // Администрация города Пскова. – URL: <http://ps.pskovadmin.ru/news/9823> (дата обращения: 11.09.2022).

¹⁰ Participation of Russia in the Programme is suspended // CBC programme – Cross-Border Cooperation Programme – URL: <https://latruscbc.eu/latvia-russia-cbc-programme-is-suspended/> (дата обращения: 11.09.2022).

цией города Пскова накоплен богатый опыт в ходе успешного участия в четырёх программах приграничного сотрудничества, в рамках которых было реализовано большое количество проектов, оказавших позитивное влияние на устойчивое развитие города и на улучшение качества жизни горожан. Несмотря на то, что по независящим от неё причинам, сотрудничество с Латвией, Эстонией и другими европейскими странами было прекращено, Администрация города Пскова готова к осуществлению новых проектов в кооперации с соседями и партнёрами.

ИСТОЧНИКИ:

1. Participation of Russia in the Programme is suspended // CBC programme – Cross-Border Cooperation Programme – URL: <https://latrus-cbc.eu/latvia-russia-cbc-programme-is-suspended/> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Администрация города Пскова. – URL: <http://pskovadmin.ru/> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Запомните его таким. Дом с богатой исторической судьбой в Пскове скоро получит вторую жизнь // прессапарте. – URL: <https://pressaпарте.ru/news/gorod/2074/> (дата обращения: 10.09.2022).
4. *Левин Н.Ф.* «Дом старой гимназии» // Псковский летописец: краеведческий альманах (гл. ред. Т.В. Вересова). – Псков; Москва. № 1 (8)/2013. – С. 67–73.
5. Псковская земля. История в лицах. «*Сии бо люди крылати...*» (Под ред. Т.В. Вересовой). – Москва: Северный паломник, 2007. – 480 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Вересова Т.В. Чтения в цифрах и эмоциях... ..	3
---	---

ИМЯ В ИСТОРИИ КРАЯ, РОССИИ

Чернов Р.Г. Судебное дело Дениса Ивановича Фонвизина: заблуждения и факты	6
Васильев В.И. Остров. Гальяры. Судьба... ..	19
Кондибор В.И., Чернов Р.Г. Ктиторская и благотворительная деятельность представителей рода Медунецких	36
Иванова О.В. Дорогой милосердия (К 160-летию открытия М.М. Дондуковой-Корсаковой первой сельской Общины сестёр милосердия)	45
Петровская О.Н. Князь Пётр Витгенштейн, генерал-фельдмаршал: «Чести своей никому не отдам»	68
Аксельрод В.И. Петербургские адреса декабриста Михаила Александровича Назимова	78
Алексеева Л.А., Фёдорова О.И. Наталья Николаевна Пушкина: страницы жизни (Пребывание в Михайловском)	89
Буренков В.А. Остался в истории страны	103
Васильева П.И. Чихачёвы и народное образование	113
Козмина М.А., Короткова Ж.А. Мелкопоместные дворяне Коротовы-Коротковы	123
Бувакин С.В. Филипп Овсянников — известный учёный-физиолог	150
Левин Е.М. Островский часовщик Зелик Левин и его потомки	155

Пуусепп Л.В.	
Судьба людей из старого маминого альбома	167
Поварова Е.А.	
Фёдор Васильев-Ушкуйник — автор путеводителя «Пушкинские уголки Псковской губернии»	183
Косырев В.Н.	
О предках Леонида Зурова из Псковской губернии	199
Кузнецова-Миловидова М.Г.	
Соприкосновение судеб (К 150-летию М.В. Алтаевой-Ямщиковой)	220
Меркурьев П.В.	
Меркурьевы и Остров	231
Антипова М.А.	
Судьбы псковичей. Семья Белокоровкиных. Старшая ветвь	241
Айда А.Б.	
Василий Весский — учитель Клавды Назаровой, Героя Советского Союза	245
Ксенофонтова С.В.	
«В памяти живут люди...». Иван Афанасьевич Васильев	251
Фёдоров А.И.	
Герои и судьбы. Защитники Родины в войнах XX века — уроженцы Стругокрасненского района	261
Савчук И.В.	
Проповеди, застывшие в красках (Памяти протоиерея Георгия Ушакова)	268
КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Вересова Т.В.	
Из истории краеведческого движения на Псковщине	284
Маркелов С.Н.	
Печеряне и их одежда как отклик на вызовы времени	306
Смирнова Т.Г., Ладыгина З.В.	
По страницам воспоминаний Рудольфа Рудзита об освобождении Псковского края	321
Сафонова Н.А.	
Участие воспитанников городского Дворца творчества юных во Всероссийском туристско-краеведческом движении «Отечество» ..	338
Кобызь К.В., Белов Г.О.	
Некоторые аспекты реконструкции усадьбы Беклешова в Пскове	342

Научное издание

ДВЕНАДЦАТЫЕ (XII)
ПСКОВСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том I

*Материалы региональной научно-практической конференции
г. Остров, 7–9 октября 2022 года*

На 1-й стороне обложки — Открытка начала XX века.
На 4-й стороне обложки — участники конференции, 8.X.2022
Фото А.А. Васильевой.

Редактор-составитель: Тамара Вересова
Соредактор (8 статей): Елена Клевцова
Компьютерная вёрстка, дизайн: Елена Богданова

Сборник издан при финансовом участии Администрации
Островского района и Центральной районной библиотеки

Подписано в печать: 05.02.2024. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 22,0.
Тираж 70 экз. Заказ № ****.

Адрес издательства:
620027, Россия, г. Екатеринбург, а/я 313